З. СНИТИЛ · Я. ЦЕЗАР

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1944–1948 гг.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

З. СНИТИЛ Я. ЦЕЗАР

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1944–1948 гг.

Перевод с чешского
Д. С. ПРАСОЛОВА

Ответственные редакторы
доктор исторических наук
И. И. УДАЛЬЦОВ
кандидат исторических наук
С. И. ПРАСОЛОВ

МОСКВА «НАУКА»
1986

Монография рассматривает национально-демократическую революцию в ЧСР, ее перерастание в социалистическую; подробно освещаются события февральских дней 1948 г., ставших началом этапа социалистического строительства в стране; анализируются политические и социально-экономические факторы развития чехословацкого общества, революционная ситуация, международная и внутренняя обстановка.

Большой интерес представляет изучение проблем историографии, закономерностей революционного процесса, его общих и специфических черт.

Для широкого круга читателей.

С. $\frac{0802010100\text{-}238}{042\,(02)\text{-}86}$ 46-86-111

© Издательство «Наука», 1986 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблематике революции 1944—1948 гг. в Чехословакии и событиям, развернувшимся в связи с ней в стране и во всем мире, уделялось довольно большое внимание. Отношение к ним выразили по сути дела все: ведущие представители чехословацкого и международного революционного движения, главные государственные деятели империалистического мира, лидеры правых и реакционных политических группировок в Чехословакии.

Важные события того времени не забывались и позднее. Можно сказать, что они стали вечным уроком, примером принципиального, революционного решения классовых конфликтов в экономически развитой стране, в конкретных условиях революционной ситуации, возникшей в конце войны и в первые послевоенные годы.

В течение более чем трех десятилетий после Победоносного Февраля 1948 г., проблематика революции закономерно остается предметом неослабевающего интереса чехословацкой и зарубежной историографии. В Чехословакии и за ее пределами опубликованы работы, в которых рассмотрены и конкретные события, и разные теоретические проблемы национально-демократической революции, ее перерастания в революцию социалистическую. Уделялось внимание и принципиальным событиям в международной жизни в годы второй мировой войны и после ее окончания, аналогичным революционным процессам в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а также в ряде регионов азиатского континента.

В целом, эта литература отражает идейные позиции, с коих буржуазная и марксистская историография оценивает исторические события. В некоторых работах, опубликованных в Чехословакии, особенно в 1960-е годы, весьма заметны ревизионистские, правооппортунистические влияния. В них умышленно искажались значение и смысл чехословацкой революции 1944—1948 гг., отрицалась общезначимость объективных закономерностей перерастания национально-демократического этапа революции в революцию социали-

...буржуазной историографии, ревизионисты пытались отстаивать некую искусственно сконструированную модель так называемого чехословацкого социализма. Поползновения такого рода подвергла убедительной критике чехословацкая марксистская историография в трудах, опубликованных в 1970-е годы.

Наличие обширной литературы, посвященной данной проблематике и наиболее важным аспектам конкретного развития в рассматриваемый период, позволило нам в настоящей работе сосредоточить усилия на комплексной оценке основных вопросов чехословацкой революции 1944—1948 гг., в первую очередь тех явлений и событий, которые сыграли принципиальную роль в выполнении задач национально-демократической революции и обеспечили переход к социалистической революции. Исследование обозначенного круга проблем, общего и специфического в революционном процессе, развернувшемся в Чехословацкой Республике, может содействовать изучению важных аспектов возникновения социалистической системы и ее роли в современном мире.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ФАШИЗМА И РЕАКЦИИ

Исторические события, происходившие накануне и в годы второй мировой войны и в послевоенный период в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, своими корнями уходили в предшествующий период. Коренные изменения в мире были порождены многолетней борьбой прогрессивных и революционных сил против фашизма.

В значительной степени они были плодами новой стратегической концепции революционного движения, разработанной перед войной Коммунистическим Интернационалом и видоизмененной отдельными коммунистическими партиями применительно к конкретным условиям своих стран.

В становлении новой стратегической концепции мирового революционного движения первостепенную роль сыграл VII Конгресс Коммунистического Интернационала. Этот Конгресс совершенно ясно показал, что в период обостряющегося общего кризиса капитализма и роста массового революционного движения влиятельные группы правящей буржуазии и монополистического капитала во всех странах все более однозначно искали выхода и спасения в фашизме. Эта часть буржуазии стремилась использовать фашизм для проведения репрессивных мер против трудового народа и для подготовки новой империалистической войны, в которой она видела важное средство преодоления растущего революционного кризиса. Поэтому Коммунистический Интернационал подчеркивал, что представители революционного движения во всех странах должны учитывать усиливающуюся реакционность буржуазных политических режимов и угрозу установления и опасность фашизма, уже пришедшего к власти в ряде стран. Фашизм стал международной опасностью, злейшим врагом международного рабочего и демократического движения. Его целью было установление ничем неограниченного господства империалистической реакции и разгром революционных и прогрессивных сил.

XIII Пленум Исполкома Коминтерна указал, что фашистская система представляла собой открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных и шовинистических кругов финансового капитала. Данный вывод подтвердил VII конгресс Коминтерна, подчеркнув в своих решениях: приход к власти фашизма это — не смена одного буржуазного правительства другим; в действитель-

ности это — замена одной формы классового господства буржуазии, буржуазной демократии, открытой террористической диктатурой. Это положение раскрывало несостоятельность сопоставления тех или иных буржуазных парламентских режимов с фашизмом, обнажало принципиальное различие между фашистской диктатурой и буржуазной демократией, показывало трудящимся истинный характер фашистской системы [1].

VII конгресс Коминтерна подчеркнул, что коммунистические партии должны встать «в первые ряды бойцов за национальную независимость и вести освободительную войну до конца, не давая «своей» буржуазии идти на сделку с нападающими державами за счет интересов своей страны» [2].

Коммунисты становились действительными представителями патриотических сил, что давало им возможность разоблачить лицемерность крупной буржуазии, которая, преследуя свои эгоистические классовые интересы, полностью отказывалась от защиты национальных прав, будучи готовой принести собственные народы в жертву фашизму. Именно потому VII конгресс Коммунистического Интернационала и выдвинул эту задачу, указав, что коммунисты, хотя и являются непримиримыми и принципиальными противниками всех видов буржуазного национализма, вместе с тем никогда не станут сторонниками национального нигилизма и пренебрежительного отношения к интересам своего народа. И данный момент отмечали многие представители разных коммунистических партий. Например, руководитель французских коммунистов М. Торез заявил, что Французская коммунистическая партия должна последовательно защищать демократические свободы и общенациональные интересы, революционные и демократические народные традиции, она не может быть безразличной к судьбе своего народа.

Однако такая позиция требовала исчерпывающего объяснения национальных и интернациональных аспектов соответствующей политики. Только так можно было найти правильное решение национального вопроса в отдельных странах и в международном масштабе, действительно отвечающее интересам народа. Коммунисты понимали, что в борьбе за осуществление национальных интересов, особенно после поражения фашизма, в ходе национально-демократических революций, может возникнуть опасность неправильного понимания национальных особенностей и недооценки интернациональных аспектов развивающегося процесса. На VII конгрессе Коммунистического Интернационала в этой связи Г. Димитров подчеркнул: «Пролетарский интернационализм должен, так сказать, „акклиматизироваться" в каждой стране, чтобы пустить глубокие корни на родной земле. *Национальные формы* пролетарской классовой борьбы и рабочего движения отдельных стран не противоречат пролетарскому интернационализму, напротив, именно в этих формах можно с успехом отстаивать и *международные интересы пролетариата*» [3]. Именно потому, что коммунистические партии последовательно стремились к выполнению обеих задач, им во время войны удалось добиться столь знаменательных успехов в национально-освободительной

борьбе — успехов, обеспечивших коммунистам прочные позиции и авторитет в послевоенные годы.

При оценке развития капиталистических стран Коммунистический Интернационал констатировал, что представители крупного капитала все более явно отходят от принципов демократии. Таким образом, перед коммунистами отдельных стран встала задача защиты буржуазно-демократических свобод в союзе с остальными прогрессивными силами, заинтересованными в спасении буржуазной демократии, но еще не воспринявшими суть диктатуры пролетариата.

VII конгресс Коммунистического Интернационала показал, что перед трудящимися всего мира встали неотложные антифашистские и общедемократические задачи, решение которых могло открыть дорогу дальнейшему продвижению вперед. Поэтому нужно было стремиться к созданию условий для развития сотрудничества революционных сил со всеми, кто хотел защищать демократию, мир и социальный прогресс, бороться против насилия и войны.

Буржуазная демократия объективно выгодна — это коммунисты всегда понимали и особенно ценили свободы, завоеванные народными массами в ходе предшествующего исторического развития. Защита и расширение этих свобод неизбежно должны были вести к подрыву позиций наиболее реакционных слоев буржуазии, открывали новые перспективы перед борющимся рабочим классом и всеми трудящимися. В борьбе за общие демократические требования, подчеркивали коммунисты, можно сплотить широкие массы трудящихся, нанести поражение фашизму, ограничить власть капитала и тем самым создать благоприятные предпосылки для развертывания борьбы за социализм.

В 1930-е годы, равным образом как и в послевоенный период, как и ныне, буржуазная пропаганда утверждает, что требование коммунистов о необходимости защиты демократии от фашизма и реакции является всего лишь тактическим маневром, пропагандистским ходом, что в действительности коммунистические партии якобы вовсе не намерены на деле проводить такую политику. Исчерпывающий ответ на эти обвинения в свое время дал В. И. Ленин: «Само́е положение пролетариата, как класса, заставляет его быть последовательным демократом» [4].

Ленин всегда подчеркивал, что борьба за демократию имеет огромное значение, так как она помогает трудящимся подготовиться к решающей схватке с буржуазией; в ее ходе рабочий класс объединяется, налаживает связи со своими союзниками и совместно с ними приходит к убеждению в необходимости добиваться социалистических целей. Таким образом борьба за демократию может превратиться в исходный пункт борьбы за социализм.

Коммунисты могут защищать буржуазную демократию и потому, что эта система создает благоприятные предпосылки для развертывания классовой борьбы, облегчает процесс принципиальной классовой дифференциации и столкновения классовых противоречий. Кроме того, она обеспечивает возможность сравнительно легальной деятельности революционных сил. В ходе борьбы за демократиче-

ские права пролетариат учится руководить массами, развивает союз с крестьянством и городской мелкой буржуазией, постепенно вовлекает значительную часть трудящихся в борьбу за социалистические идеалы. Этот аспект связан с другой ленинской идеей — о завоевании большинства народа на сторону демократии и революции, осуществлении ведущей роли рабочего класса, достижении единства его действий, прочного политического и организационного единства на основах марксизма-ленинизма.

В. И. Ленин, указывая на большое значение борьбы за демократию, напоминал, что пролетариат должен не только защищать буржуазно-демократические свободы, но и стремиться к их дальнейшему расширению. Он отвергал тезис о том, что борьба за демократию будто бы отвлекает пролетариат от социалистической революции. В этой связи он подчеркивал необходимость «развития демократии до *конца*, изыскания *форм* такого развития, испытания их *практикой*» [5].

Ленин указывал на необходимость соединения активной борьбы за демократию и ее расширение с борьбой за социализм. Поэтому В. И. Ленин подчеркивал: «как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию» [6].

Следовательно, полностью воплотить в жизнь демократические принципы на благо всего народа и каждого индивида может только социализм, который устранит фактические препятствия на пути последовательной реализации демократии, вытекающие из экономического неравноправия, присущего капиталистической системе. Поскольку основным содержанием социализма, его главной целью является осуществление подлинных прав человека и освобождение всего общества, то его неотделимая составная часть — идея демократических прав, к реализации которых социализм неизбежно стремится и создает для этого необходимые условия по мере своего развития.

Коммунисты всегда понимали, что основное условие развития революционного движения состоит в достижении совместных действий рабочего класса, пролетариата города и деревни, невзирая на политическую дифференциацию и различия в политическом и классовом сознании. Это единство имело решающее значение в борьбе с капитализмом в целом, его первостепенное значение еще больше возрастало в период борьбы против фашистского угнетения, в движении за освобождение народов и изменение общественного строя.

Поэтому Коммунистический Интернационал выдвинул задачу завоевания большинства рабочего класса для дела революции в качестве основного условия ликвидации капиталистической системы. Эти вопросы рассматривались практически на всех конгрессах Коминтерна и на съездах отдельных коммунистических партий. На VII конгрессе Коммунистического Интернационала Г. Димитров также подчеркнул необходимость достижения единства действий

пролетариата в национальном и международном масштабах, отметив, что рабочих с иными политическими настроениями следует вовлекать в совместную борьбу против фашизма за права пролетариата.

Следовательно, первоочередное значение имело преодоление раскола рабочего класса, а достижение его единства требовало непременного учета конкретных условий в отдельных странах в тот или иной определенный период. Перед коммунистами стояла задача создания единого рабочего фронта, объединения профсоюзов, обеспечения единства действий трудящихся в общих и конкретных вопросах. Поэтому особое значение приобретала борьба за интересы, общие для всех слоев рабочих, за объединение их классовых организаций. Однако коммунисты отвергали предложения о создании единой партии, которые в предвоенные годы вносились некоторыми социал-демократами. При этом коммунисты исходили из ленинской идеи о том, что основной предпосылкой создания единой партии пролетариата является ясное определение политических и идеологических целей, соблюдение революционных организационных принципов, реализация всех основных норм, превращающих партию в подлинный штаб рабочего класса. Коммунисты пришли к выводу, что единую партию рабочего класса можно создать исключительно на принципах марксизма-ленинизма, когда для этого созреет время, т. е. когда представится возможность добиться решающей победы над капитализмом и на повестку дня встанут задачи социалистической революции.

В 1930-е годы коммунистические партии рассматривали социал-демократию как потенциального союзника в борьбе против капиталистического угнетения и эксплуатации. Поэтому они стремились наладить с ней сотрудничество во имя защиты интересов пролетариата. Коммунистический Интернационал пытался развивать контакты с II Интернационалом, а отдельные коммунистические партии налаживали сотрудничество с социал-демократическими партиями, стремились к расширению связей с их функционерами и членами. Однако по сути дела вплоть до победы фашизма в Германии эта политика не приносила значительных успехов.

Только в период усиливавшейся антифашистской борьбы, — примерно в середине 1930-х годов — удалось наладить отношения с некоторыми представителями левых социал-демократов. Правильность такого подхода подтвердила деятельность правительств Народного фронта в Испании и Франции. Это было время, когда более заметно начала проступать дифференциация в социал-демократических партиях. И если некоторые представители их руководства оставались на правых позициях, скатываясь даже до сотрудничества с фашистами, то значительная часть рядовых социал-демократов была несогласна с подобной политикой; требовала последовательной и решительной борьбы против фашизма, защиты демократических прав и национальной независимости всех стран, проявляла желание к расширению контактов и сотрудничества со всеми прогрессивными силами, включая коммунистов.

Поэтому VII конгресс Коммунистического Интернационала мог

констатировать, что в рядах социал-демократии происходит весьма сложный процесс размежевания. По-новому кристаллизовалось правое, реакционное крыло, однако росло и влияние левых сил. Основным водоразделом между этими двумя направлениями стало отношение к единому фронту пролетариата. Учитывая подобное развитие, Коммунистический Интернационал рекомендовал всем коммунистическим партиям помогать левым течениям в социал-демократии, налаживать тесное сотрудничество с ними, поддерживать их инициативу и всей своей деятельностью доказывать, что коммунисты — друзья и союзники прогрессивных сил. Достижение подобного единства действий стало основной предпосылкой сотрудничества в послевоенный период, условием позднейшего создания единой партии рабочего класса.

Коммунисты хорошо понимали насколько важна роль профсоюзных организаций в деле объединения рабочего класса. Они всегда стремились к достижению единства действий в борьбе за удовлетворение социальных и экономических требований рабочих, других пусть частичных, но общих интересов пролетариата. Коммунисты неоднократно, хотя и безуспешно, предлагали реформистским лидерам создать совместные профсоюзные организации, которые стали бы истинными выразителями интересов всего рабочего класса.

Актуальность этой задачи еще более возросла с приходом фашизма к власти, когда на долю пролетариата выпала историческая миссия борца с террористической диктатурой финансового капитала. Достижение единства профдвижения было одной из главных предпосылок укрепления единого фронта рабочего класса. Коммунисты при том не выдвигали иных требований, кроме двух условий: объединенные профсоюзы должны последовательно вести классовую борьбу за интересы пролетариата и соблюдать демократические нормы в профсоюзной жизни. Это полностью отвечало действительным интересам всего рабочего класса.

Усилия, направленные на объединение профдвижения, принесли заметные результаты только в ходе второй мировой войны, когда прогрессивные и революционные силы во многих странах добились создания единых профсоюзных организаций. В послевоенный период объединение профсоюзов было осуществлено в народно-демократических странах. В капиталистических государствах этого не удалось добиться в полном объеме. Тем не менее и там нередко наиболее весомая часть рабочего класса сплотилась в революционных профсоюзах, которые вступили во Всемирную федерацию профсоюзов. После войны единые профсоюзы оказали серьезную поддержку революционным силам, их борьбе с натиском империализма, а в странах народной демократии они активно участвовали в развитии революционного процесса, который перерос в социалистическую революцию.

VII конгресс Коммунистического Интернационала, обсуждая вопросы о единстве рабочего класса, далее подчеркнул, что коммунисты должны использовать все возможности для усиления их влияния на рабочий класс и трудящиеся массы. В этой связи вновь было

указано на значение борьбы за все требования трудящихся, которые могли содействовать улучшению их жизни и, хотя бы косвенно, ослабить капиталистическую систему. Коммунистические партии, следовательно, должны были выдвигать такие тактические лозунги, которые на деле сплачивали бы всех рабочих независимо от их политических взглядов. Прежде всего это означало развивать борьбу за удовлетворение повседневных нужд пролетариата, всех его частичных требований. Только после завоевания доверия подавляющего большинства рабочих и народных масс, коммунистические партии должны были провозгласить новые, качественно более высокие боевые цели и задачи, для которых ранее не имелось нужных объективных и субъективных условий. Такая тактика соответствовала ленинскому определению: «...выработка верных тактических решений имеет гигантское значение для партии, которая хочет в духе выдержанных принципов марксизма руководить пролетариатом, а не только тащиться в хвосте событий» [7].

В. И. Ленин равным образом подчеркивал, что коммунистические партии должны проводить гибкую тактику и быть готовыми к самым быстрым и неожиданным сменам одних форм борьбы другими. Однако в любой ситуации они должны сохранять самостоятельную классовую позицию, последовательно бороться против идеологии и практики классового сотрудничества с буржуазией. В том и заключалась основная предпосылка сохранения верности целям революционного движения, без чего нельзя добиться развертывания борьбы за преобразование общественной системы, за социалистическую революцию.

VII конгресс Коммунистического Интернационала указал также на необходимость завоевания большинства населения в каждой стране, вовлечения его в совместную борьбу против фашизма, за общедемократические цели. Общие цели и общие усилия были призваны сблизить и сплотить пролетариат, крестьянство, городскую мелкую буржуазию и часть демократической буржуазии.

В. Коларов на VII конгрессе, касаясь политики в отношении крестьянства, подчеркнул, что необходимо добиться того, чтобы эта многочисленная часть населения поддержала антифашистское движение. М. Торез в свою очередь указал на возможность установить контакты с средними слоями города, отметив что и данная социальная группа способна сыграть положительную роль в борьбе с фашизмом, за буржуазно-демократические свободы. VII конгресс в принятом решении подчеркнул необходимость укреплять связи рабочего класса с крестьянством, со средними слоями и всеми демократическими силами в каждой капиталистической стране. Организационные формы такого союза могли быть различными, но все их следовало создавать на почве народного фронта, антифашистского фронта, национального фронта, антимонополистического фронта и т. д., в ходе борьбы против фашизма, за национальные и демократические интересы. Правда, в силу участия части буржуазии в то время не существовало еще нужных предпосылок для осуществления основных революционных требований и реализации концепции перерастания

буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

В данной фазе развития возникала также возможность сотрудничества с буржуазными партиями, главным образом с теми из них, которые имели широкую поддержку трудящихся, особенно мелкой буржуазии города и деревни. Коммунисты понимали, что в капиталистических странах такие партии большей частью находятся под влиянием буржуазии. Однако можно было рассчитывать на сотрудничество с их рядовыми членами, которых можно было поднять на борьбу за прогрессивные и общедемократические цели. Но это могло произойти только при определенных условиях. «Основное, самое решающее для установления антифашистского народного фронта, — указывал Г. Димитров, — *это решительное выступление революционного пролетариата в защиту требований* этих слоев и, в частности, трудящегося крестьянства...» [8].

Большое значение имело также сотрудничество с массовыми организациями, в которые входили так называемые средние слои. Несомненно, его можно было развивать только постепенно, что требовало от коммунистов терпения, сдержанности и политического такта. Здесь полностью подтвердились ленинские указания об умении заключать компромиссы, идти на необходимые уступки, делающие возможным создание союза с разными группами трудящихся и средними слоями, имея дело с которыми, обязательно следовало принимать в расчет их непоследовательность и колебания. Причем было ясно, что коммунисты не могут поддерживать все мелкобуржуазные требования, поскольку кроме общих интересов всегда существовали и противоречия. Однако в определенное время, прежде всего в ходе антифашистской борьбы, было необходимо выделять в первую очередь общие цели и выдвигать задачи, соответствующие представлениям и пожеланиям самых широких слоев.

Коммунисты подчеркивали необходимость активного участия народных масс в революционных схватках и в своей деятельности исходили из того, что без соблюдения этого условия нельзя рассчитывать на окончательную победу прогрессивных сил. Следовательно, речь шла о завоевании коммунистическими партиями влияния среди широких народных масс, которых было необходимо привлечь к революционному движению. Такая политика исходила из ленинского требования, чтобы коммунисты сумели «...связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, *но также и с непролетарской* трудящейся массой» [9].

Для достижения цели необходимо было в полной мере овладеть искусством постепенного перехода от простых и понятных требований к более общим. Речь шла прежде всего о том, чтобы большинство трудящихся поняло правильность целей и задач, выдвигаемых коммунистическими партиями. Однако для этого были нужны и определенное время, и «собственный политический опыт этих масс» [10]. В условиях относительно спокойного развития на приобретение такого опыта требуется больше времени, чем в обстановке револю-

ционного кризиса, когда события развиваются гораздо быстрее и соответственно ускоряется процесс созревания сознательности масс. Поэтому в ходе антифашистской борьбы, особенно в годы второй мировой войны, произошло существенное повышение уровня классовой и политической зрелости значительной части трудящихся.

Дальнейшим условием вовлечения масс в революционное движение было такое определение задач, какое реально соответствовало их представлениям и требованиям. А для этого были необходимы комплексный анализ ситуации в целом и тенденций развития, верная оценка возможностей революционного процесса и выдвижение конкретных достижимых задач.

На необходимость такого подхода указывал В. И. Ленин: «Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену...» [11]. Бесспорно, в довоенный период и во время войны с этой точки зрения на первом месте стояла борьба против фашизма, за сохранение и восстановление независимости народов, за возобновление демократических свобод, их углубления и расширения.

Определяя задачи коммунистических партий и мирового революционного движения в борьбе с фашизмом, VII конгресс Коммунистического Интернационала указал на неотложную необходимость создать единый антиимпериалистический фронт, объединяющий Советский Союз, революционные силы в капиталистических странах и национально-освободительное движение.

Возникновение после войны народно-демократических государств и изменение соотношения сил в мировом масштабе в пользу социализма привело к возрастанию значения антиимпериалистической борьбы, наполнению ее новым содержанием, соответствующим новой стадии международного развития. Первоочередной задачей была конкретная помощь и поддержка Советского Союза и всех стран зарождающегося социалистического содружества, их оборона и защита от угрозы империалистической агрессии, назревающей в связи с нагнетанием холодной войны. По мере успехов в восстановлении и развитии народного хозяйства СССР и укрепления народно-демократических государств, социалистическая система оказывала все возрастающую поддержку мировому революционному и национально-освободительному движению в борьбе с империализмом. Достижение единства действий всех составных частей мирового революционного процесса — социалистических стран, революционного движения в капиталистических государствах и национально-освободительной борьбы порабощенных народов — представляло собой весьма актуальную задачу в довоенный и послевоенный периоды. Решение этой задачи имело не только конкретное сиюминутное, но и перспективное значение, создавая благоприятные условия для перехода к социализму других народов.

Коммунистический Интернационал и отдельные коммунистические партии в течение ряда лет стремились создать единый фронт пролетариата в городе и деревне. Эта цель не утратила своей акту-

альности ни перед второй мировой войной, ни во время нее. Совместные действия пролетариата имели первоочередное значение для объединения всех слоев трудящихся и всех противников фашизма. Поэтому Коммунистический Интернационал уделял решению этой задачи возрастающее внимание, тщательно анализировал все тактические возможности и основные аспекты политики, способной привести к достижению намеченной цели.

Коммунистический Интернационал особо указывал на необходимость создания межпартийных классовых органов единого фронта на предприятиях, среди безработных, в рабочих кварталах, среди мелкой буржуазии города и деревни, которые были бы в состоянии сплотить подавляющее большинство трудящихся для совместных действий. Тем же задачам были призваны служить и другие совместные органы, особенно комитеты действия и аналогичные координационные органы пролетариата, причем не только на уровне руководящих представителей различных партий, но и непосредственно в среде рабочих, безработных, мелких крестьян, ремесленников и т. д. По сути дела и здесь речь шла о применении различных организационных форм, об использовании общих интересов, всех возможностей, которые были способны помочь достижению единства пролетариата в городе и деревне. При обсуждении этого вопроса на VII конгрессе Коммунистического Интернационала Г. Димитров указал, что во всех странах существуют неотложные проблемы, решение которых может содействовать созданию единого фронта и ускорению этого процесса. Однако основным условием было «...отыскание формы *перехода* или *подхода* к пролетарской революции. Быть может, *правительство единого фронта* в ряде стран окажется *одной* из важнейших переходных форм» [12].

При обсуждении вопроса о едином фронте на VII конгрессе Коммунистического Интернационала подчеркивалось, что такая политика может послужить и подготовке социалистической революции. Этот вывод приобрел особое значение в послевоенные годы, когда он лег в основу борьбы за единство рабочего класса и победу его политики.

В 1930-е годы международное коммунистическое движение выдвинуло установку на создание народного фронта борьбы с фашизмом. Такой фронт мог возникнуть только на основе понимания взаимосвязи борьбы за демократию и социализм. Задачи народного фронта не ограничивались защитой буржуазной демократии, он был призван выйти за ее пределы путем осуществления решительных мер против всевластия финансового капитала и монополий, путем обеспечения демократических свобод для рабочего класса и всех трудящихся. Однако правительство народного фронта могло возникнуть лишь в условиях развала буржуазного государственного аппарата, подъема революционного движения и решительного выступления значительной части народа против фашизма. Правительство народного фронта было призвано защищать, укреплять и расширять формальные демократические свободы, подорвать экономические и политические позиции монополистического капитала.

В подобном случае, как указал Г. Димитров, такое правительство создало бы условия для перехода к диктатуре пролетариата и социализму [13]. Положение о правительстве народного фронта как возможной форме перехода к диктатуре пролетариата было дальнейшим развитием ленинского учения о социалистической революции, о взаимосвязи борьбы за демократию с борьбой за социализм.

Важной предпосылкой реализации политики народного фронта были последовательные меры против крупной буржуазии и капиталистических монополий, ведущие к ослаблению и подрыву их экономического влияния. Конкретно речь в первую очередь шла о введении контроля над производством оружия, тяжелой промышленностью и другими важными для обороны страны отраслями с тем, чтобы предупредить саботаж реакционных элементов. Профашистские и предательские группы крупной буржуазии следовало лишить права монопольного принятия решений и руководства производством (в указанных отраслях). Осуществление этих требований имело весьма актуальное значение для всех стран, над которыми нависла угроза фашизма. Подобные требования выдвигала и КПЧ в канун Мюнхенского сговора.

Предусматривались, однако, и более серьезные меры по существенному ограничению и ликвидации экономических позиций крупного капитала, что подготавливало бы последующую национализацию принадлежащих ему предприятий. На такую возможность указывал в сентябре 1936 г. Г. Димитров на заседании Секретариата Исполкома Коммунистического Интернационала. Анализируя положение в Испании, он отметил, что назрела необходимость организации производства под контролем рабочего класса и его союзников, т. е. мелкой буржуазии и крестьянства, но еще без полного уничтожения частнокапиталистической собственности. П. Тольятти после второй мировой войны также подчеркивал, что борьба за демократию невозможна без проведения обширных мероприятий, вносящих коренные изменения в систему экономических и социальных отношений и ликвидирующих корни, из которых вырос фашизм.

Именно такие меры и были проведены вскоре после войны во всех странах народной демократии, включая Чехословакию; здесь была национализирована собственность не только немецких фашистов; национализации подвергалось имущество чехословацких фашистов, профашистских элементов, предателей и коллаборационистов. В Западной же Европе подобные социальные группы избежали последовательного наказания и по сути дела получили возможность быстро восстановить свои прежние позиции. Они добились этого, опираясь на союзников в лице международного монополистического капитала, в первую очередь американского.

В народно-демократических странах вскоре также было национализировано большинство крупных предприятий. Эти мероприятия приобрели здесь весьма большой размах, несопоставимый с частичной национализацией после войны в разных капиталистических странах. Что касается национализации в народно-демократических странах, то существенно важным является активное участие в ее

проведении рабочего класса, представителями которого выступали прежде всего коммунистические партии и профсоюзы. Благодаря этому стало возможным устранить капиталистические элементы из административного аппарата, провести коренную реорганизацию управления производством, что усилило революционный процесс.

VII конгресс Коммунистического Интернационала сделал упор на развитие инициативы коммунистических партий, на повышение их ответственности за организацию классовой борьбы с учетом специфических условий в их странах. Для успешного решения стоящих задач, указал Г. Димитров, нужно чтобы «коммунисты умело пользовались оружием *марксистско-ленинского анализа*, тщательно изучая конкретную обстановку и расположение классовых сил в их развитии, и чтобы в соответствии с этим они строили свои планы деятельности и борьбы» [14]. В этих словах обобщены доводы, которые привели к расширению правомочий отдельных коммунистических партий.

Коммунистический Интернационал потребовал от них подробной и тщательной разработки тактики, определения действий, отвечающих конкретной ситуации и создающих возможность для проведения назревших прогрессивных преобразований. Вместе с тем коммунистическим партиям следовало неуклонно сохранять верность интернациональным задачам революционного движения, не допускать сползания на путь национальной изоляции. Однако эти требования никоим образом не ущемляли самостоятельности и инициативы отдельных партий, а напротив, побуждали их творчески подходить к решению разных проблем в своих странах таким образом, чтобы содействовать реализации общих целей мирового революционного движения. Здесь еще раз подтверждалась действенность ленинских слов о том, что «...все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата...» [15].

В ходе разработки тактики единого фронта на VII конгрессе Коммунистического Интернационала много внимания уделялось основным принципам политики революционного движения, действиям коммунистических партий, постоянной, непрерывной борьбе со всеми правыми и левацкими уклонами. Поэтому подчеркивалась необходимость идейно-политического и организационного укрепления партий на принципах марксизма-ленинизма, неизбежность борьбы со всеми оппортунистическими течениями в международном и национальном масштабе. Коммунистический Интернационал предоставлял входящим в него партиям значительную свободу, разработанные им инструкции были не категорически сформулированными и шаблонными директивами, а являлись руководством к действию с учетом ситуации в отдельных странах. В этой связи указывалось на возможность их неправильной, волюнтаристской и субъективистской интерпретации, на опасность оживления оппортунистических и ревизионистских тенденций или же левого сектантства как реакции на проведенные изменения.

Реализация правильной политической линии, отвечающей духу и решениям VII конгресса, требовала последовательного осуществления на практике основных принципов коммунистического движения, которые были разработаны Коммунистическим Интернационалом в предшествующий период его деятельности и которым следовали отдельные партии в длительном процессе их перехода на марксистско-ленинские позиции. Прежде всего речь шла о сохранении марксистско-ленинского характера этих партий, их организационного, политического и идейного единства. Далее было нужно последовательно проводить в жизнь ведущую роль коммунистических партий в революционном движении, рабочем классе и среди остальных трудящихся. Далее, предстояло тщательно разработать концепцию их политики с учетом программных принципов коммунистического движения и задач социалистической революции. При соблюдении этих основных условий отдельные партии могли успешно и правильно определять свою тактику и противостоять ложным и ошибочным взглядам, учитывая при этом конкретную ситуацию в разных странах.

VII конгресс Коммунистического Интернационала развил также идею «новой демократии». В этой связи на конгрессе указывалось на ее антиимпериалистический, демократический характер, на ее большое значение для защиты демократических свобод от фашизма. Вновь подчеркивалась необходимость принципиального углубления демократического процесса, ограничения влияния крупной буржуазии в политической и экономической жизни, перестройки государственного аппарата и всей жизни общества на основе принципов, сужающих рамки капиталистической системы. Была поставлена задача провести последовательную демократизацию во всех областях общественной жизни, усилить непосредственное участие народных масс в управлении государством. Однако подобные задачи было невозможно решить в системе классической буржуазной демократии. Поэтому коммунистическое движение было поставлено перед необходимостью найти новые теоретические подходы к социалистической революции; решение стремились найти на путях революционной демократии нового типа и государства «новой демократии».

На VII конгрессе эту задачу выдвинула Долорес Ибаррури. Она отметила, что Испания стала первой страной, где в ходе борьбы с фашизмом была установлена демократическая диктатура рабочих, крестьян, мелкой и средней буржуазии, а народная власть с помощью новой демократии прокладывала дорогу к социалистическим преобразованиям. Таким образом, речь шла не о возвращении к старой буржуазной демократии, а о создании новой демократии, об определении дальнейшего движения к социализму, о создании системы, в которой реализация демократических мер делала бы возможным переход к социалистическим преобразованиям.

Эти выводы, вытекающие из практики борьбы за установление народного фронта, имели большое теоретическое и практическое значение и в последующий период. Опираясь на этот проверенный опыт, проанализировав его положительные и отрицательные стороны,

2 Заказ № 14

0390245

Воронежская областная научная библиотека им. И. С. Никитина

после войны стало возможным создание народно-демократического строя. Народная демократия явилась проверкой и развитием этих принципов; притом выявилось, что новая демократия имеет международное значение не только для остальных капиталистических стран, но и в соответствующих условиях и при необходимой модификации — для бывших колоний и полуколоний, вставших на путь некапиталистического развития.

Из первоначального положения о народном фронте выросла и идея достижения широкого единства всех антифашистских сил: политических партий, массовых организаций, комитетов действия, объединяющих рабочих и других трудящихся. Эта идея приобрела особую актуальность после начала второй мировой войны, в то время, когда было необходимо настойчиво добиваться объединения всех прогрессивных и демократических сил в общей борьбе против фашизма.

Опыт первого периода войны показал, что там, где коммунистические партии действительно уделяли внимание этому вопросу, удалось достичь единства и осуществить важные мероприятия, направленные против фашистской оккупации. Поэтому после нападения фашистской Германии на Советский Союз Коммунистический Интернационал рекомендовал всем партиям добиваться создания в каждой стране широкого народного фронта, объединяющего все антифашистские силы под лозунгом защиты демократии. В первую очередь это удалось сделать в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Но условия создания народного фронта возникали также в Италии, Франции, Греции и в ряде других стран Западной Европы.

Организации такого рода носили разные названия, но у них были некоторые общие черты принципиального характера. Прежде всего, хотя в них были объединены разные политические партии, они существенно отличались от коалиций предвоенного типа, так как сюда же входили разные массовые организации, в первую очередь профсоюзы, крестьянские союзы и т. д. Во всяком случае подчеркивалось, что речь идет о блоке трудящихся города и деревни, об организации, объединяющей рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию, городскую мелкую буржуазию и демократическую часть буржуазии. Несмотря на то, что народные фронты возникали в ходе антифашистской борьбы, им было суждено долговременное существование, а их целью стала борьба не только с фашизмом, но и с империализмом и крупным капиталом. Поэтому они становились важным звеном строительства новой общественной системы, борьбы за новую демократию и достижение целей социалистической революции.

Это обстоятельство осознавали и правые группы буржуазии, которые под давлением сложившегося положения дел были вынуждены пойти хотя бы на временное сотрудничество в рамках народного фронта и его органов. Поэтому подобные элементы как в Чехословакии, так и в остальных народно-демократических странах, предпринимали активные действия, направленные на изменение характера народного фронта, на его раскол и ликвидацию.

В капиталистических странах буржуазии с помощью военной оккупационной администрации западных держав удалось за короткое время лишить эти организации реальной власти, пресечь их влияние на общественную жизнь и постепенно ликвидировать их. Указанные события послужили еще одним свидетельством особого значения народного фронта в классовых боях послевоенного периода, в то время, когда революционное движение во многих странах стремилось устранить капиталистическую систему.

Политические принципы, разработанные VII конгрессом Коммунистического Интернационала, применялись коммунистическими партиями не только в ходе борьбы против фашизма, но и на новом этапе революционного процесса, развернувшегося в результате разгрома фашизма во второй мировой войне.

Послевоенный период характеризовался существенным подъемом коммунистического движения, некоторые компартии заняли решающие позиции в правительствах, стали влиять на деятельность парламентов и местных органов управления. Тогда возникли условия для союза рабочего класса и крестьянства с остальными слоями трудящихся и объединения этих сил в разных общественных органах, создаваемых в духе решений VII конгресса.

Коммунистические партии стремились проводить такую политику не только в народно-демократических странах в процессе перехода от народно-демократических революций к социалистическим. Та же тактика применялась и в капиталистических странах в борьбе против сил империалистической реакции, а также в колониях и полуколониях. И хотя результаты достигались не одинаковые, они в общем соответствовали условиям борьбы антиимпериалистических сил в разных частях мира и накопленному к этому времени опыту. Тем не менее стало очевидным, что установки VII конгресса Коммунистического Интернационала имели всеобщую значимость и при правильном тактическом применении и благоприятных объективных условиях они могли быть использованы во многих странах для борьбы против сил империалистической реакции. Эти принципы успешно осуществляются и в настоящее время, когда в некоторых странах возникает благоприятная ситуация для сплочения демократических и прогрессивных сил с революционным движением в общий антиимпериалистический фронт.

ГЛАВА ВТОРАЯ

АНТИФАШИСТСКАЯ БОРЬБА И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вторая мировая война существенно сказалась на судьбах всего человечества, на его дальнейшей истории. Империалистические силы, развязавшие ее, пытались сохранить свое господство или же добиться нового передела мира. В их цели входило и подавление революционного движения. Однако эти силы потерпели поражение, империалистическим державам не удалось добиться ни одной из указанных целей.

Война закончилась сокрушительным разгромом самого агрессивного союза империалистических стран — фашистских государств во главе с гитлеровской Германией. Самый масштабный в истории человечества военный конфликт завершился победой антигитлеровской коалиции, решающая роль в которой принадлежала Советскому Союзу. На него обрушился основной удар фашистского блока. Нацистская Германия, напав 22 июня 1941 г. на Советский Союз, бросила против него преобладающую часть своей армии в надежде быстро — как это намечалось планами молниеносной войны — добиться решающей победы и захватить большую часть европейской территории Советского Союза. Однако ход военных операций на советско-германском фронте вскоре развеял миф о непобедимости гитлеровской армии. За разгромом немцев под Москвой в 1941 г. последовали исторические сражения на Волге и под Курском в 1942 — 1943 гг., которые стали поворотными рубежами второй мировой войны и ознаменовали коренной перелом в ее ходе. Гитлеровской Германии не удалось добиться своих целей несмотря на то, что на восточный фронт она бросила 60—80 % всех своих сухопутных войск. Обескровленные нацистские армады были вынуждены отступать.

Эти поражения позволили западным союзникам развить военные операции против нацистской Германии и ее сателлитов сначала в северной Африке и Италии, позднее в июне 1944 г., предпринять успешную высадку во Франции. Несмотря на то, что западным союзникам удалось занять западноевропейские страны и значительную часть Германии, бесспорным историческим фактом является решающая роль Советского Союза в разгроме фашизма в Европе. Главные сокрушающие удары по войскам гитлеровской Германии и ее союзников нанесла Советская Армия.

Советский Союз внес весьма существенный вклад и в разгром японского милитаризма. Хотя с 1944 г. американские и британские войска, действовавшие в Тихоокеанском регионе, сумели добиться важных успехов, однако Япония еще отнюдь не была разгромлена.

Потери нес в основном японский флот, в то время как значительная часть сухопутных войск находилась в Корее, Маньчжурии, южных и центральных областях Китая и на Японских островах, т. е. вне театра больших сражений. Наиболее крупной военной группировкой была так называемая Квантунская армия, которую японские правящие круги много лет готовили к нападению на Советский Союз. Ее разгром Советской Армией в августе 1945 г. сделал возможным освобождение Китая и Кореи и означал таким образом ликвидацию самой важной составной части всех сухопутных сил. Тем самым был нанесен решающий удар японскому милитаризму, который был вынужден капитулировать под тяжестью этих поражений, неудач в остальных сражениях и бомбардировок японской метрополии.

В ходе второй мировой войны неуклонно возрастала военная мощь Советского Союза. Хотя гитлеровцы оккупировали значительную часть территории СССР и овладели важными промышленными центрами, советская экономика выдержала и это тяжелое испытание. Уже во второй половине 1941 г. ее удалось перестроить в соответствии с требованиями военного времени, а в начале 1942 г. начали работать заводы, эвакуированные из оккупированных областей на восток страны. В конце 1942 г. военное производство в СССР превысило аналогичное производство в Германии и оккупированных ею европейских странах, а к концу второй мировой войны Советский Союз в этой области добился полного превосходства [1]. В результате СССР смог обеспечить оружием собственного производства не только Советскую Армию, но и польские, чехословацкие, румынские и болгарские части, которые сражались против фашистской Германии бок о бок с Красной Армией. Советские войска сколько-нибудь существенно не зависели от поставок военных материалов из США и Великобритании. Военные годы убедительно показали, что советская система превосходила фашизм не только с военной точки зрения, но и с экономической [2].

Решающая роль Советского Союза в борьбе с фашизмом оказала принципиальное влияние на общие результаты второй мировой войны и дальнейшее развитие мира в послевоенный период. Первостепенную значимость имел тот факт, что фашизм был разгромлен и был полностью морально и политически дискредитирован. Советский Союз оказал помощь и поддержку прогрессивным и демократическим силам в Центральной и Юго-Восточной Европе и Азии в их стремлении полностью искоренить все наследие фашизма. СССР добивался осуществления последовательных антифашистских и демократических мер в Германии, Италии и Японии и тем самым — создания эффективной преграды любым попыткам его возрождения. Вследствие этого в конце войны и в начале послевоенного периода западные державы были вынуждены предпринять некоторые меры по ликвидации наследия фашистского режима и восстановления буржуазно-демократических свобод, несмотря на то, что по сути дела они были заинтересованы в сохранении капиталистической системы и проявляли желание возобновить сотрудничество с крупной буржуазией в этих странах. Несомненно, это были половинчатые и

непоследовательные меры, которые не обеспечивали действительной ликвидации фашизма.

Благодаря поддержке Советского Союза прогрессивные и революционные силы в разных странах Центральной и Юго-Восточной Европы и Азии смогли успешно завершить антифашистскую, национально-освободительную борьбу, полностью устранить остатки оккупационной системы, принять политические и экономические меры против предателей и коллаборационистов из рядов национальной буржуазии, провести крупные общественные преобразования, увенчавшие национально-демократические революции. Это позволило создать в данных странах новый, народно-демократический строй и приступить к постепенному переходу мирным путем к осуществлению задач социалистической революции.

Победа СССР в войне против фашизма содействовала также существенному росту революционного движения в капиталистическом мире, особенно в Западной Европе. И хотя присутствие здесь англо-американских войск помешало таким же, как в Центральной и Юго-Восточной Европе, революционным переменам, и в этих странах разразился революционный кризис. Буржуазия была вынуждена пойти на временные уступки, маневрировать, согласиться с некоторыми социальными и политическими изменениями, выгодными рабочему классу и остальным трудящимся.

В результате мировая капиталистическая система после второй мировой войны была еще больше расшатана и ослаблена. Империализм был лишен своего наиболее агрессивного ударного отряда — фашизма; он был вынужден защищаться от натиска революционных и прогрессивных сил, которые все более явно превращались в определяющий фактор мирового развития. Победа СССР в войне убедительно продемонстрировала перед всем миром преимущества социалистического строя, содействовала появлению новых миллионов борцов за идеи социализма, создала предпосылки для успешного развития мирового революционного процесса.

В ходе антифашистской борьбы значительно усилилось национально-освободительное и революционное движение, особенно в Европе и Азии. Во всех оккупированных странах шла глубокая классовая и политическая дифференциация. Основные группы монополистической буржуазии в оккупированных гитлеровской Германией и ее союзниками европейских странах, как правило, сотрудничали с захватчиками. То же самое можно сказать отчасти и о господствующих кругах в Китае, некоторых группах буржуазии в колониях и полуколониях, захваченных Японией. Только с 1943 г., под влиянием коренного перелома в войне, тактика буржуазии начала меняться в сторону все более заметной ориентации на США и Великобританию.

Правящие круги обеих держав шли на сотрудничество с крупной буржуазией европейских стран, стремились поддерживать ее в борьбе с революционным движением и прогрессивными силами [3]. Аналогично они действовали и в Азии, где добивались реставрации прежней колониальной системы или же налаживали сотрудничество

с местной буржуазией, прежде всего с той ее частью, которая была согласна служить империализму и иностранным монополиям.

Во всех европейских и азиатских странах, подчиненных фашистским державам или оккупированных ими, буржуазия так или иначе совершила национальную измену. Она сотрудничала с фашизмом, оказывала ему открытую или скрытую политическую и экономическую поддержку прежде всего в первый период войны, примерно до 1943 г. Эта часть буржуазии видела в фашизме прежде всего защитника своих классовых интересов, заклятого врага рабочего и революционного движения. Поэтому она была готова отказаться от своих собственных национальных требований, по сути дела соглашалась с подчинением малых народов ведущим фашистским державам или даже соглашалась отречься от своей национальной принадлежности.

Крупная буржуазия в этих странах поддерживала фашизм, особенно нацистскую Германию, в его борьбе с Советским Союзом, соглашалась с планами гитлеровцев, направленными на полное уничтожение первого в мире социалистического государства и физическое истребление большей части его населения. Во всем этом заметна преемственность с предвоенной политикой «умиротворения», целью которой уже в 1930-е годы было направить агрессию фашистских государств, прежде всего нацистской Германии против СССР. Часть крупной буржуазии Великобритании и США не отказалась от своих классовых замыслов и в годы войны. Следствием этого стали попытки заключить сепаратный мир с державами фашистской Германии, в целях сосредоточения всех сил против Советского Союза.

Даже та часть буржуазии, которая сотрудничала с западными державами, не придерживалась последовательно антифашистских позиций, проявляла склонность к компромиссам и не хотела отказаться от классового сотрудничества с группировками, которые поддерживали фашизм. Когда стала ясна неизбежность поражения фашистских государств в войне, эти буржуазные круги в оккупированных странах и в эмиграции начали проводить в жизнь тактику пассивного сопротивления, выжидали, чем завершится развитие событий на фронтах, надеялись на освобождение своих стран войсками западных государств. На позициях буржуазии сильно сказывалась активизация народных масс в антифашистской освободительной борьбе, страх перед нарастанием революционного движения, создававшего угрозу самим основам капиталистической системы. Корыстные классовые интересы определили отрицательное отношение буржуазии к национально-освободительному движению. И вполне закономерно, что в конце концов буржуазия как общественный класс утратила доверие народных масс, а с ним и свое былое господствующее положение в обществе.

В ходе второй мировой войны на основе нарастания национально-освободительной борьбы во всех оккупированных странах усиливались антиимпериалистические тенденции и развивалось революционное движение. В это время существенно возросло влияние и значение

коммунистических партий, которые стали авангардом вооруженной борьбы против фашизма, добивались его военного и политического поражения, стремились обеспечить национальную независимость всех народов и их демократические права. Эти классовые цели пролетариата находились в согласии с заинтересованностью трудового народа всех стран в восстановлении национального суверенитета и в действительно демократическом строе.

Таким образом, международное коммунистическое движение в то время выступало совместно со всеми антифашистскими силами, включая часть монополистической буржуазии США и Великобритании, заинтересованной в победе над фашизмом. Коммунистические партии добивались не только единства рабочего класса в антифашистской борьбе. Они действовали вместе со всеми демократическими и патриотическими национальными силами, крестьянством, городской мелкой буржуазией, интеллигенцией и частью буржуазии, в том числе и теми ее группами, которые ориентировались на сотрудничество с западными державами. Коммунистические партии боролись за достижение национального и антифашистского единства, предлагали создать национальные фронты, широкую антифашистскую и патриотическую коалицию, объединяющую все партии и организации, все свои общества и социальные группы, вступающие в борьбу с фашизмом.

Коммунисты всех оккупированных стран стремились организовывать и развивать активные массовые антифашистские действия. Им принадлежало важное место в вооруженной борьбе против захватчиков и их прислужников, они разоблачали коллаборационистскую политику разных групп крупной буржуазии. Одновременно коммунисты усиленное внимание уделяли политическому воспитанию трудящихся масс, готовили их к активному участию в послевоенной жизни, формировали демократические органы власти, стремились создать предпосылки для перерастания национально-освободительного и антифашистского движения в революционную борьбу против капиталистической системы. В результате всего этого во многих странах антифашистская борьба за относительно короткое время в конце второй мировой войны или сразу же после нее переросла в национально-демократические и народно-демократические революции.

Даже в обстановке самых жестоких репрессий коммунистические партии не прекращали борьбу с фашизмом. В то время, как большинство других политических партий свернуло свою деятельность или же перенесло ее в эмиграцию, коммунисты активно организовывали подпольное антифашистское движение, в котором они играли решающую роль. Коммунисты в оккупированных странах правильно определили изменения в соотношении классовых сил и интересов, происходившие в ходе войны. Благодаря этому они смогли верно определить место, которое занимали классы в национально-освободительной, антифашистской борьбе, что облегчило разоблачение предательской антинародной и антинациональной политики крупной буржуазии и монополистического капитала.

В этот период коммунисты также полностью осознавали историческую роль рабочего класса в борьбе против фашизма, теоретически раскрывали и практически осуществляли его ведущую роль в жизни общества и наций. На основе приобретенного в предыдущий период опыта они добивались единства рабочего класса, стремились вовлечь в антифашистскую борьбу союзников — крестьянство, интеллигенцию, городскую мелкую буржуазию и демократическую часть буржуазии. Подобная политика привела к заметному росту влияния и авторитета коммунистических партий. Коммунисты были передовыми борцами с фашизмом, действительными выразителями общенациональных интересов и потому завоевали доверие широких слоев трудового народа.

В Западной Европе наибольшего размаха национально-освободительная борьба приобрела во Франции и Италии. Уже в марте 1941 г. французские коммунисты призвали все антифашистские силы к созданию широкого фронта национального освобождения и заявили, что они готовы поддержать любое правительство и организацию, которые будут действительно бороться с фашистским угнетением и предателями. В конце мая 1941 г. Французская коммунистическая партия поддержала объединение разных организаций Сопротивления в национальный фронт, опирающийся на рабочих, крестьян и прогрессивные слои интеллигенции [4].

С весны 1943 г. французские коммунисты начали готовить вооруженное восстание. Им удалось добиться создания Национального совета сопротивления, который объединял представителей всех политических партий и других организаций. С момента возникновения в начале 1944 г. французских внутренних сил, коммунисты заняли ведущее место в рядах бойцов этой объединенной организации сопротивления. Они руководили многими партизанскими боями и забастовками, были инициаторами создания демократических органов власти, представителями которых являлись комитеты освобождения. Полумиллионная армия французских внутренних сил оказала существенную помощь войскам западных держав в ходе вторжения и освобождения Франции [5]. Вооруженное восстание в июне 1944 г., которое значительно ускорило поражение гитлеровцев на западном фронте, было подготовлено предшествующей многолетней деятельностью французских антифашистов, в первую очередь — коммунистов.

Важная роль французских коммунистов в национально-освободительном движении во Франции проявилась и в том, что в апреле 1944 г. они вошли в правительство генерала де Голля и активно участвовали в реализации всех мер, направленных на ликвидацию последствий оккупации, наказание коллаборационистов и предателей и создание новой демократической системы в стране.

Итальянские коммунисты, уже много лет находившиеся в подполье, в годы второй мировой войны активизировали борьбу против фашизма и призвали итальянский народ к его свержению. После капитуляции Италии осенью 1943 г. в стране широко развернулось партизанское движение против немецкой оккупации, объединявшее

коммунистов, социалистов и членов других мелкобуржуазных партий. Коммунисты организовывали партизанскую деятельность, стремились создать единый антифашистский фронт, формировали комитеты национального сопротивления, которые в разных местах становились настоящими органами революционной власти. Они также вошли в новое итальянское правительство и добивались в нем осуществления прогрессивных мер. В апреле 1945 г. они организовали восстание против немецкой оккупационной армии в северных областях страны. Власть здесь перешла в руки Комитета национального освобождения и его органов, которые предпринимали решительные шаги для ликвидации остатков фашизма[6]. Однако когда в северную Италию вошли англо-американские войска, Комитет национального освобождения был распущен, а военная администрация западных держав отменила его прогрессивные распоряжения.

Революционные и прогрессивные силы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы начали активную антифашистскую борьбу уже в 1939—1941 гг. После начала второй мировой войны новое развитие получила антифашистская борьба в Чехословакии, Албании, а осенью 1939, еще в ходе военных операций, и в Польше.

После захвата Балканского полуострова Германией и ее союзниками движение сопротивления особенно поднялось в Югославии, Греции и Болгарии. В этих странах возникали сначала партизанские отряды, а затем — освободительные армии, объединяющие сотни тысяч борцов с фашизмом. Политическое руководство антифашистской национально-освободительной борьбой взяли в свои руки центральные органы, созданные по инициативе коммунистов — Единый национально-освободительный фронт Югославии, возникший летом 1941 г., Национально-освободительный фронт Греции, созданный осенью 1941 г., Патриотический фронт в Болгарии, действовавший с лета 1942 г., и Национально-освободительный фронт в Албании, основанный в январе 1942 г. С помощью Советского Союза и его армии партизанские отряды и национально-освободительные войска в балканских странах еще до окончания второй мировой войны освободили значительную часть Греции, Албании и Югославии, содействовали свержению профашистского режима в Болгарии. Уже в ходе антифашистской борьбы во всех этих странах образовались новые революционные органы государственной власти.

В Польше революционные силы, возглавляемые Польской рабочей партией, завоевали ведущие позиции в национально-освободительном движении с 1942 г., когда началось формирование собственных партизанских отрядов, которые стали основой подпольной Гвардии Людовой, преобразованной в январе 1944 г. в Народную Армию.

В августе 1944 г. началось организованное коммунистами антифашистское восстание в Румынии и Словацкое национальное восстание.

В результате разгрома советскими войсками балканской группировки фашистских войск в сентябре 1944 г. был свергнут профашистский режим в Болгарии. Национально-освободительные и революционные силы большинства стран Центральной и Юго-Восточ-

ной Европы вместе с советскими войсками включились в борьбу за окончательный разгром гитлеровской Германии.

Благодаря успешному разгрому советскими войсками фашизма революционно-освободительные процессы в этой части Европы, направленные не только против фашистских оккупантов, но и против предателей и коллаборационистов из рядов национальной буржуазии, смогли получить полное развитие. Во всех этих странах победили народно-демократические революции и за сравнительно короткое время утвердился народно-демократический строй.

В Западной же Европе англо-американские войска явились опорой контрреволюционных элементов, помогая им в борьбе против революционных сил. Наиболее заметно это было в Греции, где Народно-освободительная армия Греции (ЭЛАС) очистила в октябре 1944 г. значительную часть страны от гитлеровцев, но дальнейшее развитие революции было прервано британскими войсками, высадившимися в стране и установившими там реакционный полуфашистский режим. В Италии и Франции оккупационная военная администрация западных держав также воспрепятствовала осуществлению коренных революционных преобразований и тем обеспечила возвращение государственной власти в руки консервативных правых групп буржуазии.

Таким образом, на развитие революционного процесса в отдельных странах воздействовали не только внутренние, специфические условия, но и основные внешние факторы, в первую очередь победоносный разгром Советской Армией гитлеровского фашизма.

Обычно буржуазная историография выдвигает этот факт на первый план и пытается доказать, что послевоенные преобразования в Центральной и Юго-Восточной Европе произошли под давлением и контролем Советского Союза. В противоположность этому Западная Европа избегла подобных переворотов якобы потому, что ситуацию в ней контролировали англо-американские войска, в результате чего, дескать, народы этой части европейского континента могли «свободно» решать свою судьбу. Буржуазная историография обычно приписывает решающую роль в освободительной борьбе в азиатских странах бывшим колониальным державам или же местной, националистической, связанной с мировым империализмом буржуазии. Деятельность коммунистических партий в то же время обычно замалчивается и квалифицируется как «подрывные акции».

В действительности именно функционирование англо-американских военных административных органов в Италии, Франции, Западной Германии, Греции и т. д. предоставляет множество доказательств вмешательства во внутренние дела этих стран, поддержки, оказываемой самым реакционным представителям монополистического капитала в его усилиях ослабить и подавить революционное движение.

Западные империалисты однозначно отстаивали общие классовые интересы крупной буржуазии европейских стран и постепенно отходили от основных принципов, на которых строилась антифашистская коалиция. Подобное вмешательство извне, подкрепляе-

мое угрозой применения вооруженной силы, во всех западноевропейских странах было желанной помощью крупной буржуазии и воспрепятствовало последовательному осуществлению целей антифашистского движения.

В Центральной и Юго-Восточной Европе, освобожденной советскими войсками, возникли все предпосылки для полного искоренения остатков фашизма и ослабления позиций реакционных сил. Тем самым затруднялась деятельность реакционных элементов.

Советский Союз исключил вмешательство мирового империализма во внутренние дела стран этого региона. Таким образом, происходившие в то время принципиальные изменения в полном объеме были результатом деятельности национальных прогрессивных сил, которые в конкретных условиях отдельных стран творчески воплощали в жизнь опыт Великой Октябрьской социалистической революции, Советского Союза и мирового революционного движения.

В годы второй мировой войны национально-освободительное и революционное движение развертывалось также в ряде стран Азии. Особый размах оно приобрело в Китае, где возглавляемые коммунистами освободительные силы долгое время несли на своих плечах львиную долю тягот борьбы с японскими захватчиками и к исходу войны освободили обширную территорию, на которой проживало почти сто миллионов человек. На территории тогдашнего французского Индокитая национально-освободительная борьба разгорелась сразу же после оккупации этой области японскими войсками в 1941 г. В августе 1945 г. началась революция во Вьетнаме. Образовалась Демократическая Республика Вьетнам. Японские оккупанты были изгнаны из Лаоса и Камбоджи. В это же время началось восстание в Корее, где также победила народно-демократическая революция. Освободительные силы, важную роль в которых играли коммунисты, провозгласили независимость Индонезии. Велико было влияние коммунистов в освободительной борьбе в Бирме, на Филиппинских островах и в Малайзии. Во всей Юго-Восточной и Восточной Азии коммунисты были в первых рядах борцов с японским империализмом. Это обстоятельство значительно содействовало росту их авторитета среди народных масс, что в полном объеме проявилось в послевоенный период [7].

Национально-освободительное и революционное движение в Восточной и Юго-Восточной Азии во время второй мировой войны постепенно расширялось и превратилось в важный фактор планирования военных операций против Японии.

Народы этого региона сражались не только против японских оккупантов, но и отвергали реставрацию прежних режимов, требовали уничтожения колониального господства империалистических держав. Национально-освободительную программу поддерживало большинство населения в данных странах — пролетариат, крестьянство, городская мелкая буржуазия и большинство буржуазии, кроме ее компрадорских групп, связанных многообразными нитями с колонизаторами и мировым империализмом.

Даже империалистические государства были вынуждены посте-

пенно признать этот факт и пришли к выводу о невозможности в неизменном виде реставрировать колониальную систему. Поэтому они прибегли к маневрированию, меняли тактику, пытались мелкими уступками и насилием разложить освободительное движение. Такая политика принесла определенные успехи — часть буржуазии, допущенная к участию в управлении, начала сотрудничать с империалистами и разошлась с революционными и прогрессивными силами. В результате некоторые страны, приобретшие после войны формальную самостоятельность, остались составной частью капиталистической системы и их народам предстояло пройти долгий и трудный путь, прежде чем добиться подлинной независимости и национального суверенитета.

Напротив того, в Корее, в Китае, на территории бывшего французского Индокитая, прежде всего во Вьетнаме, трудящиеся массы боролись не только против японцев, но и против империализма в целом. Еще во время войны освободительное движение здесь приняло антиимпериалистический характер. Тем самым движение масс постепенно вошло в противоречие с местной буржуазией и в первую очередь с ее компрадорской частью. В этих странах победили освободительные демократические революции, возникли народные режимы, стремившиеся к осуществлению коренных общественных преобразований, к некапиталистическому пути развития, к социализму. Достижение данной цели было сопряжено с преодолением больших трудностей. Потребовались многие годы вооруженной борьбы с империализмом и его союзниками из рядов местной буржуазии. Однако изменения, вызванные второй мировой войной, в принципе позволяли прогрессивным силам ставить перед собой такие задачи.

В ходе второй мировой войны в странах Восточной и Юго-Восточной Европы и в регионе, оккупированном Японией, таким образом, возникло мощное антифашистское и национально-освободительное движение порабощенных народов, ведущая роль в руководстве которым принадлежала коммунистам. Тем самым были созданы важные предпосылки для победы народных революций в обширных регионах мира. Революционные силы сыграли важную роль и в антифашистской национально-освободительной борьбе народов Западной Европы. В результате значительное развитие получил мировой революционный процесс в целом. В ряде стран Европы и Азии образовались народно-демократические государства, усилилось революционное рабочее движение в капиталистических странах, начался распад колониальной системы империализма. Все названные события привели к коренным изменениям в мировой истории, наиболее глубоким после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Последствия этого оказали решающее влияние на развитие мировых событий во второй половине сороковых годов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕВОЕННОГО УСТРОЙСТВА МИРА

С окончанием второй мировой войны на повестку дня встала неотложная задача: добиться такого устройства мира, которое надежно закрепило бы победу над фашизмом. Чрезвычайная сложность решения возникших проблем обусловливалась тем, что у государств антигитлеровской коалиции не было единой позиции. Различие во взглядах проявлялось уже в ходе войны, однако тогда они отходили на второй план перед необходимостью координации военных действий. Со всей актуальностью они проявились в связи с подготовкой мирных договоров и осуществлением других мер, направленных на искоренение фашизма.

Большое значение имело заключение мирных договоров с бывшими союзниками нацистской Германии. Уже в ходе войны Советский Союз, США и Великобритания пришли к согласию о том, что мирные договоры с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией будут заключены раньше, чем с Германией и Японией [1]. Это было вновь подтверждено на Потсдамской конференции.

Такой подход мотивировался тем, что союзники гитлеровской Германии порвали с ней, а затем объявили ей войну; притом некоторые из них, в первую очередь Румыния и Болгария, активно включились в военные операции против гитлеровских войск на заключительной фазе войны. Во всех этих странах тем временем возникли новые законодательные и административные органы, которые приняли ряд мер по ликвидации фашизма. Подготовляемые мирные договоры должны были подтвердить и гарантировать итоги, достигнутые в демократизации этих стран, содействовать ее дальнейшему развитию.

Имелось однако немало таких проблем, которые не было нужды решать в мирных договорах, они были уже урегулированы в ходе выполнения соглашений о перемирии, например о будущих границах, о репарациях, а также об основных проблемах внутреннего развития и осуществления демократических мероприятий. Такой подход представлял собой полную противоположность известной в прошлом практике, когда государства-победители в полном объеме диктовали условия побежденным, заставляли их идти на принципиальные изменения своей внешней и внутренней политики. Главной причиной этого различия было то, что в данных государствах за сравнительно короткий период произошли важные внутриполитические изменения, которые вели к полной ликвидации позиций фашизма и реакционных элементов, к укреплению положения прогрессивных и революционных сил. Новые режимы в полном объеме взяли на себя ответственность за ущерб, нанесенный существовавшими ранее фашистскими диктатурами, и постепенно, в зависимости от темпов развития процесса демократизации, в отдельных странах осуществлялись

кардинальные общественные преобразования, которые служили гарантией от реставрации прежних отношений.

Было еще одно обстоятельство, имевшее большое значение. Еще до конца войны или же непосредственно после нее в Болгарии, Румынии, Венгрии удалось осуществить подавляющее большинство важных мер, которые потом были зафиксированы в мирных договорах с этими странами. Все это вместе взятое мешало империалистическим державам вмешиваться во внутренние дела указанных стран, затрудняло их намерения оказать помощь буржуазным элементам, стоявшим в оппозиции к народно-демократическому строю.

Мирные договоры с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией обсуждались в 1945—1946 гг. на заседаниях Совета министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Несмотря на достижение договоренности по большинству основных вопросов, представители западных держав на заседаниях Совета в Лондоне в сентябре-октябре 1945 г. попытались вмешаться во внутренние дела Болгарии, Румынии и Венгрии. Они предъявили требования отставки правительств в этих странах в качестве условия заключения мирных договоров. Тем самым западные державы доказали, что они отходят от принципов сотрудничества, на которых была основана антигитлеровская коалиция [2]. Западные державы, впрочем, были вынуждены снять свои требования, опасаясь общественного мнения в своих же странах, и на следующем совещании Совета министров иностранных дел в декабре 1945 г. в целом удалось достичь соглашения об основных принципах мирных договоров с указанными странами.

Парижская мирная конференция летом 1946 г. уделила большое внимание политическим положениям в проектах мирных договоров. Особо важными представлялись статьи, запрещающие деятельность всех фашистских организаций и пропаганду, враждебную Объединенным нациям. Тем самым были созданы благоприятные предпосылки для развития демократического процесса в этих странах, для улучшения их отношений с соседними государствами. Большое значение имело положение о военных преступниках, содержащее обязательство подвергнуть наказанию всех лиц, уличенных в военных преступлениях. Однако эти политические принципы мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией ни в чем не посягали на независимость данных стран, не навязывали им ту или иную форму политического строя.

В ходе переговоров с бывшими союзниками нацистской Германии не было необходимости решать проблему границ, т. к. они были определены в связи с заключением перемирия. Парижские мирные договоры по этому вопросу ликвидировали не только проведенную фашистскими государствами ревизию границ, но и несправедливые решения Версальского мира. Представители западных держав попытались было разжечь противоречия между разными государствами Центральной и Юго-Восточной Европы, но это им не удалось.

Империалистические державы всегда делали ставку на конфликты по вопросу о границах между странами данного региона. Импе-

риалистическая пропаганда настойчиво муссировала версию о так называемой балканизации, исключающей якобы возможность постоянной договоренности между находящимися здесь странами. Империалисты пытались раздуть споры о восточной границе Польши, о Закарпатской Украине, Молдавии, о границах между Чехословакией и Венгрией, Венгрией и Румынией или Югославией, между Румынией и Болгарией, Болгарией и Югославией, Албанией и Югославией и т. д. Они надеялись, что таким образом смогут стать арбитрами в этих столкновениях, вмешиваясь во внутренние дела указанных стран. Империалисты пытались использовать в своих целях проблемы национальных меньшинств и разногласия, возникавшие в то время в связи с решением национального вопроса в многонациональных государствах. Примером такого вмешательства стал спор о Триесте. Используя разногласия по данному вопросу, западные державы добились создания так называемой Свободной территории Триест, которую в течение ряда лет оккупировали своими войсками и практически превратили ее в империалистическую военную базу.

Более глубокие и далекоидущие разногласия возникли в связи с решением вопроса о репарациях и других экономических положениях мирных договоров. Советский Союз выдвинул ограниченные требования, которые лишь частично возмещали огромный ущерб, нанесенный военными операциями бывших союзников фашистской Германии. При этом СССР исходил из следующего принципа: выплата репараций не должна мешать экономическому развитию этих стран и затруднять здесь переход к мирному производству. Поэтому Советский Союз согласился с тем, чтобы репарации выплачивались поставками товаров. Западные державы увидели в вопросе о репарациях возможность, которую удастся использовать для установления контроля над экономикой бывших союзников Германии. Они пытались включить в мирные договоры такие статьи, которые стали бы каналом их экономического проникновения в эти страны.

Одновременно они стремились возродить в этих государствах прежние позиции западных монополий и обеспечить условия для их дальнейшей деятельности.

Западные державы, за исключением быть может Франции, ранее не имели большого экономического влияния в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, ибо здесь господствовал германский империализм. Тем не менее британский и американский капитал имел немалые капиталовложения в некоторых промышленных отраслях, добыче нефти и различных видов сырья и т. д. в этих странах. После войны представители западных держав требовали возврата этой собственности, домогались создания и других каналов для экономического проникновения в данный регион Европы с тем, чтобы захватить позиции, принадлежащие ранее немецкому или итальянскому капиталу. В том и была причина резко отрицательной реакции на меры народно-демократических государств, направленные на ограничение или же ликвидацию капиталистической экономики и создание основ социалистического хозяйства.

Эти обстоятельства послужили поводом для различных протесто

по поводу развития событий в народно-демократических государствах и стали подлинным мотивом злобных клеветнических кампаний о якобы имевших место ограничениях демократических прав и свобод в этих странах. Однако, благодаря поддержке Советского Союза на международной арене народно-демократические страны сумели успешно противостоять давлению империалистов. Западные державы и на мирной конференции не смогли добиться принятия таких решений, которые изменили бы или затормозили процессы, развивающиеся в этой части европейского континента.

Мирные договоры 1948 г. с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией имели демократический характер, обеспечивали указанным странам независимость и свободное развитие[3]. Большая заслуга в том принадлежала Советскому Союзу, который решительно отверг все попытки западных держав установить свой контроль над этими странами.

Одной из важнейших проблем послевоенного урегулирования стал вопрос о будущем Германии. Советский Союз провозгласил принципы своей политики по отношению к Германии уже в 1942 г., подчеркнув, что его целью является не уничтожение немецкого народа, а ликвидация гитлеровского государства, разгром фашистской армии и уничтожение нацистского «нового порядка» в Европе. В этом СССР видел основную предпосылку освобождения немецкого народа и создания действительно миролюбивого германского государства.

Германский вопрос обсуждался также в конце 1943 г. на Тегеранской конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. Соединенные Штаты и Великобритания внесли тогда предложение о расчленении Германии на ряд государств. Советский Союз отверг такое предложение и особо подчеркнул необходимость последовательной ликвидации нацизма и его корней, создания условий действительной демократизации германского государства.

Советский Союз исходил из исторического опыта, который свидетельствовал о том, что ярый буржуазный национализм, сформировавшийся в XIX в. в процессе создания германской империи, существенно содействовал обострению агрессивности германского империализма. Поэтому СССР отвергал возникавшие в ходе войны в первую очередь в США разные фантастические планы полной ликвидации немецкой промышленности и превращения Германии в аграрную страну. Советский Союз отверг и различные проекты создать федерализованную империю, власть в которой взяли бы в свои руки консервативные, клерикальные или монархические группы, выдаваемые на Западе за принципиальных противников нацизма. Советский Союз настаивал на сохранении единства Германии и обеспечении всех необходимых условий ее демократического и миролюбивого развития. СССР требовал быстрейшего заключения мирного договора, в котором были бы зафиксированы все принципы и гарантии подобных изменений.

Германская проблема значительно более подробно обсуждалась на конференции руководителей трех держав в Ялте в феврале

1945 г. Здесь было предусмотрено создать координационную администрацию в Германии и утверждены основные принципы политики союзников по германскому вопросу. В них подчеркивалась необходимость уничтожения германского милитаризма и нацизма, устранения всех корней агрессивности германского империализма [4]. Значение одобренных принципов было велико: их последовательное осуществление обеспечивало реальную демократизацию страны.

На конференции в Ялте был согласован план, в соответствии с которым вооруженные силы великих держав в Германии займут особые зоны оккупации. Общее управление Германией должна была осуществлять центральная контрольная комиссия со штаб-квартирой в Берлине. Членами комиссии были представители Советского Союза, Англии, США и Франции. Комиссия должна была координировать действия администрации в отдельных оккупационных зонах и таким образом практически осуществлять контроль над всей территорией Германии.

Германский вопрос вновь обсуждался на Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (июль-август 1945 г.). В решении этой конференции подчеркивалось, что союзники стремятся дать немецкому народу возможность подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе [5]. Основное внимание уделялось обеспечению экономического и политического единства Германии. Поэтому Потсдамская конференция подробно разработала систему управления Германией четырьмя оккупационными державами. Были точно определены цели оккупации, которыми должен был руководствоваться Контрольный совет. Прежде всего в его цели входило полное разоружение и демилитаризация Германии, ликвидация всей германской промышленности, которая может быть использована для военного производства, или контроль над ней. Союзники заявили о своей решимости убедить немецкий народ, что он понес тотальное поражение и что он не может избежать ответственности за последствия деятельности своего правительства. Далее подчеркивалась необходимость ликвидации национал-социалистической партии и ее филиалов и подконтрольных организаций. Предусматривалось уничтожить все нацистские учреждения, создать условия, которые не допустили бы в какой-то ни было форме возрождения фашизма, нацистской и милитаристской деятельности в стране. Политическая жизнь в Германии должна была возродиться на новых, демократических основах в качестве необходимой предпосылки мирного участия Германии в международной жизни. Большое значение имел утвержденный принцип: германская экономика будет поставлена под контроль, обеспечивающий ее перевод на мирные рельсы и выполнение всех обязательств [6].

Потсдамская конференция также одобрила программу демилитаризации и демократизации Германии. Предполагалось полное разоружение, упразднение армии и военизированных организаций, генерального штаба и т. д. Предусматривалось запрещение производст-

всех видов оружия. Устанавливались санкции против германских монополий, как организаторов нацистской агрессии. В кратчайшие сроки немецкая экономика должна была быть децентрализована с целью уничтожения всех картелей, синдикатов, трестов и других монополистических объединений [7].

В Потсдаме обсуждался вопрос и о репарациях с Германии. Хотя и не удалось достигнуть конкретного соглашения об их величине, тем не менее было решено, что каждая держава имеет право получить репарации в своей оккупационной зоне. В то время западные державы еще обещали передать Советскому Союзу 25 % станков и оборудования, предназначенного к уничтожению или конфискации в их оккупационных зонах.

В ходе потсдамских переговоров не был окончательно решен вопрос о границах Германии. Хотя представители западных держав высказали предварительное согласие с претензиями Польши на территории в Восточной Пруссии, Померании и Силезии, однако окончательное решение этого вопроса они стремились оттянуть вплоть до будущих переговоров о мирном договоре с Германией. Западные державы дали также предварительное согласие на перемещение лиц немецкой национальности из Польши, Чехословакии и Венгрии, тем не менее они пытались саботировать реализацию этих мер и затрудняли переезд переселенцев в свои оккупационные зоны.

Потсдамская конференция имела огромное международное значение. Она утвердила принцип полной ликвидации германского милитаризма и фашизма, а также создания условий, которые исключали возможность возобновления германской агрессии. Большое значение имело и решение о перестройке всей политической жизни в Германии на демократических началах, о ликвидации монополий и подготовке мирного договора в соответствии с согласованными на Потсдамской конференции принципами.

Однако в Потсдаме проявились и расхождения между державами антифашистской коалиции. Западные представители отвергли предложение об ускоренном создании в Германии центрального правительства. Впоследствии это обстоятельство облегчило раскол Германии, создало благоприятные предпосылки для саботажа других решений Потсдамской конференции.

В Тегеране, Ялте и Потсдаме были обсуждены практически все основные аспекты германского вопроса. Естественно, вначале преобладали конкретные проблемы войны с Германией, в первую очередь участия западных держав в ходе военных действий. Однако постепенно на повестку дня выдвигались другие задачи, связанные с устранением и ликвидацией нацизма, созданием условий для обеспечения спокойного развития будущей миролюбивой и демократической Германии.

Представители Великобритании и Соединенных Штатов на конференциях в Ялте и Потсдаме одобрили и подтвердили ряд важных принципов, реализация которых, бесспорно, обеспечила бы осуществление вышеизложенных перемен в полном объеме. Однако западные державы в послевоенный период подходили к реализации этих

принципов крайне неохотно, выполняли их непоследовательно, а в ряде случаев вовсе отошли от них. В полном объеме они были реализованы только Советским Союзом в его зоне оккупации. В итоге непосредственно после войны образовались большие различия между западными и советской оккупационными зонами, различия, ставшие препонами для объединения Германии.

В ходе войны западные державы формально признавали некоторые демократические принципы политики по германскому вопросу, учитывая антифашистский настрой мирового общественного мнения и необходимость дальнейшего сотрудничества с Советским Союзом в войне с Японией. Однако на деле они и не помышляли о реализации согласованных принципов. И несмотря на собственную заинтересованность в ослаблении такого конкурента, как германский империализм, они ни в коем случае не хотели подрывать позиции капитализма в Германии, рассчитывая в будущем возобновить сотрудничество с ним. Такие планы полностью соответствовали интересам мирового империализма и международных монополий, которые в лице германского монополистического капитала видели своих важных партнеров.

После окончательного распада антифашистской коалиции и начала так называемой холодной войны Западная Германия превратилась в прямого союзника империалистических держав в подготовке к будущему военному конфликту с Советским Союзом и странами народной демократии. В этом состояла не последняя причина саботажа ялтинских и потсдамских соглашений со стороны западных держав.

В послевоенный период западные державы были вынуждены пойти на проведение процессов над крупнейшими военными преступниками в Нюрнберге и наказать их. В своих оккупационных зонах, однако, они во все большей степени саботировали демилитаризацию, денацификацию и демократизацию. Особенно это сказалось после того, как распалась антифашистская коалиция, и в свои права полностью вступила холодная война.

Соединенные Штаты и их союзники, Великобритания и Франция, первоначально намеревались использовать поражение Германии для ослабления власти немецких монополий и подчинения их своему влиянию. Однако они вовсе не хотели их ликвидации, так как именно в них западные державы видели лучшего союзника в борьбе с революционным и прогрессивным движением.

Крайне быстро выявилось, что США и другие западные державы не собираются выполнять на деле соглашения, достигнутые на Потсдамской конференции. Это открыто признал государственный секретарь США Д. Бирнс в своей речи в Штутгарте 6 сентября 1946 г. Бирнс выразил несогласие с решениями Потсдамской конференции о восточной границе Германии и заявил, что хотя США в определенной мере поддерживают требования Польши, тем не менее они настаивают: польская граница окончательно будет определена лишь мирным договором. Одновременно он раскрыл намерение своего правительства объединить западные оккупационные зоны и создать в них новую администрацию на федеральных принципах. Таким образом, Соеди-

нные Штаты не только открыто отказались выполнять потсдамские соглашения, но и официально провозгласили новый курс в германском вопросе. Цели такой политики сформулировал в январе 1947 г. Д. Ф. Даллес. Следовало бы подумать, сказал он, об экономическом объединении Европы и создании какой-то единой группировки, важной составной частью которой должна стать Западная Германия [8]. Становилось очевидным, что капиталистические державы и, особенно, США решили добиться окончательного раздела Германии и интегрировать ее западные оккупационные зоны в капиталистическую Европу.

Определяющее влияние на политику западных держав в отношении Германии имели Соединенные Штаты, которые в послевоенный период все более явно стремились к включению западных областей Германии в антисоветский и антисоциалистический блок. С этой линией по сути дела солидаризировалась Великобритания, которая вначале была заинтересована в установлении контроля над Рейнской областью, но вместе с тем не была против создания некоей западноевропейской федерации, важную роль в которой играли бы западные районы Германии. Франция занимала отличную позицию от США и Великобритании.

Таким образом, хотя отдельные западные державы в начале послевоенного периода по германскому вопросу отстаивали различные требования, в итоге, исходя из интересов защиты капиталистической системы, они сошлись на общем курсе, открыто направленном на раздел Германии и включение ее западной части в блок капиталистических стран.

Советский Союз стремился побудить своих партнеров по антигитлеровской коалиции заключить с Германией мирный договор. СССР предполагал, что такой договор воспрепятствовал бы окончательному разделу страны и сделал бы невозможным использование ее западной части для подготовки агрессии против Советского Союза и народно-демократических стран.

Различия этих двух концепций по германскому вопросу явственно проявились на заседании Совета министров иностранных дел в Париже в июне-июле 1946 г. Советский Союз внес предложения о восстановлении единства Германии на мирных и демократических началах. СССР отверг разные федералистские планы, в которых отражалась тенденция к разделу Германии и потребовал создания условий для восстановления экономической жизни этой страны на основе мирных и демократических принципов. Однако западные державы отвергли советские предложения и отказались даже от создания центральных учреждений и общегерманского правительства. Западные державы требовали отторжения Саарской области и ревизии решений Потсдамской конференции о возвращении Польше западных территорий [9]. По сути дела речь шла об открытой атаке на достигнутые в Ялте и Потсдаме соглашения и явном переходе западных держав на новый курс в германском вопросе.

Это подтвердилось на следующем заседании Совета министров иностранных дел в Москве в марте-апреле 1947 г. На нем Советский

Союз внес предложения ускорить демократизацию и денацификацию Германии, потребовал устранить бывших активных нацистов с общественных постов, предоставить демократическим партиям и свободным профсоюзам право объединяться в общегерманском масштабе и установить единые принципы для проведения выборов на всей немецкой территории страны. Советский Союз внес также предложения о восстановлении Германии как демократической республики с общегерманским парламентом и общегерманской конституцией, которая обеспечила бы свободное образование и деятельность всех демократических партий и организаций, гарантировала бы всем гражданам страны демократические свободы и гражданские права.

Западные державы опять отвергли эти предложения и вновь выдвинули на передний план вопрос о польско-германской границе, потребовали присоединения Саарской области к Франции и установления фактического англо-американского протектората над Рурской областью.

На московской сессии удалось принять ряд решений по некоторым важным вопросам. Прежде всего западные державы согласились с необходимостью разработать проект ликвидации заводов и фабрик, производящих военную продукцию. Далее, они высказали согласие с проведением земельной реформы в западных областях Германии. Было принято решение о ликвидации Прусского государства и обсуждены некоторые аспекты будущей конституции, административного устройства и правомочий разных германских органов. Однако западные державы, которые уже в то время ориентировались на расчленение Германии, большую часть взятых на себя обязательств так и не выполнили.

Новый курс западных держав по германской проблеме стал совершенно ясен на следующем, пятом заседании Совета министров иностранных дел в Лондоне (в ноябре-декабре 1947 г.). На нем в полной мере выявились принципиальные разногласия между Советским Союзом и западными державами по вопросам единства Германии и заключения мирного договора. Советский Союз потребовал осудить проекты образования сепаратных правительств и вновь настаивал на создании общегерманского правительства. Он предложил приступить к подготовке мирного договора с Германией, который должен был быть разработан в духе решений Ялтинской и Потсдамской конференций [10]. Однако представители западных держав отвергли советские предложения, сделали невозможным достижение сколь-либо серьезной договоренности по ключевым вопросам и предприняли конкретные действия, направленные на раскол Германии.

В начале 1947 г. вступило в действие соглашение об объединении американской и английской оккупационных зон и создании так называемой Бизонии. Это был серьезный шаг на пути к полному расчленению Германии. Подобные действия предопределили исход переговоров США, Англии, Франции, происходивших в первой половине 1948 г., завершившихся принятием сепаратистских мер, в первую очередь решений о денежной реформе и созыве законодательного собрания, призванного разработать конституцию будущего

западногерманского государства. Немного позднее упомянутые страны приняли решения о создании западногерманского федерального правительства, об экономической роли Германии в западноевропейской экономике и об образовании контрольного органа для Рурской области, в котором решающие позиции заняли представители США [11].

На указанных переговорах в Лондоне западные державы окончательно решили осуществить экономический и политический раскол Германии. Такие действия были нацелены на ликвидацию союзной администрации в Берлине и на прекращение деятельности Контрольного совета. Подобное развитие достигло своего пика образованием Федеративной Республики Германии в сентябре 1949 г. Вынужденной ответной мерой явилось провозглашение в октябре 1949 г. Германской Демократической Республики.

Мировой империализм приветствовал образование западногерманского государства, в лице которого он видел своего союзника в борьбе против стран социалистической системы. Международная империалистическая реакция оказывала Западной Германии широкую поддержку и помощь. ФРГ вскоре была включена в империалистические военные блоки и самые различные интеграционные объединения, создававшиеся в Западной Европе во второй половине сороковых годов и позже.

Постепенно ФРГ превратилась в важное звено капиталистической Европы. Западногерманские монополии восстановили и расширили контакты с международными монополистическими объединениями, во все большем объеме участвовали в их деятельности, втягиваясь в мировую капиталистическую экономику.

Путем создания сепаратного западногерманского государства империалистические державы намеревались по-своему решить германский вопрос. В первую очередь они полагали добиться в будущем создания объединенной капиталистической Германии путем поглощения восточной части страны и включения ее в Федеративную Республику Германии. Однако возникновение ГДР полностью перечеркнуло эти планы. На части германской территории образовалось демократическое государство, в котором под руководством рабочего класса были осуществлены важные общественные перемены, приведшие к постепенной ликвидации капиталистической системы и реализации целей социалистической революции. Принадлежность к социалистической системе и союз с СССР обеспечили первому государству рабочих и крестьян на германской земле прочное и надежное международное положение, гарантировали его безопасность от аннексионистских посягательств западногерманских реваншистов и агрессии мирового империализма.

Серьезные разногласия между Советским Союзом и западными державами возникли и по вопросам мирного урегулирования на Дальнем Востоке и мирного договора с Японией. Принципы политики союзников в отношении Японии были сформулированы уже в Ялте. Они предусматривали особую необходимость ликвидации мощи и влияния японского милитаризма, его вооруженных сил и наказания

военных преступников. Было решено лишить Японию всех владений, захваченных агрессором в прошлом и во время второй мировой войны. Предусматривалось перестроить японскую экономику на мирных началах, обеспечить японскому народу основные демократические права и свободы [12].

Реализация провозглашенных принципов оказала бы сильное влияние на обеспечение безопасности и прочного мира не только на Дальнем Востоке, но и во всей Азии. Устранение корней японского империализма и милитаризма создавало бы условия для того, чтобы эта важная азиатская держава впредь проводила миролюбивую политику. Реализация подобных мер вела бы также к ликвидации разных феодальных пережитков, которые продолжали весьма существенно влиять на все внутриполитическое развитие Японии. Проведение этих мер позволило бы японскому народу впервые в его истории действительно свободно решать свои дела.

Не меньшее значение могла иметь демократизация экономической жизни. На первый план здесь выдвигалась децентрализация крупных японских монополий, которые служили материальной базой японского милитаризма и являлись вдохновителями агрессивной политики Японии. В связи с этим находилась и коренная широкая земельная реформа, призванная сломить экономическую мощь полуфеодальной аристократии и крупных помещиков, дать землю широким крестьянским массам и покончить с их зависимостью от аристократии и сельской буржуазии.

Большое значение должны были иметь и ликвидация японской колониальной империи, возвращение прежним владельцам всех территорий, приобретенных Японией в результате военных захватов с конца XIX в. до второй мировой войны включительно. Проведение комплекса указанных мер обеспечивало бы справедливое урегулирование в Восточной Азии и бассейне Тихого океана. Но тем не ограничивалось их значение. Они способствовали бы и ослаблению позиций японских правящих кругов, которые всегда наживались больше всех на вооруженной агрессии.

Меры, согласованные на совещаниях представителей союзных держав, были в состоянии обеспечить условия для принципиального изменения соотношения сил в этом регионе мира. Япония превратилась бы в демократическое и миролюбивое государство, разумеется, при условии последовательного претворения в жизнь провозглашенных принципов. Однако после окончания войны на Дальнем Востоке и еще более в последующие годы торжественные заявления западных союзников осуществлялись на практике крайне непоследовательно и половинчато. Вина за это лежала на Соединенных Штатах, обладавших реальной властью в Японии, поскольку их войска оккупировали японский архипелаг и установили оккупационное правление над всей его территорией.

Оккупировав Японию, Соединенные Штаты взяли на себя основную ответственность за реализацию упомянутых мер. Оккупационные органы отменили различные репрессивные законы, добились освобождения политических заключенных и провели некоторые меры

по обеспечению гражданских свобод. Однако они крайне непоследовательно выступали против представителей бывшего фашистского режима и дали реакционным и правым силам возможность активно вмешиваться в общественную жизнь.

Советский Союз прилагал большие усилия для создания условий демократизации общественной системы в Японии. Он потребовал создания Контрольного совета по Японии в качестве органа, призванного решать вопросы о принципах демократизации страны и мерах, направленных на ликвидацию фашизма. Однако Соединенные Штаты отвергли это предложение и на лондонском заседании Совета министров иностранных дел в октябре 1945 г. дали согласие только на создание Дальневосточной консультативной комиссии в составе девяти стран, подписавших акт о капитуляции Японии. Однако эта комиссия не имела реальных прав, будучи исключительно совещательным органом при главнокомандующем, который не был обязан учитывать ее решения. После отказа Советского правительства участвовать в работе этой комиссии США дали согласие на создание двух новых органов: Дальневосточной комиссии в составе одиннадцати стран и Союзного совета для Японии, в котором должны были участвовать представители четырех стран — США, СССР, Великобритании и Китая.

Дальневосточная комиссия должна была формулировать политическую линию и принципы выполнения Японией условий капитуляции. Союзный совет для Японии выполнял функции совещательного органа при главнокомандующем и мог давать ему советы, в спорных случаях обращаясь в Дальневосточную комиссию [13]. Система оккупационного управления в Японии была очень сложной и предоставляла американским империалистам много возможностей для достижения собственных политических целей. Таким образом, Соединенным Штатам удалось сохранить в Японии императорскую власть и добиться принятия конституции, которая — при некоторых ее положительных сторонах — не подрывала капиталистическую систему. Несмотря на принятие ряда законов против монополий и против концентрации экономики, позиции японского капитала, хотя и подвергшегося известной реорганизации, остались практически незатронутыми.

Соединенные Штаты не были заинтересованы в образовании миролюбивой и демократической Японии. Поэтому они отвергли заключение мирного договора, ибо в то время они опасались, что в нем будут зафиксированы — как в договорах с бывшими европейскими союзниками гитлеровской Германии — принципы, ослабляющие позиции крупного капитала и служащие демократическим и миролюбивым силам.

В результате такой политики не были реализованы многие принципы, выдвинутые ранее на совещаниях союзных держав и не были уничтожены основы японского империализма и милитаризма. Поэтому японский монополистический капитал в значительной степени смог сохранить свое прежнее положение, а затем быстро установил связи с североамериканскими монополиями, расширил с ними сотрудничество и с американской помощью смог постепенно возродить

и расширить сферу своей деятельности. Японские монополии вновь поставили под контроль основные политические партии, а посредством их — и всю страну.

В послевоенный период Япония превратилась в важную базу североамериканского империализма и помогала ему реализовать империалистические цели в Восточной Азии и бассейне Тихого океана. Это проявилось во второй половине 40-х годов в ходе гражданской войны в Китае и позже во время военного конфликта в Корее, когда Япония превратилась в основную военную базу США, тыл американских интервенционистских войск, «непотопляемый авианосец», с которого американская авиация совершала варварские налеты на территорию КНДР.

Таким образом, японский империализм в полном объеме использовал события того времени в собственных интересах. Тогда сформировались благоприятные условия не только для возрождения его влияния в самой Японии, но и постепенного перехода к экономической экспансии, в первую очередь в Юго-Восточной Азии. Японский империализм при поддержке и помощи США смог преодолеть все трудности, вызванные поражением в войне, и вновь вернуться к экспансионистской политике.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СТАНОВЛЕНИЕ МИРОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ, РЕВОЛЮЦИОННОЕ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Решающая роль Советского Союза в разгроме германского фашизма, его союзников и японского империализма во второй мировой войне создала возможности для коренных общественных преобразований в ряде европейских и азиатских стран. Победа национально-демократических революций и установление народно-демократического строя в этих регионах существенно ослабили общие позиции империализма. Социализм вышел за рамки одной страны и превратился в уже действительно мировую систему. Исторический процесс перехода от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией, получил дальнейшее успешное развитие. Социализм утверждал себя в международном масштабе в качестве фактора, оказывающего возрастающее влияние на мировое развитие.

Поражение фашизма, в первую очередь нацистской Германии, и решающая роль Советского Союза в достижении Великой победы

сделали возможным возникновение стран народной демократии и формирование мировой социалистической системы. Благодаря этим благоприятным условиям в странах Центральной и Юго-Восточной Европы были очень быстро устранены последствия фашистской оккупации и наследие местных фашистских режимов, созданы предпосылки для достижения последовательной демократизации общественной и экономической жизни. Принципиальное значение имел и тот факт, что меры, направленные против фашизма, в значительной степени затрагивали местную реакцию, ослабляли и подрывали позиции национальной буржуазии, особенно тех её групп, которые в разных формах сотрудничали с фашистами и оккупантами. В ряде случаев имело место устранение разных феодальных пережитков, ликвидация монархий, привилегий дворянства, отмена земельной собственности феодалов и преодоление их влияния на экономическую и политическую жизнь.

Революционные меры изменяли не только структуру общественной жизни и внутреннюю политику, но и внешнеполитический курс этих стран. Преодолевалось влияние иностранных держав, притом не только Германии и Италии, но и западных империалистических держав, правящие круги в которых имели многочисленные связи с ранее господствовавшими кругами Центральной и Юго-Восточной Европы.

В развитии стран данного региона во время войны и после нее было много общих или же схожих черт. Особую важность имела происходившая в то время заметная активизация народных масс, которые оказывали поддержку революционному движению рабочего класса во главе с коммунистами. Активизация масс выливалась в различные формы. Своя специфика была присуща антифашистской борьбе в оккупированных странах, ставших непосредственными жертвами фашистской агрессии. Там, где возникли благоприятные условия, например, в Югославии и Албании, антифашистское движение вскоре переросло в широкомасштабную вооруженную борьбу. В других странах например, в Польше и Чехословакии, такие формы антифашистской борьбы развивались постепенно, в зависимости от успешных действий Советской Армии по разгрому фашистских войск.

Указанные обстоятельства сделали возможным постепенное выравнивание освободительного и революционного движения и создание условий для реализации послевоенных задач, осуществление национально-демократических революций, а в последующем и проведение мер, расчищавших путь, ведущий к строительству социалистического общества. Тождество или же близость целей, которые ставили перед собой революционные силы в отдельных странах, облегчало их взаимное сотрудничество и объективно ускоряло процесс создания мирового социалистического содружества.

Мировая социалистическая система возникла в острой классовой и политической борьбе, в конфликтах, последствия которых проявлялись во всей послевоенной истории человечества. Империалисты пытались всеми способами вернуть себе утраченные позиции. Они использовали самые разные средства, вплоть до гражданской войны

и вооруженной интервенции. Больше всего они рассчитывали на то, что Советский Союз, которому война нанесла огромный ущерб, не сможет оказать заметного влияния на международные дела. Империалисты надеялись, что СССР и народно-демократические страны не справятся с созданными войной экономическими проблемами и попадут в зависимость от капиталистического мира, в первую очередь от США. Для ослабления Советского Союза и народно-демократических государств империалисты прибегали к самым разнообразным средствам. Они вмешивались в их внутренние дела, поддерживали антинародные элементы, использовали все возможности, чтобы изменить развитие и вернуть эти страны в капиталистический лагерь.

Национально-демократические революции и возникновение народно-демократических режимов в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы существенно повлияли на все развитие международных отношений в конце второй мировой войны и во второй половине 40-х годов. Победа революций была результатом взаимодействия внутреннего развития в этих странах и благоприятных внешних условий, явившихся следствием решающей роли Советского Союза в разгроме фашистских государств.

Все страны данного региона, кроме Чехословакии, ранее имели преимущественно аграрный характер, были поставщиками сельскохозяйственной продукции и сырья империалистическим государствам. Важное место в их экономике занимал иностранный капитал не были устранены пережитки феодализма, которые нередко были существенными и давали о себе сильно знать в экономической и общественной жизни. В Румынии, Венгрии, Польше и Болгарии ранее существовали профашистские режимы, свидетельствовавшие о значительном обострении классовых и социальных противоречий. В разных государствах имелись угнетенные национальные меньшинства, классовая борьба пролетариата и других слоев трудящихся тесно переплеталась с национально-освободительным движением угнетенных народов. Поэтому национально-демократические революции, происходившие в конце второй мировой войны, должны были, в первую очередь, решать буржуазно-демократические задачи и лишь постепенно перерастали в социалистические.

Рабочий класс, возглавляемый коммунистическими партиями, был главной и наиболее активной силой национально-освободительной антифашистской борьбы в Центральной и Юго-Восточной Европе. Вокруг него объединялись другие слои трудового народа, особенно крестьянство. В союз с рабочим классом вступила часть мелкой буржуазии и в некоторых случаях — часть национальной буржуазии. Ведущая роль рабочего класса, руководимого коммунистическими партиями, наложила глубокую печать на характер всей национально-освободительной борьбы. Однако ее ход и результаты зависели не только от соотношения классовых сил в отдельных странах, но и, в немалой степени, от результатов общей борьбы антигитлеровской коалиции, от военных успехов Советского Союза. События на главных полях сражений, особенно на советско-германском фронте, оказы-

вали существенное воздействие на развитие антифашистской борьбы угнетенных народов в этой части европейского континента.

В Центральной и Юго-Восточной Европе ведущие позиции в национально-освободительном движении завоевали коммунистические партии, которые представляли наиболее значительную политическую силу, вокруг которой сплачивались демократические и прогрессивные группы и широкие слои трудящихся. С особой выразительностью это проявилось в начальный период войны; буржуазные партии и течения, с одной стороны, претендовали на гегемонию в национально-освободительном движении, а с другой, — побуждаемые страхом перед революционными силами, утратили способность к последовательной борьбе с фашизмом и, напротив, стремились к соглашению с его представителями, тормозили развертывание вооруженных форм сопротивления оккупантам или же пытались придать им антисоветскую направленность, как это было в Польше и Югославии.

В результате буржуазия как класс неудержимо теряла некогда принадлежавшее ей ведущее положение; роль гегемона в общественном развитии переходила к рабочему классу, который с самого начала был решающей силой антифашистского движения. В этом процессе большое значение имел тот факт, что Советский Союз предоставлял революционным силам в этой части Европы возраставшую помощь. Совсем иное соотношение сил складывалось в Западной Европе, где возглавляемый коммунистами рабочий класс, игравший и здесь важную роль в национально-освободительном движении, не получал такой же политической и военной поддержки, как руководимые буржуазией группировки сопротивления. Поэтому приход западных армий явился фактором, который помешал рабочему классу выполнить роль ведущей силы и на последней стадии войны, в ходе освобождения. В отличии от этого, революционные и прогрессивные силы в Центральной и Юго-Восточной Европе, используя благоприятные условия, сложившиеся в конце войны, смогли полностью оттеснить реакцию, ликвидировать феодальные и профашистские группы, ослабить позиции буржуазии и тем самым создать предпосылки для возникновения народно-демократического строя.

Западные империалисты были весьма обеспокоены подъемом национально-освободительного движения в Центральной и Юго-Восточной Европе. И еще больше их страшило иное: его гегемоном все прочнее утверждался рабочий класс, возглавляемый коммунистическими партиями. Представители западных великих держав пытались затормозить или изменить такое развитие событий. Поэтому в ходе войны они стремились ограничить национально-освободительное движение в этих странах и изменить его цели. Они разрабатывали планы послевоенного устройства в этих странах, рассчитывая подавить революционный процесс и не просто установить буржуазный строй, но и реставрировать здесь правые и реакционные режимы. Притом империалисты надеялись: ослабленный Советский Союз потеряет возможность влиять на ход событий во всем этом важном регионе европейского материка и его будущее будет зависеть от решений Соединенных Штатов Америки и Великобритании. Западные

державы не забывали и стратегическое значение данного региона. Они стремились вновь воссоздать «санитарный кордон» вдоль границ Советского Союза из стран Центральной и Юго-Восточной Европы, поставить эти страны в политическую и экономическую зависимость от американских и британских монополий. Поэтому правительства обеих империалистических держав в ходе войны поддерживали различных реакционных политических эмигрантов, рассматривая их как будущих правителей этой части Европы.

Именно реакционная эмиграция, сосредоточившаяся на Западе, в первую очередь в Великобритании, была самым надежным союзником обеих западных держав, призванным защищать их интересы на европейском континенте. В эмиграции были представлены самые различные группировки и направления. Были здесь крайне правые, не скрывавшие своих симпатий к фашизму и перебежавшие на Запад главным образом из-за несогласия с расистской политикой нацистов. Но здесь были представлены и разные клерикальные и буржуазно-либеральные течения. Наконец, здесь же оказались представители социалистических партий и даже подлинные сторонники революционных левых сил.

Западным державам приходилось считаться и с тем, что наиболее правые элементы скомпрометировали себя до войны и в военные годы сотрудничеством с фашизмом и что нельзя надеяться на их возвращение к власти непосредственно после войны. Поэтому они ориентировались на представителей политического клерикализма, на буржуазных либералов и социал-реформистов. По сути дела западные державы всегда стремились представителей таких эмигрантских кругов выдвинуть к руководству правительственными институтами и органами административного управления с тем, чтобы они, действуя в согласии с заправилами местной буржуазии, захватили власть в освобожденных странах и предотвратили победу революционных сил. Речь шла главным образом о создании антинародной бюрократической системы управления, которая должна была обеспечить сохранение капиталистического строя. Примечательно, что в военные годы в Великобритании, например, была организована подготовка районных гетманов и других высоких чиновников для послевоенной Чехословакии.

Объективно говоря, вопрос стоял следующим образом: или западные державы сумеют создать условия для реализации своих реакционных интервенционистских планов, или же возникнет такая внутренняя и международная ситуация, которая сделает возможным совсем иное — революционное решение, возникновение подлинно народных органов революционной власти. Какая историческая альтернатива окажется реализованной очень во многом зависело от хода военных операций, от того, какие войска освободят те или иные страны из фашистского рабства.

Таким образом, для судеб народов Центральной и Юго-Восточной Европы решающее значение сыграла роль Советского Союза в войне, его послевоенное положение и его внешняя политика. На международной арене Советский Союз отстаивал национальные интересы и неза-

висимость этих стран от поползновений западных держав, от любых попыток давления и вмешательства извне.

Освобождение советскими войсками Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Румынии и Венгрии создало благоприятные условия для ликвидации профашистских и оккупационных режимов, способствовало расширению национально-освободительной борьбы в Центральной и Юго-Восточной Европе, установлению народно-демократического строя в странах этого региона и осуществлению принципиальных социально-экономических и политических преобразований. В одной стране за другой устранялся старый государственный аппарат, возникали новые народные органы власти, проводилась революционная земельная реформа, ликвидировалась капиталистическая собственность на средства производства. Сплоченный рабочий класс, возглавляемый марксистско-ленинскими партиями, в союзе с крестьянством и другими трудящимися проводил в жизнь меры, ведущие к перерастанию народно-демократических революций в социалистические, к постепенному вызреванию предпосылок для утверждения диктатуры пролетариата.

В ходе ликвидации фашистского наследия повсеместно устранялись феодальные пережитки, подрывалось экономическое и политическое господство капитализма, создавалась новая общественная и государственная структура, гарантирующая экономические, социальные и политические права рабочего класса. Пролетариат во главе с коммунистами, в тесном союзе со всем трудовым народом выступал главной движущей силой революционного процесса. И, действуя в тесном союзе со всем трудовым народом, шаг за шагом ликвидировал устои капиталистической системы, подготавливая почву для строительства социалистического общества. По мере углубления революционного процесса укреплялось сотрудничество с Советским Союзом, с народно-демократическими странами, расширялись контакты с мировым революционным и национально-освободительным движением.

Развернувшиеся здесь события оказали влияние на все послевоенное развитие мира, изменили соотношение сил между империализмом и социализмом, обострили общий кризис капиталистической системы, расширили сферу влияния социалистической революции. Все происходившие перемены осуществлялись в острых классовых конфликтах, в такой ситуации, когда внутренняя реакция, поддерживаемая империалистическими государствами, оказывала активное сопротивление новому народно-демократическому строю и стремилась к реставрации капиталистических режимов. Большое значение для успеха революций в Центральной и Юго-Восточной Европе имело существование Советского Союза, его опыт, накопленный в ходе социалистического строительства, и борьба против мирового империализма, за укрепление мира и международной безопасности.

Советский Союз, оказывая всестороннюю поддержку народно-демократическим государствам, предоставлял им серьезную политическую и экономическую помощь. Еще в ходе войны, в декабре 1943 г. СССР заключил союзный договор с Чехословакией, а в 1945 —

различные договоры о военном сотрудничестве с Польшей и Югославией. Очень важными были соглашения о перемирии с Румынией и Болгарией, подписанные в 1944 г., и с Венгрией — в январе 1945 г., которые позволили революционным и прогрессивным силам в этих странах развернуть деятельность, направленную на устранение всех остатков фашизма и обеспечение прогрессивного, демократического развития.

Для укрепления народно-демократического строя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы большое значение имела обширная экономическая помощь, которую в конце войны и в послевоенный период оказывал им Советский Союз. У большинства этих стран, как уже говорилось, была слабо развитая экономика, к тому же война нанесла тяжелый урон их народному хозяйству. Положение дел усугубляли стихийные бедствия, в первую очередь засуха и неурожай, имевшие место в послевоенные годы, а также дискриминационная политика западных держав, которые стремились затормозить возрождение и развитие экономики народно-демократических государств.

В создавшихся условиях все народно-демократические страны, чтобы сохранить свою экономическую независимость от иностранных монополий, должны были ускоренными темпами развивать народное хозяйство и создавать современную промышленность.

Советский Союз помогал народно-демократическим государствам защищать их интересы от диктата американских и британских империалистов. Свои акции против народно-демократических государств мировой империализм считал составной частью политики так называемого отбрасывания коммунизма, ставя цель восстановить в этих странах капиталистический строй и реакционные режимы, превратить восточноевропейский регион в антисоветский военный плацдарм.

Правящие круги США, Великобритании и других капиталистических государств вмешивались в их внутренние дела, открыто поддерживая реакционные силы в народно-демократических странах[1]. Выборы в законодательные органы, проходившие в 1945—1947 гг., они стремились использовать для того, чтобы помочь прийти к власти различным реакционным деятелям, находившимся на их службе. Подобную тактику империалисты применяли прежде всего в Румынии, Венгрии и Болгарии, т. е. в тех странах, которые правящими кругами в ходе войны были втянуты в сотрудничество с гитлеровской Германией. Западные империалисты в этих целях прежде всего пытались использовать свои позиции в союзных контрольных органах, действовавших вплоть до заключения мирных договоров с этими государствами.

Правительства США и Великобритании долго поддерживали реакционную польскую эмиграцию на Западе и отказывались иметь какое-либо дело с прогрессивными силами, в том числе с временным правительством, созданным на освобожденной территории Польши. Только после войны, когда стала очевидной бесплодность такой тактики, они изменили позицию, признали законное польское правительство, однако при этом предприняли попытку протащить своих

ставленников на решающие правительственные посты. Так же действовали они в Чехословакии и Югославии, где поддерживали правые силы. Западные державы продолжали свою подрывную политику и не прекратили вмешательство во внутренние дела народно-демократических государств и после того, как были заключены мирные договоры с бывшими союзниками нацистской Германии, а империалистическая агентура потерпела поражение также в Чехословакии и Польше.

В новой обстановке свою враждебную политику империалисты стремились проводить другими способами.

Мировой империализм никогда не примирялся с тем, как развивались события в Центральной, Юго-Восточной Европе и в некоторых областях Азии. Происходившие здесь перемены они воспринимали как преходящие проявления послевоенного революционного кризиса, рассчитывая, что они исчезнут вместе с преодолением этого кризиса и стабилизацией капиталистической системы. Распад антигитлеровской коалиции и начало так называемой холодной войны ознаменовался все более открытыми действиями империализма против народно-демократических государств. Была поставлена цель — совместно с внутренними оппозиционными силами совершить переворот в этих странах и повернуть вспять их развитие. В новой обстановке полностью раскрылось значение единства действий стран народной демократии, важность их союза и сотрудничества с СССР. Подрывные планы империализма были разбиты сплоченностью лагеря демократии и социализма, что создало благоприятные перспективы для развития в дальнейшем социалистического содружества.

Народы всех оккупированных стран Европы и всего мира хорошо понимали значение решающего вклада СССР, благодаря которому война закончилась разгромом гитлеровской коалиции, а затем и ее союзника на Дальнем Востоке — японского милитаризма. В результате существенно возрос международный авторитет СССР и его влияние в мировой политике. Народные массы во всех странах начали осознавать преимущества социалистического строя, которые позволили народам СССР с честью выстоять в войне и добиться великой исторической победы в борьбе с фашизмом.

Значительный международный отклик вызвало и послевоенное развитие Советского Союза, самоотверженный труд советского народа по преодолению последствий войны и выполнению планов дальнейшего развития советского общества. К этому времени со всей явственностью обозначились принципиальные различия двух курсов в мировой политике. Империалистические политики вновь открыто утвердились на антисоветских позициях, разорвали союзнические и дружеские связи, возникшие в годы совместной борьбы против общего врага, развернули холодную войну и начали подготовку вооруженного нападения на СССР и страны народной демократии. Полной противоположностью тому была последовательная миролюбивая политика стран формировавшегося в данное время социалистического содружества, приступивших к выполнению долгосрочных планов

созидания нового общества. Миролюбивый характер политики Советского Союза убедительно разоблачал вымыслы империалистической пропаганды о надуманной опасности «коммунистической агрессии» против капиталистического мира, главным образом против Западной Европы.

Советский Союз вышел из войны со значительно возросшим военным и политическим потенциалом, однако в ее ходе он понес огромные экономические потери. Гитлеровские оккупанты сильно разрушили сотни городов, более 70 тыс. сел и деревень, 31 850 промышленных предприятий, 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов и т. д. Материальный ущерб составил 679 миллиардов рублей по довоенным ценам, а общие материальные потери, включая бюджетные расходы на военные нужды, достигли 2 триллионов 569 млрд. рублей.

Несмотря на эти гигантские потери Советский Союз сразу же после окончания войны продолжил строительство социализма. В марте 1946 г. был принят план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг., целью которого было устранение ущерба в оккупированных и пострадавших от войны областях, достижение и значительное превышение довоенного уровня народного хозяйства. До 1950 г. только промышленное производство должно было возрасти на 48 % по сравнению с 1940 г.

Западные политики считали этот план невыполнимым без кредита и экономической помощи со стороны капиталистических стран [2]. Однако Советский Союз довольно быстро, уже в 1946 г., смог перестроить свое народное хозяйство на выпуск мирной продукции. В конце 1947 г. объем промышленного производства почти достиг уровня 1940 г., а в 1948 г. превысил его. Первая послевоенная пятилетка в ряде отраслей была выполнена досрочно, а валовое промышленное производство в 1950 г. превысило довоенный уровень на 73 % вместо запланированных 48 %. По темпам прироста промышленной продукции Советский Союз значительно превзошел Соединенные Штаты: в 1950 г. общий объем промышленного производства в СССР возрос по сравнению с 1937 г. на 151 %, в то время как в США — на 84 %.

Советский Союз выполнил все эти задачи несмотря на трудности, возникавшие в послевоенный период, когда он был вынужден не только устранять огромный ущерб, нанесенный войной, но и преодолевать другие препятствия, например, последствия засухи и неурожая в 1946 г. СССР удалось не только обновить и превысить довоенный уровень, но и успешно провести основную реконструкцию и модернизацию народного хозяйства, в первую очередь промышленности. В ряде отраслей начала внедряться автоматизация производства, создавались новые современные отрасли промышленности. Это сделало возможным не только восстановление экономического потенциала СССР, но и укрепило его военную мощь, что было крайне важным, так как империалистические державы вновь переходили к агрессивной антисоветской политике.

Экономические достижения СССР за сравнительно короткие сроки имели также и большое международное значение — ведь они содей-

ствовали отражению натиска империализма и сохранению знаменательных завоеваний революционных сил во всем мире, особенно в странах народной демократии.

Укрепление и возрастание оборонной мощи Советского Союза, который уже в 1947 г., овладел секретом производства атомного оружия, помешали милитаристским кругам на Западе развязать новую войну против СССР и народно-демократических государств. Тем самым были созданы объективные международные предпосылки для дальнейшего мирного строительства социализма.

Созидательные успехи Советского Союза являлись значительной помощью революционному движению в капиталистическом мире, помогая завоевать новых сторонников, массовую поддержку трудящихся. А без этого революционные силы не смогли бы успешно в основном отражать натиск капитализма, пытавшегося, особенно в конце 40-х годов, ликвидировать различные завоевания народных масс в капиталистических странах в послевоенный период.

Под воздействием этих событий происходил рост национально-освободительного движения в колониях и полуколониях, поднявшихся на борьбу народных масс за свержение империалистического господства.

Советский Союз оказывал морально-политическую поддержку национально-освободительному движению, защищал интересы и права колониальных народов на международной арене и в первую очередь в Организации Объединенных Наций.

Успехи Советского Союза в восстановлении народного хозяйства и послевоенном мирном строительстве особое значение имели для народно-демократических стран, ибо создавали объективные материальные предпосылки для развития и углубления экономического сотрудничества, которое было серьезным фактором укрепления единства стран народной демократии и Советского Союза.

Образование мировой социалистической системы, возрастание ее силы и укрепление ее единства имели огромное международное значение, поскольку в ее лице прогрессивное человечество обрело самую важную опору в борьбе против войны, за мир и безопасность народов. Возникновение мировой социалистической системы позволило входящим в ее состав малым странам успешно противостоять натиску империалистических держав, что в свою очередь вдохновляло народы колоний и полуколоний на борьбу за освобождение от империалистического гнета, завоевание независимости.

Мировая социалистическая система уже в ходе своего становления стала оказывать благотворное влияние на решение многих важнейших международных проблем, начавших проявляться во второй половине 40-х годов. Нельзя недооценить того факта, что по мере становления мировой социалистической системы формировались предпосылки для дальнейшего изменения соотношения сил между социализмом и капитализмом, для укрепления международных позиций и авторитета мировой социалистической системы, которая позднее во все большей мере становилась решающим фактором всего мирового развития.

После окончания второй мировой войны значительное развити получило революционное движение во всех капиталистически странах. Несмотря на то, что коммунисты понесли тяжелые потер в антифашистской борьбе, за десятилетие с 1939 по 1949 гг. во никло восемнадцать новых марксистско-ленинских партий. В 1947 коммунистическое движение насчитывало более 20 млн. членс против 4 млн. перед войной. В капиталистических странах числе ность коммунистов возросла с 1,5 млн. до 4,8 млн. человек. В не которых капиталистических странах коммунистические партии отне сились к числу самых крупных и влиятельных политических орга низаций, а с точки зрения количества зачастую они были вообш наиболее массовыми и сильными. Примечательным для того времен было обстоятельство, что наибольшее число новых сторонико коммунистические партии приобрели в странах, в годы войны оказа шихся под игом фашизма [3].

Массовые коммунистические партии возникли в то время в ра ных капиталистических странах Европы. В первую очередь в Ита лии, где в 1945—1947 гг. в ИКП состояло 2250 тыс. членов во Франции — 800 тыс. членов, в Греции — 400 тыс. членов, Запад ной Германии — 312 тыс. членов, Австрии — 132 тыс. и в Бельгии 100 тыс. членов. Большое влияние коммунистов подтверждалос результатами парламентских выборов, состоявшихся в послевоенны годы. Во Франции коммунисты получили 5,5 миллионов голосо (26,2 %), в Италии — 4,4 млн. (19 %), в Финляндии коммунисти завоевали 24 % голосов, в Бельгии — 12,7 %, в Дании — 12,5 в Норвегии 11,9 %, Голландии — 10,6 %, Швеции — 10,3 % и т.

В 1945—1947 гг. коммунисты вошли в правительства ряда евр пейских стран — Италии, Франции, Бельгии, Дании, Норвегии, И ландии, Австрии, Финляндии и Люксембурга. Участие предста телей коммунистов в правительствах этих стран было важным только для внутреннего развития этих стран. Следует иметь в ви и международное значение, т. к. это в определенной степе сковывало возможность маневра империалистических сил и в перву очередь США.

В тот период коммунистические партии значительно расшири свое влияние на рабочий класс в разных капиталистических стран и завоевали много сторонников в других классах и слоях нас ления — среди крестьян, интеллигенции и т. д. Там, где они суме творчески разработать и использовать применительно к конкретн условиям своих стран решения VII конгресса Коммунистическо Интернационала и опыт, накопленный в ходе антифашистск борьбы, коммунистические партии становились признанными пре ставителями рабочего класса и всего трудового народа.

Коммунисты возглавили борьбу трудящихся за удовлетворени их экономических и социальных требований, и это еще больш подняло авторитет компартий в глазах народных масс, которые в более решительно поддерживали их революционные программ Участие коммунистов в правительствах и других государственны органах позволяло проводить тактику комбинированного давлени

«сверху» и «снизу» для реализации целей революционного движения. В международном масштабе такое развитие событий препятствовало стремлениям империализма укрепить свое господство. Революционные силы в капиталистическом мире были важной составной частью мирового революционного процесса. Их мощь проявилась в обстановке холодной войны, когда они поднялись на защиту Советского Союза и стран народной демократии.

В послевоенный период коммунистическое движение усиливалось и на остальных континентах, особенно в Азии. Число коммунистов здесь возросло с 20 тыс. в 1939 г. до 350 с лишним тысяч в 1947 г. В Латинской Америке за то же время число коммунистов увеличилось с 90 тыс. до 450 тыс. человек. Коммунистическое движение крепло и там, где до войны оно было совершенно слабым — в Африке и Океании, в Австралии и Новой Зеландии. В послевоенные годы представители коммунистических партий вошли в правительства Чили, Индонезии и Ирака.

Во многих колониальных и полуколониальных странах только теперь начали создаваться коммунистические партии, которые в некоторых местах получили возможность легального и полулегального существования. Там, где не существовало соответствующих общественных условий для возникновения коммунистических партий, образовались прогрессивные и революционные группы, сыгравшие важную роль в национально-освободительном движении.

В других странах, где революционные партии существовали ранее, их ряды пополнялись новыми членами, так что некоторые из них приобрели массовый характер, существенно расширив свое влияние, особенно среди сельского населения. Рост революционного движения в этих регионах в послевоенный период протекал относительно более быстро, чем в капиталистических странах. Однако расширение масштабов движения несло с собой различные проблемы и затруднения, вытекающие из недостаточной теоретической и идейной зрелости и неудовлетворительного уровня политической и классовой сознательности новых участников революционной борьбы. Эти обстоятельства, в сочетании с увеличением доли выходцев из мелкобуржуазных городских слоев, крестьянства и интеллигенции в составе коммунистических партий способствовали проникновению разных ошибочных взглядов, особенно левацкого радикализма и анархизма. Тем не менее, даже такое положение не могло существенно умалить огромное значение послевоенного революционного движения в регионах, которые прежде были относительно спокойным и устойчивым тылом мирового империализма. В некоторых развивающихся странах коммунисты вошли в состав правительств. Благодаря этому компартии получили возможность испытать на практике принципы политики антиимпериалистического фронта, разработанной VII конгрессом Коминтерна и использовать свои позиции для пропаганды требований широких слоев трудящихся.

После второй мировой войны укреплялось также единство международного рабочего движения. Самым важным шагом в этом направлении стало основание в октябре 1945 г. Всемирной федерации

профсоюзов. Она объединила профсоюзы из 56 стран, которые представляли 67 млн. организованных рабочих. В конце 1945 г. возникли Международная демократическая федерация женщин и Всемирная федерация демократической молодежи, в которых также состояли десятки миллионов членов. Следует отметить также рост Международного кооперативного альянса, объединившего около 100 млн. человек.

Рабочий класс и народные массы в капиталистических странах боролись после войны за ликвидацию остатков фашизма и его общественно-экономических основ. Их активность принудила правящие круги капиталистических стран к определенным уступкам, в основном в области зарплаты, социального обеспечения и т. д.

Однако рабочий класс в капиталистическом мире в послевоенные годы должен был вести трудную борьбу за устранение социальных последствий кризисных явлений в капиталистической экономике, связанных с ликвидацией военного ущерба и перехода на мирное производство. Большие трудности были порождены инфляцией в ряде капиталистических стран, вызвавшей рост цен и падение реальной заработной платы. Кроме того Западная Европа переживала острый кризис снабжения, росла безработица, которая охватила все без исключения капиталистические страны.

Пролетариат защищал свои классовые и социальные интересы крупными забастовками, проходившими в США, Франции, Италии, Великобритании и Японии, а также в других развитых капиталистических странах. Уровень забастовочного движения в эти годы был значительно выше, чем перед второй мировой войной. Резко возросло число массовых политических забастовок, демонстраций и других акций политического протеста.

Возросла активность рабочего класса и других слоев трудящихся в Азии, Африке и Латинской Америке. И на этих континентах участились забастовки, выдвигавшие и экономические и политические требования. Массовые выступления такого рода были составной и неотъемлемой частью общего подъема национально-освободительного движения.

В послевоенных классовых боях в капиталистическом мире и в колониях и полуколониях участвовал не только пролетариат но и подавляющее большинство крестьянства, городской мелкой буржуазии, с ними солидаризировалась и часть интеллигенции. Все они активно участвовали в забастовках, добиваясь удовлетворения экономических и социальных требований трудящихся, в демонстрациях, в манифестациях, в разных антиимпериалистических выступлениях. Речь шла однако не только лишь об экономических интересах трудящихся, усилия были направлены и на достижение различных принципиальных изменений в экономике и политике которые по своему характеру означали ослабление и подрыв капиталистической системы. Эти события весьма затрудняли стабилизацию капитализма, расшатывали его позиции в мировом масштабе, содействовали развитию революционного движения. Поэтому в целом деятельность революционных сил в капиталистическом мире в те годы

имела большое значение, составляла важное звено революционного процесса своего времени.

В первые послевоенные годы буржуазии в капиталистических странах с помощью североамериканского империализма и в сотрудничестве с социал-реформистскими и клерикальными элементами удалось удержать в своих руках политический контроль, возродить и укрепить позиции монополий и перейти в наступление против политических и экономических интересов трудового народа. Но как бы то ни было борьба рабочего класса в те послевоенные годы стала важным фактором общей битвы революционных и прогрессивных сил с империализмом и существенно повлияла на ход этой борьбы.

Победа Советского Союза во второй мировой войне в значительной степени содействовала обострению кризиса колониальной системы и ее разложению. Свое значение имел и непосредственный ход войны, особенно военные неудачи классических колониальных держав в первый период военных действий. Эти события раскрыли народам Азии и Африки фактическую слабость прежних колониальных господ, привели к убеждению, что колониализм может и должен быть ликвидирован. Вместе с тем обнажалась общность фашизма и колониализма, выраженная в их расовых доктринах и политике террора в отношении угнетаемых народов.

В ходе войны в ряде колоний получила определенное развитие экономика. Создавалась местная промышленность, увеличивалась численность рабочих, росла их организованность и политическая сознательность. Монополистический капитал стремился обеспечить контроль над возникающей в колониях промышленностью, но он был вынужден выделить определенную долю прибылей местной буржуазии. Та, в свою очередь, боролась за расширение своих экономических позиций, что вызывало конфликты с иностранными монополиями и объективно вело к росту противоречий между ними и так называемой национальной буржуазией.

Однако больше всего империалистические державы опасались нарастания сил и активности рабочего класса в колониях и зависимых странах. Решительность, с которой действовал пролетариат, была несравненно выше, чем у всех групп национальной буржуазии. Росла организованность рабочих, возникали защищавшие его интересы организации, прежде всего профсоюзы, а политическим представителем пролетариата становились коммунистические партии.

В то же время проходил процесс значительной радикализации крестьянства, оно становилось серьезным союзником рабочего класса. Включение в борьбу с колониализмом широких слоев крестьянства явилось одним из наиболее важных последствий войны в колониях и полуколониях. Силы национально-освободительного движения существенно возросли, кризис колониальной системы империализма значительно углубился.

В ходе войны на территориях колониальных стран были созданы многочисленные армии, состоящие в основном из рабочих и крестьян. Солдаты, сражавшиеся в этих армиях, надеялись, что победа над

фашизмом принесет независимость их собственным странам, привед к ликвидации колониальной системы. Так или иначе сознание пра всех народов на суверенитет и независимость проникало в сам отдаленные уголки колониального мира, пробуждало экономически политически отсталые народы, которые вступали в борьбу прот мирового империализма [4].

В ходе второй мировой войны и послевоенный период в кол ниях и полуколониях значительно углубилась классовая диффере циация. Проявлением этого стал прежде всего рост рядов рабоче класса, укрепление его единства, повышение его классовой и полит ческой сознательности. Тогда же пробуждались крестьянские масс включаясь в национально-освободительную борьбу. Росла и креп национальная буржуазия, ее самосознание, стремление овладеть ге монией и выступать в качестве главного политического представ теля колониальных народов. В своем большинстве национальн буржуазия была настроена антиимпериалистически, ставя сво целью уничтожение колониального господства. Однако постепен шел и иной процесс: усиливались и те группы, которые связыва свою судьбу с международными монополиями, ориентировались сотрудничество с империализмом.

Таким образом, в ходе второй мировой войны и в послевоенн период происходило существенное углубление классовой диффере циации в странах Азии. Благодаря этому возникли предпосыл дальнейшего развертывания национально-освободительного процес и усиления антиимпериалистической борьбы порабощенных народо В конечном счете все это привело к тому, что сформирова новые объективные предпосылки для победы социалистическ революции и в других частях мира.

Поражение японского империализма во второй мировой вой в первую очередь имело следствием большой размах революцио ного движения в Китае. Гоминьдановское правительство Чан Кайш при поддержке США безуспешно пыталось ликвидировать револ ционные силы. В июне 1946 г. оно развязало в стране гражданску войну и добилось некоторых военных успехов. Однако чанкайшист не удалось уничтожить революционное движение. Несмотря большую финансовую помощь и большие военные поставки США правительство не смогло восстановить контроль над обширны областями Китая.

Летние месяцы 1947 г. открыли новый этап гражданской войн Революционные силы перешли в контрнаступление и быстро овладе большей частью Северного и Центрального Китая. В том же направ нии продолжали развиваться события и в последующие два года, т что к осени 1949 г. гоминдановский режим был ликвидиров почти на всей территории Китая. Такой разворот событий зна тельно потряс позиции мирового империализма и объективно соде ствовал общему подъему мирового революционного движения.

Августовская революция 1945 г. во Вьетнаме вначале одержа победу на севере страны, но она потребовала немного времен чтобы победить и на юге страны. Возникло новое независим

государство — Демократическая Республика Вьетнам. В октябре 1946 г. была провозглашена независимость Лаоса. Вооруженную борьбу за независимость своей родины вел и народ Кампучии. Ведущей силой вьетнамской революции стала коммунистическая партия. Она руководила проведением всех крупных преобразований и социальных реформ, которые были призваны ликвидировать средневековые пережитки и улучшить положение и условия жизни народных масс. Однако против вьетнамской революции выступили французские колонизаторы.

В интервенции участвовали также британские и гоминьдановские войска, прибывшие во Вьетнам в сентябре 1945 г. с целью разоружить и репатриировать японские части. С помощью этих войск во Вьетнам смогли вернуться и французские вооруженные силы, которые реставрировали на юге страны колониальное управление и начали борьбу с вьетнамской революцией. Помощь была предоставлена и США, которые были против возникновения в этой области независимого революционного государства.

В марте 1946 г. Франция была принуждена подписать договор с правительством Демократической Республики Вьетнам, взяв обязательство постепенно вывести все свои войска, согласившись тем самым с полной независимостью страны. Однако французские империалисты не собирались выполнять взятые на себя обязательства и уже в декабре 1946 г. возобновили военные операции против Вьетнама [5]. Война распространилась на весь Индокитай, так как уже осенью 1945 г. и весной 1946 г. Франция предпринимала военные действия с целью возвращения господства над Лаосом и Камбоджей. Однако несмотря на большие старания и использование крупных вооруженных сил, французским империалистам даже с помощью США не удалось сломить сопротивление народов Индокитая и вернуть себе контроль над Юго-Восточной Азией.

Развитие революционного движения в данном регионе во время войны и послевоенный период было принципиально важным. Впервые население колоний не только добивалось самостоятельности и национальной независимости, но и требовало принципиального изменения общественной системы, устранения господства капитализма и осуществления социалистической революции.

События во Вьетнаме и других частях Индокитая получили большой международный резонанс, повлияли на революционное развитие в других странах Юго-Восточной Азии и вызвали заметный отклик и в других регионах Азии, Африки и Латинской Америки. Вьетнамская революция указала прогрессивным силам на этих континентах пример правильного марксистско-ленинского подхода к решению разных экономических, социальных и политических проблем, связанных с осуществлением социалистической революции в условиях колониальной страны. Аналогичное значение имело и развитие событий в Корее, в ее северной части, где в послевоенный период также проводились важные общественные преобразования.

В ходе второй мировой войны союзные державы вели переговоры и о будущем Кореи. США первоначально на Тегеранской

конференции предлагали провозгласить формальную независимос
этой страны, но ввести международный контроль над ней. Н
Ялтинской конференции американцы предлагали, чтобы управлен
Кореей как подопечной территорией осуществляли США, СССР
Китай с тем, что полная независимость будет предоставлена чер
два или три десятилетия.

В конце войны Соединенные Штаты намеревались оккупирова
своими войсками всю Корею. Однако к тому времени в северну
часть страны уже вступила Советская Армия, которой оказал
поддержку прогрессивные силы антияпонского восстания. Тем самы
возникла возможность освобождения страны без участия Соедине
ных Штатов и создания демократического правительства. Таком
развитию событий США противопоставили действия, направленны
на раздел страны по 38 параллели [6]. Впоследствии этот принци
был внесен в директивы об оккупации Японии.

Восставший против японского милитаризма корейский нар
требовал предоставления полной независимости своей родине и с
здания демократического режима, органами которого должны был
стать народные комитеты. Однако командование американских войс
высадившихся на юге страны, распустило народные комитеты
восстановило колониальное управление в том виде, как оно существ
вало во время японской оккупации. Американцы предоставил
помощь помещикам и крупной буржуазии, создали здесь марионето
ное правительство во главе с Ли Сын Маном. Мало того, что он
установили свой экономический и политический контроль над Южно
Кореей, но и попытались распространить его на северную час
страны. Американцы выдвинули на Московском совещании минис
ров иностранных дел союзных стран в декабре 1945 г., предложени
о создании в Корее единой администрации, где они имели б
решающее влияние.

Советское правительство внесло иное предложение, в кон
концов получившее одобрение. Решение совещания предусматр
вало создание временного корейского демократического правител
ства, которое взяло бы в свои руки управление страной. Дл
оказания содействия образованию временного правительства был
решено создать совместную комиссию из представителей сове
ского и американского командования. Однако в течение максиму
пяти лет Корея должна была получить полную самостоятельность

Вынужденные принять советские предложения, США не отказ
лись от собственных планов расчленения Кореи и превращени
ее южной части в свой военный плацдарм. Вместо создания обще
корейского правительства здесь исподволь формировались самостоя
тельные правительственные органы. Маскируя свои раскольническ
действия, американцы критиковали деятельность народных комит
тов в северной части Кореи, утверждая, что они нарушают договоре
пости между союзниками.

В конце 1946 г. в Южной Корее произошли массовые выступлени
против американской оккупации. Возмущенное население потр
бовало создания общекорейского правительства в соответстви

с решениями Московского совещания министров иностранных дел. Американские оккупанты начали маневрировать и предложили провести общекорейские выборы под контролем ООН с тем, чтобы избранное временное законодательное собрание сформировало бы общекорейское правительство. Предлагаемые меры они рассчитывали провести таким образом, чтобы обеспечить преобладание буржуазных элементов в указанных органах и создать условия для постепенной ликвидации демократических реформ, осуществленных на севере страны. Подобную линию они попытались навязать II сессии Генеральной Ассамблеи ООН [8].

В Северной Корее в послевоенный период произошли знаменательные социально-политические перемены. В ходе антифеодальной и антиколониальной революции был установлен народно-демократический строй. Основой органов народной власти стали народные комитеты, возникшие в августе 1945 г. Высшим органом народной власти стал Временный народный комитет Северной Кореи. В 1946 г. возник Единый демократический национальный фронт Северной Кореи, в который вступили все прогрессивные партии и организации. Ведущую роль в этом фронте играла марксистско-ленинская Трудовая партия Кореи.

Таким образом, в Северной Корее утвердилась революционная диктатура, возглавляемая рабочим классом. В 1946—1947 гг. произошли важные перемены в организации общественной жизни и экономики. Была проведена последовательная аграрная реформа, национализированы промышленные предприятия, принадлежащие японцам, корейским коллаборационистам и капиталистам. Реформы также проводились в сфере образования, здравоохранения, культуры и в других областях.

В Южной Корее при поддержке империализма США происходила консолидация реакционных сил. Прогрессивные силы, объединенные в демократическом народном фронте, добивались осуществления таких же реформ, как и на севере страны. Однако реакционные буржуазно-помещичьи элементы, опираясь на американскую военщину, обрушились с репрессиями на демократические силы. В мае 1948 г. в Южной Корее были проведены выборы в «национальное собрание», проходившие при открытом вмешательстве американских войск. В августе 1948 г. Южная Корея была провозглашена «Корейской республикой», президентом которой был избран американский ставленник Ли Сын Ман. Опираясь на своих союзников, США удалось на III сессии Генеральной Ассамблеи ООН протащить решение о признании сепаратного южнокорейского государства единственным представителем Кореи.

Прогрессивные силы в Северной Корее в течение 1948 г. предлагали провести дальнейшие переговоры о создании общекорейского правительства и объединении страны. Однако после образования южнокорейского государства по инициативе ТПК в Северной Корее были сформированы высшие правительственные органы * и в сен-

* По призыву Единого демократического национального фронта в августе 1948 г. были проведены выборы Верховного Народного собрания Кореи. В выборах приняло

тябре 1948 г. была провозглашена Корейская Народно-Демокр тическая Республика.

Образование Корейской Народно-Демократической Республи означало дальнейшее ослабление империалистических сил и укре ление позиций стран социализма.

Таким образом, во второй половине сороковых годов идеи соци листической революции пустили прочные корни в нескольких стран Восточной и Юго-Восточной Азии. И хотя на революционное дв жение в этих регионах подчас оказывал негативное влияние маоиз общее развитие здесь существенно содействовало ослаблению кап талистической системы в целом и усилению мирового револ ционного процесса.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БОРЬБА ИМПЕРИАЛИЗМА ЗА СОХРАНЕНИЕ СВОЕГО МИРОВОГО ГОСПОДСТВА

Во второй половине 40-х годов мировой империализм во гла с США начал борьбу против революционных движений в ра витых капиталистических странах, прежде всего в Западной Евро В сотрудничестве с местной буржуазией колоний и полуколон он пытался подавить и национально-освободительное движение в этих регионах.

Вторая мировая война существенно ослабила одну из основны мировых империалистических великих держав — Великобритани Правда, непосредственно после войны Британия восстановила св господство над всеми колониями, оказавшимися во время войн в руках неприятеля. Объективно благоприятным для Великобрит нии фактором были ликвидация колониальной империи Итал и существенное ослабление французского капитала. Однако нов ситуация, особенно большой размах национально-освободительно движения, заставила британских колонизаторов изменить свою пол тику, пойти на уступки требованиям некоторых порабощенны народов, в первую очередь в Индии, Бирме и на Цейлоне. В хо войны и после нее произошло также небывалое ослабление связ между Британией и так называемыми белыми доминионами с Канадой, Австралией, Новой Зеландией и Южно-Африканск Республикой. Во всех этих странах значительно возросло влияни США и возникли благоприятные условия для усиленного проник вения американского капитала в их экономику.

Обширные капиталовложения в британскую промышленнос в годы второй мировой войны привели к большому росту прои

активное участие население северной (99,97 % избирателей) и южной част (77,52 % избирателей) страны. В Верховное Народное собрание были избра представители населения всей Кореи (*ред*).

водства и, следовательно, к созданию предпосылок для дальнейшей экспортной экспансии в последующий период [1]. Во второй половине сороковых годов Великобритания сумела увеличить свой экспорт и захватить некоторые позиции на мировых рынках, принадлежащие Германии и Японии. Эти успехи, однако, имели только временный характер; обостряющаяся конкуренция американского империализма не позволяла устойчиво удерживать и расширять захваченные позиции. Немалые трудности вызывали хронический дефицит платежного баланса, падение курса фунта стерлингов, трудности, связанные с вывозом капитала за границу и в немалой мере — большие расходы на вооружение. В конце концов финансовые затруднения заставили правительство провести в 1949 г. девальвацию фунта стерлингов, что вылилось в дальнейшее ослабление Великобритании как основного финансового центра.

В ходе войны британские монополии получали большие прибыли, что повышало их влияние в политической жизни. Это продолжалось и в первые послевоенные годы. Для Великобритании того времени была характерна высокая степень развития государственно-монополистического капитала. Монополии стремились использовать государственный аппарат для сохранения и укрепления своих позиций внутри страны и за рубежом. Лейбористское правительство также служило их интересам, ведь даже проведенная национализация некоторых промышленных отраслей облегчала крупному капиталу сконцентрировать капиталовложения в перспективные виды производства, дающие наибольшие прибыли [2]. Передача лейбористским правительством крупным монополиям значительной части созданной государством военной промышленности также укрепила их позиции.

В послевоенный период британская буржуазия была вынуждена осторожно маневрировать, учитывая возросшую радикализацию народных масс. Во время войны и в послевоенный период в Великобритании произошел крупный сдвиг влево, что нашло отражение в большом росте симпатий трудящихся к Советскому Союзу. Значительная часть населения требовала постоянного сотрудничества с СССР и симпатизировала революционным переменам, происходившим в странах Европы и Азии. Большинство народа было заинтересовано в осуществлении кардинальных общественных перемен: национализации ключевых отраслей экономики и изменении всей внутренней политики.

Такие настроения народных масс отразились в итогах первых послевоенных парламентских выборов летом 1945 г., на которых лейбористская партия добилась существенного успеха и смогла сформировать новое правительство. Однако на практике лейбористы продолжали проводить в жизнь прежнюю политику, расширяли сотрудничество с Соединенными Штатами, стремились постепенно ослабить симпатии населения к Советскому Союзу и мировым революционным силам. Они поддержали действия американского империализма, направленные на окончательное уничтожение антифашистской коалиции [3].

Британская крупная буржуазия стремилась к дальнейше укреплению союза Великобритании и США. Она верила, что с п мощью американских монополий сможет преодолеть послевоенні экономические и политические трудности и успешно бороться с н ционально-освободительным движением.

Экономическая зависимость Великобритании от Соединенны Штатов ясно проявилась летом 1945 г., когда США прекрати поставки по ленд-лизу. Британские правящие круги пытались преод леть возникшие экономические трудности, используя финансову помощь США. В конце 1945 г. был заключен договор, по которо Соединенные Штаты предоставили Великобритании кредит размер 4,4 млрд. долларов; соглашение, однако, было достигнуто за сч английских больших политических и экономических уступок. В пе вую очередь Британия должна была в течение одного года разреши свободный обмен фунта стерлингов на доллары, разморозить н ходящиеся в Англии стерлинговые авуары стран т. н. стерлинг вого блока, снизить, а затем и вовсе отменить преференциальны таможенные тарифы. И хотя не все эти условия были выполнен в полном объеме, экономическая зависимость Британии от СШ все же существенно выросла. Проявилось это, помимо прочег и в больших американских капиталовложениях во второй половин 40-х годов. Однако Великобритания также стремилась вывозит капитал, в первую очередь в разные части своей империи.

В 1945—1949 гг. экспорт капитала достиг 1100 млн. фунто стерлингов, причем 757 млн. из них было вложено в так называемо области стерлингового обмена [4].

Британские представители уже в ходе второй мировой войн подчеркивали необходимость постоянного сотрудничества с Соеди ненными Штатами в интересах борьбы против революционно движения и национально-освободительных сил. К этой идее вно вернулся один из британских политических лидеров У. Черчилл в своем выступлении в Фултоне 5 марта 1946 г. В его речи, вошед шей в послевоенную историю как официальное объявление доктрин холодной войны, особенно подчеркивалась необходимость создани тесных отношений между Британским Содружеством Наций и Соеди ненными Штатами [5].

С 1947 г. лейбористское правительство также открыто перешл к политике нападок на Советский Союз и народно-демократически страны. Британские политики согласились с планами североамери канского империализма по реализации так называемой «политик силы» и «сдерживания» коммунизма с целью ликвидировать социал стический строй в странах народной демократии и в Советско Союзе.

Таким образом, в ходе второй мировой войны Великобритания потеряла свое прежнее положение ведущей мировой великой держав и превратилась во второразрядное государство, находящееся в поли тической и экономической зависимости от североамериканского империализма. Несмотря на это она сохранила достаточное превосход ство над остальными западноевропейскими государствами и могла

реализовывать свои политические планы на международной арене, если они, разумеется, не противоречили устремлениям и целям США. Великобритания сохранила также некоторые возможности дальнейшей экономической экспансии в первую очередь в тех регионах, где раньше хозяйничали державы фашистской оси — Германия, Италия или же Япония.

Представители британских правящих кругов, консерваторы и лейбористы, по сути дела уже в конце войны и в послевоенный период проводили антисоветскую политику. Правда, вначале они были вынуждены действовать очень осторожно и принимать во внимание общественное мнение в своей стране, однако впоследствии они все более открыто выступали против Советского Союза, стран народной демократии и мирового революционного движения.

Британские империалисты активно боролись против революционных сил в Греции, на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и в других частях мира. В интересах охраны своих классовых позиций и сохранения колониального господства они охотно соглашались с планами североамериканского империализма по реализации концепции так называемой политики силы в отношении мирового прогрессивного и революционного движения.

В результате второй мировой войны также значительно ослабла Франция. После поражения в 1940 г. она практически перестала существовать как великая держава. США и Великобритания вплоть до конца войны отказывались считаться с ней как с равноправным партнером. Только после подписания союзного договора с Советским Союзом в декабре 1944 г. ситуация начала меняться и западные державы хотя и не сразу, но были вынуждены признать правительство генерала де Голля равноправным партнером.

После освобождения французская буржуазия смогла удержаться у власти главным образом благодаря присутствию во Франции британских и американских войск. Поэтому в последующий период монополистический капитал все более ориентировался на США как на основную опору в борьбе с прогрессивными силами.

В послевоенный период американский империализм предоставил французской буржуазии большую экономическую помощь. Уже в августе 1945 г. было заключено соглашение о предоставлении первого послевоенного американского займа размером 550 млн. долларов. Этим США стремились укрепить позиции французской реакции в приближающихся первых послевоенных выборах и использовали этот кредит для получения согласия на создание военных баз в некоторых французских колониях. При заключении следующего финансового соглашения в мае 1946 г. Соединенные Штаты заставили Францию отказаться от прежней протекционистской политики и в результате французский рынок был открыт для американских товаров.

Американские правящие круги связывали свои кредиты Франции с политическими условиями. Президент Трумэн при предоставлении займа в августе 1945 г. требовал от генерала де Голля убрать из правительства представителей коммунистов. Во время переговоров

о новом кредите в 1946 г. американцы потребовали от лидера социалистической партии Леона Блюма, чтобы французские социалисты примкнули к антикоммунистическому блоку и помогли вытеснить коммунистов из правительства [6]. Такой нажим постепенно начал приносить плоды. Так, например, это проявилось на Парижской мирной конференции, где Франция по многим вопросам поддержала позицию англосаксонских держав.

В ходе войны и в послевоенный период существовали различные противоречия между Францией и Великобританией. Прежде всего они сказывались в сфере колониальной политики, где разгорались частые конфликты, бывшие следствием стремлений британских правящих кругов ослабить или же ликвидировать французские колониальные владения. Особенно острые противоречия возникли в 1945 г. в связи с событиями в Сирии и Ливане, когда Франция попыталась здесь вернуть себе прежнее господство с помощью военной интервенции. Однако под влиянием Великобритании она была вынуждена отказаться от своих планов, отступить и признать независимость этих стран.

Конфликты между Великобританией и Францией были вызваны стремлением британского империализма еще больше ослабить Францию, подорвать ее влияние на колониальную и европейскую политику. Однако это были частичные, преходящие столкновения, ведь и у Британии в то время уже не хватало сил для достижения подобных целей. Впрочем сравнительно быстро, главным образом с 1947 г., началось сближение этих держав и расширение сотрудничества между ними. Тем не менее, и эти временные противоречия ослабляли единство империалистического лагеря, затрудняли создание совместного фронта борьбы против мировых революционных и прогрессивных сил, сужали масштабы «холодной войны».

В первые послевоенные годы отличалась и позиция Франции по германскому вопросу. Французские представители первоначально добивались федерализации Германии, ее расчленения на несколько самостоятельных государств; они хотели к тому же отделить от Германии часть Рурского бассейна и территории по левому берегу Рейна. Они полагали, что обе эти области можно будет присоединить непосредственно к Франции. Однако им не удалось получить никакой поддержки своим планам. С ними не согласились ни Соединенные Штаты, ни Великобритания.

Когда в 1946 г. началась подготовка к объединению американской и английской оккупационных зон, обе западные державы хотели привлечь к своему плану и Францию. Поэтому они поддержали французские притязания на Саарскую область, одновременно применяя различные формы экономического давления на Францию (например, ограничивали поставку угля из Германии). Франция пошла на попятную, что явно проявилось уже на лондонском заседании Совета министров иностранных дел в ноябре и декабре 1947 г., где она отказалась от всех своих прежних предложений и фактически дала согласие на создание сепаратного западногерманского государства. Это подтверждало, что Франция уже полностью влилась в блок

капиталистических держав, включилась в их единый фронт, направленный против Советского Союза и стран народной демократии.

Непосредственно после войны правые и реакционные силы во Франции не могли открыто выступить против революционного движения. Однако они уже в то время с помощью иностранного, в первую очередь североамериканского империализма готовились к контрнаступлению. Вначале это сотрудничество проявлялось в сфере внешней политики, в совместных действиях с англосаксонскими державами в реализации их планов послевоенного устройства мира. Как уже отмечалось, Франция довольно быстро отказалась от своей позиции по германскому вопросу, имевшему для нее жизненно важное значение, согласилась с мерами, которые фактически создавали условия для возрождения германского милитаризма и империализма. В своей политике в отношении стран Центральной и Юго-Восточной Европы Франция действовала совместно с США и Великобританией, поддерживала здесь правые силы в их борьбе с революционным движением. Те же тенденции сказывались и на позиции Франции в отношении Чехословакии.

После войны Франция все в большей степени попадала в зависимость от американского монополистического капитала, остро нуждалась в его финансовой и экономической помощи для преодоления послевоенных экономических трудностей. Поэтому правящие круги, чтобы получить экономическую помощь США, охотно соглашались на все связанные с ней политические условия, тем более, когда речь шла о выводе коммунистов из правительства и стабилизации капиталистической системы.

В первые послевоенные годы Италия находилась в очень трудном экономическом положении. В середине 1946 г. промышленное производство едва достигло двух третей довоенного уровня, а в следующем году оно еще более сократилось. Сильно возросла безработица. В апреле 1947 г. в Италии насчитывалось 2200 тыс. безработных. Внешняя торговля была расстроена, финансы переживали кризис, государственный долг в начале 1947 г. в 18 раз превышал довоенный уровень.

Страна переживала глубокий внутриполитический кризис. И хотя англо-американская оккупационная администрация подавила в конце войны силы Сопротивления, революционное движение все еще сохраняло значительную активность и большинство населения требовало более эффективных общественных преобразований, в первую очередь ликвидации монархии и провозглашения республики, утверждения демократической конституции, проведения национализации в промышленности, аграрной реформы и других социальных мер.

После прекращения военной оккупации западные державы изменили свою тактику в отношении Италии. Они начали сотрудничать с итальянским монополистическим капиталом и Ватиканом, нашли надежного союзника в христианско-демократической партии, которая занимала ведущие позиции в государственном аппарате. Особенно сильно возрастало влияние американского империализма.

Весной 1946 г. США и Великобритания вновь вмешались во внут-

ренние дела Италии в связи с проходившим в то время референдумом о форме правления и выборах в Учредительное собрание. Они требовали поставить избирательную кампанию под их контроль, грозили прекратить экономическую помощь в случае победы левых сил. В то время даже появились опасения, что возможно вооруженное вмешательство обеих западных держав [7].

После провозглашения Итальянской Республики и поражения на выборах реакционных сил правые в стране стали еще более явно ориентироваться на помощь североамериканского империализма. Тогдашний премьер-министр де Гаспери посетил в январе 1947 г. Вашингтон, где в ходе переговоров о предоставлении финансового кредита обещал американским представителям вытеснить коммунистов и социалистов из правительства.

В Италии события развивались также, как во Франции. Разница состояла главным образом в том, что Италия после войны была оккупирована англо-американскими войсками и поэтому еще в течение длительного времени была вынуждена в большей степени подчиняться нажиму обеих западных держав, особенно США. Военное поражение подорвало позиции капиталистической системы в Италии и содействовало усилению революционного движения. Итальянская буржуазия оказалась не в состоянии с ним справиться и поэтому обратилась за помощью к западным державам. В результате английские и американские империалисты получили возможность гораздо более открытого вмешательства во внутренние дела Италии. Своего апогея такое развитие достигло в 1947 г., когда коммунисты были устранены из правительства и был установлен режим, который в полном объеме защищал классовые интересы буржуазии и способствовал втягиванию Италии в разные экономические и военные блоки капиталистических стран.

Аналогичным образом развивались события в других западноевропейских странах, которые также попали в полную экономическую зависимость от США и все более оказывались под их политическим влиянием. В этих странах коммунистические партии в послевоенные годы также получили представительство в правительстве, хотя решающие рычаги власти по-прежнему сохраняла в своих руках буржуазия.

Эти страны столкнулись с значительными экономическими трудностями, которые они не смогли преодолеть без экономической и финансовой помощи США. Поэтому их правящие круги охотно подчинялись североамериканскому империализму и соглашались с его планами послевоенного устройства мира.

В течение 1947 г. в связи с усилением и расширением «холодной войны» и в этих странах коммунисты были вытеснены из правительств; большинство таких государств открыто присоединилось к экономическим и военным блокам, создававшимся тогда империалистическими державами.

В послевоенные годы произошли важные изменения и на остальных континентах: в Азии, Африке и Латинской Америке. Очень большое значение имели события того времени в Индии, где заметно

окрепло национально-освободительное движение. После окончания войны в Индии быстро развернулась забастовочная борьба, нарастали волнения в деревне, вылившиеся в столкновения крестьян с помещиками и полицией. Активизировалась также национальная буржуазия, которая более решительно отстаивала требование полной независимости страны.

Большое значение имело восстание моряков в Бомбее в 1946 г. Под воздействием этих событий лейбористское правительство начало переговоры о предоставлении самоуправления Индии [8]. Однако британские империалисты были заинтересованы в создании слабого государства, раздираемого внутренними противоречиями. Для этого они в первую очередь стремились использовать религиозную рознь. В июне 1947 г. лейбористы опубликовали проект разделения страны на две части со статусом доминионов — на Индийский Союз и Пакистан.

Несмотря на умышленно половинчатое решение, это событие имело огромное значение, так как оно положило реальное начало распаду британской колониальной империи; и более того, это фактически сказалось на всей колониальной системе империализма. Самостоятельность Индии означала появление нового государства с населением более 320 млн. человек, в котором действовало мощное прогрессивное движение народных масс и которое проводило прогрессивную внешнюю политику. Пакистан же и в дальнейшем сохранял зависимость от британского империализма и постепенно все более подчинялся США. Пакистан надолго стал важным звеном империалистических военных блоков.

После поражения японцев в Бирме также разрасталось массовое движение за независимость. Британские правящие круги осознали невозможность сохранить свои позиции, поэтому в 1947 г. они дали согласие на создание самостоятельного бирманского государства. Бирма стала первой страной британской империи, получившей полную независимость и разорвавшей все государственно-правовые связи с бывшей метрополией.

В августе 1945 г. была провозглашена Индонезийская Республика. Революция в этой стране, ведущей силой которой было крестьянство, носила ярко выраженный антиимпериалистический характер. Однако Голландия, которой ранее принадлежали эти владения, отказалась признать новую республику и с помощью британских и американских войск попыталась реставрировать колониальный режим. Индонезийский народ продолжил борьбу с колонизаторами, которым даже с помощью западных держав не удалось полностью восстановить свое господство. В результате в конце ноября 1949 г. колонизаторы были вынуждены предоставить Индонезии самостоятельность.

Первоначально новые азиатские государства сохраняли большую экономическую и политическую зависимость от бывших колониальных держав или же оказывались под влиянием североамериканского империализма. Определенную политическую власть и важные экономические позиции имела группа связанной с империализмом компрадорской буржуазии, которая стремилась сохранить влияние импе-

риализма и поэтому не была заинтересована в дальнейшем укреплении и расширении национально-освободительного движения и в его сотрудничестве с революционными силами. В то время связи этих стран с Советским Союзом и народно-демократическими государствами были еще весьма ограниченными, так как социалистическое содружество могло оказать национально-освободительному движению только моральную и политическую помощь и пока еще не имело возможности предложить им сколь-либо значительную экономическую поддержку.

Тем не менее, и в таких условиях возникновение новых самостоятельных государств объективно имело большое значение, так как содействовало дальнейшему ослаблению господства империализма и создавало предпосылки для будущего расширения прогрессивного антиимпериалистического фронта. Поэтому Советский Союз и народно-демократические страны приветствовали происходившие перемены и стремились помогать прогрессивным силам освобожденных стран в проведении независимой политики неприсоединения, направленной на устранение зависимости от мирового империализма.

В ходе войны и в послевоенный период существенно возросла экспансия американского империализма на Ближнем Востоке. Соединенные Штаты стремились установить контроль над богатыми месторождениями нефти; поэтому главное внимание они уделяли Саудовской Аравии, Ирану и другим странам Персидского залива. Быстро росли капиталовложения американских нефтяных монополий в этих странах. Только в 1946—1950 гг. они увеличились с 242 до 853 млн. долларов.

После окончания войны США начали создавать военные базы в Турции и Иране. Подобная активность усилилась особенно после провозглашения доктрины Трумэна, на основе которой США предоставили большую военную помощь турецкой армии и фактически получили контроль над ней.

Во время войны заметно выросло прогрессивное и революционное движение в Иране, важную роль в котором играла Народная партия Ирана (НПИ), основанная в 1941 г. Эта партия приобрела массовый характер, объединила много рабочих, демократической интеллигенции и прогрессивные элементы из других слоев населения [9].

Особенно усилилось демократическое движение в Иранском Азербайджане. В декабре 1945 г. была провозглашена автономия этой области и новое правительство провело важные демократические реформы: раздало государственные земли крестьянам, приняло превентивные меры против эксплуатации крестьян помещиками, ввело восьмичасовой рабочий день, утвердило законы о труде и социальном страховании и т. д. Аналогично развивались события в Северном Курдистане, где также возникло автономное правительство, начавшее осуществлять демократические меры. Демократическое движение крепло и в других районах страны, что нашло отражение прежде всего в выступлениях крестьян, которые отказывались выполнять свои обязательства перед помещиками и другие повинности.

Иранская реакция при поддержке Великобритании и Соединенных Штатов боролась с прогрессивными силами и лживо обвиняла Советский Союз в вымышленном вмешательстве во внутренние дела Ирана.

Американский империализм укреплял свои позиции в Иране. Он помогал в организации и вооружении иранской армии. В то время США приобрели в Иране новые военные базы, которые стали составным звеном подготавливаемого плацдарма для агрессии против СССР.

С 1945 г. крепло национально-освободительное движение в арабских странах, проявлявшееся наиболее заметно в борьбе народов Сирии и Ливана за устранение французского колониального господства. Вопрос о положении в Сирии и Ливане обсуждался в феврале 1946 г. в Совете Безопасности ООН, где в основном благодаря решительной поддержке Советского Союза удалось добиться вывода английских и французских войск из обеих стран.

Следующим очагом послевоенных конфликтов стала Палестина, где происходили вооруженные схватки между арабским и еврейским населением. В дела этой страны все более открыто вмешивались правящие круги США, заинтересованные в создании сионистского государства в Палестине.

В ходе обсуждения этих вопросов в ООН Советский Союз предложил отменить английский мандат на управление Палестиной, вывести с ее территории английские войска и создать демократическое арабско-еврейское государство, в котором оба народа имели бы одинаковые права. Однако в сложной международной обстановке в конце ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о создании на территории Палестины двух независимых государств — арабского и еврейского.

В новом еврейском государстве большое влияние приобрели США, нашедшие в нем важный опорный пункт для реализации своих интересов на Ближнем Востоке. Поэтому Соединенные Штаты немедленно признали Израиль и с самого начала предоставляли ему большую финансовую помощь.

Таким образом, в 1946—1949 гг. на Ближнем Востоке произошла перегруппировка империалистических сил. Данный регион по-прежнему оставался в зависимости от империализма, а в некоторых местах, например, в Турции, экономические и военно-стратегические позиции империализма еще более укрепились. Однако в некоторых районах Ближнего Востока проходили важные внутренние процессы, которые впоследствии ослабили господство империализма и превратили разные страны этой области в самостоятельный и влиятельный фактор мирового прогрессивного развития.

В первые послевоенные годы в Африке решалась судьба итальянских колоний и так называемых подмандатных территорий. Империалистические страны вовсе не были заинтересованы в предоставлении этим колониям полной независимости и ушли от решения этого вопроса при заключении мирного договора с Италией. В ООН они пытались добиться раздела Ливии на три подопечные территории, находящиеся под управлением Великобритании, Италии и Франции.

Эритрею было предложено присоединить к Эфиопии, а Сомали и в дальнейшем должно было находиться под управлением Италии. Западные державы подчеркивали, что ни одна из этих стран ни в состоянии получить независимость в обозримый период. Только после долгих обсуждений в ООН, где против подобных планов решительно выступил СССР и страны народной демократии, удалось добиться соглашения о том, что Ливия получит независимость с 1952 г., в то время как в отношении Сомали принятие аналогичного решения было отодвинуто на значительно более позднее время.

В послевоенный период Советский Союз и народно-демократические государства стремились разрешить вопрос о так называемых подмандатных территориях, т. е. бывших германских колониях, управление которыми после первой мировой войны взяли на себя Великобритания, Франция и Бельгия. Используя свой перевес в ООН, западные державы отвергли все предложения по этому поводу и добились сохранения системы подмандатных территорий.

После второй мировой войны империалистические государства проявили возрастающий интерес к Африке. В Великобритании, Франции и других западноевропейских странах все чаще выдвигались предложения о возможности обновить экономический потенциал и стабилизировать позиции капиталистической системы в Западной Европе за счет природных богатств африканского континента.

Соединенные Штаты также усилили свой интерес к Африке. Некоторые представители американского империализма требовали включить все атлантическое побережье Африки в «сферу действия доктрины Монро». Соединенные Штаты были заинтересованы в африканском сырье и сельскохозяйственных продуктах, а также стремились создать на этом континенте целую сеть военных баз [10]. Поэтому они хотели сохранить прежнее положение и помогали колониальным державам в их борьбе с национально-освободительным движением в Африке, которое в первые послевоенные годы развивалось в основном на севере этого континента, т. е. в Египте, Алжире и Тунисе — в странах, находящихся под контролем или в непосредственной колониальной зависимости от Великобритании и Франции. В остальных районах Африки освободительные силы только формировались, а в борьбу против колониализма и империализма они активно включились позже, главным образом в 50-е годы.

Итак, непосредственно после войны колониальные державы еще могли сохранять свои владения, использовать их источники сырья для восстановления и реконструкции собственного народного хозяйства, укрепления экономики всего капиталистического мира. Однако уже в то время колонизаторы были вынуждены частично модифицировать методы своего правления и провести некоторые реформы, направленные на расширение местного самоуправления, в которых определенное влияние получила зарождающаяся национальная буржуазия. Такие изменения имели место прежде всего во французских владениях, что было связано с планами создания так называемого французского союза, призванного заменить собою устаревшую колониальную империю. Данные события были началом процесса распада

всей колониальной системы на африканском континенте, закончившегося в основном на переломе 50-х и 60-х годов.

В ходе второй мировой войны ослабли экономические связи Латинской Америки с европейскими капиталистическими странами и в первую очередь с Великобританией. Вместе с тем здесь возросло влияние США, которые стали основным экономическим партнером Латинской Америки и уже стремились к установлению своего политического господства в этом регионе.

В разных странах Латинской Америки в ходе войны и в послевоенные годы заметно усилилось революционное движение. Были свергнуты некоторые реакционные диктаторские режимы; вместо них к власти пришли прогрессивные демократические правительства. Наиболее заметные изменения произошли в Эквадоре, где в результате переворота было создано в мае 1944 г. правительство, в состав которого вошли социалисты и коммунисты. В Гватемале после переворота в октябре 1944 г. был установлен буржуазно-демократический режим. Осенью 1946 г. в Чили было сформировано прогрессивное правительство с участием коммунистов; в стране возник единый фронт левых партий, который оказывал решающее воздействие на внутриполитическое развитие.

Эти события весьма встревожили американских империалистов, стремившихся превратить Латинскую Америку в свой спокойный и надежный тыл. Поэтому на международной конференции по вопросам войны и мира, проходившей в Мексике в феврале—марте 1945 г., они провозгласили новую политику так называемой взаимной зависимости стран американского континента. Американские империалисты потребовали установить тесные экономические и политические связи, которые привели бы к усилению гегемонии США во всей Америке. Подобные тенденции в дальнейшем еще больше укрепились в связи с вползанием в холодную войну. Своего апогея они достигли на следующей американской конференции в Боготе (март—апрель 1948 г.), где Соединенным Штатам удалось протащить пресловутую декларацию о так называемой защите демократии, пропитанную духом холодной войны.

Хотя американских империалистов поддерживали буржуазные круги, связанные с иностранными монополиями, им не удалось завоевать доверие преобладающей части населения региона, которое отвергало доктрину холодной войны и все более явно проявляло свою солидарность с национально-освободительным движением.

В ходе войны и в послевоенный период революционное движение значительно усилилось и в Латинской Америке. Однако правящим буржуазным кругам в странах региона с помощью североамериканского империализма удалось сбить революционный накал и восстановить свое неограниченное классовое господство.

Таким образом, латиноамериканские страны и во второй половине 40-х годов оставались в зависимости от США, представляя собой тыл североамериканского империализма, поддерживали его политику, направленную против Советского Союза, народно-демократических стран и мирового революционного движения.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ИЗМЕНЕНИЯ В МИРОВОЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Война вызвала существенные изменения в положении отдельных капиталистических стран. Ведущие государства фашистской коалиции — Германия, Италия и Япония — потерпели военное поражение и временно лишились политического влияния и прежних экономических позиций. Война существенно ослабила Францию, нанесла многообразный ущерб и Великобритании, которая прежде была ведущей империалистической державой.

Тем временем сформировались особо благоприятные возможности для экономической экспансии североамериканских монополий, которые смогли проникнуть на важные рынки в разных частях мира и получать огромные прибыли в военной промышленности.

Североамериканский империализм использовал сложившееся положение прежде всего для ослабления политических и экономических позиций своего главного соперника — Великобритании. Уже в 1940 г. США существенно расширили свое политическое влияние в Канаде и основали свои военные базы в различных британских владениях от Ньюфаундленда до Британской Гвианы [1]. Большое значение имело укрепление экономических отношений между США и Канадой, что обеспечивало важные поставки сырья для североамериканской промышленности. В сферу американского контроля попали также Австралия и Новая Зеландия, североамериканские монополии расширяли экономическую экспансию в Южной Азии, на Ближнем Востоке, а также в Африке и Латинской Америке.

В ходе второй мировой войны небывало возросла сила государственно-монополистического капитала, произошло фактическое перераспределение мировых рынков сбыта и источников сырья, в первую очередь имеющих стратегическое значение. Наибольшая добыча досталась североамериканскому монополистическому капиталу, овладевшему многими позициями фашистских государств и проникшему в другие области, ранее входившие в сферу интересов Великобритании, Франции и других европейских капиталистических стран.

Американские монополии получили возможность экономического проникновения в британские и французские колониальные владения, не говоря уже о колониях других стран.

Во время войны и в послевоенный период США существенно расширили связи с капиталистическими странами, входящими в состав британской империи — Канадой, Австралией, Новой Зеландией и Южно-Африканским Союзом. Для них открылись благоприятные перспективы в капиталистической части Европы, крайне нуждавшейся в экономической и финансовой помощи США, в их

поддержке в борьбе с революционным движением. Все эти обстоятельства содействовали расширению сотрудничества разных капиталистических групп, укреплению влияния международных монополий, прежде всего североамериканских.

Во время войны указанные капиталистические страны стали поставщиками оружия, боеприпасов, продуктов, стратегического сырья и другой продукции и услуг. Определяющие позиции на этом рынке заняли крупнейшие капиталистические монополии, которые с помощью государственного аппарата обеспечивали себе большую часть военных заказов и устанавливали на них монопольные цены, обеспечивающие огромные прибыли. Благодаря государственному вмешательству небольшая группа монополий взяла в свои руки распределение сырья и топлива, а посредством так называемых субпоставок смогла подчинить себе большое количество малых и средних предприятий. В результате государственно-монополистическое регулирование военной экономики существенно усилило централизацию капитала, повысило значение и влияние монополий в народном хозяйстве всех империалистических стран [2].

Важной формой государственно-монополистического капитала во второй мировой войне стала так называемая государственная собственность. Капиталистические государства строили предприятия, требующие больших капиталовложений, затем сдавали их в аренду частным фирмам, а в конце концов дешево продавали капиталистическим монополиям.

Таким образом, империалистические страны прямо содействовали дальнейшему накоплению капитала крупнейшими монополиями [3].

Развитие государственно-монополистического капитализма в ведущих империалистических странах имело большие последствия для всего послевоенного устройства мира. Правящие круги империалистических стран, участвовавшие в антифашистской коалиции, уже в ходе войны начали принимать различные меры для подстраховки капитализма от послевоенных революционных потрясений; они стремились создать систему международных экономических и политических соглашений, дающих возможность монополиям влиять на мировой рынок и вмешиваться во внутренние дела разных стран.

Важным шагом в решении послевоенных международных экономических проблем стала конференция Объединенных Наций по вопросам продовольствия и сельского хозяйства, состоявшаяся в мае 1943 г. в США. В ней участвовало 46 государств, в том числе Советский Союз. На конференции было принято решение о создании постоянной международной организации, в обязанности которой входила разработка мероприятий по распределению мировых запасов продовольствия и по борьбе с голодом и недоеданием. В апреле 1945 г. была учреждена Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО). Правящие круги США пытались с самого начала использовать ФАО в своих интересах и с ее помощью держать под контролем мировой рынок продовольствия, использовать его вывоз и оказание технической помощи в своих политических целях.

В ноябре 1943 г. 44 страны подписали в Вашингтоне соглашение

об учреждении ЮНРРА — организации по оказанию помощи Объединенным Нациям в возобновлении промышленного и сельскохозяйственного производства, налаживании здравоохранения, в устройстве пленных и перемещенных лиц. Соединенные Штаты использовали аппарат ЮНРРА для своей экономической и политической экспансии. Деятельность США в ЮНРРА преследовала те же цели, которые они попытались реализовать позже с помощью «доктрины Трумэна», «плана Маршалла» и т. д.

В 1943 г. США выдвинули проект создания Стабилизационного фонда Объединенных Наций. По своему официальному назначению этот фонд должен был обеспечивать после войны стабилизацию валют, предотвратить инфляцию в мире. Эта мера должна была также содействовать уменьшению послевоенных социальных волнений, смягчению радикализации населения в капиталистических странах и следовательно, стабилизации капиталистической системы в целом. Однако эта организация одновременно была призвана служить установлению американской мировой гегемонии. США обладали самым большим золотым запасом стоимостью около 22,5 млрд. долларов, что вдвое превышало золотой запас всего остального капиталистического мира. С помощью Стабилизационного фонда США стремились установить более выгодный курс доллара в соотношении с другими валютами и устранить все барьеры в конкурентной борьбе, воздвигаемые другими капиталистическими странами при помощи валютной политики. В июне 1944 г. на другой конференции 44 стран в США был создан Международный валютный фонд, в основу которого был положен американский проект.

Данная мера отвечала прежде всего интересам североамериканского империализма, стремившегося расширить свой контроль над финансовой политикой остальных капиталистических стран. В первую очередь это наносило серьезный удар по Великобритании и ее притязаниям на сохранение роли мирового финансового центра. Аналогичное значение имело создание Международного банка реконструкции и развития в декабре 1945 г. Ведущие позиции в этой организации также заняли США, где им принадлежал наибольший денежный вклад. Банк получил права предоставлять кредиты и авансы, а также контролировать расходование этих средств. Следовательно, банк мог навязывать странам-должникам определенную экономическую политику. Международные монополии использовали этот банк для оказания давления на разные страны. Например, они заставляли их отказаться от мер по национализации, поддерживали капиталовложения частного сектора в противовес государственным и т. д.[4]

Создание различных мировых экономических организаций и институтов в послевоенный период объективно могло иметь большое значение и оказать благоприятное влияние на экономическую ситуацию во всем мире. Однако это могло произойти лишь при условии сотрудничества на основах полного равноправия всех участников и невмешательства во внутренние дела и экономическое развитие всех стран.

Именно такие принципы отстаивали Советский Союз и страны народной демократии. Однако капиталистические страны не согласились с этим, так как они хотели использовать международные организации для достижения своих империалистических целей. В организациях преобладало влияние монополистического капитала, главным образом североамериканского, стремившегося обеспечить себе контроль над мировой экономикой. В результате указанные организации проводили в жизнь дискриминационную политику в отношении социалистических стран и тех государств, которые вели борьбу за освобождение от империалистической зависимости.

С марта 1941 г. Соединенные Штаты предоставляли своим союзникам помощь в рамках закона о ленд-лизе. Согласно этому закону американский президент получил полномочия продавать, обменивать, сдавать в аренду, давать взаймы или иным способом военные материалы правительству любой страны, оборону которой он считал необходимой для обеспечения безопасности США. С помощью этого закона правительство США превратилось в заказчика и покупателя подавляющего большинства продукции военно-промышленного комплекса, что позволило монополиям осуществлять экспорт данной продукции за границу за счет государства [5].

Закон о ленд-лизе был также важным средством политического давления, так как позволял Соединенным Штатам непосредственно вмешиваться во внутренние дела разных стран, определять масштабы их участия в войне с фашизмом.

В августе 1945 г. Соединенные Штаты отменили кредиты, предоставляемые на основании закона о ленд-лизе, в результате чего заставили другие капиталистические страны, прежде всего Великобританию и Францию, обращаться с просьбой о предоставлении особой помощи. В декабре 1945 г. США предоставили Франции кредит в размере 550 млн. долларов, а Великобритании — 3750 млн. долларов. В обмен США потребовали от обеих стран согласия с так называемой политикой открытых дверей, т. е. неограниченного доступа американского капитала и товаров на их рынок. Эти кредиты имели и политическое значение, так как они были предоставлены при условии включения обеих стран в антикоммунистический поход, организуемый в то время Соединенными Штатами. В то же время США добились расширения своего контроля над международной торговлей нефтью.

После окончания второй мировой войны еще больше усилилась неравномерность развития капиталистического мира. Наиболее характерной чертой явился значительный рост политической, экономической и военной силы США, на долю которых в то время приходилось почти две трети промышленной продукции капиталистического мира, треть мирового экспорта товаров и свыше 50 % золотых запасов. Великобритания же к этому времени оказалась существенно ослабленной и находилась на границе финансового банкротства. Народное хозяйство Франции было разрушено войной и подрывалось к тому же саботажем международных монополий. Германия, Италия и Япония были охвачены экономической разрухой. Другие развитые капитали-

стические страны Европы, оккупированные во время войны, понесли большой экономический ущерб.

Отпадение от капиталистической системы новых стран, ослабление позиций империализма в экономическом соревновании с социализмом положили начало второму этапу общего кризиса капитализма. Сказался распад колониальной системы империализма, обострение внутренних империалистических противоречий в связи с развитием государственно-монополистического капитализма и ростом милитаризма. Усиливались внутренняя неустойчивость и загнивание капиталистической экономики, что проявлялось в растущей неспособности капитализма полностью использовать существующие производительные силы [6]. Замедлились темпы роста производства, начались новые периодические экономические кризисы, сохранялась постоянная недогрузка производственных мощностей и хроническая безработица.

Обострялись противоречия между трудом и капиталом, усиливались реакционные силы, капиталистический мир все более явно отходил от буржуазно-демократических принципов. Налицо был глубокий кризис буржуазной политики и идеологии.

Капитализм утратил контроль над рядом стран. Он лишился важных рынков, источников сырья и сельскохозяйственных продуктов. Капитализм был вынужден ретироваться с ряда важных плацдармов, которые он ранее использовал для подготовки нападения на Советский Союз. Соотношение сил в мире все более менялось в пользу социализма. Поэтому все более обострялись противоречия и ускорялись революционные процессы в капиталистическом мире. Большое значение имел наступающий распад колониальной системы и возникновение независимых государств в Азии и Африке.

Серьезные изменения произошли также внутри империалистического лагеря. Во всех развитых капиталистических странах изменилось соотношение классовых сил. В некоторых крупных странах, например, в Италии и Франции, рабочий класс и его союзники достигли в это время высокого уровня политической и классовой сознательности и организованности. В результате они приобрели преимущество над реакционными силами и скомпрометированными представителями монополистического капитала и его политической агентурой. Однако пролетариат в этих странах не смог взять власть в свои руки, так как американский империализм оказал существенную помощь ослабленной буржуазии. Благодаря этому монополистической буржуазии Западной Европы удалось не только сохранить свое господство, но и постепенно укрепить свои политические и экономические позиции.

На втором этапе общего кризиса капитализма проявилась также усиливающаяся неравномерность в развитии капиталистической системы, которая характеризовалась некоторыми новыми чертами. Капиталистический мир разделился на две группировки: высокоразвитые империалистические государства и менее развитые страны, свергшие колониальное господство, обретшие политическую независимость и начавшие борьбу за достижение экономической независи-

мости. Уже во второй половине 40-х годов это противоречие превратилось в один из основных признаков развала структуры мировой капиталистической экономики.

В послевоенный период существенно повысилось значение Соединенных Штатов во всем капиталистическом мире. На первый взгляд казалось, что прекратилась борьба великих держав и навсегда утвердилась гегемония США. Американский империализм расширял свою экспансию, использовал ослабление конкуренции и стремился создать и укрепить такую систему международных отношений, которая позволила бы американскому империализму полностью контролировать весь капиталистический мир[7]. Тем не менее даже такие перемены не смогли предотвратить традиционные межимпериалистические противоречия. Наоборот, они стали импульсом возникновения новых противоречий. Во второй половине 40-х годов это проявилось прежде всего в нарастании тенденций к падению удельного веса США в мировой капиталистической экономике. С восстановлением своей экономики западноевропейские государства вновь получили возможность соперничать с американским империализмом за раздел рынков и сфер влияния.

Неравномерность экономического развития нарастала и в результате новых достижений научно-технического прогресса. Внедрение ядерной энергии, электроники, вычислительных машин, пластмасс и различных современных видов сырья вызвало большие структурные изменения в экономике развитых капиталистических стран. Это было выгодно для тех стран, где проходило более интенсивное обновление основного капитала, начало применяться самое современное оборудование и более совершенные структуры производства.

В указанный период углублялось и основное противоречие капитализма — противоречие между трудом и капиталом. Усиливались и разрастались конфликты между опирающейся на государственную власть финансовой олигархией и подавляющим большинством трудового народа. Тем самым возникали предпосылки для образования широкой антимонополистической коалиции для борьбы за основные социально-экономические и политические преобразования в капиталистическом мире.

В послевоенные годы капиталистические страны были вынуждены преодолевать многочисленные трудности, возникающие в связи с переходом экономики на мирные рельсы, в результате в народном хозяйстве возникали новые диспропорции, начинался следующий этап в эволюции капиталистического разделения труда.

Монополистическая буржуазия стремилась в то время максимально использовать гарантированный государственный рынок. Крупные монополии и после войны не прекратили военного производства, становясь привилегированными поставщиками вооружений для капиталистических армий. Сохранение частично милитаризованной экономики обосновывалось потребностями насильственного подавления революционных сил и национально-освободительного движения, расширением сферы государственно-монополистического капитализма.

Таким образом, сохраняющаяся милитаризация экономики стала дальнейшим проявлением углубления кризиса современного капитализма. Продолжающееся в больших масштабах производство военной продукции и милитаризация стали неотъемлемым фактором развития капиталистической экономики. Милитаризация привела к возникновению новых промышленных отраслей, что повлияло на развитие экономики в целом. Эти источники в определенной мере маскировали негативные факторы военно-инфляционной конъюнктуры, хотя в долгосрочной перспективе они оказывали неизбежное влияние на общее положение в капиталистических странах.

Указанные условия содействовали и углублению неравномерности экономического и политического развития капиталистического мира. В течение определенного времени милитаризация экономики США, несмотря на порождаемые ею внутренние противоречия, отдаляла экономический кризис. В Великобритании и Франции она же тормозила развитие важнейших отраслей и вела к снижению общих темпов экономического развития. В Западной Германии, Италии и Японии, еще не участвовавших в гонке вооружений, началась бурная инфляция, приведшая к снижению реальной заработной платы трудящихся, но одновременно способствовавшая повышению конкурентоспособности этих стран.

Состояние послевоенной экономики капиталистического мира имело и другие особенности. Страны с преобладанием традиционных отраслей производства, например, Великобритания и Бельгия, не могли обеспечить необходимых темпов развития промышленности и существенно опаздывали со структурной перестройкой. Отставание и упадок традиционных отраслей производства вели к мелким кризисам перепроизводства и вызывали рост хронической безработицы.

Во второй половине 40-х годов появились новые факторы неравномерности экономического развития отдельных капиталистических стран. Вначале, когда в отдельных странах проходил процесс реконструкции экономики, производство в США продолжало увеличиваться, что давало США большие преимущества и обеспечивало им решающее преобладание на капиталистических рынках. Однако в конце 40-х годов в данном отношении произошли некоторые серьезные изменения. Удельный вес США в мировом промышленном производстве начал постепенно уменьшаться, хотя и оставался все еще более высоким, чем перед войной. К довоенному уровню промышленного производства тогда приближалась Англия, быстро развивалась Западная Германия: она уже в 1948 г. обогнала по промышленному производству Францию и вновь превратилась в экономически мощную европейскую державу [8].

Развитие капиталистической экономики в послевоенный период оказало значительное влияние на распад колониальной системы. Изменились сферы капиталовложений: они все в большей мере устремились в развитые страны Западной Европы, Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии, а затем и Латинской Америки. Прежние колониальные державы постепенно теряли свое монопольное положение на рынках новых государств, где утверждались между-

народные монополии. И это обстоятельство подрывало прежнюю систему империалистического разделения труда между развитыми и развивающимися странами.

Сложившееся положение стремились использовать Соединенные Штаты, которые впрочем в первые послевоенные годы еще не внедрялись столь активно в колониальные регионы мира, а сосредоточивали силы на спасении капитализма в Европе. Однако постепенно США начали все более настойчиво проводить самостоятельную политику в этой области. В январе 1949 г. был провозглашен 4-й пункт «программы Трумэна», предусматривающий предоставление американской «помощи» колониям и развивающимся странам, вместе с тем этот план имел и иной важный аспект — создание военно-политического блока колонизаторов для борьбы против национально-освободительного движения.

Хотя после окончания войны началось становление относительного единства мирового капиталистического рынка, одновременно между империалистическими державами усиливалась борьба за экономический передел мира. В первую очередь это проявилось в области внешней торговли, где в результате экспансии США образовались серьезные диспропорции и возникли противоречия между ведущими капиталистическими странами.

Во второй половине 40-х годов США добились больших успехов в этой области. Среднегодовой экспорт США достигал в 1946—1949 гг. более 13 266 млн. долларов, а импорт — 6374 млн. долларов. Экспорт в два раза превышал импорт; золотой запас США также возрос за это время на 4,5 млрд. долларов и летом 1949 г. превышал две трети золотого запаса капиталистического мира. Американские империалисты использовали благоприятные обстоятельства для беспримерного повышения курса доллара, который они пытались превратить в мировую валюту. США ослабляли своих конкурентов, продолжая политику протекционизма и ограничивая доступ значительной части иностранных товаров на внутренний рынок.

Свою роль выполнял вывоз капитала из США, который существенно возрос во второй половине 40-х годов. Правящие круги США пытались и подобным методом укреплять свою гегемонию в мировой капиталистической системе и ее экономике. Однако данное обстоятельство способствовало обострению внутренних противоречий в капиталистическом мире: монополистическая буржуазия развитых капиталистических стран, защищаясь от такой экспансии, принимала различные меры против американской конкуренции.

В итоге развитие мирового капитализма во второй половине 40-х годов было весьма противоречивым и характеризовалось наличием различных и противоположных тенденций. В эти годы особо заметно проступало превосходство североамериканского капитала над конкурентными группами в остальных капиталистических странах. Поэтому североамериканский империализм по сути дела смог без особых препятствий реализовывать свои устремления и готовить новые планы захвата всего мира, установления неограниченного господства США на всех континентах.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

АМЕРИКАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

Усиление гегемонии американского империализма, неравномерный рост влияния США на экономику и политику мировой капиталистической системы — характерные черты второй половины 40-х годов. Таковы были последствия второй мировой войны, которые позволили американскому империализму реализовать часть своих планов. Существенное развитие государственно-монополистического капитализма вызвало значительное расширение внутреннего рынка США и возрастание их экономического превосходства в капиталистическом мире.

Еще до начала второй мировой войны на долю США приходилось около половины промышленного производства капиталистического мира. Война вызвала рост конъюнктуры и дала сильный импульс для обширных капиталовложений. В результате производственные мощности в промышленности за военные годы увеличились примерно на 40 %, а годовые темпы прироста промышленного производства в это время превысили 15 %. США начали широким фронтом проникать на иностранные рынки. Объем их экспорта увеличился более, чем в три раза, превысив за военные годы 57,5 млрд. долларов.

Такое развитие продолжалось и в послевоенные годы, в результате чего удельный вес США с 1937 г. по 1947 г. возрос в промышленном производстве с 41,4 % до 62 %, а в экспорте капиталистических стран — с 14,2 % до 32,5 %.

Важные изменения произошли также в сфере капиталовложений. Долгосрочные заграничные капиталовложения выросли с 1939 г. до конца войны с 11,4 млрд. долларов до 15,3 млрд. дол., а в 1950 г. достигли 32,8 млрд. долларов. За 1946—1955 гг. они дали в целом 21,2 млрд. долларов прибыли [1]. Поток американского капитала шел во все части мира, однако в первую очередь в Западную Европу. В качестве средства экономического давления Соединенные Штаты могли использовать предоставленные в ходе войны кредиты. Их целям служили также Международный банк реконструкции и развития и Международный валютный фонд, которые направляли и контролировали послевоенные кредиты и ссуды, предоставляемые в первую очередь капиталистическим странам Западной Европы.

Соединенные Штаты превратились в основного международного кредитора. По экспорту капитала они обогнали весь капиталистический мир, проникая в колонии и зависимые страны, превращаясь в главного мирового эксплуататора.

В ходе второй мировой войны в США усилился милитаризм. В послевоенный период Соединенные Штаты были самой мощной военной державой капиталистического мира. В сравнении с другими капиталистическими странами США располагали наиболее крупными армией, авиацией, военно-морским флотом, им принадлежала моно-

полия атомного оружия. США создали обширную сеть военных баз по всему миру, стали организатором и ведущей силой возникающих военных блоков.

Рост милитаризма в США подтверждал, что основные закономерности развития капитализма с особой силой проявляются и в самой сильной капиталистической державе. Этот объективный процесс показал, что ослабление капиталистической системы продолжается и американский империализм развивается таким же образом, как империализм других стран.

Правящие круги США стремились использовать свое участие в антифашистской коалиции и ту роль, которую сыграла их страна в поражении фашистских государств, для повышения своего престижа и пропаганды пресловутой американской демократии, в качестве эталона «свободного мира».

Во второй половине 40-х годов Соединенные Штаты намного опередили все остальные империалистические страны и превратились в экономический, политический и идеологический центр капиталистического мира. Укреплению их позиций способствовало и то, что остальные империалистические державы, встревоженные успехами социализма и дальнейшим развитием мирового революционного движения, искали в США опору и признавали их ведущее положение в капиталистической системе. Вследствие того, что противоречия между социализмом и империализмом после окончания войны вновь выдвинулись на передний план, став главной и определяющей чертой послевоенного развития, США смогли возглавить реакционные силы во всем мире, заставить своих партнеров хотя бы временно поступиться некоторыми своими интересами.

Межимпериалистические противоречия, объективной основой которых служат различия экономических интересов монополий разных стран, не были, разумеется, преодолены, но временно были сглажены и отодвинуты на второй план. В самих Соединенных Штатах в послевоенные годы также нарастали серьезные внутренние противоречия и трудности. Активизировались демократические силы, пробужденные победой над фашизмом, повысились сознание и организованность пролетариата, успешно боровшегося за свои социальные требования. Вместе с тем усиливалась неустойчивость капитализма и обострялись его внутренние противоречия. Таким образом, в Соединенных Штатах явно проступали основные черты второго этапа общего кризиса капитализма.

Тем временем в США заметно усилился антикоммунизм, который превращался в важнейшее звено политики и идеологии монополистической буржуазии. Американские политики заявляли о необходимости борьбы с коммунизмом, стремиться как можно быстрее ликвидировать его в Соединенных Штатах и во всех частях мира, куда достигало их влияние. Антикоммунистическая истерия бушевала внутри США, а американская пропаганда разносила ее за пределы страны [2].

Антикоммунизм в США тесно увязывался с нарастающими нападками на рабочее движение. Во второй половине 40-х годов был принят ряд антирабочих законов, в том числе известный закон

Тафта—Хартли, разрешающий применение жестких санкций против забастовок и других мероприятий пролетариата. В марте 1947 президент Трумэн подписал так называемый закон о проверке лояльности, послуживший основой репрессий против прогрессивных сил. Некоторые американские деятели требовали запретить коммунистическую партию и заявляли, что ее необходимо поставить вне цивилизованного общества.

Вторая мировая война позволила Соединенным Штатам претендовать на гегемонию во всем мире. Этой цели была подчинена вся политика США в последующий период. Ее основополагающей чертой была борьба против Советского Союза и других социалистических стран, стремление ликвидировать мировую социалистическую систему.

Для наступления на социализм правящие круги США использовали все средства, от экономического и военного нажима, политического маневрирования в сфере международных отношений вплоть до обостренной антикоммунистической и антисоциалистической пропаганды. Соединенные Штаты стали ведущей силой борьбы против мирового социализма. Они взяли на себя роль руководящего центра международной контрреволюции. Эти цели все более явно становились основой американской политики в целом.

США приложили немало усилий для подавления национально-освободительного и прогрессивного движения во всех частях мира, предоставляя обширную помощь реакционным элементам многих стран, помогая повсюду буржуазии укреплять позиции капитализма. Такой политический курс приобретал для США все большую важность по мере уменьшения территории, контролируемой капитализмом, углубления кризиса капиталистического мира и обострения всех противоречий капитализма на втором этапе его общего кризиса. Учитывая значительное ослабление позиций капитализма в мире в результате начавшегося распада колониальной системы и возникновения новых, независимых государств, США активно выступали против прогрессивных и революционных сил в национально-освободительном движении, помогали буржуазным элементам, сотрудничающим с международными монополиями, в их борьбе за власть во вновь возникающих государствах. Американские империалисты тесно сотрудничали с крупной буржуазией бывших колониальных метрополий и предоставляли ей помощь для укрепления ее позиций в прежних колониях [3].

Во второй половине 40-х годов Соединенные Штаты были вынуждены уделить большое внимание положению дел в европейских государствах в первую очередь потому, что в них большое развитие получило революционное движение, представлявшее опасность для всей капиталистической системы. Правящие круги США приложили много сил для сохранения позиций капитализма в Западной Европе, понимая ключевое значение именно этого континента для сохранения капитализма в целом. Однако США продолжали вести конкурентную борьбу с крупной буржуазией западноевропейских стран, использовали их экономическую слабость для захвата некоторых важных

экономических позиций в области промышленности, торговли и финансов.

Американские теоретики в послевоенный период призывали придать глобальный характер политике США. Они заявляли, что Соединенные Штаты являются самой сильной державой во всей истории человечества, обладающей полным экономическим, политическим и военным превосходством. США стали супердержавой и, следовательно, лидером всего мира, повеления которого должны выполнять все остальные страны. В этой связи появились рассуждения о так называемом американском столетии, в каковом США, как Римская империя в античности, будут определяющей силой мира [4]. Представители американского крупного капитала утверждали, что США смогут на долгие времена обеспечить себе ведущую роль в мире, благодаря американским вооруженным силам, экономическому превосходству и моральной силе, вытекающей из пресловутого американского образа жизни [5].

Американская пропаганда пыталась создать впечатление, что Соединенные Штаты преследуют исключительно оборонительные цели, а их прогрессирующая милитаризация и военно-стратегические планы порождены опасностью коммунистической агрессии. Однако при том все чаще раздавались призывы к политике силы, использованию ядерного превосходства и практической реализации так называемой ядерной дипломатии, т. е. подготовке к войне с применением всех средств массового уничтожения.

Так называемая политика с позиции силы в послевоенные годы получила широкое «теоретическое» обоснование. Американские представители утверждали, что всю деятельность государства следует подчинить нуждам будущей войны и в ходе подготовки к ней с помощью давления создавать благоприятные исходные условия для будущего конфликта. Они открыто провозгласили допустимость всех форм насилия в международных отношениях, а войну рассматривали как естественный и неизбежный инструмент политики. Они пришли к выводу, что желаемого результата во внутренней политике и на международной арене можно добиться только силой [6].

Однако реализация такой политики требовала накопления необходимых средств для обеспечения американскому империализму превосходства над остальными странами. Подобного рода принципы правящие круги США положили в основу своих планов подчинения мира американской гегемонии, на них основывались разные теории того времени, в первую очередь стратегия балансирования на грани войны, провозглашенная ведущим теоретиком американского империализма известным реакционером Джоном Фостером Даллесом.

Политика «с позиции силы» требовала активного проведения экономической экспансии американского империализма, военной подготовки и реализации различных форм политического и идеологического давления. Большое внимание уделялось военному аспекту этой концепции. Так, например, военные расходы достигли в 1946—1949 гг. 85 млрд. долларов и в 1949 г. в 20 раз превысили уровень 1939 г.

Во второй половине 40-х годов представители американского империализма возлагали большие надежды на ядерное оружие. Они были убеждены, что США еще долго будут монополистом в этой области [7].

Их мнение основывалось на том, что только Соединенные Штаты с их высокоразвитой экономикой могут выделять огромные финансовые средства, необходимые для производства этого оружия. Их самоуверенность укреплялась и представлениями об опережении в области исследования атомной энергии, наличии в США самых квалифицированных научных и технических кадров по этой специальности, а также тем обстоятельством, что США контролируют наиболее важные месторождения урана в капиталистическом мире.

В реализации политики силы американские империалисты исходили из того, что в их руках почти монопольно были сосредоточены наиболее важные военные средства нападения — мощная бомбардировочная авиация и военно-морской флот с многочисленными авианосцами. Кроме того в их распоряжении было большое количество военных баз разного типа, которые практически окружали Советский Союз и страны социалистического содружества. Вдобавок они были убеждены в фактической неуязвимости Соединенных Штатов. Американские империалисты пришли к выводу, что и в будущей войне Америка останется далеко в стороне от центров военных действий. Поэтому они считали, что атомная бомба позволяет диктовать всему миру свою политику, утверждали, что сильная авиация дает возможность создать какой-то полицейский кордон над всем миром, навязать ему Pax Americana (т. е. мир по-американски. — *Ред.*).

Политические и идеологические представители США стремились убедить мировое общественное мнение в том, что в усиливающемся международном напряжении виноваты попытки Советского Союза распространять коммунизм. В этой связи утверждалось, будто бы СССР вмешивается во внутренние дела стран Восточной Европы и именно он, якобы, добился установления коммунистических режимов в этом регионе. Американцы утверждали, что Советский Союз нарушил свои обязательства, взятые в годы войны, и этим оправдывали агрессивную политику США, явившуюся будто бы следствием необходимости осуществления каких-то ответных мер. По мнению многих американских авторов такое развитие событий и стало причиной зарождения печально известной холодной войны [8].

В рамках холодной войны американский империализм создал и другие политические и военно-стратегические доктрины, направленные против Советского Союза и социалистических стран. Наиболее известна доктрина сдерживания коммунизма, провозглашенная в 1947 г. По свидетельству автора этой доктрины, известного американского дипломата Д. Кеннана, речь шла о противопоставлении коммунизму достаточной силы, воспрепятствовании его проникновению во все части мира [9]. Кеннан и другие теоретики, разрабатывавшие эту концепцию, исходили из того, что нельзя рассчитывать на долгий период мирного сосуществования государств с различным политическим строем. Они предполагали, что территория, занимаемая

мировой социалистической системой, будет уменьшаться, а Советский Союз и другие социалистические страны постепенно капитулируют перед американским нажимом и откажутся от своих социалистических целей [10].

Было очевидно, что американские империалисты намерены активно вмешиваться во внутренние дела социалистических стран, помогать реакционным силам, стремящимся повернуть развитие событий вспять. В этом большое значение они придавали военному фактору. Империалисты предусматривали возможность локальных войн против социалистических стран, они планировали и большую войну, целью которой была насильственная ликвидация всей социалистической системы. Сторонники доктрины сдерживания открыто провозглашали, что США должны использовать трудности Советского Союза, возникшие в результате войны, а также внутренние противоречия в народно-демократических странах, бывшие следствием обостряющейся борьбы между революционными и реакционными силами. Составной частью этой концепции были планы экономической блокады Советского Союза и народно-демократических стран, усиление идеологической и политической борьбы, а также подрывной деятельности в социалистических странах [11].

В рамках экономического давления Соединенные Штаты в 1947 г. денонсировали советско-американское соглашение 1945 г. о предоставлении кредитов на закупку американских товаров. В марте 1948 г. были введены экспортные лицензии, что сделало невозможным экспорт в СССР многих товаров, а спустя несколько лет, в 1951 г., было запрещено предоставление кредитов и помощи всем странам, продающим стратегическое сырье Советскому Союзу и народно-демократическим государствам. В результате этих и аналогичных мер в конце 40-х годов торговые отношения между Соединенными Штатами и странами социалистического содружества оказались практически прерванными.

Однако американские империалисты не сумели добиться ожидаемых результатов. Несмотря на все провокации, экономическое и политическое давление и открытое вмешательство в дела социалистических стран, империалистам не удалось воспрепятствовать дальнейшему укреплению мировой социалистической системы во второй половине 40-х годов.

В послевоенный период Соединенные Штаты стремились создать новую систему союзов с остальными капиталистическими странами, в первую очередь с западноевропейскими. Целью было поставить эти страны под свой экономический, политический и военный контроль. Значение такого союза возрастало в связи с распадом антифашистской коалиции. Североамериканский империализм развязывал холодную войну, начинал применять политику с «позиции силы» и стратегию так называемого сдерживания коммунизма.

Правящие круги западноевропейских стран хотя и симпатизировали этим планам, но они были не в состоянии встать на такой путь сразу же после войны, так как общественность этих стран по-прежнему проявляла большие симпатии к Советскому Союзу.

Данное обстоятельство учитывали и американские империалисты, поэтому они применяли тактику постепенного осуществления своих планов, создавали сначала региональные, мелкие союзы и только потом перешли к формированию военных агрессивных блоков.

Первым шагом в создании империалистических блоков в послевоенный период стала доктрина Трумэна, провозглашенная в марте 1947 г. Соединенные Штаты выступили с этим планом в рамках своей общей концепции сдерживания коммунизма. Они заменили в Греции Великобританию и предоставили реакционному греческому правительству большую финансовую и военную помощь, помогали его победе над прогрессивными силами в гражданской войне. Затем финансовую помощь получила Турция, которая благодаря этому смогла на какое-то время справиться с существовавшими серьезными экономическими трудностями. В обоих случаях США непосредственно вмешивались во внутренние дела указанных стран, содействовали консолидации и укреплению позиций правых сил и сохранению капиталистической системы. Одновременно Соединенные Штаты сделали первый шаг к реализации новых, более обширных экономических и политических планов, призванных укрепить позиции капиталистической системы и укрепить позиции американского империализма в мировом масштабе [12].

Доктрина Трумэна была провозглашена после того, как пострадавшая от послевоенного экономического хаоса Великобритания, погрязшая в серьезных противоречиях внутри Британской империи, оказалась неспособной оказать необходимую помощь правящим кругам Греции и Турции в их борьбе с революционными силами. Наиболее серьезной была обстановка в Греции, где бушевала гражданская война и реакция потерпела ряд серьезных поражений.

Американские империалисты хорошо понимали стратегическое значение обеих этих стран, с территории которых можно было контролировать все Восточное Средиземноморье. Поэтому они решились на прямое вмешательство и предоставили реакционным правительствам Греции и Турции большую помощь. Однако доктрина Трумэна фактически имела более далекоидущие последствия, и как стало ясно впоследствии, она позволила североамериканскому империализму вмешиваться во внутренние дела других государств Средиземноморского бассейна и Ближнего Востока. США использовали эту доктрину всегда, когда было необходимо оказать помощь правым и реакционным элементам в их борьбе против революционного движения.

Сразу же после окончания второй мировой войны в правящих американских кругах обсуждался вопрос о возможности усиления экономического влияния США в Европе. Однако на практике это начало осуществляться только в 1947 г., когда тогдашний государственный секретарь Д. Маршалл в своем выступлении в Кембридже 5 июня 1947 г. изложил проект плана обширной экономической помощи европейским странам.

Маршалл заявил, что Европа лежит в развалинах, так как война вызвала большие человеческие потери, привела к уничтожению

городов, заводов, шахт и железнодорожных путей. Производство в европейских странах существенно упало, не хватает промышленных товаров, продуктов и сырья, оборудование сильно изношено. Маршалл утверждал, что перемен к лучшему нельзя достичь без большой американской помощи. Если ее не будет, то Европу ожидают тяжелые экономические, политические и социальные испытания.

Из содержания речи было ясно, что американский крупный капитал опасается углубления революционного кризиса в Европе. Маршалл указал, что Западная Европа с ее промышленным потенциалом и современной техникой может, якобы, попасть под то же влияние, что и Восточная Европа, в результате чего весь континент попадет под контроль строя, открыто враждебного американскому образу жизни и форме правления [13].

Таким образом, смысл плана Маршалла заключался в сохранении и укреплении европейского капитализма и достижении консолидации мировой капиталистической системы. Кроме того, его план мог послужить и ослаблению европейской крупной буржуазии, сделать возможным дальнейшее проникновение американского монополистического капитала в Европу. Это соответствовало глобальным планам США, которые хотели использовать представившуюся возможность для укрепления своих планов по достижению мирового господства.

Следующей целью плана Маршалла было оказание давления на страны народной демократии, которые могли получить кредит при условии отказа от социалистических преобразований и реставрации капиталистической системы.

План Маршалла был также связан с военно-стратегическими целями американского империализма. Он должен был создать предпосылки для образования военно-политических группировок, направленных против мировой социалистической системы и национально-освободительного движения. Он содействовал возрождению и усилению империализма в Западной Европе и в первую очередь в Западной Германии.

Правящие круги США пришли к мнению, что необходимо стремиться к укреплению единства западноевропейских стран. Тем самым они намеревались создать обширный рынок для сбыта американских товаров и необходимые условия для неограниченной деятельности международных монополий.

Поставляемые в Западную Европу по плану Маршалла товары и капиталы, хотя и помогали устранять последствия войны в экономике, однако оказывали негативное влияние на общее экономическое развитие западноевропейских стран, существенно меняли и разрушали существующую экономическую структуру. С помощью этого плана Соединенные Штаты хотели преодолеть и собственные экономические трудности, в первую очередь кризис перепроизводства 1948–1949 гг. [14].

Правящие круги разных западноевропейских стран сразу же проявили большую заинтересованность в этом плане. Он обсуждался сначала на совещании министров иностранных дел Советского Союза, Франции и Англии в Париже в июне—июле 1947 г. СССР подверг

критике представленный план и проект его реализации, так как предполагалось создание какого-то органа, обладавшего правом вмешательства во внутренние дела стран, принявших подобную помощь, а также контролирующего использование денег. Советский Союз подчеркивал, что осуществление этого принципа серьезно нарушило бы самостоятельность европейских стран. Поэтому он отверг сотрудничество в реализации плана и предложил другой путь быстрого возрождения европейской экономики на основе равноправного европейского сотрудничества. Конференция окончилась безрезультатно после того, как Франция и Великобритания отвергли предложения СССР. Советский Союз, народно-демократические страны и Финляндия в дальнейших совещаниях не участвовали.

Таким образом, Советский Союз и страны народной демократии отвергли проект, совершенно однозначно выражающий стремления североамериканского империализма спасти и консолидировать капиталистическую систему. Тем не менее в последующий период США совместно с правящими кругами западноевропейских стран смогли беспрепятственно приступить к реализации разных мер, направленных на достижение этой цели. План Маршалла стал однозначной программой консолидации всей капиталистической экономики. Он послужил интересам крупной буржуазии и существенно содействовал укреплению позиций мирового империализма.

В середине июля 1947 г. в Париже проходила конференция стран, заинтересованных в получении американской помощи. Здесь собрались представители Англии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Швеции, Норвегии, Дании, Исландии, Ирландии, Португалии, Австрии, Швейцарии, Греции и Турции. Позднее к этому плану присоединились Западная Германия и так называемая Свободная территория Триест. Следовательно, в нем приняли участие западноевропейские страны с населением в 275 млн. человек.

Указанная конференция образовала тогда Администрацию экономического сотрудничества, задачей которой было составление сообщения об экономических источниках отдельных стран и определение их претензии на американскую помощь. Все государства, принявшие эту помощь, должны были взять на себя ряд тяжелых обязательств и в первую очередь позволить монополистическому капиталу США контролировать использование предоставляемых средств. Это использовали американские монополии, потребовавшие предоставления им льгот в торговых сделках, снижения или же отмены таможенных пошлин и протекционистских тарифов и ограничения экономических связей с Советским Союзом и народно-демократическими странами.

Американская помощь, предоставляемая Европе на основе плана Маршалла, превышала 3 млрд. долларов в год. Большая часть средств предназначалась на покупку или производство потребительских товаров и не оказала существенного влияния на обновление средств производства. Таким образом, план Маршалла был прежде всего реализацией планов экономической экспансии американского империализма.

На первом этапе осуществления этого плана, т. е. до середины 1950 г. американские империалисты пытались даже тормозить развитие некоторых важных отраслей западноевропейской промышленности и тем самым облегчали американским монополиям проникновение в экономику отдельных стран. Только в следующий период, когда монополистический капитал США уже расширил и укрепил свои позиции в западноевропейской экономике, он начал содействовать ее развитию, причем главное внимание уделялось укреплению военно-промышленного потенциала.

Экспансия американского империализма в рамках плана Маршалла поставила под угрозу прибыли и позиции западноевропейских капиталистов. Эта политика еще более обострила проблему рынков, уменьшила возможность капитализма маневрировать и привела к углублению конфликтов между западноевропейскими государствами и США.

Вскоре после войны империалистические державы начали создавать новые военные блоки. Раньше всего возобновилось военное взаимодействие между США, Великобританией и Канадой. Вначале это сотрудничество развивалось в области исследований ядерной энергии и ее использования, а впоследствии распространилось на другие сферы, в том числе и на строительство военных баз США на канадской территории и британских островах. Американских империалистов притягивала прежде всего Великобритания и они вновь начали называть ее «непотопляемым авианосцем», желая использовать его в случае военного конфликта с Советским Союзом. В это время США интенсивно формировали военно-политический блок на американском континенте и стремились превратить его в инструмент экономической и политической экспансии американских монополий в Латинской Америке.

Для реализации этого плана США, в первую очередь использовали межамериканскую конференцию в Боготе, где они добились продления на неопределенное время полномочий Межамериканского совета обороны, который по первоначальным замыслам должен был существовать лишь в течение второй мировой войны. Этот совет стал важным звеном организации американских стран и в течение ряда лет оказывал значительное влияние на ее политику. В целом формирование военно-политического блока американских государств было закончено к середине 1948 г.

Во второй половине 40-х годов Великобритания также прилагала немало сил для создания военного блока в Западной Европе. Она хотела, чтобы в него вошли Франция, Бельгия, Голландия, Италия и некоторые другие страны.

В 1946 г. состоялись переговоры о заключении англо-французского пакта, однако разногласия по немецкому вопросу не позволили на этот раз добиться соглашения. Оно было достигнуто в январе 1947 г. во время визита в Великобританию премьер-министра Франции Леона Блюма. Союзный пакт этих двух стран был подписан в марте 1947 г.

Англо-французский договор был только первым шагом в создании

империалистических военных блоков. Он поначалу не выражал ещё вполне этой цели, так как формально должен был обеспечить только оборону обеих стран. Однако договор имел довольно большое значение для своего времени, став предпосылкой возникновения более обширных военных союзов капиталистических стран.

После заключения данного пакта Великобритания и Франция еще больше сблизились с США и перешли к полной поддержке американской политики по германскому вопросу. Британский министр иностранных дел Бевин предложил в марте 1948 г. создать военный блок западноевропейских государств, членом которого впоследствии могла бы стать Западная Германия. Переговоры об этом предложении между Великобританией, Францией и странами Бенилюкса окончились в марте 1948 г. подписанием пакта о экономическом, социальном и культурном сотрудничестве, а также коллективной обороне Обычно этот договор называют «Брюссельским пактом о западной унии». И хотя в нем еще говорилось о возможных мерах против возобновления германской агрессии, основные военные планы были направлены против Советского Союза и народно-демократических стран [15].

С самого начала было очевидно, что Брюссельский пакт может быть только промежуточной ступенью к созданию более мощной военной группировки империалистических государств во главе с США. Поэтому британский министр иностранных дел Бевин уже в марте 1948 г. обратился к правительству США с просьбой об ускоренном обсуждении проблемы обеспечения безопасности североатлантической зоны.

Правящие круги США проявили к этому плану большой интерес и почти сразу согласились провести предлагаемые переговоры. Уже в июне 1948 г. начались секретные переговоры американского правительства с государствами — членами Западного союза и Канадой по поводу создания Североатлантического пакта. Вскоре была достигнута договоренность по всем основным вопросам и в апреле 1949 г. представители двенадцати стран Западной Европы и Северной Америки этот пакт подписали.

Североатлантический пакт стал основой других империалистических военных группировок. Его создание весьма обострило напряжение в Европе и во всем мире и положило начало лихорадочной гонке вооружений. Образование Североатлантического пакта стабилизировало также расстановку сил в империалистическом лагере. Соединенные Штаты еще больше укрепили свое ведущее положение. Великобритания и Франция заняли места второразрядных стран, а другие участники пакта оказались в еще большей зависимости от США [16]. Атлантический пакт, направленный против Советского Союза, народно-демократических стран, революционного и национально-освободительного движения во всем мире стал важным инструментом военного и политического господства США в Западной Европе.

Буржуазная пропаганда утверждает: Североатлантический пакт якобы возник потому, что европейские капиталистические страны,

обеспокоенные развитием событий в Центральной и Юго-Восточной Европе, особенно Февральскими событиями 1948 г. в Чехословакии, опасались «угрозы коммунизма», стремились объединиться. И хотя основные переговоры о создании этой военной группировки проходили с лета 1948 г., а подписание договора состоялось только через год, в действительности военная подготовка империалистических государств, нацеленная против Советского Союза и народно-демократических стран, началась гораздо раньше, по крайней мере в 1947 г.

Это доказано историей возникновения так называемого Брюссельского пакта, переговоры о создании которого начались до Февральских событий 1948 г. в Чехословакии. Брюссельский пакт, так же как и упоминавшаяся доктрина Трумэна, был открыто направлен против революционного движения и коммунизма. Эти цели политики империалистических держав подтверждают и другие факты и в первую очередь их нежелание вести переговоры о разоружении, отказ заключить соглашения о решении международных конфликтов мирными средствами, как это предлагал в послевоенные годы Советский Союз.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОСЛЕВОЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ МИРА ВО ВСЕМ МИРЕ

В ходе второй мировой войны возникли условия для образования новой международной организации, которая заменила бы бывшую Лигу Наций. Эта организация должна была обеспечивать условия для мирного сосуществования государств с различным политическим строем, заботиться о сохранении мира во всем мире и предотвращении новых войн. Однако уже в ходе предварительных переговоров об образовании ООН проявились определенные разногласия, сохранившиеся и в послевоенный период.

Союзные державы имели разные точки зрения по этому вопросу. Советский Союз уже в сентябре 1941 г. опубликовал декларацию, где высказывался за новую послевоенную организацию международных отношений и такое устройство мира, которое избавило бы грядущие поколения от преступного нацизма. В декабре 1941 г. советское правительство вновь заявило, что для обеспечения прочного и справедливого мира после поражения агрессоров необходимо создать новую международную организацию на принципах тесного союза демократических государств [1].

Однако в Соединенных Штатах уже в то время выдвигались другие предложения. Большое распространение получила концепция создания международной организации, которая под американским

контролем попросту осуществляла бы надзор над отдельными странами. Согласно американским предложениям, органы такой организации должны были иметь черезвычайные права и могли бы вмешиваться во внутренние дела других стран. В США в то время обсуждался вопрос о создании поста «президента ООН» или же генерального секретаря этой организации, который имел бы практически неограниченные права. Премьер-министр Великобритании Черчилль также предлагал в 1943 г. создать какой-то высший всемирный совет, где ведущее положение в нем заняли бы Великобритания и США [2]. В это время на Западе, особенно в США, появлялись и проекты послевоенной организации международной безопасности. В большинстве из них говорилось о создании условий, обеспечивающих ведущую роль США в международных отношениях. Поэтому в качестве основной предпосылки создания различных международных всемирных организаций выдвигалось условие их подчинения американскому руководству.

Большое значение для создания новой международной организации имела Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. Министры иностранных дел указанных стран и приглашенный китайский делегат подписали на этой конференции декларацию о всеобщей безопасности; в ней подчеркивалась необходимость постоянного сотрудничества и единых действий великих держав не только для достижения быстрой победы над агрессором, но и для обеспечения условий перехода от войны к миру, гарантирования мира во всем мире и сокращения вооружений. От имени своих правительств министры иностранных дел объявили о решении продолжить сотрудничество и в послевоенный период для обеспечения мира и безопасности. В этой связи они подчеркивали, что в ближайшее время необходимо создать всеобщую международную организацию, которая заботилась бы о сохранении мира и безопасности. В основе деятельности такой организации должен лежать принцип суверенного равноправия всех миролюбивых государств, больших и малых. Эти принципы удалось включить в упомянутую декларацию главным образом благодаря позиции Советского Союза, последовательно отстаивавшего идею полного равноправия всех государств [3].

В декларации глав правительств Советского Союза, США и Великобритании на Тегеранской конференции в декабре 1943 г. получили подтверждение решения Московской конференции и была выражена решимость трех великих держав сотрудничать между собой не только во время войны, но и после нее, в мирное время. В данной декларации большое внимание уделялось постоянному сотрудничеству трех великих держав в послевоенный период, указывалось на их ответственность за достижение такого мира, который соответствовал бы интересам большинства народов мира и создавал предпосылки для устранения страданий и ужасов войны для последующих поколений.

Необходимость неуклонного соблюдения указанных принципов подтверждалась всем опытом, приобретенным в борьбе с фашизмом и в ходе второй мировой войны. Это следовало также из уроков дея-

тельности бывшей Лиги Наций, потерпевшей крушение именно потому, что она не сумела объединить входящие в нее государства для совместного отпора агрессору согласно принципам коллективной безопасности, которые в 30-е годы отстаивал Советский Союз. Поэтому новая организация должна была создаваться на совершенно новых основах, гарантировавших ее активную роль в решении всех международных противоречий.

Создание новой международной организации подробно обсуждалось на конференции в Думбартон-Оксе в августе—октябре 1944 г. представителями Советского Союза, Соединенных Штатов, Великобритании, а позднее — Китая. По сути дела это было совещание экспертов, представивших свои предложения для обсуждения и одобрения соответствующим правительствам. Три державы, возглавляющие антифашистскую коалицию, достигли договоренности по ряду важных вопросов. Они предложили создать международную организацию под названием Объединенные Нации и разработать основные принципы ее Устава. В связи с этим вновь была подчеркнута важная роль и ответственность великих держав за сохранение мира. Они должны были стать постоянными членами Совета Безопасности. Было высказано согласие с принципом единогласия и согласованных действий великих держав в этом органе. Подобное решение имело большое значение, так как полностью соответствовало приобретенному в ходе войны опыту и создавало условия для образования эффективной системы международной безопасности, основанной на мирном сосуществовании. Однако уже в то время у западных держав были некоторые возражения против принципа единогласия великих держав в Совете Безопасности. Они заявляли, что его не следует применять во всех случаях.

Подробно вопрос о создании Организации Объединенных Наций обсуждался на конференции в Ялте в феврале 1945 г. Там было решено, что в конце февраля 1945 г. в Сан-Франциско начнется конференция Объединенных Наций, которая доработает Устав данной организации в соответствии с предложениями, высказанными на предшествующих совещаниях представителей трех держав. В конференции в Сан-Франциско должны были участвовать все государства антигитлеровской коалиции и некоторые другие страны.

Для утверждения окончательного текста Устава ООН в Сан-Франциско собрались делегаты 50 стран. Их представители выдвинули ряд дополнительных предложений, в основном сводившихся к стремлению ограничить роль великих держав и Совета Безопасности и возражениям против принципа единогласия великих держав при принятии решений в этом органе. Большинство таких предложений выдвигалось представителями малых капиталистических стран, однако в действительности они выражали мнения правящих кругов Великобритании и Соединенных Штатов. В результате принцип единогласия и согласованных действий великих держав удалось отстоять, что нашло выражение прежде всего в праве вето, которое могло применяться в Совете Безопасности в случае отсутствия полной договоренности по вопросам, входящим в компетенцию этого органа.

В конце июня 1945 г. участники конференции в Сан-Франциско подписали Устав ООН, он стал действительным в конце октября того же года, когда его ратифицировали пять великих держав и большая часть государств, участвовавших в конференции. В Уставе ООН удалось выразить и закрепить основные прогрессивные и демократические принципы международных отношений. Ее основным принципом стало мирное сосуществование государств, которые должны были избегать всяческого насилия, вмешательства в чужие дела и участвовать в коллективных мерах по предотвращению возможной угрозы миру. Члены ООН брали на себя обязательство развивать дружеские отношения между государствами на основах равноправия, суверенности и самоопределения народов. Эти страны признавали неприкосновенность чужой территории и принцип невмешательства во внутренние дела других стран, а также обязывались расширять международное сотрудничество во всех сферах, содействовать экономическому и социальному прогрессу, созданию условий для обеспечения равноправия всех людей, уважать их права и основные свободы [4].

В Уставе ООН подчеркивалась также необходимость создания условий, обеспечивающих соблюдение всех обязательств, вытекающих из договоров и принципов международного права. Организация Объединенных Наций должна была стать реальным центром, координирующим совместную деятельность всех входящих в нее стран. Однако именно этот принцип не устраивал западные великие державы, которые с самого начала стремились превратить ООН в какой-то международный парламент с целью дискутирования спорных международных проблем, но не имеющего возможности решать их. Такой подход, фактически ослабляющий значение новой международной организации, явился результатом стремлений империалистических кругов, направленных на ослабление принципов истинного международного сотрудничества стран с разным общественным строем.

Много разногласий возникло и в подходе к принципу единогласия постоянных членов Совета Безопасности. Осуществление этого принципа и его отражение в Уставе ООН было предпосылкой того, что эта организация сможет оказать большое реальное влияние на постоянное мирное сосуществование государств с различным общественным строем. Это также обеспечивало невозможность превращения Организации Объединенных Наций в инструмент какой-либо группы стран [5].

В период подготовки Устава ООН, т. е. в тот период, когда великие державы сотрудничали между собой в борьбе с фашизмом, западные державы в целом соглашались с данным принципом. Это подтвердил тогда и государственный секретарь США Стеттиниус, который, анализируя результаты конференций в Думбартон-Оксе и Сан-Франциско признал, что несущей конструкцией мировой безопасности может быть только единство государств, бывших ядром большого союза в борьбе с державами фашистской оси. Даже американское правительство и законодательные органы требовали в то время, чтобы в Уставе ООН было зафиксировано право вето ведущих держав. Единогласие и согласованные действия постоянных членов Совета

Безопасности имели большое значение для деятельности Организации Объединенных Наций и реализации целей, установленных его Уставом.

Организация Объединенных Наций возникла на гораздо более демократических началах чем бывшая Лига Наций. Поэтому империалистическим державам никогда не удавалось добиться аналогичного контроля над этой организацией и превратить ее в орган борьбы с силами социализма и демократии. Даже в послевоенный период, когда империалистические державы вместе с зависимыми от них странами все еще имели решающий перевес в ООН, Советский Союз и народно-демократические страны имели возможность и в таких относительно неблагоприятных условиях вести в ООН борьбу с империалистической агрессией и с помощью этой организации мобилизовывать все прогрессивные силы во всех странах на защиту мира.

В отличие от устава Лиги Наций Устав ООН изначально осуждал любую агрессивную войну и использование силы в международных отношениях. Принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности стал предпосылкой решения международных проблем. Тем самым подчеркивалась особая ответственность великих держав за сохранение мира во всем мире, а также учитывалось существование разных общественных систем. Устав ООН также относительно точно определил компетенцию Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН. Устав ООН исходит из постоянной деятельности Совета Безопасности и поэтому устанавливает его особое положение среди различных органов ООН и подчеркивает его ответственность за сохранение международного мира и безопасности. Большое значение имеют также другие положения Устава ООН, в которых отражены демократические права людей, право наций на самоопределение, возможность создания региональных организаций безопасности и принципы экономического и социального сотрудничества.

В январе 1946 г. в Лондоне впервые собралась Генеральная Ассамблея ООН. Растущее напряжение в международных отношениях уже тогда потребовало уделить много внимания данным проблемам. Советский Союз представил важные проекты, направленные на улучшение международного положения и обеспечение мирного сосуществования стран с разным политическим и социальным строем. В первую очередь это были проекты разоружения, запрещения термоядерного оружия, осуждения подготовки к войне. СССР предложил также заключить мирный договор между пятью великими державами, требовал одобрения декларации об устранении угрозы новой войны и других мер, которые должны были содействовать укреплению мира и разрядке международной напряженности. И хотя западные державы, используя свое влияние среди стран-членов ООН, смогли отклонить указанные предложения, однако уже само обсуждение этих вопросов имело большое значение, так как в результате мировая общественность получила возможность ознакомиться с ними и понять, каким путем возможно устранить нарастающие трудности в международных отношениях.

Уже в первые годы существования ООН в ее деятельности проявилась вся противоречивость международного развития того времени

и отразились конфликты, нараставшие между капиталистическим миром и социалистическими странами, а также возникавшие в результате усиливающейся национально-освободительной борьбы народных масс колониальных и полуколониальных стран.

Западные державы занесли политику так называемой холодной войны даже в Организацию Объединенных Наций. Так, например, в январе 1946 г. они протащили на обсуждение ООН так называемый иранский вопрос и обвинили СССР во вмешательстве во внутренние дела Ирана. Аналогичный характер имели переговоры об инциденте в проливе Корфу и дебаты по поводу Греции в связи с гражданской войной в этой стране. Проявлением политики холодной войны был и так называемый корейский вопрос, когда в течение ряда лет США добивались в ООН принятия решения о ликвидации народно-демократического строя в северной части страны.

В то же время в Организации Объединенных Наций неоднократно обсуждались требования народов колониальных и полуколониальных стран о реализации их права на независимость и национальный суверенитет. В январе 1946 г. по предложению Советского Союза Совет Безопасности рассмотрел положение в Индонезии, где началась военная интервенция англо-голландских войск против национально-освободительных сил. В феврале того же года Совет Безопасности обсудил проблему Сирии и Ливана. На этом заседании удалось добиться резолюции о выводе британских и французских войск из указанных стран. В июле 1947 г. в Совете Безопасности обсуждалось предложение Египта об отводе английских войск с его территории и из Судана, а в январе 1948 г. рассматривался конфликт между Пакистаном и Индией из-за Кашмира. Внимание уделялось и судьбе бывших итальянских колоний и подмандатных территорий, образованных после первой мировой войны, была принята резолюция по палестинскому вопросу и т. д. Подводя итог, можно констатировать, что во второй половине 40-х годов, несмотря на все трудности, вызванные развязыванием холодной войны, Советскому Союзу и народно-демократическим странам удалось провозгласить в ООН, а в некоторых случаях осуществить на практике, ряд принципов, объективно содействовавших обеспечению мира во всем мире и позволявших еще больше расширить антиимпериалистический фронт.

В первые годы существования ООН империализм имел заметное влияние на деятельность этой организации и препятствовал последовательному выполнению ее назначения, а в отдельных случаях превращал ООН в инструмент обострения отношений между ее членами. Империалистические державы использовали эту организацию в первую очередь для нападок на СССР и народно-демократические страны. В качестве примера можно привести клеветническое обсуждение так называемого чехословацкого вопроса в феврале 1948 г. и различные нападки на Польшу, Румынию, Болгарию и т. д.

Однако в первый период существования ООН в этой организации проявились новые, позитивные тенденции, которые все в большей степени влияли на деятельность этой организации в целом. Большое значение имело появление новых азиатских и африканских госу-

царств, проводящих независимую политику, это оказало большое влияние на всю деятельность Организации Объединенных Наций и особенно ее Генеральной Ассамблеи. Важные политические и социальные перемены, происходящие в мире с 1945 г., заметно отразились на деятельности ООН.

ООН была очень важным мировым форумом, где прогрессивные силы во главе с Советским Союзом могли вести борьбу за обеспечение мира во всем мире и разоблачать перед общественностью всех поджигателей войны.

В этом смысле Организация Объединенных Наций в первые послевоенные годы также сыграла большую роль и содействовала распространению идеи мирного сосуществования государств с разным общественным строем.

Уже в ходе второй мировой войны страны антигитлеровской коалиции уделяли много внимания вопросу обеспечения мира во всем мире в связи с проектами послевоенного устройства мира. Это проявилось, например, в Декларации четырех великих держав о всеобщей безопасности, утвержденной в конце октября 1943 г. на конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве. В этом документе указанные державы и Китай взяли на себя обязательство взаимного сотрудничества, а также консультаций друг с другом и остальными представителями Объединенных Наций с целью заключения всеобщего соглашения об ограничении вооружений в послевоенный период. Данная проблема должна была решаться с помощью сотрудничества и единства держав антифашистской коалиции [6].

Советский Союз предлагал осуществить всеобщее разоружение или же существенно снизить количество вооружений, а также ликвидировать все виды оружия массового уничтожения. Представители же западных держав соглашались вести переговоры только о так называемом регулировании гонки вооружений и стремились главным образом получить явное военное преимущество над СССР.

Американские империалисты продолжали гонку вооружений и после войны. Они хотели использовать свое превосходство в ядерном оружии для завоевания мирового господства. Сбросив атомные бомбы на Японию, они уже рассчитывали на воздействие этого фактора в послевоенных международных отношениях и намеревались использовать его для усиления своего влияния в решении мировых проблем. Поэтому американские империалисты с самого начала подчеркивали, что атомная бомба может быть использована для атаки на любую страну, «угрожающую безопасности США». В послевоенный период атомное оружие все более явно превращалось в один из главных аргументов дипломатии холодной войны.

Советский Союз в ходе обсуждения проблемы разоружения уделял большое внимание требованию запрещения и уничтожения ядерного оружия [7]. Соединенные Штаты же выступали только за так называемый международный контроль, который позволил бы им обеспечить наблюдение за ядерными исследованиями во всем мире и в первую очередь в Советском Союзе.

В ноябре 1945 г. в Вашингтоне состоялось совещание глав правительств США, Великобритании и Канады, где рассматривался вопрос о так называемом контроле над атомной энергией. В декларации, принятой на этом совещании, выдвигалось требование ограничения возможностей отдельных стран вести исследования в области атомной энергии. Правительство США при поддержке других капиталистических стран хотело приобрести монопольное положение на всех международных совещаниях по данной проблеме. В противовес этому, Советский Союз настаивал на принципе запрещения и ликвидации всех средств массового уничтожения.

Такой принцип удалось отстоять на Московской конференции министров иностранных дел Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании. Конференция рекомендовала I сессии Генеральной Ассамблеи ООН создать Комиссию по атомной энергии. Генеральная Ассамблея одобрила этот проект и в свою очередь предложила, чтобы членами комиссии по атомной энергии стали представители всех постоянных членов Совета Безопасности и Канады. Комиссия должна была работать на основании инструкций Совета Безопасности, отчитываться перед ним и разрабатывать проекты, направленные на исключение атомного оружия и других видов оружия массового уничтожения из вооружений каждой страны. Далее, она должна была разработать меры по контролю над атомной энергией, который обеспечил бы ее использование в мирных целях. В июне 1946 г. Советское правительство предложило заключить международный договор о запрещении производства и применения ядерного оружия. В нем предусматривалось уничтожение всех запасов атомного оружия и запрещение применения такого оружия навечно. Если бы данное предложение было принято, то оно могло воспрепятствовать дальнейшей гонке вооружений, привело бы к значительному снижению расходов на военные цели и создало предпосылки для повышения уровня жизни всех народов.

Советский Союз уделял большое внимание контролю за уничтожением атомного оружия. Он предлагал также создать международную комиссию по контролю над использованием атомной энергии только в мирных целях. В обязанности данной комиссии входило представление в Совет Безопасности проектов мер, препятствующих нарушению конвенции о запрещении атомного оружия и служащих контролю над использованием атомной энергии.

Представители капиталистических стран признали значение некоторых советских предложений, однако потребовали существенного расширения прав комиссии, что привело бы к ограничению государственного суверенитета отдельных стран. В конце концов, весной 1948 г. под нажимом США Комиссия по атомной энергии отвергла вышеизложенные предложения. Советский Союз продолжал свою борьбу за запрещение атомного оружия и в последующий период. На III сессии Генеральной Ассамблеи ООН СССР вновь выдвинул проект резолюции, запрещающей атомное оружие, и предложил другие меры для ее реализации на практике.

Американские империалисты в послевоенный период выдвинули

так называемый план Баруха, который был призван обеспечить им полную атомную гегемонию. Данный план не предусматривал реального запрещения атомного оружия, не ставил преград для его совершенствования. Он был призван воспрепятствовать другим странам, прежде всего Советскому Союзу, создать собственную атомную бомбу. Целью плана Баруха было также обеспечение американского контроля над производством атомного оружия и в других странах, прежде всего в Великобритании.

Упомянутый план предполагал создание нового контрольного органа, формально в рамках ООН, но фактически не подчиняющегося контролю Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности. Этот орган должен был обладать большими правами и привилегиями, ему принадлежала бы всемирная монополия, все заводы и шахты, производящие материалы для получения атомной энергии. Правящие круги США предполагали получить таким образом контроль над всеми капиталистическими странами, в том числе над Великобританией и Францией.

Согласно плану Баруха упомянутому международному контрольному органу должно было монопольно принадлежать все атомное сырье, обрабатывающие его предприятия и связанные с атомным производством промышленные отрасли. В результате возникла бы всемирная монополия, возглавляемая группой американских капиталистов с ведущими позициями в атомной промышленности. Отдельные страны лишились бы всех прав на исследования в атомной области, иметь собственные склады ядерного сырья, топлива и т. д. Международный контрольный орган, став полным собственником всего связанного с производством атомной энергии, получил бы право контролировать народное хозяйство всех стран, что позволило бы ему вмешиваться в их внутренние дела.

Таким способом американские империалисты пытались обеспечить себе долгосрочную монополию в области атомной энергии. Поэтому они стремились добиться самых широких правомочий международного контрольного органа в сфере исследования и производства атомной энергии. Этот орган должен был получить право в случае «подозрения в тайной деятельности» проверить всю территорию и экономику любой страны, изучить характер производства всех заводов, где могли бы проводиться исследования или же производиться атомная энергия. В первую очередь речь шла о контролировании атомного сырья, производства атомной энергии и только в последней фазе под довольно-таки поверхностный контроль должно было попасть атомное оружие.

Советский Союз отверг план Баруха, но и в дальнейшем пытался найти компромиссное решение этого вопроса. Поэтому он согласился с некоторыми американскими предложениями в интересах достижения соглашения о запрещении атомного оружия и введения по-настоящему международного контроля над атомной энергией. Однако СССР стремился добиться того, чтобы основой будущего международного договора стало запрещение и уничтожение атомного оружия, а отнюдь не контроль за атомной энергией. Советский Союз предложил также

ввести контроль за всеми фазами производства атомного оружия и требовал, чтобы международный контрольный орган подчинялся Совету Безопасности, постоянные члены которого имели бы право вето и в этом вопросе [8].

Западные державы эти предложения вновь отвергли и, используя свое большинство в ООН, добились одобрения плана Баруха. Тем самым в то время фактически потерпели крах усилия обеспечить эффективный контроль над использованием атомной энергии.

В Советском Союзе быстрыми темпами продолжались исследования в области атомной энергии. 6 ноября 1947 г. на торжественном заседании, посвященном 30 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, было официально сообщено, что Советский Союз овладел секретом производства атомной бомбы. Советский Союз вновь подтвердил это в своем заявлении на III сессии Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1948 г. В сентябре 1949 г. представители западных держав сообщили, что в СССР был произведен опытный атомный взрыв. В связи с этим Советское правительство заявило, что оно и в дальнейшем придает большое значение уничтожению всех видов атомного оружия и установлению эффективного контроля над производством атомной энергии.

Ликвидация монополии США на атомное оружие имела важные международные последствия, поскольку североамериканские империалисты потеряли возможность использовать свою монополию для оказания давления на другие страны. Однако гонка атомных вооружений не была прекращена, так как правящие круги США начали разработку еще более разрушительного вида оружия — водородной бомбы.

В послевоенные годы проходили также переговоры о сокращении обычных видов вооружений и военных расходов всех стран. В конце 1946 г. Советский Союз представил Генеральной Ассамблее ООН проект конкретных мер, ведущих к всеобщему сокращению вооружений и обеспечивающих вывод иностранных войск с чужих территорий [9]. Реализация данного проекта в первую очередь привела бы к ликвидации многочисленных американских баз, размещенных в разных странах с целью окружить территорию Советского Союза и народно-демократических стран.

Здесь удалось добиться некоторых позитивных результатов: Генеральная Ассамблея ООН в декабре 1946 г. приняла резолюцию, в которой устанавливались принципы общего регулирования и снижения количества вооружений. В указанном документе всем странам рекомендовалось ускорить вывод своих войск с территории бывших противников и государств, ставших членами ООН. В резолюции также подробно разбирался вопрос о контроле и инспекции претворения в жизнь принципов, ведущих к ликвидации атомного оружия и снижению расходов на гонку вооружений. Советский Союз пытался добиться в Совете Безопасности разработки конкретных мер, обеспечивающих реализацию этой резолюции. Однако американские представители отвергли предложения СССР и настаивали на одном лишь регулировании вооружения, что фактически полностью меняло

характер мер, включенных в резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН.

Противоречия вновь ясно проявились на III сессии Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1948 г., когда в условиях обострившегося международного положения Советский Союз предложил ряд мер, направленных на улучшение международных отношений и снижение уровня вооружений. Однако капиталистические страны вновь отвергли эти предложения и практически сделали невозможными любые шаги, ведущие к разоружению и запрещению атомного оружия. Они продолжали наращивать темпы вооружения и создания новых военных агрессивных блоков. Высшей точкой таких тенденций стало образование Североатлантического пакта осенью 1949 г. Становилось все более очевидно, что западные державы, осуществляя политику «холодной войны», отвергают любые меры, ведущие к снижению расходов на гонку вооружений и ликвидацию атомного оружия.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЧЕХОСЛОВАКИИ

В чехословацкой внешней политике в годы войны и в послевоенный период отразились все основные проблемы и последствия международного развития того времени и в первую очередь ход борьбы между прогрессивными и реакционными силами. Происходившие в этот период события вновь ясно подтвердили тесную связь и зависимость внутриполитической ситуации в Чехословакии от изменений в международных отношениях, раскрыли взаимосвязь и взаимообусловленность обоих этих факторов.

Характерной чертой тех лет была неутихающая борьба за внешнеполитическую ориентацию Чехословакии. По сути дела этот конфликт был проявлением противоречий по данному вопросу, существовавших гораздо ранее, еще в межвоенный период. Речь шла о различиях во взглядах буржуазных партий и их представителей, с одной стороны, и сторонниками революционного движения, с другой. Первые уже с окончания первой мировой войны и возникновения самостоятельного чехословацкого государства ориентировались на сотрудничество с западными державами, особенно с Францией. Революционные силы всегда требовали расширения дружеских связей, союза и сотрудничества с Советским Союзом. Эти противоречия имели место и в годы второй мировой войны, особенно же острыми они стали в послевоенный период, что было связано с характером тогдашнего этапа исторической борьбы между капитализмом и социализмом. Именно в это время убедительно раскрылось значение всех основных проблем и тенденций мирового развития для внешней политики Чехословакии и непосредственно для внутриполитического положения в стране.

Чехословацкая буржуазная эмиграция во время второй мировой войны продолжала ориентироваться на западные державы. Она нашла себе прибежище сначала во Франции, а после ее поражения — в Великобритании. С Советским Союзом хотя и поддерживались определенные связи, однако чехословацкая буржуазия в действительности не собиралась сколько-нибудь значительно расширять сотрудничество с ним в борьбе с фашизмом.

Представители чехословацкой буржуазной эмиграции не изменили своего отношения к Советскому Союзу, несмотря на то, что только это социалистическое государство в прошлом встало на защиту Чехословакии, поддерживало республику во времена, когда ей угрожал фашизм, и проявило готовность оборонять ее от агрессии со стороны нацистской Германии. Свою позицию Советский Союз выразил заключением союзного договора с Чехословакией в 1935 г. Он стремился также обеспечить международную коллективную помощь ЧСР для защиты от фашистской опасности и в критическом 1938 г. вновь убедительно доказал свое желание и добрую волю предоставить Чехословакии всестороннюю помощь в случае военного нападения гитлеровской Германии.

Советский Союз решительно протестовал против мюнхенского предательства и отказался признать Мюнхенское соглашение. В последствии он стремился обеспечить ЧСР международную поддержку, по-прежнему предостерегал перед последствиями политики умиротворения, указывал на опасность полной ликвидации Чехословакии. В трудной международной ситуации перед началом второй мировой войны и в ее первый период СССР поддерживал революционные и антифашистские силы в чешских областях и в Словакии, а также чехословацкую политическую эмиграцию. Несмотря на негативное отношение к нему буржуазной эмиграции на Западе, СССР всегда обращался с ней абсолютно корректно, стремился пойти навстречу ее требованиям, что помимо всего прочего проявилось и в согласии СССР на отъезд многих чешских и словацких беженцев, которые укрылись от нацизма в Советском Союзе, на Ближний Восток и в Великобританию, где они вступили в формируемые там чехословацкие воинские части. Однако представители буржуазной эмиграции на Западе не оценили такую позицию и на практике в своем отношении к СССР полностью руководствовались политикой западных держав. В соответствии с ней представители чехословацкой буржуазии враждебно относились к СССР и солидаризировались с разными планами антисоветской интервенции, разрабатывавшимися западными империалистами особенно в первой фазе второй мировой войны.

Положение дел изменилось после вступления СССР в войну. Уже 18 июля 1941 г. Советский Союз заключил с чехословацким правительством в эмиграции соглашение о сотрудничестве в войне против Германии и вновь подтвердил, что он полностью признает независимость Чехословацкой республики. Советские представители также предлагали чехословацкому эмигрантскому правительству заключить союзный договор и расширить военное сотрудничество. По этим во-

просам в марте 1943 г. состоялись переговоры между президентом Бенешем и советским послом Богомоловым. На их основании Советское правительство сообщало о своем согласии заключить с Чехословакией договор о взаимной помощи еще до конца войны.

Однако сопротивление британского правительства воспрепятствовало в то время проведению конкретных переговоров. Больше всего возражал премьер-министр Черчилль, так как он все еще надеялся создать в Центральной Европе конфедерацию государств и считал, что подобный договор помешает реализации его планов. Поворот наступил только после конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г. Тогда, после возвращения из Москвы, британский министр иностранных дел Иден сообщил Бенешу, что его правительство больше не возражает против заключения договора с Советским Союзом.

Перед подписанием договора президент Бенеш также консультировался с президентом США Рузвельтом. Тот дал свое согласие, так как предполагал, что договор сможет помочь остановить проникновение коммунизма на Запад. В конце концов, под давлением развития международной обстановки и благодаря влиянию движения сопротивления в ЧСР, лидеры чехословацкой буржуазной эмиграции в Лондоне были вынуждены дать согласие на подписание договора. В начале декабря 1943 г. президент Бенеш выехал в Москву и 12 декабря договор был подписан. Однако вожди лондонской эмиграции и впоследствии рассматривали его как компромисс и прежде всего стремились поддерживать хорошие отношения с Западом.

В ходе войны и в первые послевоенные годы было заключено еще несколько важных договоров между Советским Союзом и Чехословакией. Весной 1944 г., когда советские войска приближались к границам Чехословакии, в Лондоне было подписано соглашение об отношениях между советским главным командованием и чехословацкой администрацией после вступления советских войск на чехословацкую территорию. Советский Союз обязался полностью уважать чехословацкий суверенитет, сохраняя за советским командованием на необходимое время власть и ответственность на чехословацкой территории лишь в пределах зоны военных операций и лишь в делах, относящихся к ведению войны. На остальной освобожденной территории исполнительная и административная власть в полном объеме переходила в руки чехословацких органов.

Одновременно необходимо было решить дальнейшую судьбу Закарпатской Украины, где существовало сильное движение за присоединение к Советскому Союзу. После переговоров между Сталиным и президентом Бенешем, Сталиным и Клементом Готвальдом в январе 1945 г. было достигнуто соглашение о том, что Чехословакия удовлетворит требования населения Закарпатской Украины, но ее воссоединение с Советским Союзом будет осуществлено после окончания войны. Соглашение, окончательно разрешившее эту проблему, было заключено в июне 1945 г. Месяц спустя, в июле 1945 г. было подписано следующее соглашение о переселении населения чешской национальности в ЧСР, а советских граждан — в СССР. На основе данного со-

глашения из Советского Союза в Чехословакию переехало более 33 тыс. человек, а из Чехословакии в СССР — более 8500 человек.

Представители буржуазного сопротивления в эмиграции в своем большинстве сознавали, что на внешнеполитическую ориентацию освобожденной Чехословакии большое влияние, бесспорно, будет иметь Советский Союз. Поэтому президент Бенеш в ходе переговоров о создании чехословацко-польской федерации, а также при обсуждении возможного образования федерации государств Центральной Европы, держал себя очень осторожно и признавал, что по этому вопросу необходимо достичь какого-то соглашения с Советским Союзом. По мере возможности он также избегал быть втянутым в спор польского эмигрантского правительства в Лондоне с СССР, а позднее подчеркивал значение сотрудничества Чехословакии, Польши и Советского Союза [1].

И в этом отношении в ходе войны произошли большие сдвиги, связанные с изменением военной обстановки и особенно с успехами Советского Союза на фронтах сражений с Германией и ее союзниками.

Вначале лидеры буржуазной эмиграции по сути дела солидаризировались с предложениями западных держав и соглашались с включением Чехословакии в антисоветский фронт или же ее участием в каком-то новом варианте пресловутого «санитарного кордона» межвоенного периода.

Этим целям должна была служить и упомянутая чехословацко-польская федерация, предназначенная для обеспечения совместных действий реакционных кругов обеих стран против революционного и прогрессивного движения, обеспечения стабильности капиталистической системы. В создании подобного государственного образования были заинтересованы не только открытые сторонники реакционных и правых направлений, но и так называемая либеральная группа буржуазии во главе с Э. Бенешем, которая в принципе проявляла желание проводить в жизнь правый, антисоветский и антиреволюционный курс.

Э. Бенеш и его сторонники активно участвовали в разработке планов создания так называемой центральноевропейской федерации, с целью объединения большинства стран Центральной Европы в единое государство, призванного быть преградой СССР. И в этом они служили интересам капитализма и мирового империализма, причем их позицию не изменил даже горький опыт, приобретенный во времена политики умиротворения и в первый период второй мировой войны, когда чехословацкие политические деятели неоднократно смогли убедиться, что западные державы по-прежнему готовы решать свои трудности и противоречия за счет малых стран, в том числе и Чехословакии.

Разумеется, в период, когда Советский Союз добился больших военных успехов и все более явно превращался в ведущую силу антифашистской борьбы, реалистично мыслящие представители чехословацкой буржуазной эмиграции были вынуждены сделать соответствующие выводы. Это отразилось и на позиции президента Бенеша, который по тактическим причинам все более отстранялся

от прежних планов и избегал всего, что могло бы ослабить позиции буржуазной демократии. Он пытался найти новые подходы к Советскому правительству и руководству КПЧ в Москве.

Во время заключения чехословацко-советского договора в 1943 г. Бенеш указывал, что речь идет о соглашении с государством, «которое в данный момент в борьбе за свободную Европу, а, следовательно, в борьбе за нас, несет на своих плечах основную тяжесть всей войны, которое оттягивает на себя более чем две трети всех немецких сил, которое является нашим непосредственным соседом и будет оказывать большое влияние на будущий мир» [2]. В этой связи он напомнил о будущем значении экономического сотрудничества с Советским Союзом и указал, что этим путем будет достигнута экономическая независимость Чехословакии, прежде всего от Германии и ее влияния в будущем. Бенеш допускал, что даже если не возникнет необходимости прервать экономические связи и отказаться от своих интересов в Западной Европе и остальном мире, новые экономические отношения с Советским Союзом будут иметь особую важность, поскольку они выражают тот факт, «что географически мы находимся в сердце Европы, в непосредственной близости и соседстве от СССР...» [3]

Свою позицию он вновь подтвердил в июне 1946 г. в интервью корреспонденту английской газеты «Дейли Телеграф». Бенеш сказал, что Чехословакия лежит не между Востоком и Западом, а между Россией и Германией, поэтому нет сомнений в том, на чью сторону встанет ЧСР в случае какого-нибудь конфликта [4]. К этому курсу присоединился и министр иностранных дел Ян Масарик, который в докладе о внешней политике в Национальном собрании в марте 1946 г. заявил, что союз с СССР имеет неизменное значение и никогда не должен превратиться в предмет каких-либо партийных дискуссий.

Ведущий эксперт буржуазной эмиграции в Великобритании по внешнеполитическим проблемам Г. Рипка в своей книге «Чехословакия в новой Европе» написал, что Чехословакия считает краеугольным камнем своей безопасности союз с Советским Союзом, также как Бельгия и Голландия ищут естественную гарантию своей безопасности в союзе с Великобританией и Францией [5]. Таким образом, Рипка хотя бы формально признал значение чехословацко-советского договора от 12 декабря 1943 г. и не колеблясь назвал его краеугольным камнем обеспечения международной безопасности Чехословакии. Он подчеркнул необходимость активного участия советской политики в решении разных общеевропейских проблем. Г. Рипка писал, что после освобождения будет необходимо приложить все усилия для всестороннего ознакомления чехословацкого народа с жизнью Советского Союза и достигнутыми за годы Советской власти успехами. Он согласился с расширением экономических отношений с Советским Союзом и заявил: что «было бы несовместимо с нашими союзными обязательствами по отношению к СССР, если бы мы налаживали или поддерживали тесные связи с народами, политика которых преследовала бы антисоветские цели» [6].

В конце концов под давлением обстоятельств буржуазные представители были вынуждены согласиться с тем, что дружба и сотруд-

ничество с Советским Союзом станут неотделимой составной частью возрождения новой республики и основой внешней политики обновленного государства. Публично декларируемое буржуазными деятелями хорошее отношение к СССР, было, собственно говоря, продуктом смотрительной реакцией на обстановку тех лет, в первую очередь на доверие и дружбу большинства чехословацкого народа к Советскому Союзу и его благодарность за освобождение от фашистского ига. Они понимали, что отрицание данной концепции внешней политики лишило бы их доверия большинства трудового народа и поставило бы их в такое же положение как и правых представителей польской или же югославской эмиграции.

В то время когда и буржуазные политики намеревались добиться реализации некоторых претензий к Германии и осуществить выселение значительной части населения немецкой национальности из ЧСР, для достижения своих целей они остро нуждались в помощи и поддержке Советского Союза, тем более, что на полное содействие западных держав рассчитывать не приходилось. Поэтому в последней фазе войны и непосредственно в послевоенный период представители чехословацкой буржуазии, связанные многочисленными обязательствами с Западом, были вынуждены хотя бы формально пойти на союз с СССР и воздержаться пока еще от открытых выступлений против внешнеполитической концепции, отстаиваемой чехословацкими коммунистами.

Значение сотрудничества с Советским Союзом высоко оценивалось также в Кошицкой правительственной программе, где шла речь о чехословацко-советском союзном договоре и подчеркивалось, что в будущем он будет определять внешнеполитическую ориентацию ЧСР. В программном заявлении нового чехословацкого правительства на его первом заседании в г. Кошице 5 апреля 1945 г. указывалось, что правительство будет стремиться к существенному расширению взаимных связей с Советским Союзом.

В Кошицкой правительственной программе принципиальная внешнеполитическая ориентация Чехословакии охарактеризована словами: «Выражая вечную благодарность чешского и словацкого народов Советскому Союзу, правительство и в дальнейшем будет рассматривать самый тесный союз с победоносной державой на Востоке как непоколебимую руководящую линию чехословацкой внешней политики». В правительственной программе подтверждалось, что «чехословацко-советский договор о взаимной помощи, дружбе и сотрудничестве от 12 декабря 1943 г. будет определять всю будущую внешнеполитическую позицию нашего государства».

В правительственной программе указывалось и на необходимость сотрудничества с другими демократическими странами антифашистской коалиции, особенно с Польшей и Югославией. В ней подчеркивалась неизбежность превращения Чехословакии в действительно активное звено формирования новых отношений в освобожденной Европе.

Коммунистическая партия Чехословакии всегда последовательно боролась за сохранение и укрепление дружбы и сотрудничества

с Советским Союзом. КПЧ приветствовала и высоко оценила заключение чехословацко-советского союзного договора и подчеркнула, что он гарантирует Чехословакию от возможной агрессии со стороны Германии или же ее союзников. КПЧ указывала на большие заслуги Советского Союза в борьбе с фашизмом и напоминала, что именно этому первому социалистическому государству чехи и словаки обязаны национальным спасением. КПЧ решительно выступала против всех, кто пытался подрывать и ослаблять союзные отношения с СССР. К. Готвальд подчеркивал: «. . .те, кто любым способом подрывает наш надежный братский союз с Советским Союзом, подрывает, подкапывает нашу национальную свободу и государственную независимость» [7].

В освобожденной Чехословакии коммунисты также последовательно защищали принципы сотрудничества с Советским Союзом. Они критиковали нападки реакции на внешнеполитическую ориентацию ЧСР, подчеркивали, что каждый, кто пытается помешать союзу с СССР, замахивается на основы государственной независимости и национальной свободы Чехословакии. Коммунисты отвергали так называемую «теорию моста», указывали, что проводить в жизнь такую политику означает сидеть на двух стульях и подчеркивали необходимость однозначной ориентации на Советский Союз. Коммунисты напоминали об опыте прошлых лет, в первую очередь о мюнхенской трагедии, которая ясно показала, кто в это критическое время оставался единственным верным другом Чехословакии и защитником ее независимости. Свой курс коммунистическая партия вновь подтвердила на своем VIII съезде в марте 1946 г., указав: «. . .союз с СССР позволяет сохранить и укрепить современный курс внешней и внутренней политики, ее народно-демократический характер и творчески развить все начатое народно-демократической революцией» [8].

В своем предвыборном заявлении в связи с выборами в Национальное собрание в 1946 г. КПЧ вновь уделила большое внимание внешнеполитической проблематике. Коммунистическая партия торжественно подтвердила свою верность политике дружбы и сотрудничества с Советским Союзом. Она опять указала: «трагический опыт последних лет показал нам, чехам и словакам, что свою национальную свободу и государственную независимость мы сможем отстоять от нового возможного немецкого «Drang nach Osten» и нового возможного Мюнхена только и только в надежном союзе с СССР, с которым у нас ныне общие границы и чья Красная Армия в столь значительной степени содействовала нашему освобождению» [9].

В Созидательной программе правительства Готвальда от 8 июля 1946 г. в разделе о внешней политике подчеркивалось, что безопасность и само существование республики зависят от постоянного и всестороннего сотрудничества с Советским Союзом. Отмечалась необходимость не только политического и военного союза, но и углубления и расширения взаимных культурных и экономических связей. В правительственной программе указывалось также на важность развития политических экономических и культурных связей с Фран-

цией, Великобританией, Соединенными Штатами и другими странами. При этом подчеркивалась необходимость полного равноправия в отношениях с капиталистическими странами, сохранения бдительности в политике в отношении Германии, а также последовательного осуществления всех решений Потсдамской конференции.

На январском Пленуме ЦК КПЧ в 1947 г. Клемент Готвальд в своем докладе рассмотрел вопросы внешней политики Чехословакии и предостерег перед растущим давлением и шантажом со стороны западных держав. В этой связи он вновь подчеркнул значение союза с СССР, что позволяло Чехословакии противостоять этому давлению. Он еще раз указал на важность данного союза в своей речи по поводу третьей годовщины заключения чехословацко-советского договора, сказав: «Речь идет не об обычном дипломатическом акте, а о событии, которое решает старую проблему обеспечения самого существования и свободы чешского и словацкого народов и определяет их судьбу на столетия» [10].

В период нарастания внутриполитических противоречий в Чехословакии усиливались нападки реакционных сил на союз с СССР. КПЧ предостерегала перед такими тенденциями и отвергала все стремления добиться так называемого нейтралитета ЧСР в отношениях между Западом и Советским Союзом. КПЧ подчеркивала, что подобная политика направлена против жизненных интересов наших народов и ставит под угрозу само существование республики. Кроме того, коммунисты напоминали народам ЧСР, что их национальная и государственная независимость может быть обеспечена только постоянным сотрудничеством с СССР. Коммунисты также указывали на большое значение экономических связей, особенно в связи с созданием плановой экономики, постоянное процветание которой могло быть обеспечено только «полной увязкой с неуклонным и непрерывным развитием планового народного хозяйства СССР и стран народной демократии» [11].

В момент апогея внутриполитического кризиса в Чехословакии коммунисты решительно заявили, что они не позволят подорвать и разбить союз с Советским Союзом и странами народной демократии. Этот принцип был вновь решительно выражен после февральского кризиса в «Программе действий» правительства возрожденного Национального фронта, провозглашенной в Законодательном Национальном собрании 10 марта 1948 г.: «Февральская буря прояснила и наш внешнеполитический горизонт. То, что наши ретрограды, злоупотребляя свободой слова, позволяли себе в этом направлении, воистину не влезает ни в какие рамки. Систематической травлей наших союзников они подрывали наше внешнеполитическое положение и тем самым ставили под угрозу не только безопасность, но и непосредственно основы существования республики. Ныне этому положен конец. Развеяно представление о том, что во внешней политике республика сидит на двух стульях» [12].

Развитие экономических связей с Советским Союзом имело ключевое значение для сохранения самостоятельности и реальной независимости Чехословацкой республики после второй мировой войны.

Как подтвердил опыт всего послевоенного периода, в Советском Союзе открылся широкий рынок для продукции чехословацкой промышленности. Для Чехословакии же появилась возможность доступа к богатым источникам важнейшего сырья. Это создавало прочную основу дальнейшего развития чехословацкой экономики, позволяло избавить ее от зависимости от капиталистических рынков и устраняло опасность возрождения господства немецкого империализма.

Установление экономических связей с СССР облегчало в послевоенный период восстановление народного хозяйства, устранение военного ущерба и переход от военного производства к мирному. Особенно большое значение это сотрудничество имело для национализированной промышленности, обеспечивало ей условия для бесперебойной работы и дальнейшего развития, создавало возможность перехода к плановому ведению народного хозяйства и основные предпосылки успешного завершения двухлетки. Неслучайно поэтому, что в послевоенные годы на этом участке проходила упорная борьба между революционными и реакционными силами, которая превратилась в составную часть классовых противоречий, проявляющихся в чехословацком обществе.

Экономические связи с Советским Союзом начали развиваться вскоре после освобождения республики. После окончания войны СССР помогал Чехословакии поставками продуктов питания, в первую очередь для больших городов — Праги, Брно, Остравы. Уже в 1945 г. начались поставки в Чехословакию из Советского Союза железной руды, некоторых других видов сырья, нефти и т. д. В ходе визита в Москву в конце июня 1945 г. чехословацкой правительственной делегации во главе с председателем правительства З. Фирлингером было достигнуто соглашение об отказе Советского Союза от немецких заводов и складов сырья, принадлежавших ему в качестве военной добычи. Такое решение имело большое значение и существенно содействовало успешному возрождению чехословацкого народного хозяйства.

После образования нового правительства, СССР посетила официальная правительственная делегация во главе с Клементом Готвальдом. Советский Союз вновь предоставил обширную помощь Чехословакии. СССР обещал поддержать чехословацкие требования на мирной конференции и в ходе обсуждения немецкого вопроса. Советский Союз предоставил ЧСР кредит для закупки военного снаряжения, отказался в пользу Чехословакии от дальнейшей части военных трофеев, в частности, от заводов по производству синтетического бензина в Залужи у Моста, и согласился заключить долгосрочное торговое соглашение, призванное на годы вперед обеспечить экспорт чехословацкой промышленности.

Значение экономического сотрудничества подчеркивалось уже в чехословацко-советском союзном договоре 1943 г., в котором говорилось, что в ходе войны и после нее оба государства будут развивать взаимные экономические связи в самом широком масштабе. Реализация этого решения началась в апреле 1946 г., когда министр внешней торговли Г. Рипка подписал в Москве первый послевоенный договор

о взаимных поставках между Чехословакией и СССР на один го. что сделало возможным развитие торговли между обеими странами.

Однако в это время чехословацкая внешняя торговля по сути дела была монополией частных фирм. Поэтому торговые связи с Советским Союзом находились в состоянии стагнации, а контакты с капиталистическими государствами развивались. В 1945 г. на капиталистические страны приходилось 57 % внешней торговли ЧСР, в 1946 г. — 78 %, а в 1947 г. — 86 % [13]. Удельный вес же СССР во внешнеторговом обороте Чехословакии уменьшался. В 1945 г. торговля с СССР составляла 25 % внешней торговли ЧСР, в 1946 г. — 21,5 %, а в 1947 г. она резко сократилась до 6,4 %. Если в 1946 г. СССР был вторым по величине внешнеторговым партнером ЧСР, то в 1947 г. он переместился на 6 место [14].

Таким образом во внешнеторговых связях с СССР наблюдалась тенденция к их сокращению, а в 1947 г. развернулась упорная борьба с реакционными силами и по этому вопросу.

В чехословацкой внешней торговле того времени в целом проявлялись крайне беспокоящие тенденции, что стало ясно с середины 1947 г., когда возрос ее отрицательный баланс. В июле 1947 г. пассив составлял 95,6 млн крон, а в августе — уже 620,9 млн крон. Диспропорции можно было выровнять за счет положительных результатов 1946 г., однако было совершенно очевидно, что внешняя торговля, решающее положение в которой по-прежнему занимали капиталистические элементы, находится в критическом состоянии.

По этим причинам чехословацкая правительственная делегация на переговорах в СССР в июле 1947 г. предложила заключить торговый договор сроком на пять лет об обмене товарами общей стоимостью 400—500 млн долларов. Советский Союз должен был получать станки и оборудование и поставлять в обмен важные виды сырья. Несмотря на то, что этот договор совершенно очевидно содействовал экономическому развитию ЧСР, он вызвал ряд возражений. Он обсуждался также на заседании правительства 10 декабря 1947 г., продолжавшегося целый день. На нем правые представители некоторых политических партий в связи с дискуссией о плане Маршалла пытались воспрепятствовать заключению данного договора. В конце концов правительство дало согласие на подписание договора на 1948—1952 гг., что было сделано 11 декабря 1947 г. Это был самый большой экономический договор в истории ЧСР. Советское правительство предоставило ЧСР ряд льгот. По оценке Рипки благодаря установленным низким ценам на сырье ЧСР выиграла 350 млн крон. Кроме того Чехословакия получила кредит размером 1150 млн крон, который она могла выплатить поставками промышленных товаров до 1950 г.

В 1947 г., когда Чехословакия пострадала от засухи и неурожая, Советский Союз также помог обеспечить снабжение чехословацкого населения. Во время визита чехословацкой правительственной делегации в Москве в июле 1947 г. было заключено соглашение о поставках СССР в Чехословакию 400 тыс. т зерна. Позднее, когда оказалось, что неурожай превышает предварительные оценки, а поставок зерна с Запада не удалось добиться, СССР увеличил свои обязательства

до 600 тыс. т. Эту помощь высоко оценил Клемент Готвальд, подчеркнув, что Советский Союз помогает Чехословакии не только обеспечить ее безопасность и независимость, но и создать условия экономического развития.

Помощь, которую в критический момент 1947 г. предоставил Чехословакии Советский Союз, несмотря на то, что он сам еще находился в трудном положении, позволила не только преодолеть экономические трудности и обеспечить снабжение населения основными продуктами питания, но и содействовала успешному решению нараставшего внутриполитического кризиса.

Оказались напрасными чаяния реакции, которая рассчитывала на экономический развал и хаос, надеясь, что эти трудности приведут к росту неудовлетворенности населения развитием событий, к углублению внутриполитических противоречий, а в результате — к падению правительства Готвальда.

В 1947 г. чехословацкий народ смог наглядно убедиться в преимуществах всестороннего сотрудничества с Советским Союзом, в братской, дружеской, бескорыстной позиции советского народа, который вновь охотно предоставил ЧСР помощь в то время, когда сам преодолевал неизмеримые трудности, устраняя военный ущерб и возрождая народное хозяйство. Благодаря оказанной помощи Чехословакия смогла продолжить реализацию двухлетнего плана и других задач экономического строительства, укрепить народно-демократический строй и подготовить дальнейшие меры для постепенного перехода к социализму.

КПЧ всегда уделяла большое внимание развитию отношений с остальными славянскими государствами и странами народной демократии. Коммунистическая партия подчеркивала, что «братский союз славянских народов, основной опорой которого является Советский Союз, не направлен против какого-либо народа или государства. Наоборот, этот союз — верный и надежный участник борьбы за укрепление дружбы, мира и демократии во всем мире» [15].

Уже в ходе войны и в послевоенный период Чехословакия на новой основе развивала дружеские связи с Югославией и Польшей, с которыми она заключила союзные договоры. ЧСР устанавливала экономические отношения с Болгарией и Румынией с учетом того, что эти народно-демократические страны в будущем могут превратиться в важных экономических партнеров Чехословакии. В отношении Венгрии также подчеркивалась необходимость укрепления связей с этой демократической страной.

Отстаивая подобную внешнеполитическую ориентацию, коммунисты всегда указывали, что Чехословакия не может играть роль какого-то посредника между Востоком и Западом. Они подчеркивали, что ЧСР «твердо поддерживает миролюбивую демократическую внешнюю политику СССР и славянских народно-демократических государств» [16].

КПЧ последовательно проводила курс на сотрудничество с прогрессивными силами в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, выдвигала на передний план единство интересов в созидании

народно-демократического строя и реализации целей народно-демократических революций. Она оказывала моральную и политическую поддержку их борьбе с реакционными элементами, раскрывала чехословацкому народу международные взаимосвязи попыток реакции изменить развитие событий в отдельных странах, неотделимость этих маневров реакции от политики международного империализма. В свою очередь рабочий класс во главе с коммунистами и другие прогрессивные силы стран народной демократии всегда однозначно симпатизировали политике КПЧ, действиям революционного движения в Чехословакии и недвусмысленно проявили свою интернациональную солидарность в период нарастания внутриполитического кризиса в ЧСР в феврале 1948 г.

Постепенно, по мере возрастания влияния революционных сил в отдельных странах и упрочения в них народно-демократического строя, расширялись и крепли взаимные связи между ними и всестороннее сотрудничество с Советским Союзом. Так возникала и развивалась мировая социалистическая система, которая с самого своего становления превращалась в важный фактор международных отношений, в опору всех революционных и прогрессивных сил мира.

В послевоенные годы большой интерес к Чехословакии проявляли западные державы, которые хорошо понимали ее стратегическое положение в центре Европы. В свою очередь, представители чехословацкой буржуазии во главе с президентом Бенешем, несмотря на все декларативные заявления о необходимости укрепления союза и развития связей с Советским Союзом, продолжали настаивать на необходимости сохранения дружеских отношений с Великобританией, США и Францией.

Империалистические государства были обеспокоены тем, что в такой высокоразвитой промышленной стране как Чехословакия, в послевоенный период произошли принципиальные изменения, открывающие путь к социализму. Пример Чехословакии мог оказать большое влияние на рабочий класс и трудящихся в Западной Европе. Кроме того, Чехословакия была бы выгодной базой в случае нападения империалистических государств на Советский Союз. Экономический потенциал ЧСР мог также содействовать консолидации экономики Западной Европы, а также открывал возможность относительно выгодных вложений капитала. Поэтому империалистические круги прилагали большие усилия для того, чтобы вернуть Чехословакию в капиталистический лагерь.

Представители чехословацкой буржуазии по сути дела солидаризировались с этими взглядами и пытались воплотить их в жизнь в разных вариантах так называемой «политики моста» между Востоком и Западом. Эту концепцию в течение всей своей активной послевоенной деятельности отстаивал также президент Бенеш, который выразил свою позицию, характеризуя союзный договор с Советским Союзом. Хотя он и назвал данный договор одним из столпов послевоенной безопасности Чехословакии, тем не менее Бенеш подчеркнул, что ЧСР одновременно обязана проводить политику тесного и дружеского сотрудничества с Великобританией [17].

Причины возникновения данной концепции не следует искать в «благих намерениях» буржуазных политиков обеспечить дружеские отношения со всеми государствами или же в стремлении занять нейтральные позиции в растущих противоречиях между западными державами и Советским Союзом. В действительности имела место рафинированная и опасная попытка ослабить союзные отношения с СССР и странами народной демократии, подорвать единство социалистической системы и постепенно восстановить зависимость Чехословакии от мирового империализма. Реакционные представители буржуазии прибегли к этому маневру, чтобы обмануть чехословацкий народ, ослабить его симпатии к Советскому Союзу и его интернационализм. Позднее, особенно в 1968—1969 гг., так же действовали правые силы.

Аналогичным целям служила и активно пропагандируемая теория о так называемом особом положении и миссии Чехословацкой республики как «посредника ценностей западной цивилизации на Востоке», которая была идейной основой концепции так называемой «политики моста». Поэтому КПЧ всегда решительно отвергала данную политику, разоблачала ее реакционную антинародную суть.

Г. Рипка также утверждал, что новую европейскую безопасность можно обеспечить только сотрудничеством между Востоком и Западом, что гарантирует положение и безопасность разных европейских государств, в том числе и Чехословакии.

Представители чехословацкой буржуазной эмиграции после своего возвращения в освобожденную республику в первую очередь стремились сохранить и расширить связи с Великобританией, превозносили ее значение для консолидации отношений во всех частях Европы. Отношения с Великобританией вначале развивались достаточно быстро. Председатель чехословацкого правительства Зденек Фирлингер уже в сентябре 1945 г. побывал в Великобритании с официальным визитом, а Чехословакию посетили некоторые члены лейбористского правительства, которые высоко оценили быструю консолидацию отношений в республике.

Однако уже в июле 1945 г. Чехословакия заявила официальный протест против клеветнических сообщений британской печати и радио. Британское правительство вмешивалось во внутренние дела Чехословакии. Например, оно возражало против проведенных в 1945 г. мер по национализации. Такая позиция вызвала возражения даже части британской прессы. Великобритания не проявляла достаточного интереса к развитию экономических и торговых связей с Чехословакией, затягивала переговоры о заключении торгового и финансового соглашения, а в феврале 1948 г. прервало их. Британские средства массовой информации распространяли лживые слухи о развитии событий в Чехословакии, а в предшествующий февральским событиям 1948 г. период фабриковали информацию о якобы готовящемся коммунистическом заговоре и путче в ЧСР.

Отношения с Францией после второй мировой войны также развивались неудовлетворительно. Хотя в 1945 г. было подписано краткосрочное торговое соглашение, однако основной проблемой стали переговоры о чехословацко-французском союзном договоре,

проект которого чехословацкое правительство передало в Пар в июне 1946 г. Во время Парижской мирной конференции уда добиться принятия совместной декларации, в которой ЧСР и Ф ция провозгласили, что они заинтересованы в сотрудничестве в облас сти контроля над Германией и подготовки мирного договора с ней.

Переговоры о союзном договоре между обоими государствами проходили с большими сложностями и их не удалось довести до конца. Французское правительство более 11 месяцев не давало ответа на чехословацкие предложения. Когда в феврале 1947 г. во время подписания мирных договоров с бывшими союзниками нацистской Германии министр иностранных дел ЧСР Ян Масарик обсуждал данный вопрос с французским министром иностранных дел Бидо, Масарику было сообщено, что Франция даст согласие на договор только в том случае, если союз будет направлен исключительно против Германии, но ни в коем случае против ее потенциальных союзников. Естественно, представители КПЧ были вынуждены отвергнуть этот проект и предостеречь, что Чехословакия не должна заключать договоров, менее выгодных для нее, чем договор с Советским Союзом, Югославией и Польшей. Аналогичное мнение выразило и Советское правительство, которое также считало, что возможный договор с Францией должен содержать такие же положения, как соглашения с СССР и народно-демократическими странами.

В 1947 г. переговоры о чехословацко-французском союзном договоре использовали и реакционные силы в Чехословакии, пытавшиеся использовать эту возможность для оживления так называемой «политики моста» между Востоком и Западом. В этом им помогали французские политические деятели, которые, как признал премьер-министр Франции Рамадье, были заинтересованы не в союзе с Чехословакией против немецкого империализма, а рассматривали предполагаемый договор прежде всего как доказательство того, что «политика моста» между Востоком и Западом имеет право на существование.

Чехословацкие буржуазные политики подчеркивали также необходимость политических и, в первую очередь, экономических отношений с Соединенными Штатами. Однако сразу же после окончания войны американские деятели выражали свое неудовлетворение развитием событий в Чехословакии, хотя в то время они еще пытались привязать ЧСР к себе посредством экономической помощи и кредитов. Соединенные Штаты непосредственно вмешивались во внутренние дела Чехословакии. Примечательно, что уже при вручении верительных грамот послом США президенту Бенешу в 1945 г., посол задал вопрос: сохранят ли граждане США в ЧСР все права собственности и возможность вести торговлю. Большое возмущение вызвали своевольные действия американских оккупационных органов в Западной Германии, которые в феврале 1946 г. без уведомления чехословацкого правительства вывезли из Штеховиц * секрет-

* Местечко в Среднечешской области, западнее Праги (*ред.*).

ный архив К. Г. Франка. Полностью документы уже никогда не были возвращены в Чехословакию.

Непосредственно после войны — в 1945—1946 гг., кроме поставок в рамках ЮНРРА, Чехословакия получила от Соединенных Штатов кредит на закупку военных излишков американской армии и некоторых сельскохозяйственных продуктов. В сентябре 1946 г. начались переговоры о заключении торгового соглашения, в ходе их обсуждалось возмещение стоимости национализированной собственности американских граждан. Возникшие противоречия по этому вопросу привели к тому, что вскоре были прекращены поставки американского военного снаряжения, а Международный банк отказался предоставить Чехословакии кредит. Тогдашний государственный секретарь США Д. Бирнс впоследствии объяснял это тем, что два чехословацких делегата на парижских мирных переговорах аплодировали советскому представителю Вышинскому, который обвинил США в попытке добиться мирового господства [18]. Такие действия американцев подвергли критике даже ведущие представители послефевральской эмиграции, указав, что в результате в Чехословакии ослабли симпатии к США [19].

В 1947 г. Соединенные Штаты отвергли просьбу чехословацкого правительства об оказании помощи чрезвычайными поставками зерна для устранения последствий неурожая. Тем не менее в то же самое время, несомненно в целях поддержки реакционных сил, США начали переговоры о возможности предоставления Чехословакии финансового кредита размером 350 млн долларов через Международный банк. Однако в феврале 1948 г. эти переговоры были полностью прекращены и тогдашний государственный секретарь Маршалл сообщил, что его правительство замораживает весь заем Чехословакии. Тогда же американское правительство разработало особый список товаров, запрещенных для вывоза в Чехословакию, Советский Союз и народно-демократические страны.

Политика империалистических держав получила одобрение реакционных элементов в ЧСР, которые рассчитывали на поддержку Запада в своей борьбе против коммунистов. Взгляды этих кругов исчерпывающе выразила депутат от Национально-социалистической партии Франя Земинова, которая после заседания центрального комитета своей партии в декабре 1945 г. заявила: «Пока еще мы должны думать по-русски, однако действовать мы можем по-английски и по-американски» [20].

И хотя буржуазные представители отдельных политических партий в первый период после освобождения не хотели компрометировать себя открыто антисоветской позицией, в ходе дальнейшего развития все-таки все более ясно проявлялись их истинные намерения. На это обстоятельство обратил внимание и январский Пленум ЦК КПЧ в 1947 г., на котором подчеркивалось, что реакционные элементы нападают на принципиальную линию нашей внешней политики.

Развитие международных событий в 1947 г. также укрепляло надежды правых и реакционных сил в ЧСР. В это время имело место

интенсивное общение между ними и буржуазными политиками на паде.

Особую активность в этом направлении проявляли национальные социалисты, один из лидеров которых Г. Рипка посетил в январе 1947 г. вождя французских социалистов Леона Блюма. Летом того же года во Францию отправился депутат от Национально-социалистической партии Фирт; он открыто заявлял, что он едет учиться, каким образом французской буржуазии удалось вытеснить из правительства министров-коммунистов. В ноябре 1947 г. во Францию приехал председатель Национально-социалистической партии П. Зенкл и встретился с самыми высокими государственными деятелями, в том числе с президентом Ориолем. Лидер Демократической партии Леттрих посетил в это же время США, во Францию выезжали депутаты от Народной партии, а правые социал-демократы расширяли в основном контакты с представителями британской лейбористской партии. Регулярные беседы с западными дипломатами происходили на вилле депутата от Национально-социалистической партии Яна Странского, а также у других буржуазных представителей разных партий. Известно, что ведущие правые политики поддерживали тесные отношения с американским послом в ЧСР Л. Стейнгардтом, которого они помимо всего прочего информировали о подготовке февральского путча и интересовались возможными действиями США в этом вопросе.

Непосредственно после войны реакционные силы в Чехословакии не могли открыто выступить против сотрудничества с Советским Союзом, опасаясь, как писал впоследствии д-р Рипка, не отдалить, а наоборот, ускорить социалистическую революцию [21].

Однако уже в 1946 г. правые элементы начали открыто критиковать советскую внешнюю политику и чехословацко-советский союз. Для этого они в первую очередь использовали сообщение капиталистических информационных агентств и высказывания ведущих представителей империалистических держав. К подобным нападкам присоединялись и некоторые руководящие деятели отдельных партий Национального фронта. В этом плане характерно высказывание министра Дртины, который в своей речи 21 июля 1947 г. в Пардубицах заявил, что «когда этого требовали интересы государства. . . мы принесли жертву своему союзу с СССР, мы пошли на большие уступки. . .» [22]. П. Зенкл в своей речи в Карловых Варах также дал понять, что в интересах сотрудничества и союза с СССР Чехословакия вынуждена в определенной степени поступаться своим суверенитетом.

КПЧ указывала чехословацким трудящимся на подобные нападки. Перед ними предостерегал К. Готвальд в своем выступлении 10 октября 1947 г., подчеркнув, что любое ослабление отношений с Советским Союзом и попытки возбудить недоверие к нему означают предательство собственного народа и государства. Ввиду того, что подобные нападки не прекращались, К. Готвальд на заседании правительства 19 декабря 1947 г. потребовал от министерства юстиции отдать приказ государственным органам применять санкции против

всех авторов и периодических изданий, подвергающих критике отношения с союзниками и особенно с СССР.

Важной составной частью общей концепции чехословацкой внешней политики после второй мировой войны был так называемый германский вопрос. Еще чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне подробно рассматривало эту проблему в первую очередь в связи с возрождением Чехословацкой Республики в довоенных границах и выселением немцев из ЧСР. Чехословакия была жизненно заинтересована в осуществлении принципов потсдамских соглашений. ЧСР требовала эффективного контроля союзных держав в Германии, реализации на практике демилитаризации, денацификации и демократизации общественной жизни и всех мер, ведущих к полной ликвидации фашизма. В интересах собственной безопасности ЧСР поддерживала требования Польши установить ее западную границу по Одеру и Нейсе, а также участвовала в работе нескольких конференций стран народной демократии и Советского Союза по германскому вопросу в 1947—1948 гг.

Чехословакия отвергала действия западных держав и в первую очередь США в их оккупационных зонах в Германии. В 1947 г. ЧСР неоднократно официально выражала свое недовольство оживлением реваншистских тенденций в Западной Германии. Во время обсуждения в Лондоне проекта мирного договора с Германией в январе и феврале 1947 г., ЧСР представила свой меморандум, в котором была изложена позиция Чехословакии по этому вопросу. В нем вновь подчеркивалось значение последовательной демилитаризации и денацификации Германии и выдвигалось требование, чтобы оккупационные органы в разных зонах помогали переселенцам из Чехословакии и Польши адаптироваться в новой среде.

Вначале по данной проблеме не было больших расхождений между позициями буржуазных деятелей и революционными силами. Так было и в конце января 1947 г., когда даже председатель Национально-социалистической партии П. Зенкл на заседании правительства отверг англо-американские проекты федерализации Германии и выразил согласие с позицией Советского Союза, который настаивал на создании единого немецкого государства [23]. Еще более ясно такую точку зрения выразил министр иностранных дел Ян Масарик, который от имени ЧСР заявил: «По широко обсуждаемому вопросу о будущем Германии, ее федерализации или децентрализации, мы считаем, что лучшим ключом к его решению является стремление добиться максимально эффективного контроля всех держав над немецкой территорией в целом. Что касается будущего германской экономики, то здесь мы выступаем за единую экономическую структуру страны, за декартелизацию, национализацию принадлежащих нацистам предприятий, за земельную реформу и контроль за валютой, внешней торговлей и капиталовложениями» [24].

Представители тогдашней ведущей группы чехословацкой буржуазии, особенно принадлежащие к лондонской эмиграции, еще опасались возрождения германского империализма и в определенной степени осознавали вытекающую отсюда опасность для ЧСР. Их бес-

покоила непоследовательность западных держав в устранении нацистского наследия и разные проявления его оживления, имевшие место в западных оккупационных зонах.

Однако постепенно, по мере того, как в отдельных политических партиях возрастало влияние групп буржуазии, и прежде проявлявших симпатии к фашизму и сотрудничавших с гитлеровцами в ходе войны, изменялось отношение буржуазных политиков к так называемому германскому вопросу. На данный процесс оказывала влияние и политика западных держав, которые вскоре начали открыто содействовать возрождению позиций империализма в Западной Германии. Связанная с капиталистическим миром общей заботой о защите своих классовых позиций, чехословацкая буржуазия постепенно солидаризировалась с таким курсом и начала все более открыто отстаивать его, особенно после известного выступления государственного секретаря США Д. Бирнса в Штутгарте в 1947 г. Последовательные позиции по этой проблеме занимала тогда только КПЧ, которая вместе с другими прогрессивными силами по-прежнему требовала реализации всех принципиальных мер, согласованных в Ялте и Потсдаме.

Оценивая развитие событий в Германии, КПЧ указывала на необходимость на деле искоренить все элементы германского империализма, воспрепятствовать Германии когда-либо начать новую экспансию и войну. Основной предпосылкой этого была ликвидация военного потенциала и всей экономической базы германского империализма, что означало ликвидацию крупного капитала, национализацию больших предприятий, проведение земельной реформы, которая ослабила бы позиции юнкерского дворянства.

Коммунисты также указывали на то, что в послевоенный период между великими державами нарастали разногласия по германскому вопросу, в первую очередь касающиеся реального проведения демилитаризации и денацификации. Они предупреждали, что особенно в британской и американской оккупационных зонах сохранили свое положение в экономике представители крупного капитала, которые раньше поддерживали нацизм, а после войны наладили отношения с американским империализмом. Перед опасностью такого развития предостерег в октябре 1947 г. К. Готвальд, отметив, что «классовым интересам определенных капиталистических групп приносятся в жертву мир и консолидация в Европе, национальная и государственная независимость малых и даже больших государств Европы»[25].

В первые послевоенные годы революционные силы Чехословакии под руководством КПЧ вели упорную борьбу за сохранение и укрепление внешнеполитического курса, принятого в конце второй мировой войны и выраженного в Кошицкой правительственной программе. Коммунисты объясняли чехословацкому народу значение дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и странами народной демократии, укрепляли его патриотизм и интернационализм. Они разоблачали маневры мирового империализма, клеймили позором его насильственные меры против революционных и прогрессивных сил капиталистического мира, а также народов колоний и зависимых стран. Коммунисты указывали на агрессивные цели и замыслы импе-

рализма, в первую очередь североамериканского, на его подготовку к новому военному конфликту и нападению на страны социалистического содружества. Одновременно они раскрывали двуличную, предательскую политику чехословацкой буржуазии, ее подчиненность планам и намерениям международной реакции.

Таким образом, борьба за внешнеполитический курс Чехословакии в то время была неотделимой составной частью большого классового сражения между прогрессивными и реакционными силами в ЧСР.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

НАША НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Мюнхен и ликвидация чехословацкого государства в 1939 г. показали, что у ЧСР нет шансов независимого существования в рамках империалистической системы. Эти события подтвердили также, что правящая буржуазия не в состоянии обеспечить народам Чехословакии стабильное внешнеполитическое положение и решить основные проблемы внутриполитического, экономического, социального, национального и культурного развития. Крах буржуазной республики привел наш народ к убеждению в неизбежности революционных общественных преобразований.

Учитывая тот факт, что во время оккупации гитлеровский фашизм поставил под угрозу непосредственно национальное существование и жизненные интересы всех трудящихся, а конфликт между фашизмом и антифашистскими силами превратился в основное противоречие того времени, некоторые классовые противоречия временно отошли на второй план. Классовая борьба трудящегося народа была направлена прежде всего против профашистской части буржуазии. Однако и в антифашистском лагере в ходе войны постепенно начала проявляться дифференциация между сторонниками революционного движения и представителями буржуазных сил. Разногласия возникали прежде всего по поводу форм антифашистской борьбы, задач и целей национально-демократической революции.

Этим вопросам уделял внимание и Коммунистический Интернационал, который в начале января 1943 г. рассмотрел политическую линию и ближайшие задачи КПЧ в национально-освободительной борьбе. В постановлении Исполкома Коминтерна указывалось: «Перед национальным движением в Чехословакии стоит неотложная задача организационно сплотить национальное единство и Национальный фронт и дать всему национально-освободительному движению прочную организационную базу в виде национальных комитетов, причем не только в местном или же районном масштабе. . . Для укреп-

ления единства рабочего класса и для того, чтобы обеспечить ра чему классу соответствующую роль в национально-освободитель движении в целом, необходимо на предприятиях и в легальны профсоюзных организациях создать советы уполномоченных или ка руководство,- избираемое вне зависимости от прежней партийной или профсоюзной принадлежности. . .» [1].

Далее в резолюции Коммунистического Интернационала подчеркивалось, что партия должна сосредоточить основное внимание на развертывании вооруженной борьбы против оккупантов и готовить антифашистское восстание. Руководство КПЧ в Москве согласилось с такой оценкой и подчеркнуло, что основная задача во время войны — нанести поражение врагу и отвоевать утраченную свободу.

В течение всей войны коммунисты вели последовательную борьбу с предательством и коллаборационизмом. Особенно они критиковали так называемую гаховщину, под которой коммунисты понимали тактику крупной буржуазии, которая паразитировала на военной конъюнктуре, активно помогала нацистам, пыталась создать представление о законности нацистской оккупации и различными способами ослабляла антифашистский фронт. Поэтому коммунисты рассматривали такую тактику как измену народу и проявление вырождения буржуазной политики и отвергали малейшее снисхождение к ней. Аналогичную позицию занимали члены КПС в Словакии. Дифференцированно относясь к «людацкому» движению, коммунисты шли на сотрудничество с его рядовыми сторонниками, в ходе войны постепенно переходившими на антифашистские позиции, однако они категорически отвергали любые переговоры и соглашения с представителями глинковской партии. Г. Гусак писал: «Руководство КПС подробно проанализировало положение в глинковской словацкой народной партии и приняло решение: ни в коем случае не вести переговоров с руководящими группами. . . так как все эти группы фашистского режима несмотря на отличия друг от друга, одинаково виновны в установлении фашистской диктатуры в Словакии, за что они должны нести ответственность» [2].

Представители руководства КПЧ в Москве уже в ходе войны разрабатывали конкретные основные задачи национально-демократической революции, подготавливали программу будущего народно-демократического строя. Основная заслуга в этом принадлежала так называемому Заграничному бюро КПЧ, созданному после роспуска Коммунистического Интернационала в 1943 г. В его состав входили К. Готвальд, Я. Шверма, В. Копецкий, Р. Сланский, К. Кроснарж, Б. Кёлер и Р. Аппельт.

В то время руководство КПЧ в Москве занималось в первую очередь оценкой прежнего развития национально-демократической революции и перспективами ее дальнейшего развития. В этой связи оно определяло задачи общегосударственного характера, которые должна была решить новая народная власть. В разработанной в первой половине 1944 г. программе рассматривалось временное исполнение функций правительства, мобилизация в армию, экономические меры и вопросы собственности, действия по возобновлению демокра-

тических прав, выборы в национальные комитеты и круг их обязанностей.

Большое значение имели различные предлагаемые меры, направленные на искоренение фашизма. В программе подчеркивалось, что необходимо наказать все фашистские партии и организации, а также всех тех, кто сотрудничал с нацизмом. В итоге в возрожденной республике не должно было остаться ни одной правой партии, виновной в мюнхенской капитуляции и захвате Чехословакии гитлеровской Германией.

В 1943 г. произошел решающий перелом в ходе второй мировой войны. После поражения фашистских войск на Волге и у Курска советские войска неудержимо наступали на запад, освобождали новые оккупированные области. Становилось все более ясно, что Советский Союз сыграет главную роль в разгроме гитлеровской Германии и освободит большинство стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Это обстоятельство оказало большое влияние на положение и тактику буржуазной эмиграции, действовавшей на Западе и в первую очередь в Великобритании. Ее наиболее дальновидные представители начали осознавать необходимость достигнуть какого-нибудь соглашения и наладить сотрудничество с Советским Союзом и прогрессивными звеньями движения сопротивления собственных народов, действующих непосредственно в странах или же в СССР. Только такие действия могли обеспечить буржуазной эмиграции возможность участвовать в управлении освобожденными странами.

Различные представители правых сил долго колебались и отвергали такое решение. Особенно явно это проявлялось в реакционных кругах польской эмиграции. Аналогичным образом вели себя буржуазные деятели других стран, в том числе часть чешской и словацкой буржуазии. Однако ведущая группа чешской эмиграции во главе с Э. Бенешем относительно быстро осознала значение военных успехов Советской Армии и приняла решение начать переговоры с Советским Союзом и находившимся в Москве руководством заграничного сопротивления, представленного в первую очередь руководством КПЧ.

Такие переговоры произошли в конце 1943 г. в связи с подписанием чехословацко-советского союзного договора. Этот договор имел принципиальное значение не только для дальнейшего развития чехословацко-советских отношений, но и стал становым хребтом всей чехословацкой внешней политики, так как гарантировал республику от возможной агрессии немецкого империализма и его союзников. Договор обеспечивал ЧСР гораздо более прочное международное положение, чем существовавшая ранее договорная система, основанная прежде всего на союзе с Францией.

Президент Бенеш и его сторонники были вынуждены учесть все изменения, вызванные военными событиями. Они даже начали переговоры с Советским Союзом и представителями заграничного сопротивления в Москве гораздо раньше, чем на подобный шаг решились лидеры буржуазных эмигрантских групп других стран. Таким образом, чехословацко-советский договор стал первым актом такого рода,

заключенным за годы войны представителями буржуазной эмиграции на Западе с Советским Союзом.

В конце 1943 г. Бенеш приехал в Москву с намерением заключить соглашение между эмигрантским правительством в Лондоне и находившимся в Москве руководством чехословацкого движения сопротивления. В это время он был согласен пойти на уступки и компромиссы, так как хорошо понимал, что никак нельзя рассчитывать на полное возрождение того положения, которое существовало в домюнхенской республике. Правда, это обстоятельство он признал сразу же после отъезда в эмиграцию. Уже в то время Бенеш допускал, что в новой Чехословакии будет необходимо провести некоторые принципиальные реформы, которые по крайней мере в некоторых областях модифицируют прежнюю политическую систему.

Бенеш хорошо понимал, что первоочередным условием его возвращения на ведущий пост в чехословацком государстве является искупление Мюнхена, последовательное преодоление последствий этого предательства чехословацкого народа мировым империализмом, международной реакцией, в котором были повинны и он сам, и чехословацкая буржуазия. Поэтому Бенеш подчеркивал необходимость сопротивления нацистской Германии и указывал, что это единственный путь исправления мюнхенской трагедии.

Лондонская эмиграция не могла также безразлично отнестись к изменениям в сознании чешского и словацкого народов во время оккупации. И это было причиной признания Э. Бенешем необходимости исправления в послевоенный период ошибок и недостатков домюнхенской республики. Он допускал также, что произойдут важные перемены во внутриполитической жизни, так как будет невозможно позволить возобновление деятельности политических партий, скомпрометировавших себя сотрудничеством с фашизмом и несущих прямую ответственность за капитуляцию перед мюнхенским диктатом.

Президент признавал также неизбежность некоторых экономических и социальных реформ. Он понимал, что будет необходимо ввести хотя бы частичное планирование народного хозяйства. Бенеш размышлял и об изменении положения живущих в Чехословакии наций, особенно словаков, разумеется, в рамках своих политических и философских идеалов. Бенеш заявлял, что эти принципы будет необходимо внести в конституцию чехословацкого государства.

Представители буржуазии во главе с Э. Бенешем должны были признать, правда, не сразу, и потребность создания новой структуры политического управления государством, решающее положение в котором должен был занимать Национальный фронт, представляющий основные слои народа — рабочих, крестьян, так называемые средние слои и интеллигенцию. В это время они даже смирились с тем, что в Национальный фронт должны входить не только политические партии, но и профсоюзы и другие организации, в первую очередь выражающие интересы крестьянства.

Представители буржуазной эмиграции допускали также, что должны произойти изменения во внешнеполитической ориентации

ЧСР. На данное обстоятельство вновь указал Бенеш во время заключения чехословацко-советского договора в 1943 г. Бенеш заявил, что для него этот акт не является каким-то соглашательским жестом военной политики, так как договор представляет «логическое заключение и завершение эволюции чехословацкой политики XX века в целом, что стало возможным только благодаря русской революции, блестящему укреплению Советского государства и нынешним его большим военным успехам в тесном союзе с Великобританией и Соединенными Штатами»[1]. Однако здесь же Бенеш вновь указал, что он остается при своих прежних взглядах и не забыл отметить, что речь идет о шаге, связанном с развитием дружеских отношений между западными державами и Советским Союзом и заключенными между ними в последнее время соглашениями.

Несмотря на реалистическую оценку изменений и потребностей, вызванных временем, Э. Бенеш, несомненно, оставался буржуазным политиком, защищающим интересы своего класса и соглашающимся на проведение реформ лишь в той степени, в какой они не касались позиций представляемой им части буржуазии и не угрожали основам капиталистической системы. В ходе национально-освободительной революции постепенно вновь стало совершенно очевидно, что Э. Бенеш оставался прежде всего буржуазным политиком, заинтересованным главным образом в сохранении капитализма и стремящимся воспрепятствовать всем ослабляющим его мерам.

Во время пребывания Бенеша в Москве в декабре 1943 г. состоялись переговоры между ним и руководством КПЧ, в ходе которых возникла дискуссия о важных проблемах будущего развития ЧСР и основных принципах программы национально-демократической революции. Внимание прежде всего уделялось актуальным вопросам национально-освободительной антифашистской борьбы. Представители КПЧ подчеркивали, что именно во время решающего перелома в войне необходимо приложить максимальные усилия для ускорения окончательного поражения фашизма. С учетом того обстоятельства, что народы Чехословакии жизненно заинтересованы в скорейшем завершении войны, а ЧСР как государство находится в состоянии войны с Германией, отмечали коммунисты, лондонскому правительству, представляющему Чехословацкую республику на международной арене, необходимо стать реальным организатором и инициатором всех боевых начинаний и стремиться к усилению сопротивления внутри Чехословакии и за рубежом. Коммунисты указывали и на то, что международное положение Чехословакии в будущем также будет зависеть от меры участия ее народа в военных усилиях союзных государств.

Коммунисты подвергли критике прежнюю пассивность лондонского правительства. Они потребовали от него реального руководства заграничным и внутренним Сопротивлением и прежде всего содействия развитию партизанского движения, которое могло стать основой широкой вооруженной борьбы народов Чехословакии против фашистских оккупантов. Большую значимость имело то обстоятельство, что представители КПЧ настаивали на усилении массовой базы воору-

женной борьбы. Они требовали, чтобы ведущую роль в ней играл рабочий класс, крестьянство и демократические слои городской мелкой буржуазии, буржуазии и интеллигенции. Важное положение в движении сопротивления должны были занять и возникающие новые органы власти — национальные комитеты, которые в будущем, после освобождения превратились бы в основное звено новой государственной структуры.

Представители находившегося в Москве руководства КПЧ также требовали, чтобы лондонское правительство бескомпромиссно осудило все проявления коллаборационизма и тактику псевдоалиби представителей чешской и словацкой буржуазии, которые во время оккупации в той или иной мере сотрудничали с гитлеровцами. Бесспорно, подобный шаг мог содействовать политической дискредитации больших групп буржуазии и значительной части государственного аппарата, которые охотно выполняли приказы оккупантов. Одновременно эта мера разоблачила бы так называемый экономический коллаборационизм, т. е. деятельность той части буржуазии, которая в годы оккупации была политически пассивна, но своей активностью в сфере экономики обогащалась сама и содействовала развитию экономики гитлеровской Германии.

Важную роль в этом отношении должен был сыграть закон, направленный против лиц, активно сотрудничавших с оккупантами; на принятии лондонским правительством этого закона настаивали коммунисты. Этот закон должен был бы карать всех, кто оказывал любую активную помощь правительствам Гахи и Тисо, чиновников административного аппарата, помогавших немецким фашистам, и ту часть буржуазии, которая содействовала функционированию военной промышленности, системы снабжения и финансов. Однако такое предложение пришлось не по душе представителям лондонской эмиграции, т. к. данный закон позволил бы покарать значительную часть чешской и словацкой буржуазии и привел бы к существенному ослаблению их политических и экономических позиций в послевоенный период.

Во время своего пребывания в Москве это обстоятельство осознал и президент Бенеш, поэтому он пытался всяческими маневрами отдалить принятие подобного закона. Однако коммунисты не согласились с мнением о том, что лондонское правительство и Государственный совет не могут одобрить такой закон в полном объеме. Они подчеркивали, что ускоренное принятие данного закона имело бы большое значение для развития национально-освободительного движения и содействовало бы существенной дифференциации среди тех групп населения, которые в разных формах сотрудничали с нацистскими оккупантами.

Следующей крупной проблемой, правильное решение которой имело большое значение для развития антифашистской борьбы, было урегулирование национальных отношений в республике, прежде всего между чехами и словаками. Коммунисты хорошо понимали важность этого вопроса и поэтому во время переговоров с Бенешем в декабре 1943 г. предложили лондонскому правительству в офи-

циальном заявлении признать национальную самобытность словацкого народа и обещать, что в освобожденной республике оно будет обращаться с ним на основах полного равноправия. Бенеш категорически отверг данное предложение и продолжал настаивать на принципе так называемого единого чехословацкого народа, несмотря на то, что подобная мера могла иметь большое значение и решающим образом содействовала бы привлечению подавляющего большинства словацкого народа к активной борьбе против фашистских оккупантов. Таким образом, Бенеш отказался извлечь урок из трагических последствий реализации этого принципа в конце 30-х годов.

В ходе московских переговоров в декабре 1943 г. не было достигнуто окончательного решения по целому ряду вопросов послевоенного развития в освобожденной Чехословацкой республике. Коммунисты умышленно не затрагивали многие проблемы, по которым могли возникнуть разногласия. Они подчеркивали, что право практического решения таких проблем должно быть предоставлено народу свободной Чехословакии. В то время коммунисты ориентировались прежде всего на достижение соглашения по вопросам, непосредственно затрагивающим дальнейший ход национально-освободительной борьбы и по некоторым актуальным задачам, требующим неотложного решения на освобожденной территории. В первую очередь они выделили значение Национального фронта, возникшего в ходе национально-освободительной борьбы против фашистской оккупации, и требовали, чтобы он играл определяющую роль в процессе созидания новой жизни освобожденной родины. Ими также указывалось на необходимость дальнейшего развития и укрепления дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, что союз с ним должен быть основой внешнеполитической ориентации ЧСР. Коммунисты предложили и некоторые конкретные меры, реализация которых предполагалась еще в ходе войны и непосредственно после освобождения республики. Речь в первую очередь шла о последовательной ликвидации оккупационного режима, о наказании его представителей и о предоставлении помощи жертвам фашистского террора. Кроме того, нельзя было откладывать меры обеспечения спокойствия и порядка, нормального хода производства, работы транспорта и снабжения. Коммунисты также подчеркивали необходимость конфискации предприятий и организаций, принадлежащих оккупантам и предателям, ускоренного создания демократического государственного и общественного аппарата и устранения из него предателей, коллаборационистов и реакционных элементов. Особое внимание уделялось и созданию новой демократической армии, которую должны были возглавить проверенные в национально-освободительной борьбе офицеры.

Предлагаемые коммунистами меры соответствовали самым неотложным конкретным потребностям того времени и ближайшей перспективы, однако они не затрагивали коренным образом проблем будущего общественного строя в Чехословацкой республике. Тем не менее последовательное осуществление этих предложений уже было бы довольно существенным экономическим и политическим

наказанием значительной части буржуазии, которая по-разному трудничала с нацистскими оккупантами. Эти проекты фактически уже предполагали, хотя и не совсем конкретно, ослабление позиций капитализма в экономике, поскольку он лишался контроля за теми участками производства, хозяевами которых были оккупанты или тесно сотрудничавшие с ними лица. Другие предложения были направлены на перестройку институтов управления и власти, которые должны были стать действительно народными органами власти.

В то время заграничное руководство КПЧ в Москве считало преждевременным вести конкретные переговоры с представителями буржуазной эмиграции о характере государственного и общественного строя в освобожденной Чехословакии. Коммунисты подчеркивали, что эти вопросы встанут на повестку дня уже в освобожденной республике, когда непосредственно чешский и словацкий народы будут в состоянии свободно решать их сами.

Бенеш и представители лондонской эмиграции в целом согласились с проектами переходных мер, выдвинутыми коммунистами. Определенные сомнения возникли у них по вопросу о национальных комитетах, в которых представители буржуазии видели опасность для буржуазно-демократической системы. Однако ввиду того, что тогда еще не определялись права национальных комитетов, то и здесь не возникло принципиальных разногласий и переговоры в Москве в декабре 1943 г. закончились общим соглашением. Бенеш признал и неизбежность в перспективе переформирования правительства, которое, по его мнению, после возвращения на освобожденную родину должно было опираться прежде всего на блок трех социалистических партий — на коммунистов, социал-демократов и национальных социалистов, а также на народную партию и так называемые консервативные элементы, к которым он относил аграриев. И здесь не возникло принципиальных противоречий, хотя коммунисты и предупреждали, что основой будущей правительственной системы будет не какая-то коалиция политических партий, а Национальный фронт, представляющий рабочих, крестьян, интеллигенцию, т. е. подавляющее большинство народа.

В ходе московских переговоров в декабре 1943 г. президент Бенеш предложил коммунистам направить своих представителей в эмигрантское правительство в Лондоне. Это имело большое значение для представителей буржуазии, так как участие коммунистов в правительстве вынудило бы их разделить ответственность за все предпринимаемые правительством меры, что в определенной степени связывало бы коммунистам руки после возвращения на родину. Представители КПЧ, хорошо понимая данное обстоятельство, отвергли предложение Бенеша и подчеркнули, что несмотря на согласие сотрудничать с эмигрантским правительством в Лондоне, они не могут взять на себя ответственность за его политическую линию и деятельность в целом. В принципе коммунисты проявили желание вступить в правительство после его возвращения на освобожденную территорию республики. Однако они указали на необходимость фундаментальной реорганизации правительства с тем, чтобы оно представляло

все демократические силы, в решающей степени участвовавшие в борьбе с гитлеровскими оккупантами.

Коммунисты исходили из того, что лондонское эмигрантское правительство, объединяющее представителей правых и демократических групп буржуазии и реформистских партий, уже не представляет подавляющего большинства населения Чехословацкой республики и потому не в состоянии сформулировать программу национально-демократической революции в соответствии с интересами чешского и словацкого народов. Поэтому они требовали передачи власти в освобожденной Чехословакии новому правительству, которое незамедлительно выступит с программой принципиальных политических, социальных и экономических реформ, которые обеспечат народно-демократический характер новой республики.

С самого начала коммунисты уделяли особое внимание вооруженной борьбе против фашистов, предателей и коллаборационистов. Эта борьба должна была содействовать освобождению Чехословакии от фашистского ига, активизировать народные массы, создать условия для их непосредственного участия в созидании новых основ свободного государства. Позиция коммунистов весьма отличалась от программы представителей буржуазного сопротивления, которые под предлогом необходимости избежать ненужных жертв в вооруженной борьбе с оккупантами призывали к пассивному выжиданию и утверждали, что судьба чехословацкого народа будет решена на главных фронтах. Эта концепция соответствовала политическим замыслам буржуазии, была призвана подавить революционную активность народных масс, создать условия для «переворота сверху», который в максимальной степени облегчил бы сохранение прежних, пусть и несколько реформированных отношений.

Коммунисты же, особенно в завершающий период войны, т. е. в 1944—1945 гг., уделяли большое внимание организации вооруженного сопротивления. Они создавали партизанские отряды, организовывали национальные комитеты, которые должны были руководить борьбой против фашистской оккупации на местах, образовывали рабочие комитеты, которые действовали на заводах и фабриках, привлекали рабочих к борьбе против фашизма. Значительные усилия коммунисты прилагали для формирования Национального фронта, стремились привлечь к сотрудничеству представителей всех классов и социальных слоев и подчеркивали, что антифашистское сопротивление должно объединять всех граждан Чехословакии, не смирившихся с оккупацией и желающих воевать за свободу. Такую политику коммунистическая партия проводила не только в подполье, на оккупированной территории, но и в легальных условиях, в освобожденных районах. Представители КПЧ заботились о том, чтобы все осуществляемые в освобожденных районах меры были направлены на максимальное содействие вооруженной борьбе и помогали активизации самых широких народных масс города и деревни в борьбе с фашизмом и его прислужниками.

Решающую роль в национально-освободительной борьбе чешского и словацкого народа сыграло Словацкое национальное восстание,

вспыхнувшее 29 августа 1944 г. Наряду со словаками в нем сражались представители многих других наций. Словацкое национальное восстание стало началом национально-демократической революции в Чехословакии и одним из наиболее значительных политических выступлений в Европе. Это историческое событие полностью доказало не только антифашистские настроения большей части словацкого народа, но и его желание строить в будущем совместное государство чехов и словаков на совершенно других основах, стремление добиться больших изменений в общественной системе Чехословакии. V подпольному руководству КПС (тт. Шмидке, Гусак и Новомеский) удалось объединить наиболее важные силы сопротивления на основе общей программы политической и вооруженной антифашистской борьбы. В декабре 1943 г. был создан совместный орган — Словацкий Национальный Совет, решающее положение в котором занимали коммунисты. Они были также инициаторами концепции новой национально-демократической программы, которая была выражена в Рождественском соглашении Словацкого Национального Совета 1943 г.

Словацкий Национальный Совет был призван организовывать и руководить борьбой словацкого народа против фашизма и в первый же подходящий момент взять в свои руки всю власть в Словакии. Целью этой борьбы было возрождение общего государства чехов и словаков, в котором будет гарантирован демократический внутренний строй, справедливая социальная и экономическая политика государства, отношения между чехами и словаками будут строиться на принципах равенства и равноправия, и которое во внешней политике и на полях военных сражений будет опираться на союз с СССР.

Подпольное руководство КПЧ стремилось укрепить авторитет Словацкого Национального Совета как общенародного органа. Благодаря коммунистам СНС стал действительно верховным органом словацкого сопротивления, что проявилось как во время подготовки, так и в ходе самого восстания.

Словацкое национальное восстание разгромило клерикально-фашистский режим на охваченной восстанием территории и углубило его разложение в остальных районах Словакии. В духе принципов Рождественского соглашения Словацкий национальный совет провозгласил возрождение Чехословацкой республики на новых, справедливых в социальном и национальном плане принципах. СНС отверг возвращение к старому домюнхенскому буржуазному строю и высказался за союз новой республики с СССР. Главный организатор восстания, коммунистическая партия, вышла из подполья и превратилась в правящую партию. Словацкий национальный совет, революционные национальные комитеты, заводские комитеты и профсоюзные организации, милиция и повстанческая армия, провозглашение новых равноправных отношений между чехами и словаками, ориентация возрожденной республики на Советский Союз, начатые социальные, экономические и другие преобразования — все это было прообразом всей освобожденной Чехословакии.

Частично значение Словацкого национального восстания поняли и представители буржуазной эмиграции. Однако они пытались

изобразить это восстание только как проявление национальных чувств словацкого народа. Подобное мнение выразил и президент Бенеш, который, оценивая Словацкое национальное восстание, подчеркнул: «словаки в политическом отношении показали всему миру, что они хотят жить только свободными и ищут свое более счастливое будущее исключительно в Чехословацкой республике и в братской общности с чехами» [4].

Совершенно иначе оценивали это выдающееся событие коммунисты. Они выделяли не только национальный характер восстания, но и раскрывали его политические и социальные цели. Коммунисты указывали, что восстание будет также содействовать большой активизации всей национально-освободительной борьбы в Чехословакии и в других оккупированных странах, они подчеркивали, что Словацкое национальное восстание стало проявлением воли словацкого народа, требующего возрождения совместного государства чехов и словаков, событием, которое «несомненно, будет содействовать укреплению в новой свободной Чехословакии братской дружбы славянских народов на основе равноправия» [5].

Словацкое национальное восстание, воплощение в жизнь его революционного опыта на освобожденной территории и еще большее развитие национально-освободительной борьбы в 1944—1945 гг. оказали существенное влияние на переговоры о будущем устройстве чехословацкого государства, проходившие в этот заключительный период войны. Наиболее важные из них состоялись 22—26 марта в Москве, где представители входящих в Национальный фронт партий согласовали между собой принципы, выраженные затем в Кошицкой правительственной программе.

Задачи, зафиксированные в шестнадцати разделах этой программы, были сформулированы представителями КПЧ. Они подчеркивали необходимость извлечь соответствующие уроки из приобретенного народом за время оккупации тяжелого опыта, исходить из принципа, что народы Чехословакии не потерпят возвращения к прежним политическим отношениям и не позволят, чтобы управление государством попало в руки тех групп, политические представители которых в прошлом так позорно не оправдали оказанного доверия и предали народ.

В программе говорилось, что новое правительство представляет широкий Национальный фронт чехов и словаков, объединяет представителей всех социальных слоев, политических течений и групп, которые участвовали в национально-освободительной борьбе.

Правительство обещало предоставить всестороннюю помощь Советской Армии, предпринять меры для умножения военных усилий ЧСР, всесторонне содействовать полному освобождению республики.

На новых, действительно демократических и антифашистских принципах должна была формироваться и чехословацкая армия. Было решено, чтобы по своей организации, подготовке и вооружению она равнялась на Красную Армию.

Основой общей концепции чехословацкой внешней политики стали самый тесный союз и дружба с Советским Союзом. В этой части

правительственной программы подчеркивалось, что ЧСР стремится в будущем сотрудничать с СССР во всех сферах — в военной, в политической, в экономической и в культурной. Одновременно указывалось на необходимость развивать дружеские отношения со всеми соседними странами и в первую очередь славянскими государствами.

В пятом разделе говорилось, что необходимо провести принципиальную реорганизацию общественной жизни на подлинно демократических основах. Здесь речь в первую очередь шла об устранении прежнего бюрократического государственного и общественного устройства и создании системы избираемых, контролируемых и отзываемых народом национальных комитетов всех уровней — местных, районных и областных. Подчеркивались также право народа создавать различные демократические массовые и отраслевые организации, равноправие женщин, молодежи, гарантии основных гражданских свобод.

В следующем разделе отмечалось, что правительство «с самого начала будет последовательно стремиться к тому, чтобы в чешско-словацких отношениях был воплощен в жизнь принцип «равный с равным» и тем самым достигнуто действительное братство между двумя народами». Таким образом признавалось право словацкого народа самому решать свои дела посредством Словацкого национального совета и его органов, в первую очередь — национальных комитетов.

Далее правительство обещало, что оно в кратчайшие сроки решит вопрос о Закарпатской Украине и удовлетворит желание ее народа присоединиться к Украинской ССР.

В программе указывалось на ответственность значительной части лиц, принадлежащих к немецкому и венгерскому меньшинствам, за преступления фашизма и его политику физического уничтожения чешского и словацкого народа. Поэтому представители этих меньшинств, за исключением антифашистов, должны были быть лишены чехословацкого гражданства. Кроме того предусматривалось наказание немецких и венгерских военных преступников, предателей и коллаборационистов, запрещение всех фашистских организаций и сотрудничавших с фашистами политических партий, предавших интересы республики.

В десятом разделе подчеркивалась необходимость определить и передать под национальное управление все имущество предателей и коллаборационистов. Соответствующие национальные комитеты совместно с заводскими комитетами должны были обеспечить создание национальных управлений на всех тех предприятиях, на которые распространялась эта мера, а также контроль за деятельностью данных органов.

Правительство высказалось далее за конфискацию земель немецкого и венгерского дворянства, врагов и предателей. Оно одобрило уже осуществленные Словацким национальным советом конфискации и раздел земли между мелкими земледельцами и рекомендовало распространить такие меры на всю территорию республики.

Далее в программе указывалось на необходимость быстрого

восстановления народного хозяйства с помощью всего народа, всех его организаций.

Следующей важной мерой было введение государственного контроля над всей финансовой и кредитной системой, а также намерение осуществлять широкомасштабную социальную политику, которая действительно соответствовала бы интересам всех слоев трудящихся.

Внимание также уделялось вопросам культуры и образования. В программе подчеркивалось, что политика в области культуры и образования будет осуществляться на истинно демократических, народных и прогрессивных принципах.

В заключении Кошицкой правительственной программы вновь напоминалось о значении упомянутых задач и трудностях, связанных с их реализацией. «Правительство твердо уверено в больших творческих способностях нашего народа. Оно сделает все, чтобы высвободить и развить эти творческие способности посредством организации и поддержки демократическим образом участия самых широких слоев наших народов в повседневной политической, экономической, социальной и культурной жизни, чтобы таким путем воплотить в жизнь тот принцип, что народ является воистину единственным источником государственной власти» [6].

Таким образом, Кошицкая правительственная программа и вытекающие из нее меры определили основные задачи дальнейшей борьбы за полное освобождение республики, очищение общественной жизни от фашистских предателей и коллаборационистов. В ней были сформулированы принципы создания новых органов государственной власти, представленных в первую очередь национальными комитетами и образования новой политической системы, выраженной прежде всего Национальным фронтом чехов и словаков. Программа предоставляла также возможность серьезных преобразований, позволяющих ослабить экономические позиции буржуазии, поскольку в ней ставилась задача экспроприации имущества и земли фашистских элементов, предателей и коллаборационистов. Кошицкая правительственная программа стала целенаправленной программой национально-демократической революции, в которой были определены конкретные политические и экономические задачи, соответствующие тогдашней ступени революционного развития.

Реализация этих задач имела принципиальное значение для строительства новой Чехословацкой республики. Это обстоятельство в полной мере понимала Коммунистическая партия Чехословакии, которая подчеркивала, что Кошицкая правительственная программа будет иметь решающее значение для определения дальнейшего пути развития. КПЧ напоминала, что предстоит сделать важный шаг, направленный на изменение государственного и общественного строя в целом.

Руководство КПЧ внимательно анализировало изменения, вызванные второй мировой войной, поражением нацистской Германии и ее фашистских союзников. Оно исходило из того, что означали эти события для дальнейшего ослабления капиталистической системы и перехода к новому этапу мировой социалистической революции,

связанному с возникновением и формированием мировой социалистической системы. Составной частью этого исторического процесса стала чехословацкая антифашистская национально-демократическая революция. Правильное понимание данных обстоятельств позволяло безошибочно определять дальнейшие действия и сопутствующие цели, направленные на наполнение программы революции в целом.

Коммунисты указывали, что национально-освободительная борьба имела национальный, антифашистский и демократический характер. Борьба, ведущаяся против немецких фашистов и преследующая цель освобождения чешского и словацкого народов, выполняла программу национальной революции. То обстоятельство, что она также была направлена против чешских и словацких предателей и коллаборационистов в политической и экономической жизни, одновременно придавало революции демократический характер. Следовательно, было необходимо исходить из данного факта и учитывать, что основной задачей в конце войны и в послевоенный период является сохранение и дальнейшее развитие курса национально-демократической революции. Несмотря на отсутствие в то время непосредственной угрозы изменения подобного развития реакционными силами и возвращения к отношениям домюнхенского периода, было необходимо и в дальнейшем бдительно следить за деятельностью этих сил и разбивать их намерения ежедневной неустанной борьбой за реализацию целей, выдвинутых этой революцией.

С начала 1945 г. в чешских землях существенно усиливалась национально-освободительная антифашистская борьба, образовывались условия для решающей последней схватки с нацистскими оккупантами. Это было очень важно, так как на территории Чехии было сосредоточено значительное число гитлеровских войск, которые являлись наиболее мощной военной группировкой разваливающейся нацистской империи. Удар по ней мог ускорить окончательное поражение нацистских армий, облегчить освобождение ЧСР и сорвать планы нацистских главарей, направленные на продолжение войны против СССР при возможной помощи Запада.

В это время заметно усилилась подпольная деятельность КПЧ, направленная главным образом на формирование национальных комитетов, революционных заводских советов, поддержку растущего партизанского движения и т. д.

После успешной Остравской и Брненской операций Советской Армии и взятия Берлина в чешских землях возникла благоприятная ситуация для массового вооруженного выступления против оккупантов. Майское восстание чешского народа началось в ряде мест Чехии и Моравии и достигло своей высшей точки в Пражском восстании 5 мая 1945 г.

Во главе этой вооруженной борьбы вновь встала КПЧ. И в этом случае коммунисты убедительно доказали свой патриотизм, преданность интересам народа и прогресса, укрепили свое влияние среди рабочего класса и всего трудового народа.

Майское восстание чешского народа совпало с последней большой операцией советских армий на европейском театре военных действий,

с наступлением, которое принесло полное освобождение всей Чехословацкой республике. В то же время восстание было составной частью широкого антифашистского, антиимпериалистического и национально-освободительного движения, которое в конце войны развернулось во многих европейских странах.

Майское восстание содействовало уничтожению оккупационного режима и возрождению ЧСР. Оно продемонстрировало решительную антифашистскую позицию чешского народа, подтвердило важную роль рабочего класса и ведущее положение КПЧ в антифашистской борьбе. «Майское восстание было высшей точкой национально-освободительной борьбы чехословацкого народа и составной частью национально-демократической революции» [7].

Выполнение задач национально-демократической революции имело ключевое значение и после 9 мая 1945 г., после освобождения республики, в послевоенном развитии. Поэтому Клемент Готвальд еще в июле 1945 г. указывал, что «мы стоим в самом начале нашей национально-демократической революции, а не в её завершающей стадии» [8]. Еще отнюдь не полностью были исчерпаны возможности этой революции, их необходимо было использовать в полном объеме для укрепления нового народно-демократического строя, судьба которого не в малой степени зависела от того, как революционные силы под руководством коммунистов смогут повлиять на дальнейшее развитие и реализацию основных демократических реформ.

Большое значение в осуществлении данных мер имело то обстоятельство, что благодаря участию КПЧ в правительстве их можно было воплощать в жизнь революционным вмешательством и сверху и снизу — правительственными актами и натиском трудящихся масс во главе с рабочим классом. В результате этого в Чехословакии формировался демократический режим нового типа, который уже не был лишь формальной парламентской демократией, а стал государственной народно-демократической системой, в которой представители народа не только создавали законы, но и сами воплощали их в жизнь.

КПЧ добивалась, чтобы цели Кошицкой правительственной программы осуществлялись при прямом активном участии самых широких народных масс и чтобы сохранилось национальное единство, возникшее в борьбе с оккупантами. Предпосылки для этого создала сама Кошицкая правительственная программа. В интересах дальнейшего развития революции было, разумеется, необходимо продолжать развивать и дополнять и саму эту программу таким образом, чтобы она соответствовала новым задачам, возникающим в ходе строительства народно-демократического строя.

Важной составной частью этих усилий было требование отразить в конституции и кодифицировать основные завоевания национально-демократической революции.

В период после освобождения республики КПЧ ориентировала чехословацких трудящихся на дальнейшее развитие национально-демократической революции мирным путем. Применяемые партией методы и тактические действия соответствовали достигнутой ступени

революционного развития, тогдашнему идейно-политическому уровню масс. Поэтому они могли сыграть решающую роль в дальнейшем усилении революционной активности трудового народа.

Коммунисты отвергали упреки правых деятелей и лидеров входящих в Национальный фронт партий в том, что события в Чехословакии развиваются слишком стремительно, а это делает невозможным постепенную и последовательную реализацию различных мер. Коммунисты ясно понимали вместе с тем, что на данном этапе речь идет о революции национально-демократической, а отнюдь не о социалистической. На это обстоятельство указал Клемент Готвальд еще 8 апреля 1945 г. на совещании функционеров КПЧ в Кошицах: «ближайшей целью являются не Советы и социализация, а действительно последовательное проведение демократической национальной революции...» [9]

К. Готвальд вновь напомнил об этом на областной конференции в Праге в конце марта 1948 г., когда он подчеркнул, что в 1945 г. революция еще имела национально-демократический характер, так как тогда были изгнаны пока только немецкие оккупанты и лишены власти наиболее продажная и скомпрометированная часть чешской и словацкой буржуазии, оставшаяся же часть буржуазии по-прежнему сохраняла значительную материальную базу и политические права.

Такой подход полностью соответствовал тогдашней степени развития и политическому опыту народных масс, которые только в новых классовых схватках могли прийти к убеждению о необходимости полной ликвидации всех позиций буржуазии. Левацкие же тенденции, не учитывающие это обстоятельство, могли лишь ослабить партию, подорвать ее влияние на массы и затруднить постепенный переход от национально-демократической к социалистической революции. Избранная же КПЧ тактика позволила полностью выполнить поставленные задачи, определить новые цели на пути к социализму и обеспечить партии ведущую роль в этом процессе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ — ПАРТИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА И ТРУДОВОГО НАРОДА

Почти все время существования буржуазной Чехословакии, с самого ее основания, КПЧ была главной политической силой революционного движения в ЧСР. Ее значение и влияние еще более возросли в 30-е годы, в период наступления фашизма и усиления угрозы Чехословацкой республике со стороны нацистской Германии, когда партия возглавила антифашистскую борьбу.

В критические дни 1938 г. КПЧ настойчиво добивалась принятия

программы последовательного сопротивления нацизму, его фашистским и реакционным союзникам в ЧСР, отвергала любые уступки гитлеровской Германии, капитулянтскую политику и мюнхенское предательство. В последующий период коммунисты также стремились добиться единства всех революционных и демократических сил, клеймили позором пораженчество и капитулянтство, а после краха так называемой второй республики в марте 1939 г. они начали активную борьбу с нацистскими оккупантами.

Последовательная антифашистская позиция КПЧ перед войной и в военные годы доказала, что партия отстаивает интересы не только пролетариата, но и широких трудящихся масс, становится их глашатаем. Политическая программа коммунистической партии лучше всех выдержала проверку войной, оккупацией и антифашистской борьбой. Она приобрела большую популярность в народных массах и превратилась в общенародную программу.

За время борьбы с фашизмом в 30-е годы и в ходе второй мировой войны коммунисты приобрели большой и ценный опыт. Они показали что фашистская диктатура является орудием крупного капитала и служит целям жестокого подавления революционного и прогрессивного движения. Коммунисты определили историческую роль рабочего класса в борьбе против фашистской опасности, выяснили вопрос о союзниках в антифашистской борьбе и доказали, что эта борьба может быть победоносно завершена общественным переворотом, соответствующим историческим условиям данной эпохи — национально-демократической революцией.

Эти проблемы, рассматривавшиеся международным коммунистическим движением еще на VII конгрессе Коммунистического Интернационала и в последующие годы, всегда были в центре внимания КПЧ, которая решала их в довоенный период и в годы войны. Правильность сформулированных в то время выводов подтвердила практика антифашистской борьбы, особенно внутри страны, когда определялись цели первого этапа национально-демократической революции.

Руководство КПЧ в Москве уделяло большое внимание накопленному опыту, подробно анализировало его и подвергало тщательной переоценке основные уроки, приобретенные партией в ходе классовой борьбы в домюнхенской Чехословакии и в первую очередь в период так называемой борьбы за характер республики в 1918—1920 гг. КПЧ анализировала в первую очередь тогдашнюю стратегию и тактику революционного движения, положение и роль рабочего класса в буржуазной общественной системе, действия по привлечению союзников среди крестьянства и других слоев трудового народа, роль различных массовых организаций и народных органов, особенно национальных комитетов, создававшихся после окончания первой мировой войны. Подобный разбор прежнего развития позволил правильно и вовремя определить задачи, стоящие перед партией и всем революционным движением на каждом этапе войны и в послевоенный период, избрать конкретные действия по достижению отдельных целей национально-демократической революции.

После переезда на освобожденную территорию Чехословакии руководство КПЧ немедленно, гораздо быстрее чем другие политические партии определило конкретные задачи, решение которых соответствовало текущим потребностям. На конференции функционеров КПС 8 апреля 1945 г. в г. Кошице Клемент Готвальд наметил тактику партии на том этапе революционного процесса. Он указал на решающее значение победы Советской Армии, призвал к воплощению в жизнь ведущей роли рабочего класса во главе с КПЧ. В обращении руководства партии в конце апреля 1945 г. под названием «Что делать, с чего начать» подчеркивалась необходимость «во-первых, всеми силами содействовать завершению разгрома гитлеровской Германии. Во-вторых, заложить прочные основы новой и счастливой жизни в свободной, действительно демократичной, народной Чехословакии и не допустить возврата к отношениям домюнхенской республики» [1].

В качестве первоочередной задачи партия требовала сосредоточить все силы для победоносного окончания войны с нацистской Германией и подчинить этому все остальные тактические действия, что позволило КПЧ вести эффективную борьбу и с внутренними врагами, местными фашистами, предателями и коллаборационистами. Их разоблачение, наказание и политическая дискредитация облегчали расчленение и ослабление буржуазного лагеря, содействовали активизации рабочего класса и трудового народа, помогали развитию и укреплению его классового и политического сознания. Такой подход продемонстрировал теоретическую и политическую зрелость руководства КПЧ, его способность в нужное время правильно разрешать актуальные проблемы.

Во время второй мировой войны Коммунистическая партия Чехословакии понесла тяжелые потери. В годы нацистского террора погибли десятки тысяч членов партии и большое количество опытных функционеров. Однако в ходе подпольной борьбы против фашистских оккупантов партия приобрела много новых сторонников. Поэтому вскоре после освобождения она вновь стала массовой партией и уже к VIII съезду в марте 1946 г. в КПЧ насчитывалось свыше 1 млн. членов.

В ходе второй мировой войны словацкие коммунисты были вынуждены самостоятельно решать многие важные проблемы, вытекающие из политического развития и особенностей ситуации в клерикало-фашистском так называемом «словацком государстве». КПС, в то время и в первые послевоенные годы сохранявшая организационную самостоятельность, успешно справлялась со своими задачами и развивала значительную активность в организации вооруженной антифашистской борьбы, достигшей своей высшей точки в Словацком национальном восстании. На освобожденной территории быстрыми темпами проходило организационное строительство КПС, партия стала основной политической силой, весьма существенно влияющей на возрождение общественной, экономической и культурной жизни. КПС мобилизовывала все силы для оказания помощи фронту. Уже в то время Компартия Словакии уделяла большое

внимание и другим важным вопросам, связанным с послевоенным возрождением, готовила условия для осуществления дальнейших важных экономических и политических изменений.

На рабочей конференции КПС в г. Кошице 28 февраля—1 марта 1945 г. были определены основные задачи словацких коммунистов в народнохозяйственной, политической и социальной жизни на освобожденной территории. Партия приступила к реализации этих задач в наступательном стиле. Это выразил Г. Гусак, который заявил, что существуют благоприятные предпосылки для выполнения поставленных задач, так как «наша партия успешно воевала, у нее большие кадры прекрасных бойцов, она обладает авторитетом в народных массах» [2].

Словацкие коммунисты, так же как и руководство КПЧ в Москве, уделяли большое внимание решению национального вопроса. Уже весной 1945 г. рассматривался вопрос о федеративном устройстве как наиболее подходящей форме сосуществования обоих народов. В то время эти замыслы не удалось реализовать главным образом благодаря сопротивлению чешской буржуазии. Однако такой подход имел большое значение, так как позволял привлечь значительную часть словацких трудящихся к поддержке целей национально-демократической революции.

В это время и в последующие годы словацкие коммунисты уделяли большое внимание борьбе с реакционными и правыми элементами. На областных конференциях в мае и июне 1945 г. КПС предостерегала перед деятельностью реакции, в первую очередь фашистских элементов бывшей людацкой партии. Коммунисты осознавали ключевое значение этого вопроса и в последующий период и понимали, что только последовательная борьба с реакцией может укрепить влияние партии на рабочий класс и остальных трудящихся. Развитие событий в Словакии в первые три послевоенных года показало, что несмотря на то, что КПС была слабее своих политических противников, она смогла добиться осуществления своих замыслов и разгромить реакцию благодаря правильному определению целей, тактических действий и сотрудничеству с чешскими коммунистами.

В это время Коммунистическая партия представляла реальную политическую силу, имела большой авторитет, существенно возросло ее влияние среди народов Чехословакии, в широких массах трудящихся и особенно в рабочем классе. Партия последовательно стояла на интернационалистских позициях, выступала как составная часть международного революционного движения, поддерживала тесные контакты с ВКП(б), коммунистическими и рабочими партиями народно-демократических стран.

То обстоятельство, что коммунисты вошли в правительство, усилило гегемонию рабочего класса в национально-освободительной борьбе и национально-демократической революции. Однако в этой связи партия была вынуждена решать некоторые неотложные проблемы. Коммунистам, ранее всегда находившимся в оппозиции, прежде всего было необходимо учиться управлять, выполнять разные

государственные и общественные функции. Нужно было вновь уточнить и определить специфику тактических действий в осуществлении давления «сверху» и «снизу» в связи с реализацией различных требований рабочего класса и остальных трудящихся, создать систему партийного руководства, которая позволяла бы воплотить в жизнь такую комбинацию.

Коммунисты также должны были конкретизировать и дифференцировать свою позицию в отношении своих партнеров из других политических партий, установить критерии различий между ними и определить свои действия по отношению к буржуазии на тогдашнем этапе национально-демократической революции. Необходимо было и решать проблемы, связанные с конкретной реализацией ведущей роли рабочего класса на текущем этапе революции, например, использования рабочих организаций, в первую очередь профсоюзов, в качестве инструмента политического воздействия в рамках существующей общественной системы. Обсуждались вопросы обеспечения влияния партии во всех сферах государственной и общественной жизни и дифференциации подходов ко всем проблемам, встающим перед чехословацким обществом. КПЧ, уже в качестве правительственной партии, должна была завоевать позиции и влияние, позволяющие ей постепенно добиваться достижения основных целей, удовлетворяющих интересы рабочего класса и всех трудящихся.

КПЧ объединяла в своих рядах решающую часть чехословацкого рабочего класса, который составлял ее ядро. В партию вступали и многочисленные группы представителей других классов и социальных слоев, в первую очередь мелкие и средние крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы и многие представители интеллигенции. Данное обстоятельство демонстрировало, что коммунистическая партия во время оккупации и в послевоенный период сумела завоевать доверие широких слоев чехословацкого народа, стала действительным представителем его интересов. Это указывалось и в письме ЦК КПЧ в январе 1946 г., в котором подчеркивалось, что в прошедшие годы партия с честью выдержала трудное историческое испытание, даже во времена самого жестокого нацистского террора никогда не отклонялась от своей политической линии и сохраняла прочное организационное единство. Благодаря правильной политической линии и организационной целостности, КПЧ смогла стать ведущей силой национально-освободительной борьбы и становым хребтом Национального фронта, созданного в годы войны и превратившегося в политический орган государственной власти в освобожденной республике.

Перед VIII съездом КПЧ в марте 1946 г. в партии состояло более миллиона членов, объединенных в 14 781 организацию. Большинство членов партии — 763 390 — состояло на учете в первичных организациях по месту жительства, а около 245 000 коммунистов — в организациях по месту работы. Такое распределение не соответствовало социальной структуре партии, так как в это время 57,7 % членов партии были рабочими, 12,8 % — крестьянами, 9,2 % — представи-

членами интеллигенции, 4,1 % — ремесленниками [3]. Поэтому в ходе широкого обсуждения вопроса перед VIII съездом партии, организованного на основе уже упоминавшегося письма ЦК КПЧ, было обращено внимание на то, что коммунисты должны уделять основное внимание заводам и фабрикам, они обязаны стать ведущей политической силой прежде всего там, где работает основная часть рабочего класса.

Коммунисты вновь проводили в жизнь принципы, выдвинутые партией еще в период большевизации и применяемые со времени избрания на V съезде КПЧ в 1929 г. руководства партии во главе с Клементом Готвальдом. Однако новая ситуация существенно отличалась от тех лет, в первую очередь потому, что значительная часть рабочих вступила в партию или же активно поддерживала ее политику. Коммунисты имели большое влияние и в заводских советах, профсоюзных организациях, а также в органах национального управления и в администрации национализированных предприятий. Даже в частном секторе коммунистам симпатизировало значительное количество трудящихся и буржуазные владельцы частных предприятий не осмеливались выступать против них.

Создание сети партийных организаций на заводах и фабриках, на всех крупных предприятиях имело принципиальное значение, так как обеспечивало коммунистам возможность непосредственного влияния на тех участках, где сосредоточивалась решающая часть рабочего класса. Тем самым возникли благоприятные условия для более активной мобилизации рабочих и других трудящихся на борьбу против реакции, за реализацию основных революционных мер. КПЧ относительно быстро добилась этой цели, создала партийные организации на большинстве заводов и фабрик, во многих учреждениях. В этом деле коммунисты добились гораздо больших успехов, чем другие политические партии.

Большое значение также имело создание сети первичных организаций по месту жительства, которые в 1945—1948 гг. возникли во всех городах и большинстве деревень. В них совместно работали рабочие, мелкие и средние крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, представители интеллигенции. С помощью таких первичных организаций можно было распространять влияние партии на другие слои трудящихся, оказывать воздействие на национальные комитеты, массовые организации, участвовать в решении разных вопросов общественной жизни.

И здесь за три послевоенных года партия добилась выполнения поставленных задач и создала хорошо функционирующую сеть партийных организаций по месту жительства. Достигнутые в это время организационные успехи признали и буржуазные историки, изучающие этот период чехословацкой истории.

Сразу же после освобождения руководство КПЧ подчеркивало, что быстрый рост партийных рядов является проявлением большого доверия широких слоев трудового народа, которые высоко оценили значение и заслуги коммунистической партии в национально-освободительном движении и решили вступлением в партию продемонстри-

ровать свое желание содействовать созданию новой общественн системы. КПЧ расценила этот факт как проявление доверия народа Она подчеркивала необходимость ценить его и использовать дл дальнейшего увеличения численности и укрепления партийны рядов. Поэтому было дано указание создавать партийные организации в каждом населенном пункте, на каждом заводе. Поскольку подавляющая часть рабочих уже или вступила в КПЧ или активно поддерживала ее, партия стремилась теперь приобрести новых членов среди мелких и средних крестьян, ремесленников, государственных служащих и интеллигенции. КПЧ вела активную работу по привлечению в партию молодежи, коммунисты систематически расширяли свое влияние в молодежных организациях. Большое значение придавалось также систематической и кропотливой политической работе среди женщин, которых также было необходимо привлекать в ряды партии.

В предшествующий VIII съезду КПЧ и парламентским выборам 1946 г. период партия прилагала большие усилия для политического и идеологического сплочения КПЧ, обеспечения ее прочности, единства и дисциплинированности. Большое внимание уделялось повышению политического уровня коммунистов, ознакомлению членов партии с политической линией КПЧ и ее подходом к решению текущих важных теоретических и политических проблем. Эти меры существенным образом содействовали ускорению процесса консолидации внутри партии и создавали условия для наступательных действий в грядущих политических схватках в будущем.

КПЧ была единственной партией, которая в полном объеме могла опираться на свои традиции и прошлую деятельность, ведь минувшие годы полностью подтвердили правильность ее политики. По словам Клемента Готвальда «Коммунистическая партия Чехословакии вполне успешно сдала этот государственный экзамен» [4].

Сразу же после освобождения партия уделяла большое внимание созидательному труду, призванному содействовать преодолению военного ущерба и заложить основы дальнейшего экономического развития республики. Поэтому перед выборами 1946 г. КПЧ выдвинула лозунг «Больше труда республике — вот наша агитация!» В этой связи партия подчеркивала, что в данном случае речь идет не о какой-то предвыборной тактике. Указанный лозунг выражает наиболее важный, неизменный принцип всей рабочей программы партии, т. е. стремление обеспечить созидание Чехословацкой республики. Этот аспект выделил в своем выступлении на I общегосударственной народнохозяйственной конференции КПЧ в Славянском доме в Праге 14 марта 1946 г. Клемент Готвальд, подчеркнув, что: «Главным содержанием политики нашей партии является труд. Труд на строительстве народной республики, труд по преодолению губительных последствий немецкой оккупации и серьезный труд, направленный на достижение того, чтобы наш народ мог счастливо, богато и радостно жить в своей республике. Такой трудовой направленностью нашей политики мы создаем новый тип партии, чуждый формальной, буржуазной демократии» [5].

Задаче создания партии нового типа, призванной стать ведущей силой народа уделялось большое внимание, для этого прилагались огромные усилия. Руководство КПЧ подчеркивало, что партия не видит и не имеет права видеть свою цель в погоне за голосами, в приобретении партийных привилегий и выгодных позиций, в корыстном использовании своего влияния. Самой важной, основной задачей было привлечение и мобилизация широких народных масс к активному участию в строительстве нового общества.

Уже во время войны коммунисты активно заявляли о своем стремлении строить новую республику на совершенно других основах, чем буржуазная система домюнхенской ЧСР. Они подчеркивали, что партия в максимально возможной степени должна взять на себя инициативу по реализации данных планов, добиться их одобрения всеми трудящимися и с помощью последних воспрепятствовать саботажу и козням реакции. В тех случаях, когда коммунисты не были согласны с позициями и действиями представителей буржуазии, они не ограничивались одной критикой и отрицанием, а выдвигали собственные проекты решения спорных проблем, объясняли трудящимся суть разногласий, старались обеспечить своим предложениям поддержку трудового народа.

КПЧ привлекала народные массы к активному выполнению Кошицкой правительственной программы, предупреждала, что только таким путем можно добиться реализации основных целей национально-демократической революции. Такую же позицию партия отстаивала и перед парламентскими выборами 1946 г., когда она вновь подчеркивала необходимость выполнения задач возрождения и строительства республики. Эти принципы были отражены и в Созидательной программе правительства Готвальда и воплощались в жизнь в ходе реализации двухлетнего плана. Правильность подобной политики подтвердилась во время внутриполитического кризиса 1947—1948 гг. и в февральские дни 1948 г., когда чехословацкий народ в своем подавляющем большинстве поддержал эти принципы и отверг раскольнические и дезорганизаторские замыслы буржуазных реакционных элементов.

Коммунисты добивались последовательного выполнения всех задач, выдвинутых в ходе войны и сформулированных в программе национально-демократической революции. Они подчеркивали, что политика партии лишена случайностей, не имеет оппортунистического характера, а наоборот, непосредственно вытекает из задач, выдвинутых в ходе национально-освободительной борьбы и во время ее победоносного завершения. Именно то обстоятельство, что КПЧ сумела вовремя, без опоздания и излишней спешки, сформулировать принципиальную линию дальнейшего развития чехословацкого общества и государства, весьма наглядно подтвердило мудрость и предусмотрительность политики партии, ее способность определять тенденции дальнейшей эволюции и, учитывая все конкретные обстоятельства, сосредоточивать на определенном этапе все силы для выполнения неотложных задач, что позволяло выдвигать и решать новые.

Однако выполнение упомянутых задач не было простым делом. Оно наталкивалось на различные препятствия и сопротивление буржуазии, политические представители которой вскоре развили бурную деятельность в других партиях, входящих в Национальный фронт. Руководство КПЧ понимало опасность, нарастающую с этой стороны, что проявлялось во внутриполитической жизни Перед ней предостерегал Клемент Готвальд в заключительном слове на конференции ведущих областных партийных работников, проходившей в Праге 16 августа 1945 г. Он подчеркнул,что если произойдет какой-либо политический кризис, его можно будет преодолеть, если партии удастся мобилизовать народные массы и убедить в правильности своей политики сторонников остальных партий Национального фронта.

Последовательное воплощение в жизнь данных принципов приносило хорошие результаты. Поэтому уже VIII съезд партии в 1946 г. мог констатировать, что КПЧ сумела прочно завоевать подавляющую часть трудящихся. Она превратилась в главную политическую партию в Чехословацкой республике и важное звено международного революционного движения. В результате съезд смог выдвинуть новые серьезные задачи, затрагивающие не только непосредственно коммунистическую партию, членов и сторонников КПЧ, но и всех граждан республики, которые действительно были искренне заинтересованы в дальнейшем созидании государства на новых основах.

Для всей политики партии в это время принципиальное значение имели слова Клемента Готвальда: «Нас не должны опьянять успехи, мы должны сохранять скромность, но одновременно мы не имеем права раскисать перед любыми препятствиями» [6].

И в послевоенный период КПЧ доказала, что она хорошо владеет умением объединять стратегические цели с конкретными тактическими задачами, в состоянии последовательно разрешать проблемы, порождаемые тогдашним развитием. Это было возможно благодаря предметному и критическому анализу условий общественного развития, изучению всего комплекса предпосылок и обстоятельств, от которых зависела реализация планов и замыслов партии. Важным был и тот факт, что партия систематически подвергала критической оценке свое собственное развитие, состояние рядов КПЧ, систему организации и руководства, а также идейно-политический уровень и теоретическую зрелость членов партии. КПЧ в своей деятельности руководствовалась одним из основных принципов большевизации партии — принципом практической проверки теоретических выводов путем конкретной реализации выработанной политической линии в ходе классовой борьбы.

Однако было необходимо, чтобы не только руководство партии, но и все коммунисты были готовы к выполнению задач, вытекающих из сложившейся ситуации. Этому вопросу уделялось постоянное внимание, он рассматривался на VIII съезде КПЧ, а также на всех последующих совещаниях разных партийных органов вплоть до Центрального Комитета.

Таким образом, большое значение придавалось не только привле-

ению новых членов и организационному строительству партии, но и повышению политической зрелости и сознательности коммунистов. Этот вопрос был крайне важным — ведь ряды партии пополнялись сотнями тысяч новых членов, не имевших опыта прежней борьбы КПЧ, которые плохо знали ее идеологию и политическую концепцию. Поэтому большое внимание уделялось политическому и идейному включению партии на принципах марксизма-ленинизма. Причем упор делался не только на получение необходимых теоретических знаний с помощью изучения соответствующей литературы, но и на одновременное активное включение в практическую работу, на непосредственное участие в воплощении политики партии в жизнь. Актуальное значение имели слова К. Готвальда: «хорошим большевиком не может быть тот, кто хотя и знает много правил, но в практике и в политике не умеет их применять» [7].

Представители партии всегда указывали, что сила КПЧ зависит от единства действий и последовательного осуществления принципов марксизма-ленинизма. Поэтому основное внимание обращалось на единство теории и практики, на создание предпосылок для быстрой, оперативной и точной реализации всех решений и постановлений партийных органов. Подобная проблема уже стояла перед КПЧ в прошлом, когда партия вела трудную борьбу с так называемым оппортунизмом на практике, проявлявшимся прежде всего в пренебрежительном отношении к конкретным задачам и невыполнении их.

В послевоенный период в этом отношении сложилась более благоприятная ситуация, так как партии удалось повысить активность своих членов, привлечь значительную часть рабочего класса и других слоев трудящихся к сотрудничеству в осуществлении разных основных требований. Благодаря этому можно было реализовать и другие принципы большевистской активности, применять политику систематического инициативного осуществления всего комплекса частичных требований, облегчающих воплощение в жизнь долговременных принципиальных целей социалистической революции.

Партия уделяла постоянное внимание повышению теоретического уровня своих членов, углублению изучения марксизма-ленинизма. В этом плане КПЧ опиралась на свой богатый опыт, приобретенный в межвоенный период, но и учитывала то обстоятельство, что подавляющее большинство новых коммунистов, вступивших в партию во время войны или же после нее, не имело возможности освоить основы марксистско-ленинского учения, прежде всего теорию классов и классовой борьбы, учение об общественных формациях, о социалистической революции и диктатуре пролетариата.

КПЧ заботилась о том, чтобы ее члены изучали опыт советских коммунистов, ознакомились с ходом и результатами революционного процесса в странах народной демократии, основными проблемами мирового революционного и национально-освободительного движения. Это позволяло коммунистам глубже понять внутренние и международные взаимосвязи проходящей в Чехословакии классовой борьбы, ее значение и место в текущем историческом этапе.

Внимание уделялось и организации систематической политиче-

ской учебы разных ступеней, правильному пониманию принципов критики и самокритики. От коммунистов требовалось учиться на конкретных ошибках и недостатках также, как и на успехах практической политики партии.

Коммунистическая партия тщательно заботилась о чистоте своих рядов, ведь от этого зависело сохранение и укрепление доверия, завоеванного КПЧ своей позицией и деятельностью в годы оккупации. Партия оберегала свои ряды от оппортунистических и карьеристских элементов. Она боролась с политическими отклонениями, как с правооппортунистическим реформизмом, так и крайне радикальными левацкими тенденциями.

Для повышения политического уровня своих членов КПЧ использовала самые разные возможности. Этому служили выборы бюро первичных партийных организаций, райкомов и обкомов партии. Большое значение имела обширная кампания в связи с подготовкой VIII съезда КПЧ. Аналогичным образом использовался обмен партийных билетов и проверка активности членов партии в 1947 г. и тогдашние выборы в партийные органы разного уровня. Эти и другие меры содействовали тому, что миллионная армия коммунистов постепенно превратилась в политический монолит, где исчезали различия между поколениями и зарождалось действительное единство, слияние и переплетение старых и новых кадров партии.

В то время, когда в партию вступали сотни тысяч новых членов, удалось в новом масштабе реализовать и утвердить принципы внутрипартийной демократии и демократического централизма. КПЧ создала комплексную систему всех партийных органов — Центральный комитет, областные и районные комитеты, первичные организации по месту жительства и месту работы. Эту задачу удалось успешно выполнить несмотря на то, что в это время многие должности занимали новые члены партии, в большинстве своем еще не имеющие необходимого опыта и знаний. Партия сумела также сформировать широкий актив функционеров, который доказал свою дееспособность при различных обстоятельствах, в особенности же в февральские дни 1948 г.

Коммунисты демонстрировали образцовый порядок и дисциплинированность, что фактически полностью отсутствовало у сторонников других политических партий. Поэтому они гораздо более оперативно реагировали на различные события и быстро мобилизовывали свои силы. Большое значение имела высокая активность подавляющего большинства первичных организаций и их собственная инициатива в реализации политической линии партии в конкретных условиях по месту работы или проживания. Первичные организации также предоставляли руководящим органам надежную информацию, что позволило повысить качество оперативного управления. Данные обстоятельства в значительной мере содействовали успешной реализации политики партии в послевоенные годы, облегчили победу революционных сил в феврале 1948 г.

Руководство КПЧ внимательно следило за правильным пониманием членами партии необходимости выполнения задач национально-

демократической революции, за сохранением и расширением контактов коммунистов с народными массами, за тем, чтобы они решительно отстаивали концепцию Национального фронта. В то время было необходимо исходить из того, что ни коммунисты, ни их политические противники не могли самостоятельно управлять государством. Они должны были сотрудничать друг с другом и искать, даже ценой разных компромиссов, путь к соглашению. Для КПЧ это означало развивать и конкретизировать принципы Кошицкой правительственной программы и выдвигать новые задачи, соответствующие потребностям тогдашнего развития. Особенно важно было продемонстрировать чехословацким трудящимся позитивные результаты подобной политики, однозначно и решительно отстаивать правительственную линию, а в тех случаях, когда народные массы выражали свое недовольство результатами осуществляемой политики, объяснить, что в правительстве не одни только коммунисты, не все вопросы они могут решать, а свои цели коммунисты вынуждены проводить в жизнь, преодолевая сопротивление остальных политических партий.

Коммунистическая партия возникла как партия рабочего класса и в послевоенные годы она решительно и открыто подтверждала эту свою миссию. Коммунисты понимали, что во время фашистской оккупации и после освобождения существенно возросло значение рабочего движения, которое возглавило национально-освободительную борьбу и имело главную заслугу в деле объединения всех трудящихся города и деревни. И в последующий период рабочий класс был призван играть решающую роль в решении национальных и государственных дел. Такое положение рабочего класса не возникло само собой, оно должно было быть завоевано в упорной борьбе. Активность, классовая и политическая зрелость пролетариата обеспечили ему ведущие позиции среди трудящихся города и деревни, право возглавлять народные массы в строительстве нового общественного строя в нашей республике.

Проявлением такого положения дел стало и значительное представительство рабочего класса в правительстве, где оно играло ведущую и решающую роль. Однако эти позиции необходимо было надежно обеспечить и в постоянной борьбе с буржуазными элементами далее укреплять и усиливать.

Партия теоретически и практически решила проблему положения и роли рабочего класса и его союзников на отдельных этапах национально-демократической революции. На VIII съезде и при других обстоятельствах КПЧ подчеркивала, что она является представителем рабочего класса и объединяет в своих рядах его наиболее зрелую в классовом и политическом отношении часть. Коммунисты руководствовались этими принципами и в своей кадровой политике, добивались назначения на различные посты в государственных органах и, особенно, в национальных комитетах всех уровней членов партии рабочего происхождения. Тем самым происходило укрепление рабочего характера общественных и административных органов.

Таким образом КПЧ воплощала в жизнь важный принцип ленинизма — необходимость учить рабочих управлять, посвящать их

в тайны администрирования и управления, готовить их к осуществлению ведущей роли рабочего класса.

Решения VIII съезда КПЧ, также как и другие постановления руководящих партийных органов показали, какое большое внимание уделяла партия привлечению союзников рабочего класса. В ходе осуществления целей национально-демократической революции коммунисты выдвигали новые требования и задачи, в реализации которых были заинтересованы и другие классы и социальные группы трудящихся. В первую очередь это был комплекс предложений по сельскому хозяйству, которые были выгодны подавляющему большинству крестьян. Аналогичный смысл имели и другие законы и меры в сфере социального обеспечения, налогообложения и заработной платы, снабжения и т. д., которые касались большинства трудящихся и широких слоев мелкой буржуазии.

Необходимо отметить, что все это было не политической игрой, направленной на завоевание максимального числа сторонников, а принципиальной концепционной политикой, которая должна была привести к улучшению социальных условий и уровня жизни трудового народа, к ограничению привилегий буржуазии. Поэтому реализация данных планов была важной составной частью классовых сражений послевоенного периода и являлась предпосылкой успешного процесса перерастания национально-демократической революции в социалистическую.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

КОММУНИСТЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФРОНТ

Еще в ходе второй мировой войны политические партии уделяли большое внимание выработке принципов создания Национального фронта. Коммунисты подчеркивали, что в национально-освободительную борьбу включились самые разные социальные группы и политические направления, не смирившиеся с порабощением Чехословакии. Поэтому и в Национальный фронт мог войти каждый, кто хотел участвовать в антифашистской борьбе и строительстве новой республики.

Однако одновременно коммунисты предупреждали, что правительственная власть в освобожденной республике должна перейти в руки рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигенции, т. е. к блоку трудящихся города и деревни. Особое значение придавалось тому, чтобы Национальный фронт возглавлялся объединенным рабочим классом. На это указывал и Я. Шверма: «...чем решительнее и последовательнее рабочие будут выполнять свою миссию в нашей национально-освободительной борьбе... тем быстрее будет проходить процесс объединения рабочего движения» [1].

Для определения действий КПЧ по этому вопросу большое значение имело совещание представителей партии во главе с К. Гот-

разговоре с Г. Димитровым 6 декабря 1944 г. Димитров отметил, что к пониманию необходимости принципиальных общественных перемен чехи и словаки должны прийти сами, в результате собственного развития, под воздействием систематической политической и идеологической подготовки. Он указал на необходимость создания Национального фронта и сказал: «В послевоенный период встанут столь большие задачи, что для их решения будет недостаточно усилий только одного класса или одной партии... Мы не думаем, что желания народа всегда совпадают с нашими. Для того, чтобы народ понял наши цели, мы должны его к этому подготовить» [2].

Создание Национального фронта стало одним из важнейших принципов программы национально-демократической революции и ее воплощения в жизнь. Он стал фундаментом, на котором впоследствии в г. Кошице было создано первое правительство Национального фронта во главе с З. Фирлингером. В нем были представлены все партии, получившие возможность действовать в освобожденной Чехословакии. В ходе национально-освободительной борьбы в Чехословакии и за рубежом КПЧ прилагала большие усилия для создания Национального фронта. Она разработала его организационное, политическое и идеологическое содержание. Заслугой КПЧ был тот факт, что этот орган еще до освобождения республики утвердил подготовленную коммунистами программу нового правительства, которая стала основой всего процесса строительства освобожденной республики.

КПЧ всегда подчеркивала, что основным условием создания нового государства является реальное единство всех прогрессивных сил, основанное на их сотрудничестве, заложенном в период антифашистской борьбы. Партия указывала на необходимость неустанно крепить и расширять это единство и тем самым создавать предпосылки для сотрудничества в выполнении новых задач послевоенного периода.

Такое понимание в целом соответствовало подходу к решению этого вопроса коммунистическими и рабочими партиями остальных народно-демократических стран, где во время войны и в послевоенный период под различными названиями также возникали аналогичные организации, объединяющие разные политические партии и массовые организации, все прогрессивные, демократические и революционные силы на основе программных принципов антифашистской борьбы и национально-демократических революций. В странах Юго-Восточной Европы ведущие позиции в этих организациях вскоре заняли коммунисты, в других странах в них проходила упорная борьба, в которой революционные силы победили только в 1947—1948 гг. Однако эти организации во всех странах сыграли важную роль в процессе социалистической революции и строительства социализма.

Коммунисты неоднократно напоминали, что основной предпосылкой послевоенного строительства является сохранение и укрепление широкого национального единства народа. Особое внимание они обращали на выполнение правительственной программы, которая имела большое значение для консолидации внутриполитических

отношений и создания действительно прочных основ освобожденной республики. Коммунисты также целенаправленно поддерживали все основные массовые прогрессивные организации, в первую очередь Революционное профсоюзное движение, кооперативы, молодежные и физкультурные организации и различные объединения трудового крестьянства. Коммунисты указывали, что именно эти организации могут существенно содействовать укреплению единства трудового народа.

Создание Национального фронта было для коммунистов не ограниченным во времени тактическим маневром, а долгосрочной политической концепцией, таким политическим инструментом, который в полной мере позволял использовать активность масс для последовательной реализации целей национально-демократической революции и выполнения новых задач. И хотя после выборов 1946 г. КПЧ стала наиболее влиятельной партией, руководство партии хорошо понимало необходимость неизменного сотрудничества со всеми слоями трудового народа, привлечения беспартийных граждан и членов других политических партий к поддержке политики Национального фронта. Только такой подход мог обеспечить сохранение и укрепление истинно народного и прогрессивного характера Национального фронта, только таким путем он мог сыграть важную роль в мобилизации масс на выполнение задач мирного строительства, а также в удовлетворении требований народа, которые пытались отклонять и саботировать реакционные силы. Уже в декабре 1945 г. руководство КПЧ на пленуме Центрального Комитета партии констатировало, что народные массы отвергают возвращение к отношениям домюнхенской буржуазной республики и связанным с ними политическим махинациям. Народ заинтересован в сохранении национального единства, гарантирующего успешное выполнение созидательных задач. Коммунистическая партия никогда не рассматривала Национальный фронт как коалиционную группировку, целью которой является примирение и сглаживание разногласий между политическими партиями. Коммунисты подчеркивали: «С социальной точки зрения Национальный фронт означает блок рабочего класса, крестьянства, мелкой городской буржуазии, интеллигенции и той части демократической буржуазии, которая согласна вместе с нами воплощать в жизнь нашу программу Национального фронта» [3].

Система Национального фронта фактически ликвидировала принципы буржуазно-демократического строя, основанного на противоборстве правительственных и оппозиционных партий. Благодаря этому Национальный фронт превратился в важное звено новой политической структуры народно-демократического строя. Наиболее важной его чертой было то обстоятельство, что Национальный фронт открывал простор для деятельности прогрессивных демократических сил, признававших принципы, из которых вырастало новое государственное устройство Чехословацкой республики. И хотя в практике последующего политического развития в результате активизации правых и реакционных сил эти принципы были подорваны, все же этим силам не удалось полностью ликвидировать их.

Первоначально Национальный фронт в Словакии имел несколько отличную структуру по сравнению с Чехией, так как в нем было представлено только два основных политических звена — КПС и Демократическая партия. Позднее к ним прибавились относительно маловлиятельные и малочисленные Партия труда и Партия свободы, которые также не добились больших успехов. Однако в Словакии значительно раньше, еще в конце войны, проявились противоречия и разногласия по вопросу назначения и структуры Национального фронта. Густав Гусак отреагировал на них уже на конференции Коммунистической партии Словакии 28 февраля 1945 г. в г. Кошице: «Мы требуем создать Национальный фронт самых широких слоев народа: рабочих, крестьян, мелкой буржуазии, служащих, трудящейся интеллигенции и той части буржуазии, которая честно вела себя в фашистские времена, поддерживала борьбу словацкого народа против оккупантов и политически шла вместе с ним» [4].

Эту цель частично удалось осуществить в Словакии после преодоления внутриполитического кризиса осенью 1947 г., когда в Национальном фронте возобладало влияние профсоюзов, представителей партизанского движения и других массовых организаций. Однако окончательно этот вопрос был решен только в феврале 1948 г.

КПЧ понимала и необходимость создания прочной экономической базы, которая обеспечила бы успех концепции Национального фронта. Этому были призваны послужить положения Кошицкой правительственной программы, направленные на экспроприацию имущества немецких и венгерских фашистов, предателей и коллаборационистов и другие меры по национализации, осуществляемые после освобождения. Партия подчеркивала, что союз рабочих, крестьян, интеллигенции и городских средних слоев основывается прежде всего на их общей заинтересованности в уничтожении власти финансового, промышленного и аграрного крупного капитала в качестве условия безопасности республики от новой угрозы со стороны внутренней и международной реакции. Поэтому осуществляемые на основании декретов президента меры по национализации характеризовались как гарантия постоянного сохранения политической власти в освобожденной республике в руках Национального фронта как представителя интересов всего чехословацкого трудового народа.

Национальный фронт стал организацией, объединяющей не только политические партии, но и наиболее значительные массовые организации. Он представлял блок трудящихся Чехии и Словакии и был призван содействовать активизации народных масс для достижения прогрессивных политических и экономических перемен. Именно эту задачу Национального фронта всегда учитывала КПЧ и неоднократно указывала на нее с первых дней его возникновения.

Коммунистическая партия указывала также, что Национальный фронт должен сыграть важную роль не только в ходе национально-демократической революции, но и при переходе к социалистической революции.

Поэтому коммунисты постоянно подчеркивали необходимость сохранения единства всех звеньев Национального фронта и в первую

очередь политических партий, заявляющих о своей приверженности социализму, т. е. КПЧ, социальных демократов и национальных социалистов. Позднее, когда по вине антинародной политики вождей национальных социалистов этот блок социалистических партий распался, коммунисты ориентировались прежде всего на активизацию массовых организаций в рамках Национального фронта и укрепление своего сотрудничества с ними. Такую политику партия считала лучшей гарантией успешного выполнения задач строительства народно-демократического строя. Ее значение высоко оценил К. Готвальд, подчеркнув: «если наш народ, наша нация и наш рабочий класс останутся едиными, если мы не позволим разбить единую профсоюзную организацию и единство молодежи, и если... будет сохранено наше национальное единство, то в этом есть и будет наша самая надежная и наилучшая гарантия того, что мы не останемся стоять на намеченном пути, а пойдем вперед...» [5].

Уже на расширенном Пленуме ЦК КПЧ в декабре 1945 г. было ясно сказано, что партия видит в Национальном фронте средство достижения социалистических целей. Поэтому коммунисты уделяли большое внимание обеспечению ведущей роли рабочего класса как главной силы революционного процесса в самом Национальном фронте. Они стремились усилить влияние различных рабочих организаций в этом институте и пытались таким путем добиться дальнейшего расширения и укрепления Национального фронта, повысить его авторитет во всем обществе.

Национальный фронт сыграл выдающуюся роль в осуществлении национализации и вытекающей отсюда реорганизации экономики. В то время, когда усиливалась политика саботажа и обструкции правых лидеров некоторых партий, Национальный фронт по-прежнему сохранял важное положение во всей внутриполитической системе и содействовал выполнению дальнейших задач строительства республики.

Представители других политических партий в своем большинстве понимали задачи Национального фронта совершенно иначе. Они видели в нем прежде всего орган коалиционной политики, в котором «на паритетных началах» должны были решаться разногласия, возникающие в практической политической деятельности органов власти, национальных комитетов, парламента, правительства и т. д. Данный аспект выделил и председатель Национально-социалистической партии П. Зенкл, который в ноябре 1946 г. написал, что Национальный фронт является всего лишь «рабочим объединением и ничем другим быть не может, иначе он пропитается тоталитаризмом» [6].

Правые деятели указывали, что в Национальном фронте состоят партии значительно отличающиеся друг от друга по своей идейной направленности, которые не в состоянии выработать совместную программу и поэтому вынуждены искать разные компромиссы и идти на взаимные уступки. Поэтому они рассматривали Национальный фронт как какой-то примирительный орган, призванный разрешать определенные противоречия между партиями и предоставлять им

возможность на паритетной основе обсуждать некоторые вопросы дальнейших совместных действий. Правые деятели не верили в долговечность Национального фронта, они рассматривали его как временное учреждение переходного периода, возникновение которого вынудили чрезвычайные обстоятельства конца войны и послевоенного периода. Такие довольно распространенные взгляды наиболее открыто выразил лидер Демократической партии Леттрих, заявивший: «Национальный фронт — это коалиционная система, которая скорее всего сохранится до тех пор, пока не будет принята конституция и закончится восстановление экономики» [7].

В противоположность этому коммунисты подчеркивали постоянный характер Национального фронта и в тот период, когда возникли уже противоречия между политическими партиями, что в значительной мере отражалось и в деятельности этого органа. Непосредственно перед выборами 1946 г. коммунисты высоко оценивали объединяющий характер Национального фронта. Они обращали особое внимание на то, чтобы выборная кампания проходила на основе принципов Национального фронта и стала проявлением национального единства, направленного на дальнейшее укрепление органов народной власти.

Однако КПЧ видела, что в партии Национального фронта проникают отдельные лица и целые группы, не заинтересованные в сохранении прежнего политического курса, стремящиеся подорвать народно-демократический строй. КПЧ указывала на необходимость защищать Национальный фронт от подобных элементов, виновных в том, что данная организация не может выполнять свою миссию в полном объеме. Такая оценка в полной мере была выражена в докладе К. Готвальда на Пленуме ЦК КПЧ в январе 1947 г.: «Сложилось такое положение, когда формально существует Национальный фронт, формально существует правительство, время от времени Национальный фронт принимает хорошие и весьма важные документы и постановления, например, программу нашего правительства, закон о двухлетнем плане и целый ряд других законов, однако в самом Национальном фронте при практической реализации этих общих законов, деклараций и программ вновь и вновь дело идет со скрипом» [8].

Тем не менее и при таком положении дел коммунисты не изменили своего отношения к Национальному фронту. Они подчеркивали, что и в дальнейшем его следует рассматривать как важнейшую политическую форму блока рабочих, крестьян и городской мелкой буржуазии. Коммунисты доказывали, что Национальный фронт в состоянии и в дальнейшем играть важную роль в общественной жизни, разумеется, при условии очищения от правых и антинародных элементов. Коммунисты выражали свое стремление сотрудничать в рамках этой организации с каждым, кто согласен участвовать в строительстве народно-демократической системы и отвергает реакционные махинации правых сил.

КПЧ постоянно напоминала об ответственности всех политических партий за сохранение единства народа и укрепление Национального фронта. Однако она указывала и на возможность того, что

в случае отказа представителей правых сил в этих партиях от сотрудничества Национальный фронт может сыграть выдающуюся роль в активизации прогрессивных элементов внутри этих партий и помочь им отстоять их точку зрения.

КПЧ подчеркивала, что национальное единство должно проявиться прежде всего в тесном сотрудничестве политических партий, входящих в Национальный фронт, во всех областях общественной жизни на благо народа и государства, в их отказе от мелочного и склочного соперничества. Компартия признавала возможность существования различных мнений, отличных подходов к решению отдельных проблем в партиях Национального фронта, однако коммунисты подчеркивали, что ни в коем случае нельзя допустить национального раскола и возникновения такой ситуации, когда часть народа участвовала бы в созидании новой республики, а другая стояла бы в стороне от этого процесса, пыталась бы вредить и подрывать строительство нового общества. Когда подобная опасность стала актуальной особенно в 1947 г., и лидеры некоторых партий Национального фронта все более явно выражали антинародные интересы буржуазии и пытались воспрепятствовать происходившему развитию, коммунисты усилили ориентацию на прогрессивные и демократические элементы внутри отдельных партий, пытались мобилизовать тех членов этих партий, которые поддерживали осуществлявшийся политический курс, на борьбу против представителей правых сил в руководстве.

И в это время КПЧ подчеркивала необходимость сохранения и укрепления Национального фронта и не изменила свою политику в этой области даже после провозглашения известного лозунга «Завоевать большинство народа». Об этом напомнил К. Готвальд, который заявил в июне 1947 г.: «Мы хотим завоевать большинство не для того, чтобы 51 % избирателей оказывать давление на 49 %, а для того, чтобы приобрести больший авторитет и силу. Наши оппоненты заявляют, что в таком случае мы уже не будем разговаривать с ними. Это неправда. Мы будем вести себя мирно и очень вежливо, но уже не станем возиться с ними так долго, как прежде» [9].

Еще до февральских событий 1948 г. коммунисты пытались прийти к соглашению со своими политическими противниками на платформе Национального фронта. Коммунисты указывали, что они не хотят никакого политического кризиса, а стремятся к дальнейшему мирному развитию революции и на этой основе готовы сотрудничать со всеми прежними партнерами. КПЧ не была заинтересована в конфликте внутри Национального фронта. Однако коммунисты добивались укрепления позиций прогрессивных сил в Национальном фронте путем его дальнейшего расширения, т. е. вступлением в него наиболее значительных массовых организаций и в первую очередь Революционного профсоюзного движения, Единого союза земледельцев, Союза освобожденных политических заключенных и т. д. Они указывали, что Национальный фронт в существующем виде, т. е. как объединение политических партий, уже не играет прежней прогрессивной роли и не является позитивным и консолидирующим фактором внутриполитического развития, каким он был в первые месяцы после освобождения.

КПЧ обращала все больше внимания на усиление и укрепление единства народа, стремилась изолировать реакционные силы. Подобную политику коммунистическая партия проводила и в Национальном фронте, подчеркивая необходимость заботы о том, «чтобы Национальный фронт, твердо поддерживая программу правительства и заботясь об интересах народа, сумел изгнать реакционные элементы, вкравшиеся в нашу политическую жизнь и выступающие против программы правительства, против народа, за разложение» [10].

Партия последовательно добивалась, особенно в период нарастающего политического кризиса в конце 1947 г.—начале 1948 г., возвращения к первоначальному пониманию Национального фронта, сформировавшемуся в ходе борьбы с оккупантами и после освобождения республики. Она вновь подчеркивала, что Национальный фронт должен представлять союз рабочих, крестьян, средних слоев городской мелкой буржуазии и интеллигенции, т. е. тех групп трудового народа, которые по сути дела имеют тождественные интересы. Коммунисты указывали, что именно такое понимание Национального фронта, выражающее реальное единство всего народа, возникшее в борьбе против нацистских оккупантов и в ходе строительства новой республики, может защитить данную организацию от раскольнической деятельности реакционных элементов.

Национальный фронт сыграл важную роль и в февральские дни 1948 г. и в своем возрожденном виде стал той основой, на которой сплотились под руководством КПЧ все прогрессивные силы, действительно заинтересованные в дальнейшем развитии чехословацкой революции и искренне стремящиеся содействовать строительству социализма в Чехословакии.

В то время также завершился процесс преобразования Национального фронта в массовую, истинно общенародную организацию трудящихся города и деревни. Так называемая демократическая буржуазия, ранее представленная в нем посредством некоторых политических партий, главным образом национально-социалистической, народной и словацкой демократической, постепенно сама вышла из Национального фронта в результате своего несогласия с программой национально-демократической революции, что стало совершенно ясно в феврале 1948 г. Возрожденный Национальный фронт, куда наряду с чешскими и словацкими коммунистами вошли представители остальных партий, очищенных от правых и реакционных элементов, делегаты различных массовых организаций, в первую очередь профсоюзов, а также другие известные общественные деятели, получил возможность уже без всяких препятствий выполнять свое основное назначение — содействовать выполнению важных задач строительства социализма.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

СОЗДАНИЕ ОРГАНОВ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ

Коммунисты придавали большое значение созданию новых органов государственной власти в освобожденной республике. Этот вопрос был крайне важен, так как речь шла о создании такой системы государственного административного аппарата, которая реально соответствовала бы интересам народа и во всех отношениях служила им.

Основой данной системы должны были стать национальные комитеты, возникавшие в ходе национально-освободительной борьбы. Поэтому и правительственная программа, учитывая необходимость полной реорганизации государственного строя, предусматривала передачу власти национальным комитетам как основному звену новой системы государственного управления. Отныне управление государством должно было осуществляться «не независимой от народа, не безответственной перед ним бюрократией, а избираемыми представителями самого народа, т. е. национальными комитетами» [1].

Вопрос о положении и правомочиях национальных комитетов занимал важное место в московских переговорах руководства КПЧ с президентом Бенешем в конце 1943 г. Еще более остро он встал весной 1945 г. во время формулирования Кошицкой правительственной программы. Большое значение имело то обстоятельство, что коммунистам в целом удалось настоять на принятии своих предложений о положении и роли данных органов и добиться одобрения этих принципов представителями других партий.

Национальные комитеты были основным звеном демократической перестройки государственного и общественного управления. Они должны были представлять реальное единство и волю народа и стать органами «посредством которых самые широкие народные слои города и деревни могли бы участвовать в управлении обществом и тем самым выражать свою волю» [2].

Коммунисты подчеркивали, что будущее устройство жизни в освобожденной республике в значительной степени будет зависеть от того, насколько национальные комитеты оправдают себя. Поэтому они прилагали большие усилия для быстрого создания национальных комитетов еще во время оккупации, а также непосредственно после освобождения. Национальные комитеты сразу же нацеливались на взятие в свои руки управления деревнями, городами и районами, организацию нормальной жизни и принятие мер по реализации на практике Кошицкой правительственной программы.

В национальные комитеты должны были входить лучшие представители прогрессивных и революционных сил, завоевавшие доверие в борьбе с оккупантами. Одновременно было необходимо следить за тем, чтобы в эти органы не пробрались люди, активно сотрудничавшие в годы войны с фашистами.

Согласно Кошицкой правительственной программе в правомочия национальных комитетов входила обязанность осуществлять все общественное управление. Они становились основой власти новой

демократической республики. В первую очередь национальные комитеты должны были обеспечить устранение всех представителей оккупационной власти и их агентов и оказать помощь всем гражданам, подвергавшимся в годы войны преследованиям по национальным, политическим или другим причинам. Далее, они обязывались содействовать очищению общественного и государственного аппарата от политически ненадежных элементов, которые активно сотрудничали с нацистскими оккупантами. Важные задачи вставали перед национальными комитетами в связи с конфискацией собственности немецких и венгерских фашистов, предателей и коллаборационистов. Совместно с заводскими комитетами, представляющими рабочих и служащих этих предприятий, национальные комитеты были обязаны организовать национальное управление относящимися к данной категории промышленными предприятиями, финансовыми институтами, сельскохозяйственными имениями, мелкими предприятиями, магазинами, временно заботиться о сохранении и использовании этого имущества.

В последней фазе войны национальные комитеты эффективно помогали выполнению военных задач, оказывали помощь в мобилизации новобранцев, содействовали военным органам в поддержании в порядке коммуникаций, обеспечивали расквартирование, снабжение и т. д. На них лежала ответственность за бесперебойный ход производства, транспорта, торговли и снабжения. Национальные комитеты охраняли общественную и личную собственность, боролись с саботажем враждебных элементов, восстанавливали работу промышленных, сельскохозяйственных и торговых организаций, предоставляли работу безработным, организовывали помощь неимущим и нетрудоспособным жертвам войны.

В то время национальные комитеты осуществляли некоторые важные постановления нового чехословацкого правительства в области экономики и собственности. Прежде всего они были обязаны обеспечить возвращение всех ценностей, захваченных оккупантами или предателями во время второй мировой войны и передачу их прежним владельцам, разумеется, если это было возможно. На все частные или кооперативные предприятия, стоимость которых превышала пятьсот тысяч домюнхенских крон, было необходимо назначить временную администрацию. Одновременно требовалось провести конфискацию имущества фашистов, предателей и коллаборационистов и организовать управление этим имуществом.

Национальные комитеты, которые вначале зачастую должны были выступать совершенно самостоятельно, независимо от центральных органов, были настоящими органами народной власти. С самого начала от них требовалось работать как можно лучше, выполнять свои обязанности тщательнее, чем прежний бюрократический аппарат. Это требовало прихода в национальные комитеты всех степеней лучших представителей трудового народа, в отношении которых существовала уверенность, что они не изменят своей миссии, исполнят ее невзирая на свои собственные интересы.

Первоначально в соответствии с декретом президента республики от 4 декабря 1944 г., местные национальные комитеты должны были

стать лишь временными органами общественного управления и действовать только во время войны, руководить антифашистским сопротивлением, возрождением экономической и политической жизни. Однако КПЧ, всегда рассматривавшая национальные комитеты как постоянные органы народной власти, отвергла эти замыслы буржуазии и воспрепятствовала их осуществлению, благодаря чему удалось сохранить то фактическое положение, которое возникло в ходе Словацкого национального восстания и освобождения Чехословакии.

В Кошицкой правительственной программе национальные комитеты рассматривались как постоянные органы народной, но вовсе не государственной власти. Была расширена их компетенция, хотя и не нашедшая еще точного определения. В Кошицкой программе указывалось, что национальные комитеты «в период своих правомочий будут осуществлять управление общественными делами, совместно с центральными органами обеспечивать общественную безопасность и сформируют подчиненный им демократический административный аппарат» [3].

Бесспорно, данный принцип имел большое значение, так как национальные комитеты не только получали права местного самоуправления, но и частичный контроль над репрессивными органами, в первую очередь — общественной безопасности и могли использовать их для подавления враждебных элементов. Важен был и другой пункт Кошицкой правительственной программы, в котором говорилось: «правительство будет реализовывать свою политику посредством национальных комитетов и полностью опираться на них».

Правомочия национальных комитетов были укреплены решением президиума Словацкого национального Совета от 7 апреля 1945 г., в котором на основе приобретенного в ходе Словацкого национального восстания опыта и фактического положения дел на освобожденной территории Словакии постановлялось, что на всей территории местными органами государственной власти и управления являются национальные комитеты. Данное обстоятельство должно было найти выражение и в общегосударственном масштабе, что и было отражено в правительственном постановлении 5 мая 1945 г., в котором определялось положение представителей органов общественного управления. И хотя в нем еще содержался известный компромисс, прежде всего выражавшийся в сохранении прежних органов политического управления, все-таки они уже были подчинены национальным комитетам.

Состав местных национальных комитетов в Словакии и чешских землях избирался или утверждался в результате выборов на публичных собраниях.

Выборы районных национальных комитетов проходили на районных конференциях национальных комитетов. В пограничных районах, где проживало немецкое население и только в первые послевоенные месяцы начали появляться чешские и словацкие переселенцы, вначале назначались административные комиссары, а позднее — административные комиссии.

Создание юридической основы строительства единой системы

новой государственной власти, представленной национальными комитетами, было принципиальным шагом на пути к ликвидации буржуазной системы государственного управления и ослабления собственной основы капиталистического государственного строя.

Первоначально национальные комитеты создавались на паритетной основе, в них имели равное представительство действующие в чешских землях четыре политические партии, а в Словакии — коммунисты и Демократическая партия. После парламентских выборов 1946 г. представительство партий в национальных комитетах было изменено согласно результатам выборов. Это обстоятельство существенно укрепило влияние КПЧ в чешских землях, однако в Словакии коммунисты частично утратили свои прежние позиции.

Большое значение имело включение национальных комитетов в комплекс государственного управления, их место в нем и влияние на деятельность административного аппарата в целом. КПЧ уделяла большое внимание этим вопросам и разъясняла работающим в национальных комитетах коммунистам их компетенцию и права. КПЧ указывала, что национальные комитеты должны стать истинными представителями воли трудящегося народа, задачей которых является обеспечение строительства новой свободной национальной и государственной жизни, как желает подавляющее большинство населения. Для этого было необходимо добиться последовательной демократизации государственного управления и полной ликвидации прежней полицейской бюрократической системы.

Важно было до конца определить компетенцию национальных комитетов. Поэтому уже в процессе их создания было решено, что местные национальные комитеты подчиняются районным комитетам, а те в свою очередь — земскому национальному комитету, который отчитывался перед правительством или же перед Временным национальным собранием. Компетенция национальных комитетов приблизительно соответствовала правомочиям бывших органов муниципального самоуправления и политического управления. Таким образом национальные комитеты выполняли функции прежних муниципалитетов, в районном масштабе — районных политических управлений, а в отдельных землях * — земских представительств и земских политических управлений. Центральные органы, и прежде всего министерства, должны были выполнять свои обязанности с помощью и посредством национальных комитетов.

С самого начала большое внимание уделялось качеству работы новых органов власти. Данное обстоятельство имело важное значение, так как именно от него зависело, удастся ли на практике закрепить и окончательно определить положение национальных комитетов во всей системе государственного управления. На это указывал и К. Готвальд: «долговечным и прочным переворот, который мы осуществляем в сфере государственного управления, может быть только в том случае, если наш народ научится сам управлять собой, сам решать свои дела» [4].

Первоначально здесь возникал ряд трудностей. Некоторые нацио-

* Т. е. Чехии, Моравии и Силезии (*ред.*).

нальные комитеты зачастую проявляли мало инициативы в своей работе, не всегда умели использовать свои права, не были в состоянии даже упорядочить делопроизводство. Причиной указанных затруднений был тот факт, что в национальные комитеты пришел ряд новых людей, не имевших необходимого опыта и знаний, а также еще не знавших своих обязанностей, прав и ответственности. Трудовой народ только учился управлять. Поэтому партия подчеркивала, что обязанностью всех коммунистов является борьба за устранение подобных недостатков. Для улучшения работы нового демократического государственного управления было необходимо действовать по двум направлениям. Во-первых, следовало сломить сопротивление реакционных представителей государственного аппарата. Во-вторых — продолжить делегирование лучших представителей рабочего класса и трудового народа в национальные комитеты и научить их действительно небюрократическому и народному управлению общественными делами. Только так национальные комитеты могли выполнять свою общественную миссию, мобилизовывать и вести массы на реализацию важных задач возрождения и созидания республики.

Одновременно было необходимо создать все юридические гарантии и провести такую реформу системы управления, которая позволила бы реальное участие национальных комитетов в общественной жизни, в управлении обществом. И этим вопросам уделялось большое внимание. Партия стремилась не только осуществлять отдельные меры в данном направлении, но и добиться прочного закрепления положения и правомочий национальных комитетов.

Ликвидация власти прежнего бюрократического государственного аппарата и создание системы национальных комитетов, народных органов государственного управления, представляющих интересы всех трудящихся, означали коренной перелом в системе общественного и государственного управления, ведущий к ее полному преобразованию. Сама по себе данная мера означала «по меньшей мере первые шаги к тому, чтобы чехословацкий народ через своих представителей не только утверждал свои законы, но и одновременно осуществлял их на практике таким образом, чтобы данные законы применялись на благо народа и нации» [5].

Создание системы национальных комитетов как органов народной власти было одной из основных задач национально-демократической революции. Значение данного фактора исчерпывающе охарактеризовал К. Готвальд: «система национальных комитетов означает осуществление нашей собственной специфической чехословацкой попытки решения старого вопроса, встающего перед каждым действительно демократическим режимом, т. е. вопроса о том, каким образом должен народ посредством своих представителей не только принимать законы, но и проводить их в жизнь» [6].

Коммунисты придавали большое значение укреплению национальных комитетов как государственно-политических и государственно-административных народных органов. Они подчеркивали революционный характер этой новой, демократической народной системы государственного и общественного управления, осознавали огромное значение укрепления и повышения авторитета национальных

ных комитетов для развития национально-демократической революции. Коммунисты указывали на необходимость того, чтобы народ сумел использовать эти большие права, научился сам править и управлять своими делами. Существующие проблемы в данной области призвана была разрешить и разрабатываемая конституция, которая на основе уже приобретенного опыта должна была гораздо точнее определить и расширить компетенцию национальных комитетов в системе государственного управления.

Национальные комитеты пришлись совсем не по вкусу правым силам, которые все в большей степени выражали интересы буржуазии. Комитеты подвергались критике со стороны представителей некоторых политических партий, которые утверждали, что национальные комитеты работают недостаточно хорошо и не в состоянии заменить старые бюрократические институты. В этой области велась длительная политическая борьба, ставшая важной составной частью всей классовой внутриполитической борьбы того времени. Это проявилось уже перед выборами 1946 г. и в последующих изменениях в составе национальных комитетов в результате отмены паритетного представительства и распределения постов по результатам выборов. И в последующий период национальные комитеты сыграли важную роль в реализации Созидательной программы правительства Готвальда, в борьбе с контрреволюционными силами и разгроме спровоцированного ими контрреволюционного путча в феврале 1948 г.

Важной составной частью послевоенных преобразований стала перестройка остальных органов государственного управления. КПЧ в полной мере понимала необходимость подобных изменений, обеспечивающих укрепление новой государственной власти. Сохранившие свои позиции представители старого государственного аппарата саботировали деятельность национальных комитетов, стремились доказать мнимую недееспособность новой демократической системы государственного и общественного управления. Коммунисты указывали на данное обстоятельство и требовали проведения последовательной чистки государственного аппарата с целью устранить всех тех, кто сотрудничал с гитлеровскими оккупантами и работал в административной системе так называемого протектората. Коммунисты видели в этом гарантию обеспечения действительно демократического и народного характера новой государственной власти.

На повестке дня стояла также необходимость структурной перестройки всего государственного административного аппарата. Планируемые изменения были призваны придать ему народный характер и приспособить к новому положению дел, возникшему после образования национальных комитетов. КПЧ уделяла этому вопросу большое внимание. Партия подчеркивала необходимость постоянного повышения качества работы органов государственного управления на основе приобретенного опыта. Существовала неотложная потребность реорганизации и децентрализации общественного управления и других связанных с ним сфер — транспорта, почт, налоговых учреждений и т. д. Актуальным было требование приблизить к народу общественное управление, чего предполагалось достигнуть путем

территориальной децентрализации, т. е. ликвидацией существующих земских управлений, созданием областей и новым территориальным районированием. КПЧ добивалась также конституционного обеспечения всеобщих, прямых, равных и тайных выборов с соответствующим результатам представительством во всех представительных органах. Это было гарантией окончательного устранения полицейско-бюрократической системы государственного аппарата из всей общественной жизни и создания условий для того, чтобы народ не только сам принимал свои законы и постановления, но и воплощал их в жизнь с помощью своих представителей.

Характерной чертой внутриполитической ситуации в ЧСР в конце войны и непосредственно после нее было то обстоятельство, что в то время кроме Словацкого национального Совета в стране не существовало ни одного другого законодательного органа. Временное национальное собрание начало работать только 28 октября 1945 г. Его состав определялся на паритетной основе, одинаковое представительство имели четыре чешские и две словацкие политические партии, кроме того, членами Временного национального собрания стали 60 представителей разных общественных организаций. Всего было избрано 300 делегатов, из них 200 — из чешских областей и 100 — из Словакии. Выборы депутатов проводились косвенно — делегатами национальных комитетов и административных комиссий. Это обстоятельство имело большое значение, так как таким образом национальные комитеты получили возможность участвовать в создании высшего законодательного органа. И хотя политические партии сами определяли своих кандидатов во Временное национальное собрание и в тогдашней политической ситуации добились избрания всех своих ведущих деятелей, однако было невозможно выдвигать кандидатами в этот верховный орган открыто реакционных политиков, особенно служивших немцам в годы войны, сотрудничавших с ними, а также представителей крупной буржуазии.

Временное национальное собрание должно было утвердить на посту президента республики Э. Бенеша и осуществлять свою деятельность на основе конституции 1920 г. Однако оно не имело права изменять эту конституцию, кроме совершенно неизбежных исключений. Принятие новой конституции было поручено Законодательному национальному собранию, избранному на парламентских выборах в мае 1946 г. и начавшему работу в июле 1946 г.

В Законодательном национальном собрании коммунисты вместе с социальными демократами имели незначительное большинство — 151 голос из 300. Такое небольшое преимущество не обеспечивало революционным силам решающие позиции в этом органе, тем более, что в социал-демократической партии существовали противоречия и определенное влияние имели представители правого крыла. Поэтому на них нельзя было полагаться. Однако это никоим образом не мешало планам революционных сил, которые видели основной смысл своей деятельности в мобилизации народных масс, т. е. во внепарламентских формах борьбы.

Важное положение в системе государственной власти в Чехосло-

вацкой республике занимал президент, который во время войны, с 1940 г., получил право надзора за исполнительной властью и законодательные права, которыми он мог пользоваться с согласия правительства.

Чехословацкая буржуазная эмиграция и буржуазия внутри страны видели в тогдашнем президенте важнейшего представителя преемственности домюнхенской республики и возлагали свои надежды лично на Э. Бенеша, надеясь, что он не допустит больших общественных изменений, в первую очередь в отношениях собственности, в освобожденной республике. Надежды буржуазии укреплялись различными мерами президента, например, его декретом от 3 августа 1944 г., подтверждающим действительность конституции 1920 г. и всех юридических предписаний домюнхенской республики.

Однако после создания Временного национального собрания законодательная власть перешла в руки этого органа, а в Словакии ее в различных сферах осуществлял Словацкий национальный совет. События развивались аналогичным образом и после парламентских выборов 1946 г. Под влиянием коммунистов правительство еще более решительно, чем ранее, проявляло инициативу при разработке законопроектов, представляемых Национальному собранию. И хотя в то время представители правых сил все более откровенно затрудняли и саботировали деятельность правительства, коммунистам все-таки удалось отстоять его важное положение относительно парламента и президента республики. Таким образом можно констатировать, что развитие и изменения ситуации в послевоенный период привели к фактическому ослаблению если не полномочий, то по крайней мере политического влияния президента Бенеша.

В Кошицкой правительственной программе особо подчеркивалось исключительное положение правительства во время освобождения республики и в послевоенный период. До образования парламента, т. е. до 28 октября 1945 г., правительство представляло президенту республики законопроекты, необходимые для обеспечения выполнения программы правительства, целей Кошицкой правительственной программы. Правительство действовало как высший административный и исполнительный орган страны, проводило в жизнь декреты президента республики, а позднее законы, утвержденные Временным национальным собранием или Законодательным национальным собранием. В Словакии, на основании уже упоминавшихся пражских соглашений, правительство осуществляло свою деятельность посредством Корпуса уполномоченных Словацкого национального совета в тех областях, которые входили в его компетенцию. В чешских землях непосредственно, а в Словакии через Словацкий национальный совет, правительство руководило деятельностью национальных комитетов всех уровней. Таким образом в целом правительство обладало определенными правомочиями в области законодательной инициативы, исполнительной и административной власти.

Особое значение имело то обстоятельство, что в освобожденной Чехословакии возросло влияние прогрессивных и революционных сил, важные министерские посты заняли представители КПЧ, а также

левые социал-демократы. Это было характерно уже для первого правительства, назначенного 4 апреля 1945 г., во главе которого стоял левый социал-демократ Зденек Фирлингер. Он же возглавил и второе правительство, назначенное 6 ноября 1945 г. после создания Временного национального собрания. В определении своих задач оба правительства Фирлингера исходили из Кошицкой правительственной программы и других целей национально-демократической революции. Их деятельность продолжило и правительство К. Готвальда, которое было образовано 2 июля 1946 г. на основе результатов парламентских выборов, еще больше укрепивших влияние коммунистов. Чешские и словацкие коммунисты имели в нем 9 представителей, национальные социалисты — 4, Народная партия — 3, социал-демократы — 4, словацкие демократы — 4 и два министра были беспартийными. Правительство Готвальда выдвинуло в своей Созидательной программе новые задачи, их выполнение было важным шагом вперед на пути развития революционного процесса в Чехословацкой республике.

Коммунисты никогда не переоценивали парламентской системы и отвергали характерный для представителей буржуазной демократии тезис о том, что парламентский строй является высшей точкой демократического развития. Именно поэтому в 1945—1948 гг. коммунисты добивались, чтобы наиболее важные решения, касающиеся дальнейшего развития республики, обсуждались не в парламенте, а в Национальном фронте. Отношение КПЧ к парламенту выразил К. Готвальд; он перед выборами дал понять, что в случае неудачи на выборах коммунисты могут выйти за рамки формального парламентаризма и обеспечить выполнение воли рабочего класса и всех трудящихся другими мерами [7].

В послевоенный период коммунисты неоднократно высказывали свое мнение о парламенте. Они часто критиковали практическую политику других партий, которые с большой охотой использовали парламент для того, чтобы сдерживать и саботировать реализацию различных задач национально-демократической революции и дальнейшего развития. Они осуждали медлительность законодательной работы парламента и, учитывая имеющийся опыт, требовали, чтобы тогдашнее Законодательное национальное собрание последовательно выполняло свое назначение, утвердило все основные законы и в первую очередь в установленные сроки разработало и приняло новую конституцию.

КПЧ никогда не рассчитывала на то, что удастся осуществить коренной общественный переворот, совершающийся в послевоенный период, одним лишь парламентским путем. КПЧ, как революционная марксистско-ленинская партия, ориентировалась в первую очередь на мобилизацию народных масс посредством разных органов Национального фронта и стремилась прежде всего привлечь как можно большее количество чехословацких граждан к активному участию в осуществлении задач дальнейшего развития национально-демократической революции. Таким образом партия развивала революцию «снизу». Одновременно она развивала революцию «сверху»,

борясь за реализацию ее целей в государственных органах и институтах, в правительстве, в парламенте и т. д.

Очень важное положение в системе государственной власти занимали органы юстиции. Однако в этой области, значение которой возросло в связи с неотложной задачей очищения общественной и политической жизни от фашистов, предателей и коллаборационистов не произошло больших изменений и по сути дела она находилась под контролем буржуазных элементов.

Особо негативные последствия имел тот факт, что министерство юстиции и соответствующее ведомство в Корпусе уполномоченных в Словакии вплоть до февраля 1948 г. возглавляли представители Национально-социалистической и Демократической партий. Они сохраняли на разных ключевых постах в судебном аппарате правых и консервативных судей, которые не были согласны с развитием событий после освобождения, мечтали о возврате к домюнхенским отношениям, саботировали осуществление декрета президента республики о национальной чистке. Подобные тенденции проявлялись в деятельности созданных в то время народных судов, призванных рассматривать политические проступки в период оккупации, а также в действиях Национального суда, разбирающего предательскую деятельность правительства протектората и других правых политиков, вина которых состояла в сотрудничестве с нацистами. Национальный суд осудил их к относительно небольшим наказаниям. В данной сфере буржуазия сохраняла важные позиции вплоть до февраля 1948 г. Поэтому прошедшие чистку народные суды были вынуждены продолжить свою работу и в последующий период и закончили ее только в конце 1948 г.

Важной составной частью государственной власти были вооруженные силы и в первую очередь армия. Поэтому их созданию в годы войны и в последующий период уделялось большое внимание. Это нашло свое отражение и в Кошицкой правительственной программе.

Естественно, в то время основное значение придавалось активному и как можно более широкому участию в борьбе с фашистами, что было вкладом чехословацкого народа в освобождение родины и в поражение фашизма в международном масштабе. В этой связи указывалось на необходимость строительства армии на новой демократической основе, совершенно отличной от традиций домюнхенской республики. Ядром армии должен был стать I Чехословацкий армейский корпус в СССР. Необходимость подобных изменений осознавали не только прогрессивные участники национально-освободительной борьбы. Формально их признавали и некоторые лидеры буржуазной эмиграции. Даже Г. Рипка, один из ближайших сотрудников президента Бенеша, в годы войны заявил: «наша армия будет управляться по принципам военной доктрины победоносной Красной Армии и по ее образцу создаст свою организацию, вооружение и оснащение, а также обучение» [8]. Однако в освобожденной Чехословакии он уже выступал и действовал совсем иначе.

КПЧ подчеркивала необходимость создания действительно народной и демократической армии, поддерживающей крепкую связь

с народом. Партия всегда видела в армии важный инструмент политической власти, поэтому она требовала не только изменения организации армии, но и создания нового, истинно народного офицерского и командного корпуса, который был бы гарантией того, что вооруженные силы никогда не будут использованы против трудящихся.

Представители руководства КПЧ в Москве уже летом 1944 г. подготовили основные директивы по созданию чехословацкой армии на освобожденной территории. В них особо подчеркивалось: «Постепенно освобождаемая территория должна стать основой мобилизации всех национальных сил для войны против фашистского врага, причем как на освобожденной, так и на занятой врагом территории. В рамках этой мобилизации на родной земле будет создана новая чехословацкая армия» [9].

В директивах по созданию новой армии подчеркивалось, что ее ядро должны составлять те, кто участвовал в вооруженной борьбе с врагом на фронтах или же в движении сопротивления в Чехословакии. Национальные комитеты должны были воспрепятствовать проникновению на командные должности предателей и коллаборационистов. Соответствующие звания должны были получить командиры партизанских отрядов. Офицеры и унтер-офицеры домюнхенской буржуазной армии и армии так называемого словацкого государства могли получить свои прежние звания только при условии, что они не запятнали себя предательством и сотрудничеством с врагом.

Однако в действительности в послевоенные годы армия в значительной степени оставалась в стороне от кардинальных изменений, происходящих в обществе. Это было обусловлено тем, что верховное командование вооруженных сил по-прежнему оставалось в руках президента Бенеша, а значительная часть офицеров принадлежала к выходцам из буржуазных слоев и враждебно относилась к строительству нового общества, хотя в то время еще и не выступала открыто против происходящих изменений. Однако среди офицеров имелись большие различия. Среди них были командиры из 1 Чехословацкого армейского корпуса в СССР, бывшие партизаны, довольно передовые просвещенные и молодые прогрессивно настроенные офицеры. По сути дела реакционные силы не могли рассчитывать на поддержку значительной части простых солдат, которые вряд ли позволили бы использовать себя для антинародного выступления. Данные обстоятельства в послевоенный период создали условия для нейтрализации армии и сделали невозможным ее активное использование в подготовке реакционного февральского путча в 1948 г.

Большое значение также имели органы безопасности народно-демократического государства, создание которых на совершенно новых, демократических основах стало одной из основных задач нового правительства освобожденной Чехословакии. Особая забота уделялась созданию Корпуса национальной безопасности, основного органа защиты интересов народа и республики от всех внутренних и внешних врагов. Коммунистическая партия расширяла свое влияние в Корпусе национальной безопасности и в других органах и звеньях министерства внутренних дел, во главе которого стоял один

из ведущих деятелей КПЧ — В. Носек. Приход коммунистов в аппарат безопасности и в его руководство гарантировал, что эта сила никогда не будет использована против рабочего класса и народа.

Однако и в этой области существовали различные серьезные проблемы. Коммунисты заняли прочные позиции в органах государственной безопасности и пограничных войсках, однако в других подразделениях министерства внутренних дел, особенно в уголовной службе, в таможенном надзоре и тюремной страже, преобладали представители старого полицейского аппарата. В органах охраны общественного порядка коммунисты пользовались бóльшим влиянием, приблизительно соответствующим приобретенным в результате выборов 1946 г. позициям, но в некоторых местах, в том числе в Праге и в Словакии, подразделениями Корпуса национальной безопасности руководили представители других политических партий. Тем не менее в целом удалось добиться прогрессивной ориентации органов безопасности, которые становились важной опорой народной власти.

Это обстоятельство весьма беспокоило представителей правых сил, которые в послевоенные годы неоднократно «критиковали» деятельность министерства внутренних дел и его органов. Разногласия возникали прежде всего в связи с назначениями на разные командные посты в органах безопасности. Представители правых сил в некоммунистических партиях все более открыто и безосновательно подвергали нападкам действия органов безопасности по расследованию деятельности разных коллаборационистов, предателей, спекулянтов и т. д. Особой активностью в этом отношении отличались некоторые ведущие деятели Национально-социалистической партии, особенно депутаты Гора, Чижек, генеральный секретарь этой партии Крайина и др. Национальные социалисты стремились создать собственный следовательский аппарат при министерстве юстиции, которое возглавлял лидер их партии Дртина. Совместно с другими представителями реакционных сил, в первую очередь из рядов Народной партии, они организовывали новые и новые кампании против органов безопасности и в конечном итоге в феврале 1948 г. использовали надуманные противоречия в данной области для конкретного обоснования правительственного кризиса.

Таким образом, правые элементы старались самыми разными маневрами ослабить позиции прогрессивных сил и в первую очередь коммунистов в органах безопасности и улучшить положение своих сторонников. В 1945—1948 гг. данные споры были составной частью усиливающейся борьбы за влияние во всех органах государственной власти. Прогрессивные силы во главе с коммунистической партией завоевывали и расширяли свои позиции в органах власти, хотя и не везде им удавалось обеспечить себе ведущее положение. В конце концов решающая схватка произошла во многом вне данных органов и только после ее победного завершения можно было провести последовательную чистку и перестройку государственных органов таким образом, чтобы они полностью соответствовали потребностям народно-демократического строя, интересам рабочего класса и трудового народа.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПОЛОЖЕНИЕ СЛОВАЦКОГО НАРОДА В НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Одной из основных проблем возрожденной Чехословацкой республики стали взаимоотношения между чехами и словаками, вопрос о реализации национальных прав и требований словацкого народа.

Мюнхенский сговор, раскол чехословацкого государства в 1939 г. и годы оккупации вызвали большие изменения и в этой сфере. Возвращение к довоенным буржуазным отношениям стало невозможным, безвозвратно была погребена прежняя официальная доктрина правящих кругов ЧСР о так называемой «единой чехословацкой нации». Даже ведущие буржуазные политики во главе с Э. Бенешем в конце концов были вынуждены признать, что возвращение к данной концепции практически невозможно.

Хотя представители буржуазной эмиграции на Западе постепенно осознавали данное обстоятельство, однако они весьма неохотно отказывались от своих прежних взглядов. Это проявлялось в их различных высказываниях того времени, а также в позиции самого президента Э. Бенеша. В первые годы второй мировой войны Бенеш крайне неопределенно высказывался по этому вопросу, хотя он и заявлял о своем желании учесть мнения о самобытности словацкого народа [1].

Фактически Бенеш всегда исходил из того, что идея «единой чехословацкой нации» была одним из опорных столпов чехословацкого государства и создавала основу его существования. Подобная позиция Бенеша нашла свое выражение и в московских переговорах в декабре 1943 г., когда он по крайней мере из тактических соображений соглашался с различными требованиями и предложениями коммунистов, однако ни в коем случае не желал принять их понимание отношений между чешским и словацким народами.

Московское руководство КПЧ всегда подчеркивало, что необходимо стремиться к совместному руководству антифашистской борьбой чешского и словацкого народов. Поэтому в ходе переговоров с президентом Бенешем в декабре 1943 г. коммунисты указывали, что словацкий народ в своем большинстве никогда не соглашался с расколом и порабощением Чехословакии гитлеровской Германией и подчеркивали, что отделение Словакии в 1939 г. произошло под давлением Гитлера, с помощью предательской клики Тисо-Тука-Махи, но против воли большинства словацкого народа. Коммунисты напоминали, что словацкий народ оказался в таком же гитлеровском рабстве, как и чехи. КПЧ также решительно отвергала концепции чехословакизма лондонской буржуазной эмиграции, особенно утверждения о несамостоятельности словацкого языка.

Словацкий национальный совет сразу же после своего образования признал преемственность ЧСР, однако потребовал создания демокра-

тической системы, обеспечивающей реализацию прогрессивных принципов политического, экономического и социального строительства. В июле 1944 г. Словацкий национальный совет разработал документ, в котором изложил свое мнение по поводу отношений между чехами и словаками. В первую очередь в нем подчеркивалась необходимость воплощения в жизнь равноправия обеих наций в совместном государстве, устранение всех антагонизмов, ранее разделявших их. В этом Словацкий национальный совет видел основное условие осуществления последовательной демократизации словацкого общества и устранения всех проявлений реакционности, провинциального национального шовинизма и феодальных пережитков. Словацкий национальный совет заявил, что именно реализация принципа равноправия наций в Чехословацкой республике поможет объединить все антифашистские и демократические направления в Словакии для совместной борьбы с фашизмом.

Декларация Словацкого национального совета от 1 сентября 1944 г. отразила основные принципы антифашистской борьбы, а также политических и экономических мер, которые было необходимо осуществить после освобождения. Некоторые разделы данной программы были сформулированы в довольно общей или же компромиссной форме, однако в своей основе она имела совершенно ясный антифашистский характер и основывалась на принципе единой чехословацкой государственности. И словацкие коммунисты в своем заявлении от 2 сентября 1944 г. ясно выразили основные цели антифашистской борьбы. Они подчеркнули необходимость устранения всех остатков фашизма и обеспечения необходимых условий свободного определения трудовым народом будущих форм и образа своей жизни. В этом документе коммунисты предлагали добиться тесного сотрудничества между коммунистами и социал-демократами и выдвигали задачу создания единой партии трудящихся, призванной вести борьбу за осуществление их требований.

В ходе Словацкого национального восстания ясно проявилось значение рабочего класса в антифашистском движении. Стало очевидным, что именно этот класс играет наиболее важную роль в борьбе с фашизмом и в реализации задач национально-демократической революции. Ведущее положение рабочего класса воплощалось и в новых, революционных органах власти, в первую очередь в национальных комитетах и Словацком национальном совете. Тогдашнее развитие событий подтвердило, что созрела ситуация для осуществления политических и социально-экономических мер, направленных на обеспечение национальной свободы и демократических прав народа, углубления национально-демократической революции и ее перерастания в социалистическую революцию.

Поэтому в ходе восстания Коммунистическая партия Словакии выдвинула новые задачи, выполнение которых содействовало бы обеспечению ведущей роли рабочего класса в обществе. КПС подчеркивала, что от возрожденной республики нужно требовать решения основных экономических и социальных вопросов, национализации фабрик, крупных предприятий, банков, передачи помещичьей земли

мелким крестьянам и т. д. Одновременно указывалось на необходимость обеспечения равноправия наций в Чехословацкой республике, создания новых форм их спокойного совместного развития. КПЧ провозгласила: «Словацкие рабочий, крестьянин и интеллигент, которые сегодня в революционном союзе и сотрудничестве с оружием в руках защищают национальную свободу и территориальную целостность, сохранят свой союз и в будущем, когда надо будет окончательно упорядочить национальные, государственные и общественные отношения. . .»[2]

Непосредственно во время Словацкого национального восстания произошли некоторые изменения, оказавшие существенное влияние на общее развитие национально-демократической революции. Прежде всего ясно проявилась роль заводских комитетов. Словацкие коммунисты указывали на необходимость всестороннего повышения их активности и расширения их прав, превращения заводских комитетов в органы, реально обеспечивающие участие рабочих в управлении производством. Заводские комитеты должны были заботиться об удовлетворении социальных и культурных потребностей рабочих, их материальных требований, вести борьбу против фашистских элементов, обеспечивать воспитание новых кадров и т. д.

Во время восстания словацкие коммунисты уделяли большое внимание созданию Национального фронта и выделяли его значение для борьбы с фашизмом. Данный вопрос обсуждался, например, на конференции КПЧ в г. Кошице 28 февраля 1945 г. Особое внимание ему уделялось в докладе Г. Гусака, который, характеризуя задачи Национального фронта, сказал: «В его рамках все классы и слои населения, рабочие, крестьяне и буржуазия, если они не предали национальные идеалы и участвовали в антифашистской борьбе, нашли общую политическую основу, и ныне позволяющую сосредоточить национальные силы на завершении борьбы и возрождении нашей страны» [3].

Словацкое национальное восстание, самое большое и массовое выступление против фашизма на чехословацкой земле, продемонстрировало волю подавляющего большинства словацкого народа бороться за освобождение и возрождение Чехословацкой республики. Восстание создало первую освобожденную территорию, на которой была провозглашена новая Чехословацкая республика, продемонстрировало стремление словацкого народа добиться в рамках совместного государства исполнения своих национальных чаяний, полного равноправия с братским чешским народом.

Новую обстановку, созданную Словацким национальным восстанием, борьбу словацкого народа и последовательную позицию коммунистической партии по национальному вопросу было вынуждено признать и буржуазное руководство заграничного сопротивления. Поэтому в последующий период Бенеш также высказывался по данному вопросу более определенно. Он уже соглашался в известной мере пойти на уступки и изменить свои взгляды, заявив: «Со словаками, которые уже прежде, особенно в августе 1944 г., так решительно и мужественно выступили за возрождение республики и сражаются

сейчас за это с огромным напряжением сил, мы едины в том, что государство необходимо превратить в широко децентрализованную и управляемую народом республику, а также перестроить ее в национальном отношении на новых началах» [4].

Несомненно, президент отреагировал подобным образом на создавшуюся ситуацию, в первую очередь на результаты переговоров с делегацией Словацкого национального совета, которая решительно потребовала признания прав словацкого народа.

В отличии от буржуазной эмиграции, Коммунистическая партия Чехословакии ни в чем не должна была менять своей позиции. КПЧ с самого начала исходила из принципа полного равноправия чешского и словацкого народов, подчеркивала ответственность рабочего класса и революционных сил за правильное и последовательное решение этого деликатного вопроса. Коммунисты пропагандировали свои взгляды перед войной и в военные годы и стремились воплотить их в жизнь в завершающей фазе антифашистской борьбы, а также после освобождения ЧСР.

Во время составления правительственной программы в Москве представители КПЧ убеждали своих партнеров из остальных политических партий в том, что должны быть устранены все несправедливые аспекты и разногласия, которые содействовали распаду домюнхенской республики. В первую очередь коммунисты подчеркивали необходимость укрепления отношений между чехами и словаками на основе полного равноправия и братского сотрудничества. Коммунисты обращали особое внимание на то, что новая республика должна стать славянским государством, республикой чехов и словаков. КПЧ заявляла, что словаки будут действительными хозяевами своей родины, а возрожденная республика — совместным государством равноправных наций. КПЧ рассматривала возникший в ходе подготовки восстания Словацкий национальный совет как истинного представителя самобытного словацкого народа и государственной власти в Словакии. КПЧ исходила из принципа — Словацкий национальный совет должен обладать полной свободой в осуществлении своей законодательной и правительственной деятельности в Словакии и быть высшим органом власти в этой части государства, в полной мере полномочным руководить словацким обществом совместно с национальными комитетами.

Перед Словацким национальным восстанием и в последующий период в Словакии возникли максимально благоприятные условия для развития революции. Это отмечало и подпольное руководство КПЧ. Восстание еще более ускорило данный процесс, так как в его ходе осуществлялся ряд важных мероприятий, ослабляющих буржуазную систему.

Непосредственно 1 сентября 1944 г. Словацкий национальный совет распустил «людацкую» партию и другие фашистские органы и организации в Словакии, а в мае 1945 г. отдал распоряжение о создании народных судов и проведении национальной чистки. Подобные меры после освобождения вообще не проводились в чешских областях где не была осуществлена юридическая ликвидация и запре-

щение деятельности некоторых политических партий, хотя это и совершенно ясно предусматривалось Кошицкой правительственной программой. Здесь буржуазии удалось в определенной степени отстоять свои позиции, что создало условия для перехода скомпрометировавших себя представителей реакционных политических направлений в некоторые партии Национального фронта.

Еще до провозглашения Кошицкой правительственной программы Словацкий национальный совет предпринял разные шаги, предвосхищавшие принципы, отраженные в этой программе. В первую очередь к ним относится декрет о правах национальных комитетов и другие меры, касающиеся конфискации земли врагов и предателей, организации новых органов национальной безопасности, роспуска жандармерии и т. д.

Постановлением Президиума Словацкого национального совета от 7 апреля 1947 г. было кодифицировано фактическое положение на освобожденной территории, национальные комитеты получили обширные административные и политические права, были ликвидированы сельские, окружные и жупные канцелярии. И в этом отношении Словакия опередила чешские области, так как данные меры привели к ликвидации двойственного характера государственного управления и заложили прочные основы народно-демократической власти. Большое значение имело постановление Президиума Словацкого национального совета от 7 апреля 1945 г., принятое еще до правительственного постановления от 5 мая 1945 г., вводившее принцип возможности отзыва депутатов национальных комитетов. Тем самым был воплощен в жизнь основной элемент социалистического понимания представительной демократии и ее функций в новом общественном строе. Словацкие коммунисты уже в то время вели систематическую борьбу с реакционными элементами и карьеристами, проникшими в национальные комитеты.

В конце войны в Словакии был достигнут значительный прогресс в создании массовых организаций — профсоюзных, молодежных, физкультурных, сельскохозяйственных. И это обстоятельство имело большое значение для общего развития революционного движения в данной части республики. В Словакии проявлялось в то время и определенное опережение в понимании политического значения различных задач, возникающих в освобожденной республике, что вытекало из практического опыта, приобретенного революционными силами в предшествующий период и особенно в ходе Словацкого национального восстания.

Однако позднее, главным образом под влиянием реакционных сил, сосредоточенных в Демократической партии, произошло ослабление и разложение единства, возникшего во время восстания. На этот факт указывал, например, К. Шмидке на заседании Президиума КПС 14 июля 1945 г., когда он предложил подготовить политический удар по Демократической партии. Данный вопрос должен был обсуждаться на конференции КПС в г. Жилина 11—12 августа 1945 г. Однако, хотя он и был затронут в речи Клемента Готвальда, конференция не обсудила более подробно меры, которые было необходимо

предпринять для борьбы с реакционными силами. Наоборот, произведенные кадровые перемещения отодвинули на второй план представителей КПС, выдвинувшихся во время восстания и лучше других знавших конкретное положение дел в Словакии, что еще больше затруднило и осложнило борьбу с реакцией в последующий период.

Возрождение экономической жизни в Словакии происходило медленнее, чем в чешских областях. Большие трудности существовали на транспорте, в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства. В основном такое положение было вызвано объективными причинами, вытекающими из масштабов военного ущерба, который был нанесен Словакии в гораздо большей степени, чем западным областям республики. Однако существовали и политические причины этих затруднений, обусловленные тем, что словацкая буржуазия и значительная часть мелкой буржуазии, находящиеся под влиянием представителей «людацкого» движения и поддерживающие Демократическую партию, не хотели нести ответственность за выполнение Кошицкой правительственной программы и фактически саботировали ее. Дальнейшие трудности возникали в связи с включением словацких католиков и граждан мадьярской национальности в общественную жизнь, что было невозможно осуществить без последовательного очищения от реакционных элементов, а против подобных мер упорно возражала Демократическая партия.

Существенно отличалось от чешских земель и проведение аграрной реформы в Словакии. Сельское население не дождалось выполнения своих основных требований, и в первую очередь последовательной земельной реформы, вплоть до февраля 1948 г. Основная причина состояла в том, что в Словакии не было таких возможностей удовлетворения земельными наделами мелких крестьян как в чешских землях, так как подготавливавшаяся ревизия земельной реформы не позволяла провести ее в больших масштабах, ввиду чего непосредственно в послевоенный период ее так и не удалось осуществить.

Количество конфискованной земли в Словакии было небольшим и далеко недостаточным для удовлетворения требований сельского населения. КПС была также вынуждена преодолевать сопротивление аграрной реформе со стороны правых представителей Демократической партии. Деятельность реакции в этой сфере была достаточно успешной — всего в Словакии подлежало конфискации 545946 гектаров земли, однако до февраля 1948 г. было конфисковано всего 72 тыс. гектаров. В условиях Словакии большое значение могла иметь конфискация имений помещиков и церкви. Однако до февраля 1948 г. подобные меры фактически не проводились. Из-за этого не удалось существенным образом подавить влияние сельской буржуазии.

Национализация промышленности в Словакии не имела таких последствий, как в чешских землях, ведь в Словакии существовали большей частью мелкие и средние предприятия, не подлежавшие национализации. Тем не менее и в Словакии рабочий класс решительно выступил за реализацию мер по национализации, что подтверждалось крупными демонстрациями в октябре 1945 г. в Братис-

лаве и Нитре, а также решительной позицией словацких профсоюзов по этому вопросу.

В связи с национализацией промышленности в Словакии также велась борьба по вопросу о так называемых «конфискатах» — конфискованном имуществе. Как и в чешских областях, правые элементы в Попраде, Середи и в других местах попытались вернуть некоторые конфискованные предприятия их прежним владельцам. И в данном случае этому энергично воспротивились профсоюзные организации, которые доказали свою высокую классовую и политическую зрелость, готовность к защите интересов рабочего класса.

Словацкое национальное восстание практическим путем решило вопрос о законодательной и административной власти в Словакии. Словацкий национальный совет в качестве высшего представителя движения сопротивления внутри страны в своей декларации 1 сентября 1944 г. провозгласил, что он берет в свои руки всю полноту законодательной, правительственной и исполнительной власти в Словакии. После приезда президента и правительства Словацкий национальный совет опубликовал 21 апреля 1945 г. новое постановление, в котором подчеркивалось, что в его руках по-прежнему остаются все законодательные полномочия, кроме вопросов общегосударственного значения, но и они должны были решаться по согласованию с Словацким национальным советом. В так называемом первом пражском соглашении от 2 июня 1945 г. было конкретно определено, какие проблемы следует считать общегосударственными. В определенной степени, однако без коренных изменений, эти принципы были уточнены во втором пражском соглашении.

Одним из самых больших успехов своей послевоенной политики КПЧ всегда считала тот факт, что ей удалось добиться признания самобытности словацкого народа. Партия всегда стремилась использовать и другие положения Кошицкой правительственной программы, а затем Созидательной программы правительства Клемента Готвальда для привлечения подавляющей части словацкого народа к активному строительству нового совместного государства. Путь к этому КПЧ видела в обеспечении всесторонней экономической и политической помощи Словакии при полном уважении национальных прав словаков. Совместный труд в созидании республики, выполнение задач национально-демократической революции и создание условий для перехода к социализму должны были образовать важнейшие предпосылки для обеспечения братского сосуществования чехов и словаков в общей республике. Большое значение в данной области имела и новая конституция, от которой ожидалось окончательное закрепление прав словаков в рамках единого чехословацкого государства.

Коммунисты с самого начала заботились о преодолении существующих различий в уровне экономического развития. Они подчеркивали, что единое государство должно содействовать прогрессу в социальной области в Словакии, обеспечивать условия для повышения уровня жизни словацкого народа. Очень активно в этом направлении действовала Коммунистическая партия Словакии, мобилизовывавшая рабочий класс и другие слои трудового народа на возрождение и

строительство республики и выполнение задач двухлетнего плана. Благодаря такой политике словацкие коммунисты постепенно завоевывали доверие все более широких слоев народа, что содействовало ослаблению влияния реакционных сил и их постепенной изоляции. В результате возникали и благоприятные предпосылки для поражения реакции, которого удалось добиться осенью 1947 г. совместно с революционным движением в Чешских землях.

Таким образом, добиваясь равноправия двух наций, коммунисты стремились к созданию необходимых материальных условий, обеспечивающих словацкому народу такие же возможности развития, как и чешскому. В этом направлении предстояла большая работа, так как по сравнению с Чешскими землями Словакия сильно отставала в экономическом развитии. Было необходимо быстро преодолеть существующие различия.

Все указанные задачи имели важные классово-политические аспекты. Экономическое развитие Словакии отвечало интересам республики в целом и в первую очередь должно было содействовать интересам революционного движения, поскольку оно вело к серьезным изменениям в составе словацкого общества, в частности к увеличению рабочего класса, в особенности — промышленного пролетариата.

После второй мировой войны социально-классовая структура населения Словакии все еще значительно отличалась от Чешских земель. Больше половины населения (56 %) составляли крестьяне, в то время как в чешских землях к ним относилось только 22 % населения. Важное место на селе занимали безземельные и бедные крестьяне, которые были составной частью или же потенциальным резервом революционных сил.

Рабочий класс в Словакии был не столь многочисленным, как в Чешских землях. К нему относилось 19 % населения. Однако его слабость была и в том, что значительная часть рабочих была разбросана, работала на небольших, технически плохо оснащенных предприятиях ремесленного характера. В послевоенный период мелкое производство в Словакии было довольно широко распространено, здесь существовало около 100 тыс. мелких промыслов.

Для обеспечения ведущей роли рабочего класса в словацком обществе сначала было необходимо создать условия для ускоренной индустриализации, которая только одна и могла бы привести к увеличению числа рабочих. Индустриализация Словакии означала не только строительство новых промышленных предприятий, а в некоторых случаях целых промышленных отраслей, но и их размещение, делающее возможным оптимальное использование источников сырья и трудовых ресурсов, а также образование условий для возникновения рабочего класса там, где до сих пор преобладало сельское население, у которого не было необходимого политического опыта и которое находилось под влиянием церкви и «людацкой» идеологии.

По этим классово-политическим причинам индустриализация Словакии стала важным звеном двухлетнего плана. Выполнение выдвинутых в то время задач имело не только народнохозяйственное

значение, но и отвечало политическим интересам прогрессивных сил, содействовало преодолению идейной отсталости населения, облегчало его мобилизацию на борьбу с реакцией и профашистскими элементами.

Поэтому уже в связи с провозглашением двухлетнего плана партия подчеркивала, что его необходимо использовать для индустриализации Словакии и тем самым создать условия экономического выравнивания Словакии с достигнутым в Чешских землях уровнем. К. Готвальд отмечал в то время: «. . .Работать для сближения чехов и словаков и для укрепления государственного единства означает практически осуществлять двухлетний план» [5].

Таким образом, индустриализация Словакии была одной из важнейших составных частей двухлетки. Она была призвана создать условия гармоничного сотрудничества чешских земель со Словакией, превратить оба региона республики в единый экономический организм, содействовать повышению уровня жизни словацкого народа.

В этот период своего неотложного решения ждали и некоторые проблемы, возникшие в политической жизни Словакии. Коммунисты констатировали, что Словакия, ранее опережавшая Чехию в революционном процессе, начала отставать. Это проявлялось в разных областях общественной жизни, и особенно в непоследовательной реализации задач, поставленных Кошицкой правительственной программой, а затем Созидательной программой правительства Готвальда. В первую очередь затруднения возникали из-за того, что в то время в Словакии не удалось последовательно рассчитаться с фашистской реакцией и полностью выполнить программу национальной чистки. И хотя «людацкий» клерикальный фашизм был осужден и его ведущие представители наказаны, профашистские силы сохранили довольно значительные экономические и политические позиции, которые, как уже отмечалось, они смогли еще больше расширить благодаря сотрудничеству с Демократической партией.

С начала 1946 г. в Словакии происходила дальнейшая политическая дифференциация, которая проявилась и в образовании новых партий. Первой, в январе 1946 г. возникла Партия труда, которую создала немногочисленная группа представителей правого крыла социально-демократической партии, несогласных с объединением социал-демократов с КПС. В марте 1946 г. начала действовать Партия свободы, представители которой надеялись приобрести сторонников среди словацких католиков. Демократическая партия вскоре отреагировала на это установлением контактов с бывшими деятелями «людацкой» партии. Демократическая партия обещала им «полные гарантии участия в политической жизни». На такой основе было подписано так называемое апрельское соглашение, которое, как писал позднее Г. Гусак, содействовало тому, что «всей Демократической партией постепенно овладели реакционные силы и она превратилась в центр контрреволюции и стремилась ликвидировать народно-демократический строй. Демократическая партия стала угрозой и несчастьем Словакии» [6].

После парламентских выборов, принесших Демократической партии 62 %, коммунистам 30,37 % голосов избирателей, в Словакии участились выступления правых сил в форме античешских демонстраций, студенческих беспорядков, столкновений с органами безопасности и т. д. Во время обсуждения данных вопросов в Национальном фронте представители Демократической партии были вынуждены осудить подобные выступления и по крайней мере формально обещать продолжать воплощать в жизнь заветы Словацкого национального восстания.

Уже в 1946 г. в Словакии возникли затруднения в области снабжения. Демократическая партия также попыталась использовать их в своих целях. В борьбе с этими махинациями важную роль сыграли профсоюзные организации. Для развития профсоюзного движения большое значение имело объединение профсоюзов в чешских землях и в Словакии, произошедшее на I всеобщем съезде профсоюзов в апреле 1946 г. Тем самым были созданы условия для единых действий рабочего класса в борьбе за реализацию его интересов. Словацкие профсоюзы развернули осенью 1946 г. большую кампанию, в ходе которой они разоблачали действительные причины трудностей в области снабжения и содействовали политической дискредитации некоторых видных представителей правых сил. Такие мероприятия были подготовкой к знаменательным классовым и политическим сражениям, в которых Революционное профсоюзное движение участвовало год спустя. Они продемонстрировали значение профсоюзов в тогдашнем внутриполитическом развитии Словакии.

Словацкая реакция саботировала и выполнение двухлетнего плана. Этими вопросами вынужден был заниматься Национальный фронт Словакии, так как только таким образом можно было воздействовать на лидеров демократов и заставить их соблюдать взятые на себя обязательства. Демократическая партия также пыталась воспрепятствовать национальной чистке и наказанию главных «людацких» деятелей, в первую очередь Й. Тисо.

Положение дел в Словакии в 1946—1947 гг. требовало расширения сотрудничества коммунистов с прогрессивными силами в массовых организациях, не только в профсоюзах, но и в сельскохозяйственных, молодежных и женских организациях, с бывшими партизанами, политическими заключенными и т. д. Существовала также возможность воздействия на простых членов Демократической партии, которым было необходимо раскрыть глаза на вредительскую деятельность руководства их партии, разоблачить контрреволюционные цели его представителей.

После парламентских выборов 1946 г. словацкая реакция все более открыто саботировала деятельность законодательных и административных органов, поэтому последние лишь в малой степени содействовали развитию политической и экономической жизни, реализации задач, связанных с перестройкой общественной системы. На это указывал Г. Гусак на заседании Словацкого национального совета 16 июля 1946 г.: «Относительно работы Словацкого национального совета я думаю, что в нашей политической жизни этот

институт утратил большую часть своей активности и сейчас можно сказать, что он уже не тот, каким был раньше и каким мы все хотим его видеть» [7].

Кризисную ситуацию в словацких правительственных органах в определенной степени разрешило так называемое третье пражское соглашение. Согласно решению Национального фронта чехов и словаков произошло новое упорядочение законодательной и исполнительной власти Словацкого национального совета и Корпуса уполномоченных. Важным было то обстоятельство, что на этот раз речь шла не о соглашении между политическими партиями, а между правительством и представителями Словацкого национального совета. Согласно данному соглашению принятие какого-либо закона Словацким национальным советом требовало предварительного согласия правительства. Корпус уполномоченных также был подчинен правительству, а отдельные уполномоченные — соответствующим министрам. Все это ослабляло реакционные тенденции, проявляющиеся в Словакии в результате победы на выборах Демократической партии и укрепляло прогрессивные силы. Данная мера имела временный характер и была вызвана тогдашним состоянием классовых противоречий и борьбы в Словакии.

Коммунисты осознавали существующую опасность. Поэтому они подчеркивали, что нельзя допустить, чтобы политическое и идеологическое развитие в Чешских землях и в Словакии пошло разными путями. От сторонников революционного движения в Словакии это требовало постоянной наступательной борьбы с правыми и «людацкими» элементами, за ослабление их позиций на заводах, в городах и селах. Было необходимо совместно с прогрессивными представителями массовых организаций, в первую очередь Революционного профсоюзного движения, бывшими партизанами, политическими заключенными и другими силами стремиться к уменьшению влияния реакционных элементов и их изоляции. В то время революционным силам в Словакии на помощь пришли чешские коммунисты и представители других прогрессивных направлений в чешских землях. Это обстоятельство имело особое значение для борьбы с махинациями профашистских и правых элементов в органах власти, главным образом в Словацком национальном совете, в Корпусе уполномоченных и в национальных комитетах разных уровней. Однако необходимо отметить, что несмотря на различные тактические действия, на которые была вынуждена пойти Коммунистическая партия, учитывая тогдашнее развитие событий, она всегда последовательно боролась за осуществление прав словацкого народа и добивалась решения всех вопросов, содействующих прогрессу и преобразованию общественной системы.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

КОММУНИСТЫ, РАБОЧИЙ КЛАСС И ЕГО СОЮЗНИКИ

Созданное в конце второй мировой войны правительство Национального фронта представляло союз рабочих, крестьян, ремесленников, трудящейся интеллигенции и части чешской и словацкой буржуазии. Рабочий класс обладал значительным влиянием в Национальном фронте, все более ясно проявлялась его ведущая роль, он был в состоянии воздействовать на политику этой организации. Рабочий класс мог расширять свое влияние при условии, что он сумеет привлечь к реальному сотрудничеству самые широкие слои крестьянства, значительную часть городской мелкой буржуазии, интеллигенцию и некоторые группы буржуазии. КПЧ указывала на это обстоятельство, подчеркивала значение Национального фронта для воплощения в жизнь политической линии на завоевание большинства народа. Однако КПЧ реально смотрела на возможности фронта, не переоценивала их и предупреждала, что если буржуазные партнеры по Национальному фронту не изменят своих позиций и попытаются тормозить и саботировать строительство нового общественного строя, то рабочий класс, коммунистическая партия и трудовой народ найдут и другие средства и возможности для корректировки механического принятия решений, в котором проявляется влияние реакционных элементов и саботажников.

Сразу же после освобождения страны коммунистическая партия весьма решительно добивалась осуществления основных социальных требований рабочего класса и остальных трудящихся. В этой области было много работы, ведь необходимо было устранить многочисленные несправедливости и недостатки капиталистической системы. В первую очередь нужно было ликвидировать различия в заработной плате и в социальной области, порожденные капитализмом и еще более увеличившиеся в военные годы, когда резко упала реальная заработная плата, ухудшилось снабжение и произошло общее значительное снижение уровня жизни трудящихся.

Учитывая эти обстоятельства и проблемы послевоенного экономического положения, Коммунистическая партия стремилась добиться осуществления хотя бы некоторых важных преобразований в распределении национального дохода. Практически речь шла о реализации мер, обеспечивающих увеличение доли национального дохода, идущей на удовлетворение нужд трудящихся. В первую очередь коммунисты добивались повышения зарплаты рабочим, имеющим самые низкие доходы, недостаточные даже для обеспечения прожиточного минимума. По сути дела КПЧ добивалась реализации принципа: одинаковая заработная плата за одинаковый труд. На практике это означало борьбу за уравнение в зарплате женщин и молодежи, т. е. за принципы, выраженные еще в Кошицкой правительственной программе, КПЧ добивалась воплощения в жизнь этой

линии и в последующий период. Так, например, в 1947 г Коммунистическая партия боролась за то, чтобы ущерб, вызванный тогдашним неурожаем, не лег только лишь на плечи трудящихся, а возмещался прежде всего за счет капиталистов. Лучшим выражением подобной политики стал известный лозунг «Пусть платят богатые».

Сразу же после войны были предприняты первые конкретные меры для улучшения социального положения и условий жизни значительной части трудящихся, в первую очередь рабочих. В результате в определенной степени улучшилось положение самых бедных слоев населения, также была повышена заработная плата, особенно в ключевых отраслях производства, имеющих решающее значение для возрождения народного хозяйства. В период между маем и ноябрем 1945 г. подобные мероприятия были осуществлены в горнодобывающей и металлургической промышленности, т. е. в отраслях, которые имели чрезвычайное значение для консолидации чехословацкой экономики. Одновременно это должно было обеспечить необходимое количество рабочей силы в обеих отраслях.

В начале июля 1945 г. была также повышена зарплата женщин, которая до сих пор в некоторых профессиях была на 30—40 % меньше, чем у мужчин. Постепенно улучшались условия оплаты труда молодежи и выравнивались необоснованные различия в зарплате рабочих и чиновников. До октября 1947 г., т. е. за два послевоенных года средняя зарплата рабочих возросла на 110,4 %, а чиновников — на 80,6 %. Таким образом, было достигнуто сравнительно оптимальное соотношение зарплаты этих двух категорий [1].

И хотя в это время были решены не все неотложные проблемы, все-таки имело место определенное улучшение условий жизни. Это подтверждается и тем, что после изменения цен в конце декабря 1945 г. индекс расходов на жизнь колебался между 270—280 %, а индекс зарплаты возрос несколько больше и составлял 280—290 %. Поэтому можно констатировать, что тогдашняя политика в области заработной платы была выгодна трудящимся и соответствовала росту расходов на жизнь.

Существовал и целый ряд других задач, требующих постепенного решения для удовлетворения интересов подавляющего большинства чехословацкого народа. Прежде всего было необходимо создать систему единого народного страхования, что обеспечивало бы всех трудящихся в случае болезни, травмы, инвалидности и старости. Она должна была служить не только рабочему классу, но и крестьянам, ремесленникам, интеллигенции, т. е. всем трудящимся. Коммунисты отвергали также политику инфляции, чего добивались некоторые представители других политических партий. Коммунисты подчеркивали, что они хотят обеспечить регулирование цен и их снижение и таким образом обеспечить реальную ценность заработной платы и платежей.

Однако осуществление подобных мер было нелегким делом, так как имевшиеся в то время условия не позволяли быстро реализовать их, что, несомненно, имело бы большие политические последствия и особенно содействовало бы укреплению авторитета КПЧ.

Реализации этих планов препятствовали разные обстоятельства. В послевоенный период, когда в первую очередь было необходимо устранить военный ущерб и возродить ход народного хозяйства, для таких мероприятий не хватало финансовых средств и вообще отсутствовали необходимые материальные предпосылки. Указанные планы можно было воплотить в жизнь только при условии принципиального перераспределения национального дохода, что предполагало экономическое ослабление буржуазии, национализацию крупного капитала и определенное ухудшение уровня жизни некоторых до сих пор фактически привилегированных слоев мелкой буржуазии, например, государственных и общественных служащих. Эта довольно многочисленная группа населения сопротивлялась подобным изменениям и могла опереться на помощь большинства партий Национального фронта, которые искали новых сторонников именно в этих социальных группах.

Поэтому необходимо было действовать очень осторожно, осуществлять социальные меры постепенно, по мере появления возможностей, возникающих в ходе развития событий. Только так различные социальные перемены можно было использовать для укрепления революционного движения и мобилизовать рабочих и других трудящихся на борьбу за их реализацию. Коммунисты хорошо понимали, что действительно значительное повышение уровня жизни и широкие социальные меры можно осуществить только тогда, когда в полном объеме удастся закрепить завоевания национально-демократической революции и преодолеть экономические последствия шести лет оккупации.

В Чехословакии и особенно в чешских землях, существовала очень многочисленная городская мелкая буржуазия, которая сохраняла большое общественное значение несмотря на то, что ее значительно ослабили последствия экономического кризиса в довоенный период и различные меры нацистских оккупантов в годы войны.

Учитывая значение этого социального слоя, коммунисты следили за его эволюцией и сознанием и пытались добиться массовой поддержки его представителей. Это было нелегким делом, так как в своем большинстве мелкая буржуазия в течение многих лет находилась под влиянием различных мелкобуржуазных идей, в первую очередь идеологии масарикизма. Главным образом речь шла о ремесленниках, рядовых представителях интеллигенции и служащих, т. е. о тех группах, чьих симпатий добивались все политические партии.

Городская мелкая буржуазия была достаточно многочисленной и важной частью нации. Она имела большое значение и для народного хозяйства, ведь к ней относилось 15—16 % всего населения ЧСР. В целом насчитывалось около 372 тыс. ремесленников и более 100 тыс. мелких торговцев [2].

Коммунисты ясно осознавали, что число мелких производителей достаточно велико и недопустимо позволить дальнейшее увеличение числа мелких ремесленных производств. Вместе с тем было очевидно, что КПЧ вынуждена поддерживать основные социальные требования этой важной части населения, защищать ее экономиче-

ские интересы от крупного капитала. Проводить в жизнь такую политику было необходимо не только по классовым и политическим причинам, но и учитывая экономические интересы государства, а также постепенное создание социалистического народного хозяйства, опиравшегося на крупнотоварное производство и для своего дальнейшего развития нуждавшегося в новой рабочей силе; это могло дать только мелкое производство. Однако осуществлять подобную политику было очень трудно, так как этому препятствовали другие партии, которые, невзирая на конкретные потребности общегосударственного развития, добивались дальнейшего увеличения числа мелких ремесел. Подобные тенденции не удалось остановить вплоть до февраля 1948 г., а последствия этого наглядно показывает положение дел в Праге, где в начале 1948 г. было около 60 тыс. ремесленных мастерских, т. е. одна такая мастерская на 15 жителей города [3].

Однако политические партии, традиционно стремящиеся привлечь к себе мелких предпринимателей, в определенной степени просчитались, не учтя изменений, вызванных оккупацией и в этом общественном слое. Некоторые группы мелкой буржуазии уже в ходе национально-демократической революции в определенной мере радикализовались и сместились влево в соответствии с общим развитием чехословацкого общества. Они поддерживали коммунистов или же социал-демократов и стремились таким образом к сотрудничеству с рабочим классом. Тем не менее чехословацкая мелкая буржуазия, хотя значительно колебалась и оставалась на весьма шатких политических позициях, она все же с симпатией относилась к различным мерам, осуществляемым КПЧ, и поддерживала их. Однако по сути дела мелкая буржуазия одобряла только такие действия, которые вели к устранению или ослаблению нажима на нее крупнотоварного капиталистического производства. Поэтому мелкобуржуазные слои в своем большинстве поддержали национализацию крупных предприятий, однако они опасались, что дальнейшее развитие революции повредит их интересам. Подобные взгляды непосредственно отражались в экономической деятельности мелкой буржуазии, что проявлялось в нежелании делать новые капиталовложения и расширять предприятия.

Тем не менее определенная часть мелкой буржуазии прямо поддерживала КПЧ, активно участвовала в осуществлении ее политики. В первую очередь это касалось наиболее пострадавших от оккупации и притеснения капитала групп, которые в определенной мере, хотя не все одинаково, стремились к более глубоким изменениям политического строя. Это была довольно многочисленная группа — в 1946 г. перед VIII съездом КПЧ в партии насчитывалось около 50 тыс. ремесленников, т. е. 15 % всех мелких производителей. В домюнхенской буржуазной Чехословацкой республике столько членов не насчитывалось даже в тогдашней живностенской партии.

Успехов КПЧ достигла тогда несмотря на то, что она не проводила среди мелких предпринимателей никаких специальных мероприятий и кампаний по набору новых членов. Коммунисты не собирались вести какую-то конъюнктурную политику, рассчитанную

специально на эти слои населения и практически никогда не скрывали своих долгосрочных целей. Тем не менее КПЧ должна была определить свое отношение к ним, так как речь шла о многочисленном слое населения, который мог сыграть важную роль в реализации планов по привлечению большинства народа.

Выражением позиции КПЧ стал созыв съезда ремесленников-коммунистов в феврале 1946 г., где был выдвинут ряд требований по самым актуальным проблемам мелкого производства. Они затрагивали вопросы налогообложения, социального обеспечения, снабжения сырьем и т. д. В целом можно констатировать, что политика КПЧ того времени была направлена на защиту мелких предпринимателей от эксплуатации промышленной и торговой буржуазией. Коммунистическая партия стремилась обеспечить определенные социальные и юридические гарантии и соответствующие условия жизни.

Одновременно обсуждались вопросы о распространении влияния партии на другие группы мелкой буржуазии и срыве замыслов политических противников, также желавших найти здесь опору.

Важной группой населения были государственные и общественные служащие. Они не составляли однородного слоя. Чиновники и служащие низшего звена по условиям своей жизни приближались к остальным группам трудящегося народа, они были согласны по крайней мере частично сотрудничать с рабочим классом, близким им по своему социальному положению и жизненным интересам. Эти люди в определенной степени соглашались поддерживать политику КПЧ, были заинтересованы в последовательном осуществлении национально-демократической революции и по сути дела поддерживали меры, открывающие дорогу социалистической революции.

Группа же высших чиновников, занимающих ключевые посты в крупнотоварном капиталистическом производстве и государственном аппарате, во время оккупации скомпрометировавшая себя сотрудничеством с гитлеровцами и перешедшая после освобождения в лагерь реакции, поддерживала буржуазию и стала опорой правых элементов в остальных политических партиях.

КПЧ стремилась привлечь к сотрудничеству и другие группы интеллигенции. Она уделяла особое внимание так называемой технической интеллигенции, т. е. тем лицам, которые были заняты в сфере производства и своим трудом активно участвовали в послевоенном возрождении и строительстве республики. Значение такой политической линии подтвердилось непосредственно в послевоенный период и еще более возросло во время перехода к плановому ведению хозяйства, т. е. в ходе выполнения двухлетнего плана.

Больших успехов коммунисты добились и в работе среди остальных групп интеллигенции. Особенно значительную поддержку они получили в творческих кругах и среди научной интеллигенции. Несмотря на то, что в высших учебных заведениях преобладало влияние буржуазных партий, и там коммунистическая партия приобрела много сторонников. Общее влияние КПЧ в послевоенный период постепенно возрастало и в этой сфере. Таким образом, можно

констатировать, что в 1945—1948 гг. КПЧ завоевала достаточно прочные позиции среди городской мелкой буржуазии и интеллигенции и постепенно расширяла свои ряды. В результате она получила возможность укрепить свое влияние на ту часть городского населения, которая была занята в мелком производстве, в сфере услуг, в государственном и общественном аппарате или же занималась интеллектуальным трудом.

Для расширения позиций революционного движения большое значение имело сельское население. КПЧ вела среди него работу с самого своего возникновения и традиционно обладала большим влиянием на сельскохозяйственный пролетариат и часть мелкого крестьянства.

Еще во время войны представители КПЧ в Москве уделяли значительное внимание крестьянскому вопросу, рассматривали возможность привлечения подавляющего большинства сельского населения к активному участию в революционном движении. Коммунисты осознавали, что значительная часть крестьянства, ранее поддерживавшая аграрную партию, в годы оккупации полностью разошлась с ее коллаборационистским руководством и встала на платформу национально-демократической революции. Это создало предпосылки для сотрудничества в послевоенный период мелких и средних крестьян с КПЧ. Коммунисты стремились не только приобрести новых сторонников на селе, но и использовать революционную активность мелких и средних крестьян для создания разных массовых и отраслевых организаций, новых сельскохозяйственных кооперативов и т. д.

Большое значение придавалось также демократизации сельскохозяйственных кооперативов. Коммунисты хотели вырвать руководство кооперативами из рук сельской буржуазии, поэтому они предлагали установить общественное управление существующей системой сельскохозяйственных кооперативов и создать условия для демократических выборов их нового руководства. Цель могла быть достигнута только при действительно активном содействии широких слоев трудящихся города и деревни. Поэтому к подобному мероприятию должны были подключиться национальные комитеты, заводские комитеты, профсоюзные, кооперативные и другие организации.

После войны КПЧ завоевала в деревне новые позиции. Мелкие крестьяне на основании своего прошлого опыта лишились иллюзий о характере аграрной партии и в подавляющем большинстве понимали, что осуществить их требования хотят и могут только коммунисты. Поэтому они начали решительно поддерживать борьбу КПЧ за права сельского населения. Многие выдвинутые КПЧ задачи поддержала и часть среднего крестьянства, понявшего, что коммунистическая партия действительно намерена защищать интересы крестьян. Сознание этого усиливалось среди сельского населения на основе нового опыта, приобретенного непосредственно в послевоенный период. Основная заслуга в этом принадлежала правильной политике коммунистической партии. Коммунисты хорошо понимали значение деревни в тогдашней политической борьбе и сознавали, что если они приобретут здесь действительно массовую поддержку, то весьма

существенно возрастут и возможности последовательного осуществления всех мер, направленных на изменение общественной системы и строительство социализма. Это подчеркнул и К. Готвальд, который в самый разгар острой внутриполитической борьбы в 1947 г. сказал: «Завоевать большинство народа означает завоевать еще больше крестьян и в первую очередь средних крестьян» [4].

Уже в первые месяцы после освобождения удалось осуществить ряд мер, выгодных мелким и средним крестьянам, т. е. подавляющему большинству сельского населения. Большие заслуги в этом имело министерство сельского хозяйства, возглавляемое коммунистами. Большое внимание данной проблематике уделил и VIII съезд КПЧ в 1946 г., на нем было принято решение об особой необходимости последовательного разоблачения и демаскировки двадцатилетней политики аграрной партии и раскрытия причин ее сотрудничества с фашизмом. Далее нужно было определить основные принципы новой аграрной политики, соответствующей программе Национального фронта, дать оценку прежним действиям КПЧ, направленным на создание союза рабочих и крестьян и разработать обязательные директивы по реализации аграрной политики коммунистической партии.

Результаты парламентских выборов 1946 г. ясно показали, особенно в чешских землях, что значительная часть сельского населения активно поддерживает КПЧ и заинтересована в осуществлении политических целей коммунистической партии. Это было большим сюрпризом для правых сил, которые все еще надеялись приобрести в сельской местности больше сторонников, чем КПЧ. Здесь они полагались на помощь разных бывших деятелей аграрной партии. Однако оказалось, что по сравнению с домюнхенской республикой положение дел в деревне существенно изменилось и бывшие главари аграрной партии растеряли почти все свое влияние.

Ключевое значение для деревни имело последовательное осуществление задач Кошицкой правительственной программы. В первую очередь речь шла о конфискации земли немецких фашистов, предателей и коллаборационистов и о ее разделе, а также о проекте ревизии первой аграрной реформы, проводившейся аграрной партией в домюнхенской республике в пользу сельской буржуазии. Данный вопрос сохранял свою жгучую актуальность не только для безземельных и мелких крестьян, но и для середняков, также заинтересованных в приобретении новой земли.

Коммунистическая партия поставила подобные цели непосредственно после освобождения страны, когда она формулировала актуальные задачи своей политики в развитии национально-демократической революции на селе. Они были выражены в заявлении КПЧ в апреле 1945 г.: «Готовьте окончательную ликвидацию последствий Белой горы — возвращение чешской земли чешскому народу! Чужеземное немецкое дворянство, потомки появившихся после Белой горы грабителей, на этот раз будет бесповоротно изгнано. У чужеземного дворянства все имущество, и в первую очередь земля, будет конфисковано без всякого возмещения. Аналогичная судьба ждет поместья

и другую собственность имперских немцев, которые совершили тяжкие преступления против нашего народа и республики»[5].

Партия в полной мере сознавала революционный преобразующий характер мер, реализуемых в послевоенный период на селе, особенно в связи с осуществлением декрета о конфискации земли немецких и венгерских фашистов, предателей и коллаборационистов и ее передаче чешским и словацким трудящимся крестьянам. КПЧ настаивала на последовательном проведении конфискации и разделе земли между сельскохозяйственными рабочими, батраками, малоземельными, мелкими и средними крестьянами. Коммунистическая партия хотела, чтобы все меры в этой области принципиально отличались от предыдущей земельной реформы, реально служили интересам трудового крестьянства и содействовали ослаблению влияния и позиций деревенской буржуазии. Коммунисты указывали, что результаты предпринятых шагов приведут к переходу в руки чешского и словацкого народа большей части земли, ранее принадлежавшей фашистам и буржуазии, а размах данных мероприятий и их ход намного превысят границы изменений, вызванных прежней земельной реформой. Конфискованную землю должны были получить те, кто действительно нуждался в ней и работал на этой земле, и в первую очередь люди, кто своим участием в борьбе с немецким фашизмом и своими жертвами внес наибольший вклад в освобождение страны.

КПЧ придавала большое значение классовому характеру осуществляемых мер, так как видела в них определенный шаг вперед к ослаблению позиций буржуазии в деревне. Поэтому коммунисты требовали, чтобы осуществлением этих мер руководили национальные комитеты посредством особых сельскохозяйственных комиссий, которые должны были создаваться из претендентов на землю. Коммунистическая партия последовательно стремилась ограничить влияние предателей и коллаборационистов среди сельской буржуазии и в других областях, особенно в сельскохозяйственных кооперативах. Такая политика привлекала трудящееся крестьянство к поддержке правительства Национального фронта и целей национально-демократической революции.

Важной составной частью изменений, проходивших в то время в деревне, стало заселение пограничных районов. Уже во второй половине мая 1945 г. министерство сельского хозяйства разослало национальным комитетам директиву под названием «Конфискация земли врагов чешского народа». В ней содержался призыв к трудовому крестьянству в сотрудничестве и с помощью национальных комитетов брать в свои руки землю в пограничных районах, не дожидаясь принятия соответствующих законов. Вскоре министерство сельского хозяйства послало в пограничные районы несколько сотен специалистов, которые должны были содействовать конфискации земли и ее передаче так называемым национальным управляющим *, прибывающим в эти районы. Большое значение для проходящей

* Лицо, которому вверено управление имуществом, подлежащим национализации (*ред.*).

в деревне и особенно в пограничных районах аграрной революции имели три основных декрета, определяющие рамки данного этапа революционного преобразования деревни — декрет от 19 мая 1945 г. о национальном управлении имуществом немцев и предателей, декрет от 21 июня 1945 г. о конфискации их имущества, в первую очередь земли, и декрет от 20 июля 1945 г., определяющий, кому должна быть предоставлена конфискованная земля [6].

Раздел земли предателей, коллаборационистов и немецких фашистов и одновременная ревизия первой земельной реформы, провозглашенная в Созидательной правительственной программе, были важной составной частью всего процесса национально-демократической революции. Эти меры содействовали углублению дифференциации сельского населения и завоеванию безземельных, мелких, а также значительной части средних крестьян для дела революции и изоляции сельской буржуазии.

Осенью 1946 г. КПЧ представила проект шести сельскохозяйственных законов, самый важный из них — уже упомянутый закон о ревизии первой (т. е. довоенной) земельной реформы, был последовательно осуществлен только после февраля 1948 г. и привел к ликвидации всех помещичьих хозяйств. Еще во время борьбы за ревизию первой земельной реформы и другие требования крестьян КПЧ выдвинула так называемую Градецкую программу, которая предусматривала ограничение частного хозяйства 50 га земли. Земельные излишки подлежали конфискации и разделу между мелкими и средними крестьянами. Должны были изыматься земельные участки и меньших размеров, если владелец не обрабатывал их лично.

Проект решения земельного вопроса, выдвинутый коммунистами, вызвал беспокойство не только сельской буржуазии, но и представителей ряда политических партий, которые осознавали, что в этом случае весьма существенно возрастет влияние КПЧ на селе. Поэтому они пытались всячески препятствовать реализации подобных мер. Взгляды этих кругов наиболее открыто выразил депутат Национально-социалистической партии Микулаш в конце ноября 1947 г. в газете «Свободне слово». Он писал: «Мы категорически заявляем, что в ходе реализации земельной реформы и в будущем во что бы то ни стало должен быть сохранен принцип частной собственности» [7].

Послевоенные меры в сельском хозяйстве, связанные с изменениями во владении землей, имели действительно революционное значение. Речь шла о конфискации и разделении трех миллионов гектаров сельскохозяйственной земли и лесов, общая стоимость которых оценивалась в 100 млрд крон. Данные меры реализовывались довольно быстро — во внутренних областях ЧСР, до середины ноября 1945 г. было конфисковано 80 тыс. га пахотной земли, а до апреля 1946 г. — 353 806 га. В пограничных районах события развивались еще быстрее — до ноября 1945 г. там было конфисковано около 850 тыс. га пахотной земли [8].

Осуществляемая земельная реформа и конфискация земли существенным образом изменили классовую структуру чехословацкой деревни. Уменьшилось количество мелких хозяйств, возросло значе-

ние средних крестьян, которые стали основной социальной группой сельского населения, потенциальным резервом и важным звеном прогрессивных сил. Тем не менее в это время сельская буржуазия еще сохраняла существенные позиции. В чешских землях по-прежнему существовало 33 тыс., а в Словакии около 5 тыс. хозяйств, где площадь земли превышала 20 га [9].

В ходе реализации данных мер Коммунистическая партия приобрела в деревне много новых сторонников во внутренних областях и, особенно, в пограничных районах. Возникали также довольно благоприятные предпосылки для дальнейшего укрепления и расширения завоеванных позиций. Этому содействовали и другие меры, предпринимаемые в интересах сельского населения. Выгодными для деревни были изменения в области цен и налогов. Коммунисты добивались также обеспечения производства дешевых промышленных изделий для сельского населения и предоставления ему финансовых кредитов. Коммунисты помогали и преодолению трудностей, возникавших в результате нехватки трудовых ресурсов в сельском хозяйстве, организовывали помощь деревне со стороны рабочих и городского населения в период жатвы и во время других важных уборочных работ.

Большое значение имела политика в области цен, направленная прежде всего на удовлетворение интересов мелких и средних крестьян. Коммунисты добивались установления дифференцированных цен на зерно и продукты животноводства, что было выгодно именно этим слоям сельского населения. Конкретные результаты подобных мер сказались следующим образом: после изменения цен доходы крестьян возросли на 3221 млн крон, из этой суммы на долю мелких и средних крестьян, т. е. владельцев хозяйств меньше 20 га земли, пришлось 2519 млн крон [10].

Политический смысл этих мер объяснил тогдашний министр сельского хозяйства Дюриш: «Данный вопрос мы решаем таким образом, чтобы направить нашу политику на завоевание мелких и средних крестьян. Мы обеспечиваем повышенные цены на продукцию мелких и средних крестьян за счет помещиков» [11].

Постепенно осуществлялись и другие действия, призванные помочь мелким и средним крестьянам. К ним относилось снижение арендной платы за землю, владельцы которой не обрабатывали ее лично. Рассматривалась перспективная возможность введения всеобщего страхования по болезни, инвалидности и старости для крестьян, что должно было гарантировать их материальное обеспечение в случае болезни, инвалидности, а также в преклонном возрасте. Коммунисты стремились добиться демократизации сельскохозяйственного кооперативного движения, где решающие позиции должны были занять мелкие и средние крестьяне, в первую очередь через национальные комитеты и организации Единого союза чешских крестьян, обеспечивавшие выполнение обязательных поставок зерна государству и проводившие контроль за выполнением этих обязанностей. Однако крестьяне имели право свободно распоряжаться оставшимися излишками и возможность продавать их. В свою очередь

правительство заботилось о регулярном снабжении деревни промышленными потребительскими товарами. В связи с этим подчеркивалась необходимость коренной реорганизации сети распределения, призванной обеспечить наличие в продаже достаточного количества сельскохозяйственных и промышленных товаров по умеренным, сходным ценам.

Большую помощь крестьяне получили в 1947 г., во время засухи и неурожая. Коммунисты добились введения доплаты к закупочным ценам на сельскохозяйственную продукцию, содействовали получению крестьянами финансовой помощи, кормов и семенного материала. Данная помощь, расходы на которую в значительной степени должен был возместить так называемый налог на миллионеров, затрагивающий узкий слой буржуазии, была значительной поддержкой мелким и средним крестьянам и привела к еще большей политической дифференциации на селе.

Уже в то время коммунисты уделяли внимание дальнейшим перспективам развития сельского хозяйства, подчеркивали необходимость индустриализации и механизации сельскохозяйственных работ, которые облегчили бы тяжелый труд и возместили нехватку трудовых ресурсов. Первым шагом в этом направлении стала двухлетка, а дальнейшие меры предполагалось включить в разрабатываемый пятилетний план.

Таким образом, аграрная политика КПЧ в первые послевоенные годы в первую очередь была направлена на улучшение социального положения мелких и безземельных крестьян, обеспечение снабжения деревни промышленными товарами, а города — сельскохозяйственной продукцией. Она также продемонстрировала путь к преодолению возникающих из-за нехватки рабочих рук трудностей и возможности перехода к интенсификации сельскохозяйственного производства.

Политика КПЧ наталкивалась на большое сопротивление реакционных сил, которые всеми способами пытались тормозить ее. В первую очередь это проявлялось в яростных конфликтах вокруг принятия шести сельскохозяйственных законов — так называемой Градецкой программы и проектов проведения ревизии первой земельной реформы. Представители буржуазии были особенно обеспокоены тем обстоятельством, что коммунисты ознакомили с предлагаемыми мерами крестьян и мобилизовали их на борьбу за осуществление данных мер, что стало ясно в ходе обсуждения и реализации закона о ревизии первой земельной реформы. В это время по инициативе КПЧ в деревнях происходило массовое образование крестьянских комиссий, которые объединяли в основном безземельных и мелких крестьян, т. е. ту часть сельского населения, которая была наиболее заинтересована в последовательной реализации упомянутых мероприятий. Данные комиссии сыграли важную роль в последующем развитии революционного движения в деревне, а также приняли активное участие в февральских событиях 1948 г.

Хотя реакционные силы могли тормозить и частично саботировать аграрную политику КПЧ, тем не менее им не удалось ослабить влияние партии на сельское население. КПЧ неустанно разъясняла

крестьянам конкретное содержание своих планов, разоблачала замыслы других партий. Это значительно содействовало усилению ее влияния на крестьян.

Таким образом, в 1945—1948 гг. КПЧ превратилась не только в авангард рабочего класса и завоевала подавляющее большинство рабочих на свою сторону, но и существенно укрепила свои позиции среди городской мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно среди сельского населения, в своем большинстве поддержавшего выдвинутое национально-демократической революцией требование аграрных преобразований в ЧСР.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И МАССОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

В период антифашистского и национально-освободительного движения возникли новые основы сотрудничества между участвующими в нем политическими партиями. В этот период, к концу войны и непосредственно после нее, появилась также возможность тесного сотрудничества всех партий, провозглашавших своей целью социализм. Значение подобных действий всячески поднимали и руководящие представители упомянутых партий. Соглашался с этим и президент Бенеш, который еще во время войны даже предлагал создать некую объединенную социалистическую партию. КПЧ однако при обсуждении этого проекта в декабре 1943 г. высказала вполне обоснованное мнение о том, что в эмиграции этого нельзя сделать, ибо создание действительно единой, политически и идеологически крепкой партии можно было бы осуществить только в Чехословакии и при активном участии всех партий, которых это касалось бы.

Коммунисты отстаивали мнение, что будущее развитие политической обстановки в освобожденной республике в значительной мере зависит от того, удастся ли добиться совместных действий трех социалистических партий. При условии, что эти партии на деле проводили бы политику, отвечающую интересам трудящихся города и деревни, можно было бы добиться принципиальных структурных изменений в политической, экономической и культурной сферах. Основания для подобных предположений имелись; они исходили из того, что блок социалистических партий сыграл важную роль в организации антифашистской борьбы против оккупантов на заключительной стадии второй мировой войны. Представители этого блока обещали, что будут активно участвовать в выполнении Кошицкой правительственной программы, ставшей основным программным документом вновь созданного правительства Национального фронта и строительства освобожденной республики.

Вскоре после освобождения страны, однако, выявилось, что национальные социалисты не намереваются соблюдать обязательства,

взятые ими на себя при переговорах о создании блока социалистических партий. Правые силы в социал-демократии, которые позже завоевали серьезные позиции в партии, также отвергали такую политику и стремились, напротив, ограничить сотрудничество КПЧ. В результате блок социалистических партий через несколько месяцев фактически перестал существовать.

КПЧ в послевоенный период поддерживала самые широкие контакты с социал-демократической партией и стремилась привлечь ее к сотрудничеству по выполнению мер, вытекающих из Кошицкой правительственной программы, и других задач, выдвигавшихся развитием революции. Однако социальные демократы были непоследовательны, решения принимались ими в основном в зависимости от того, какое течение в тот или иной момент преобладало в социал-демократической партии.

В первое время после войны, когда в руководстве социал-демократии господствующее влияние имели левые элементы, представленные З. Фирлингером и его сторонниками, эта партия проявляла готовность к сотрудничеству с КПЧ, высказывалась за единство всех социалистических партий и совместные действия пролетариата в борьбе за его классовые интересы и социальные требования. Социал-демократия тогда вопреки сопротивлению правого крыла шла по пути сотрудничества с коммунистами в строительстве народно-демократического государства.

Данное обстоятельство получило свое проявление и в принципах программы действия социал-демократической партии 1945 г., в которой подчеркивалась необходимость совместных действий всех социалистических партий и предлагалось их объединение в единой партии. Социал-демократы поддерживали и создание единого профсоюзного движения и отводили ему значительную роль в общественной жизни и внутриполитическом развитии республики.

Социал-демократия в указанной программе выступила также в поддержку принципов, воплощенных в Кошицкой правительственной программе, и высказалась за создание экономических основ социалистического общества. Она обещала поддерживать все мероприятия национально-демократической революции, открывающие путь к революции социалистической, поддерживала создание нового государственного управления, мероприятия по национализации, конфискацию земли, принадлежащей фашистам, предателям и коллаборационистам, и ревизию земельной реформы. Она высказывалась за равноправие чехов и словаков и за иные меры, осуществлявшиеся в послевоенный период.

Такое развитие социально-демократической партии продолжалось, несмотря на сопротивление ее правого крыла, и после парламентских выборов 1946 г. и по сути в течение всего времени, пока ее руководство находилось в руках левых во главе с З. Фирлингером. Уже в 1947 г. они договорились с руководством КПЧ о совместных действиях против реакции и подчеркивали необходимость совместных действий обеих партий в осуществлении Созидательной программы правительства Готвальда.

Противники этого соглашения и в остальных политических партиях активизировались. Его отвергло и правое крыло социал-демократии, оно обвиняло представителей тогдашнего руководства партии в том, что их сотрудничество с коммунистами якобы вообще ослабляет позиции социально-демократической партии. Правые, имевшие позиции в некоторых областных организациях, во второй половине 1947 г. смогли перейти в наступление и попытались изменить политический курс партии. Решающее значение в этом плане имел XXI съезд Чехословацкой социально-демократической партии в ноябре 1947 г. На съезде правое крыло добилось устранения З. Фирлингера с поста председателя партии и избрания нового руководства, где подавляющее большинство составляли сторонники группы центра во главе с Б. Лаушманом и правые силы, наиболее влиятельным представителем которых стал В. Майер.

Изменения в руководстве социал-демократии сильно сказались на всей внутриполитической жизни страны. Новое руководство социал-демократии прервало существовавшие связи с КПЧ, начало отходить от классовых позиций, вновь провозглашало реформистские идеи и сползало к оппортунистической политической практике. Характерным выражением происшедших изменений были слова нового председателя партии Б. Лаушмана, демагогически заявившего: «...Точно также, как мы раньше настаивали на том, что демократия без социализма — это не демократия, то теперь мы заявляем, что социализм без демократии для нас не был бы социализмом» [1].

Принципиальные изменения произошли также во внешнеполитической концепции этой партии, которая в последующий период постепенно воспринимала бенешевские представления о роли Чехословакии как «моста» между Востоком и Западом [2].

Левое течение в социал-демократии, однако, не капитулировало. Оно начало консолидироваться в самостоятельную группу; сформировалась в январе 1948 г. и начала издавать собственный журнал. Эти силы и впредь хотели сотрудничать с Коммунистической партией, поддерживать ее усилия, направленные на осуществление социалистической революции. Руководящие представители левого течения уже тогда пришли к решению, что если произойдет открытый политический конфликт, то они будут поддерживать политику КПЧ и ценой раскола в социально-демократической партии.

Важно, что левое крыло в социально-демократической партии и после поражения в ноябре 1947 г. сохранило много сторонников и не впало в пассивность. Напротив, вскоре оно активизировало свою деятельность и повело энергичную борьбу против правых элементов. Это обстоятельство имело большое значение во время развития внутриполитического кризиса, а в феврале 1948 г. противодействовало созданию объединенного реакционного блока.

Национально-социалистическая партия, хотя в ее названии было слово социализм, на деле, однако, никогда не проявляла настоящей заинтересованности в его победе. Она полностью отвергала научный социализм и провозглашала строительство некоего национального социализма. По существу она всегда ограничивалась прокламирова-

нием различных мелкобуржуазных, эклектических идей, предназначенных для воздействия на своих сторонников из рядов рабочих и мелких буржуа. Среди ее членов преобладали буржуазные элементы. Относительно наиболее радикальное течение представляла в партии сравнительно многочисленная группа низших муниципальных и государственных служащих и рабочих. Эти люди по сути были готовы сотрудничать с остальными социалистическими партиями, соглашались с программой национально-демократической революции и в принципе поддерживали идею построения социалистического общества. Значительное влияние на политику партии однако имела группа высших чиновников и государственных служащих, которые придерживались в основном консервативных взглядов и не желали последовательного осуществления даже принципов и задач, заключенных в Кошицкой правительственной программе. Влияние данного направления постепенно возрастало в связи с тем, что в партию вливались правые элементы из рядов бывших сторонников аграрной и других буржуазных партий домюнхенской республики.

К концу войны и непосредственно после нее национальные социалисты выступали перед общественностью еще достаточно радикально. Они заявляли, что согласны со строительством народно-демократического государства и заинтересованы в сотрудничестве всех социалистических партий. Однако какое содержание эта партия вкладывала в слово социализм, наглядно показывает ее программа 1947 г. В ней утверждалось, что «процесс социализации ныне проходит по всей Европе, проходит он и в богатых северо-американских штатах» [3].

Национальные социалисты выступали за так называемую «плюралистическую демократическую систему» и призывали к борьбе против «тоталитарных тенденций», в приверженности которым они без всяких оснований обвиняли коммунистов. И хотя в послевоенное время, вынужденные учитывать радикальные настроения значительной части своих членов и последователей, национальные социалисты должны были согласиться с проведением национализации, они по-прежнему и все более решительно выступали в качестве защитников частного предпринимательства. Они заявляли, что решающая роль в государстве принадлежит их партии в силу того, что она служит выразителем не только самобытного политического и экономического развития, но и некоей духовной сущности нации, ее традиций и нравственных принципов. Национальные социалисты отвергали классовую борьбу и не признавали, что классовые различия имеют экономическую основу; они утверждали, что все противоречия подобного рода порождаются ничем иным, как культурными различиями. Данный принцип содержался и в упомянутой программе партии, в которой говорилось, что «наш социализм вовсе не является классовым, он устремлен к благу всех» [4].

Представители национальных социалистов равным образом утверждали, что в Чехословакии не существует эксплуататорских классов, ибо мы дескать являемся нацией мелких трудовых людей. Они заявляли, что по таким мотивам не могут согласиться с концеп-

цией классовой борьбы, что они хотят служить всей нации, а вовсе не отдельным классам. Из таких «постулатов» делался вывод, что общественный переворот можно провести без революционного насилия, а с помощью средств, которые таит в себе буржуазная демократия.

Национальные социалисты без всяких оговорок поддерживали бенешевскую концепцию внешней политики и придерживались теории «моста» между Востоком и Западом. Это положение содержалось в их программе 1947 г. «Мы — самая западная твердыня восточного славянского мира, — говорилось в программе, — но вместе с тем, мы являемся самой восточной твердыней западной цивилизации (особенно франко-англосаксонской)» [5].

Во главе Национально-социалистической партии оказались правые элементы, тесно связанные с Западом. По директивам оттуда они руководили деятельностью партии, ориентируя ее все более решительно против КПЧ и прогрессивных сил. По решению лондонской эмиграции пост председателя занял Петр Зенкл, который принадлежал к оголтелым представителям самого правого течения Национально-социалистической партии. Важные посты в руководстве партии заняли и другие представители западной эмиграции — такие, как Я. Странский, Г. Рипка, П. Дртина и им подобные. Генеральным секретарем стал бывший национальный демократ Краина, на руководящие посты проникли бывшие аграрии Л. Фейерабенд, Ч. Торн, Каменичек и др. Членом экономического совета оказался зять бывшего президента Живностенского банка Я. Прейсса. И в большинстве областных, районных и местных комитетов Национально-социалистической партии окопались представители бывших реакционных партий, действуя там в согласии со своими реакционными взглядами. Проявилось это и в составе Центрального комитета партии, избранного на съезде в 1946 г. Среди его членов было только 7 % рабочих, а остальные по своему социальному происхождению были представителями средних слоев и крупной буржуазии. В то же время почти половину членов партии составляли служащие, а 30 % — самостоятельные предприниматели, землевладельцы, ремесленники и представители свободных профессий.

Деятельность лидеров правых в Национально-социалистической партии особенно активизировалась в связи с парламентскими выборами 1946 г. Самоуверенность их неимоверно возросла в результате неправильной оценки ситуации. Они убедили себя в том, что выборы принесут поражение коммунистам, а их влияние укрепят и превратят их в ведущую политическую силу Чехословакии. Настроения этих деятелей выразил Я. Странский, который утверждал, что возвышение коммунистов перешло уже свою высшую точку и предстоящие экономические трудности притормозят, дескать, активность КПЧ. Результаты выборов охладили заправил Национально-социалистической партии и заставили их вести себя более осторожно, однако постепенно их активность стала возрастать, усилились их нападки на коммунистическую партию и обструкционистская деятельность, направленная на саботаж Созидательной программы правительства

Готвальда. Тогдашняя тактика Национально-социалистической партии была выражена в статье газеты «Свободное слово», в которой говорилось: «При суждении о нашей работе общественность не должна ставить вопрос только о том, чего мы как партия достигли, но и о том, чему мы воспрепятствовали».

С лета 1947 г. руководство национальных социалистов все более явственно ориентировалось на подготовку путча, который имел целью полностью изменить направление развития республики, привести к устранению из правительства коммунистов и других представителей прогрессивных сил, к установлению реакционной диктатуры буржуазии. Национально-социалистическая партия таким образом стала во главе правого блока. Произошло это не только благодаря агрессивности ее представителей, сказалось влияние партии, имевшей тогда в своих рядах около 562 тыс. членов. Ее правые лидеры поставили цель ослабить влияние и позиции коммунистов. Они полагали, что им помогут не только нарастающие внутриполитические трудности (особенно экономические затруднения, которые давали себя чувствовать в 1947 г.), но и развитие международных событий, происходивших под знаком распада антигитлеровской коалиции. Потому-то такое внимание уделялось событиям в западноевропейских странах, где в это время происходило вытеснение коммунистических партий из правительств. Аналогичную тактику Национально-социалистическая партия хотела применить и в Чехословакии. Начиная с лета 1947 г. национальные социалисты начали устанавливать все более регулярные контакты с разными политическими деятелями капиталистических стран и расширять сотрудничество с реакционными силами в чешских политических партиях и в Словакии. После февраля 1948 г. выяснилось, что некоторые ведущие деятели Национально-социалистической партии во главе с Краиной в это время опутывали сетью шпионажа органы безопасности, армию, органы управления государством и экономикой; при том намеревались использовать создаваемую сеть не только для сбора информации, но и для подготовки задуманного путча.

Однако и в Национально-социалистической партии не существовало полного единства взглядов по вопросам дальнейшего политического развития. Определенные позиции все еще сохраняли и левые силы, представлявшие рабочий класс и некоторые прогрессивные группы мелкой буржуазии. Это течение оказывалось во все большем противоречии с правым руководством партии и постепенно переходило к более активному противодействию реакционным устремлениям. Сторонниками левых в среде национальных социалистов были прежде всего функционеры и члены Революционного профсоюзного движения, довоенные члены партии, несогласные с политикой зенкловского руководства, некоторые низшие чиновники, ремесленники и мелкие земледельцы, которые возражали против отношения правых заправил партии к проектам сельскохозяйственных законов, ревизии земельной реформы, к решению судьбы так называемых «конфискатов», к национализации и т. д. И хотя эти силы не были сколько-нибудь значительно представлены в руководстве партии и

поэтому не могли более серьезно выразить свою волю, они все же представляли мнение определенной части членов партии и составляли потенциальную оппозицию, которая в конце концов проявила себя в ходе февральских событий 1948 г.

Народная партия начала действовать после войны в качестве единственного несоциалистического политического движения в чешских землях. Однако и она обещала позаботиться о привлечении верующих к поддержке национально-демократической революции и выразила согласие с Кошицкой правительственной программой.

Когда представители Народной партии оценивали значение Кошицкой правительственной программы, то особо подчеркивали, что эта программа предполагает конституционно гарантировать честно приобретенную собственность и в известной мере ограничивает размах мер по национализации. Они выступали, разумеется, против так называемых тоталитарных тенденций, отстаивали буржуазно-демократические принципы и особенно настаивали на «естественном праве человека на частную собственность» [6].

Этот лозунг был адресован в первую очередь крестьянам, мелкой, средней и крупной буржуазии. Народная партия и ее руководители обещали позаботиться о том, чтобы и в будущем было обеспечено существование предпринимателей. Они превозносили значение христианства и требовали признания его роли и участия в культурном развитии, образовании и т. д. Лидеры Народной партии формально соглашались с новой внешнеполитической ориентацией Чехословакии и союзническими отношениями с Советским Союзом, но, как и национальные социалисты, они были сторонниками теории «моста» и охотно выпячивали значение традиционных связей с Западом.

В руководстве Народной партии так же со временем значительные позиции приобретали правые силы, особенно представители западной эмиграции. Эти люди, стремясь вернуться к активному участию в политической жизни, даже размышляли о свержении существующего партийного руководства и, прибегая к осторожной тактике, пытались навязать партии еще перед февралем 1948 г. явно оппозиционный курс.

Ведущее положение в партии занимали прежде всего два политика — Я. Шрамек и Ф. Гала, они возглавляли по сути центристскую группировку. К крайне правым принадлежали и люди, вернувшиеся из лондонской эмиграции и действовавшие как оголтелые антикоммунисты. В первую очередь это были Г. Кожелугова, П. Тигрид, П. Худоба, И. Духачек и др. Пробивались к руководству и бывшие аграрии, отстаивавшие интересы помещиков. Существовало и прогрессивное крыло, объединявшее прежде всего членов и функционеров профсоюзных организаций и некоторых низовых представителей католического клира. Полумиллионная Народная партия вовсе не была чем-то единым целым; в ней имелись разные противоречия, которые с годами постепенно обострялись.

Руководство партии во главе со Шрамеком первоначально не соглашалось с устремлениями правых, направленными на раскол Национального фронта и переход партии в лагерь открытой оппо-

зиции. Постепенно оно, однако, само перешло на правые позиции и с середины 1947 г. активно участвовало в подготовке путча, ставившего целью совершить переворот в Чехословакии и вытеснить коммунистов из правительства.

Народная партия в это время сблизилась с скомпрометированными представителями словацкого политического католицизма из Демократической партии; впрочем руководство Народной партии не решилось выступить открыто в ее защиту, когда осенью 1947 г. была разоблачена роль Демократической партии в подготовке реакционного путча. Народная партия все теснее сотрудничала с национальными социалистами, поддерживала их действия по разным важным вопросам, например, так называемого налога на миллионеров, урегулирования жалования чиновников, положения в органах государственной безопасности и т. п. Руководство Народной партии поддерживало и укрепляло связи с высшей церковной иерархией, помогая ей в борьбе против подготовляемой земельной реформы, затрагивавшей и церковные земли. Постепенно и эта партия оказалась в плену правых сил и ее руководство в полной мере участвовало в подготовке реакционного путча.

Демократическая партия в Словакии с момента своего возникновения во время Словацкого национального восстания являла собой весьма разношерстное объединение представителей различных буржуазно-демократических течений, аграриев и бывших членов глинковской партии — «людаков». Последние впрочем в первый период — от Словацкого национального восстания до конца 1945 г. — еще воздерживались от слишком активных выступлений в общегосударственном масштабе и ограничивали свою деятельность отдельными районами Словакии. Там они сохраняли сравнительно большое влияние и имели возможность заниматься организацией активного сопротивления всем мероприятиям, ослабляющим позиции капитала. Бывшим «людакам» помогало и то обстоятельство, что на словацкую деревню и на мелкобуржуазные и буржуазные слои города значительное влияние имела религиозная идеология и консервативные традиции, что позволяло довольно легко склонить эти слои населения к поддержке правых сил.

Для развития Демократической партии характерен постоянный сдвиг вправо. Она все более открыто утверждалась на позициях капитализма, утверждая, что «социализм в своем изначальном виде, особенно когда он стремится к революционным изменениям в экономической и социальной областях, является в некоторых отношениях практически неосуществимым» [7].

Демократическая партия совершенно открыто и решительно высказывалась за сохранение частной собственности и капиталистического предпринимательства. Она признавала, что государство может регулировать хозяйственную деятельность, но отвергала ее планирование. Она требовала даже оставления банков и других финансовых органов, крупных промышленных предприятий в частнособственническом владении, допуская впрочем участие трудящихся в управлении предприятиями в тех формах, какие, как показал опыт

Западной Европы, никоим образом не означают какого-либо ограничения капитализма.

Словацкие демократы, подобно Народной партии в чешских землях, подчеркивали культурное и общественное значение религии и требовали ее охраны.

Что касается национального вопроса, то Демократическая партия высказывалась за единство Чехословакии, в своей программе она требовала автономии Словакии, причем главный упор делала на создание условий для обеспечения так называемых традиционных ценностей; под ними подразумевались основы капиталистического строя и обширные права церкви и религии. Смыслом такого требования было сохранение и упрочение позиций правых сил в Словакии, создание действенных препятствий против того, чтобы развитие в этой части республики развертывалось в том же направлении, что и в чешских землях.

Словацкие демократы первоначально считались наследниками аграриев и в этом смысле попытались развернуть деятельность в общегосударственном масштабе. Однако уже весной 1946 г. в партии возник конфликт с влиятельным католическим крылом, объединявшим сторонников бывшей «людацкой» партии. Заправилы Демократической партии, опасаясь раскола и ослабления своего лагеря, весной 1946 г. заключили соглашение с главарями «людаков», предоставив им значительную часть руководящих позиций. Такой шаг обеспечил им более массовую базу и поддержку католического клера, но привел партию к явному переходу на откровенно правые, националистические позиции, с чем не могли согласиться даже некоторые политические представители чешской буржуазии.

Махинации реакционных элементов вызывали нарастающее возмущение всех прогрессивных сил словацкого народа во главе с коммунистами. Решительные меры против реакции были предприняты осенью 1947 г. в связи с раскрытием антигосударственного заговора членов запрещенной «людацкой» партии. Эти события вызвали определенное ослабление демократической партии и активизировали внутри нее оппозиционные группы, не соглашавшиеся с реакционной политикой руководства. Это крыло постепенно сплачивало свои силы и проявило себя в февральские дни 1948 г.

Чтобы дорисовать политическое положение в Словакии, нужно еще упомянуть о двух небольших партиях, возникших в послевоенные годы. Одной из них была Партия труда, которая должна была стать партией социал-демократического типа. Однако она не завоевала сколько-нибудь значительного влияния в среде рабочих и в других слоях словацкого общества. В подобном же положении находилась и Партия свободы. Она пыталась завоевать сторонников в среде различных мелкобуржуазных слоев города и деревни и рассчитывала распространить свое влияние на прогрессивных сторонников Демократической партии, недовольных все более реакционным курсом ее руководства. Такие намерения также остались нереализованными, в результате и эта партия осталась сравнительно малой политической силой.

Важную роль в жизни послевоенной Чехословакии играл президент Бенеш. Он обладал немалым авторитетом, и не только как глава государства. Практически он оставался ведущим представителем буржуазных и мелкобуржуазных слоев, имевшим возможность воздействовать и на политику некоммунистических партий.

Бенеш уже в ходе войны осознал, что после поражения фашизма и освобождения республики возрастет влияние коммунистов и авторитет Советского Союза. Чтобы сохранить престиж и позиции буржуазных течений в движении сопротивления, он в 1943 г. согласился с заключением чехословацко-советского договора. Он установил контакты с представителями находящегося в Москве руководства КПЧ и вступил с ними в переговоры о будущем устройстве республики. Цели, которые тогда преследовал Бенеш, его секретарь Э. Таборский охарактеризовал так: заключение договора с Советским Союзом Бенеш хотел использовать для максимального ограничения влияния СССР на развитие событий в Чехословакии [8].

Свои представления о коммунизме Бенеш изложил, например, в книге «Размышления о славянстве», где им высказаны опасения, что коммунисты и в послевоенное время будут стремиться добиться своих программных целей [9]. КПЧ, пришел к заключению Бенеш, и после войны останется самостоятельной партией, которая будет стремиться посредством национальных комитетов и Национального фронта распространять свое влияние и обеспечить себе ведущее положение в государстве. С такой перспективой он не собирался примиряться. Поэтому, хотя во время войны и после нее он многократно подчеркивал неизбежность сотрудничества с Коммунистической партией и даже признавал выдающуюся, если не прямо руководящую ее роль в стране, на деле он никогда не смирился с этим и подобно иным буржуазным политикам ожидал той поры, когда настанет благоприятная ситуация для коренных изменений. Его надежды поддерживались все сильнее проступавшими в то время тенденциями «холодной войны» в области международных отношений. Потому у него не было возражений против обостряющейся антикоммунистической политики некоторых партий и, как показала его деятельность в феврале 1948 г., он в принципе одобрял планы контрреволюционных сил.

КПЧ всегда высоко оценивала значение массовых организаций, особенно Революционного профсоюзного движения, добивалась их единства и активного участия в организации новой жизни и в проведении преобразований, связанных с развитием революционного процесса. Такой линии партия следовала уже в военные годы, прилагая усилия к созданию таких организаций и всемерно их поддерживая. Коммунисты исходили из того принципа, что массовые организации представляют собой одну из важных составных частей Национального фронта. Они подчеркивали, что Национальный фронт благодаря этому обстоятельству может стать подлинным представителем всего трудового народа и привлечь его к активному участию в строительстве республики и придать таким образом общенациональный характер проводимым в то время преобразованиям.

Большое внимание уделялось тому, чтобы все массовые организации были построены на новых организационных началах, избавлены от всех недостатков, которые были им свойственны в домюнхенской республике. Одновременно нужно было преодолеть их распыленность, создать единые общенациональные организации.

Первоначально создание этих организаций шло «сверху», по почину политического руководства государства. КПЧ, однако, исходила из того, что это всего лишь временная мера, а в будущем вопросы характера и деятельности этих организаций будут решаться самими их членами на действительно широких демократических основах. Поэтому формирование их руководящих органов на принципах паритетного представительства должно было иметь только временный характер, т. е. до того момента, когда станет возможным провести в них выборы.

Строительство массовых организаций оставалось первостепенной задачей партии в течение всего периода 1945—1948 гг. Коммунисты считали, что завершение их формирования и упрочение является неотложной заботой Национального фронта. Они видели в массовых организациях важные народные органы, способные внести существенный вклад в дело демократизации общественной жизни. Это имел в виду К. Готвальд, говоря: «Мы должны доказать, что наш народ сумеет действовать едино во всех областях жизни, что он создаст единые органы, которые будут представлять и осуществлять его единые интересы и что эти органы будут тоже едиными» [10].

Коммунисты видели в массовых организациях важный резерв революционного движения. Поэтому партия решительно настаивала на сохранении их единства и подчеркивала, что будет бороться против любых попыток их раскола. Правые же напротив стремились создавать собственные организации, особенно в тех случаях, когда у них не было надежд завоевать преобладающее влияние в единых массовых организациях. Эти устремления, однако, не имели успеха в отношении Революционного профсоюзного движения, которое осталось единым и смогло преодолеть все центробежные тенденции, порождавшиеся деятельностью правых в некоторых профсоюзах. И это было необычайно важно, ибо РПД в послевоенные годы объединяло в своих рядах подавляющее большинство рабочих и служащих и сумело весьма оперативно мобилизовывать их на борьбу против реакции.

Единое профсоюзное движение возникало на завершающей стадии национально-освободительной борьбы и уже тогда оно снискало значительный авторитет и приобрело большое влияние. Его роль еще больше возросла после освобождения, когда оно выполняло значительную работу по мобилизации трудящихся на восстановление народного хозяйства и организацию экономической жизни на новых началах в целом.

Весьма важным было и то, что РПД вносило революционные идеи в среду рабочего класса. Оно вовлекало рабочих не только в активное выполнение созидательных задач, но и в осуществление коренных преобразований в экономической и общественной жизни.

Особо ответственную роль РПД сыграло в борьбе за проведение национализации, введение рабочего контроля и управления на предприятиях, конфискованных у немецких и венгерских фашистов, предателей и коллаборационистов. Революционное профсоюзное движение таким образом стало в послевоенный период весьма важной силой в деле решения задач, связанных с изменением прежнего общественного строя и строительством социализма.

Единая профсоюзная организация, во главе которой стоял видный представитель КПЧ и революционный деятель Антонин Запотоцкий, занимала ясные позиции и по ряду иных проблем, решавшихся в то время. Она отстаивала и реализовывала классовые и социальные интересы рабочего класса, играла важную роль в решении вопросов зарплаты, цен, принимала участие в организации снабжения и т. д. Фактически она имела возможность вмешиваться в решение преобладающего большинства дел, так или иначе связанных с формированием условий жизни всего общества.

Важную роль в послевоенный период сыграли и заводские комитеты; их влияние не ограничивалось национализированными предприятиями, но сказывалось и в частном секторе. Большое значение имело и то обстоятельство, что заводские комитеты могли ограничивать деятельность предпринимателей во многих отношениях и прежде всего пресекать их попытки усиливать эксплуатацию трудящихся. Это было важное орудие революции, занимающее видное место в структуре органов власти, и которое оказало серьезное влияние на ход событий в феврале 1948 г. и решение внутриполитического кризиса в Словакии в 1947 г.

Права и задачи заводских комитетов были определены в принципе декретом президента республики от 24 октября 1945 г.; их действие распространялось на все государство, декрет был оглашен одновременно с декретом о национализации. Согласно этому декрету, на предприятиях и учреждениях должны были создаваться заводские комитеты, которые получили право представлять и защищать интересы трудящихся. Они избирались всеми работающими на данном предприятии. Имея право контролировать производство и участвовать в его управлении, заводские комитеты серьезно помогли тому, чтобы рабочий класс и трудовой народ оказывал решающее влияние на хозяйственную и общественную жизнь.

Революционному профсоюзному движению принадлежало важное слово в политической жизни, при определении задач и целей правительственных программ, по вопросам политики Национального фронта, и вообще политического руководства при выполнении разных положений этих программ, других задач национально-демократической революции. РПД подвергало открытой и предметной критике саботаж реакции, нашедшей укрытие в некоторых политических партиях и различных органах. Применение этого принципа означало важный шаг в деле мобилизации тружеников города и деревни, ускорения процесса дифференциации в их среде и успешного проведения курса на постепенную изоляцию реакционных сил.

Профсоюзы и заводские комитеты были призваны решающим

образом содействовать строительству экономической основы нового общества. Они воспитывали у трудящихся новое отношение к труду, вносили в их сознание понимание того, что трудовой народ уже на деле становится подлинным хозяином своей родины и несет ответственность за все грядущее развитие.

Немалое значение имели и другие массовые организации, в том числе и организации, объединяющие на основе общих интересов сельское население. Эту роль могла сыграть прежде всего кооперация, разумеется при условии, если ее удастся избавить от засилья бывших аграриев и деревенской буржуазии, добиться глубокой перестройки ее структуры на демократических началах с тем, чтобы она служила действительно интересам бедняков и середняков, составлявших основную массу ее рядовых членов.

Сразу же после освобождения коммунисты потребовали, чтобы кооперативные объединения всех родов и видов — потребительские, производственные, сельскохозяйственные, кредитные и т. д. — были очищены от фашистской агентуры и предателей, чтобы было введено национальное управление вплоть до того момента, когда их члены демократическим путем изберут новое руководство. Партия напоминала: она не против кооперативов, напротив, она за создание самых благоприятных условий для их усиления и дальнейшего развития. Однако это предполагало последовательную борьбу против засилья деревенской буржуазии, которая все еще удерживала в своих руках ключевые позиции в системе кооперативов. Потому коммунисты выдвинули лозунг «Один член — один голос» и добивались применения этого принципа не только во вновь создаваемых, но и в прежних, традиционных кооперативах. Большое значение имело создание в мае 1945 г. Центрального совета кооперативов, призванного обеспечить подлинную демократизацию всего кооперативного дела. Кооперативы служили одним из ключевых звеньев рыночных связей между городом и деревней, но их значение вовсе не ограничивалось этой экономической функцией. Здесь был и не менее важный политический аспект. Он состоял в том, что практически каждый крестьянин был членом какого-нибудь кооператива и с помощью кооперативной системы появлялась возможность существенно влиять на всю жизнь в деревне.

К другим важным организациям сельского населения относились Единый союз чешских крестьян и Единый союз словацких крестьян, которые были призваны принять участие в проведении новой сельскохозяйственной политики. Эти организации также быстро разрастались и уже к исходу 1945 г. объединяли в своих рядах значительное число крестьян.

Единый союз чешских крестьян и Единый союз словацких крестьян все же в значительной мере оказались под влиянием определенных деятелей, стремившихся использовать их в политических целях отдельных партий и правых группировок. То там, то здесь предпринимались попытки подменить этими союзами ликвидированное аграрное движение. Коммунисты, хотя и работали активно в обоих союзах, стремились, однако, создать вместо них иную систему,

способную сплотить действительно прогрессивные силы деревни. Такую роль выполнили крестьянские комиссии, имевшие большее значение для революционной борьбы деревенского населения. Коммунисты стремились, чтобы крестьянские комиссии возникали в каждой деревне в соответствии с директивами, разработанными Министерством сельского хозяйства, чтобы эти комиссии участвовали в проведении конфискаций и раздела собственности, а также в организации жизни в пограничных областях.

Важное положение занимали также чешский и словацкий союзы молодежи. Эти организации сумели сохранить значительное влияние на молодых людей несмотря на то, что отдельные политические партии стремились создавать собственное молодежное движение. К крупным массовым организациям относились и Объединение женщин, Союз антифашистских бойцов и бывших политзаключенных. Обе эти организации, объединявшие в основном прогрессивных граждан, активно участвовали в борьбе против реакции. Важную роль сыграли чешский и словацкий Союзы друзей СССР и Общество культурных и экономических связей с СССР, организации с довоенными традициями, они вскоре после освобождения возобновили свою деятельность и в первые послевоенные годы сделали много для распространения знаний о Советском Союзе и укрепления дружбы между чехословацким и советским народами.

Но были и такие массовые организации, которые в то время играли скорее негативную роль. В первую очередь это относится к физкультуре, где самая многочисленная и важная организация «Сокол» оказалась под преимущественным влиянием Национально-социалистической партии, стремившейся использовать ее в своих реакционных целях. Такое же положение сложилось в клерикальной организации «Орел» и в других спортивных организациях. Неблагоприятная обстановка создалась также во вновь созданной организации «Союз военизированной подготовки», которым руководили реакционные офицеры, главным образом военнослужащие чехословацких воинских частей в Великобритании. И в этой организации главенствовали национальные социалисты, использовавшие ее для подготовки антигосударственного реакционного путча.

Последовательно проводимая КПЧ политика строительства единых массовых организаций оказала значительное воздействие на развитие революционного процесса в послевоенный период, что выразительно проявилось в февральские дни 1948 г. Можно констатировать, что эти организации сыграли важную роль в крупных классовых столкновениях тех лет и в значительной мере помогли в деле мобилизации трудового народа на борьбу против подрывных планов реакции.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ВЫБОРЫ 1946 г. И СОЗИДАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА ГОТВАЛЬДА

Парламентские выборы, назначенные на май 1946 г., стали событием большой внутриполитической значимости, ибо должны были показать в какой мере население Чехословацкой республики поддерживает ту или иную политическую партию. Вместе с тем было ясно, что они покажут отношение чехословацкого народа к национально-демократической революции и к политике Национального фронта.

Коммунистическая партия шла на выборы с уверенностью, что рабочий класс и остальные трудящиеся по заслугам оценят ту роль, которую она сыграла в антифашистской борьбе и в ходе строительства республики. Коммунисты в первый период после войны в интересах сохранения самой концепции Национального фронта пошли на паритетное, т. е. численно равное представительство политических партий в различных государственных и общественных органах, начиная от правительства и Временного национального собрания до местных национальных комитетов. Истекший период показал правильность и прозорливость такой политики, создававшей предпосылки для активного включения всех звеньев Национального фронта в созидательные усилия. Вместе с тем КПЧ и Коммунистическая партия Словакии должны были добиваться в органах власти реализации своих политических целей в борьбе с остальными четырьмя политическими партиями. Поэтому не удавалось в полной мере, а в некоторых случаях и вообще добиться принятия разных важных проектов и предложений, направленных на дальнейшее развитие национально-демократической революции и закрепление ее завоеваний.

Несмотря на такие обстоятельства, коммунисты полагали, что не нужно спешить с проведением парламентских выборов. Они исходили из того, что следует подождать благоприятной ситуации, времени, когда чехословацкая общественность будет в состоянии уже на собственном опыте оценить позитивные последствия разных мер, проведенных в конце войны и в первые послевоенные годы. Конкретно речь шла о том, чтобы провести выборы после того, как будут преодолены наиболее серьезные последствия войны, восстановлены производство, транспорт и налажено снабжение населения, в то время, когда станут уже видны практические результаты проделанной работы.

КПЧ стремилась и на предстоящих парламентских выборах сохранить верность концепции Национального фронта. Она предлагала поэтому всем своим партнерам — остальным партиям — выступить с единым списком кандидатов на выборах во все органы от местных национальных комитетов до парламента. КПЧ подчеркивала значение предлагаемой меры, которая продемонстрировала бы един-

ство всех прогрессивных и демократических сил и позволила бы вести решительную борьбу против реакции. Предложение коммунистов не было принято и дело кончилось тем, что все политические партии вступили в предвыборную борьбу самостоятельно.

Инициативу проведения выборов проявила КПЧ. Коммунисты считали, что к весне 1946 г. пришла пора их провести, ибо дальнейшая затяжка наносила бы ущерб внутриполитическому развитию в республике и отягощала бы положение партии. К тому времени паритетная система уже перестала функционировать и в различных органах власти обострились противоречия между представителями отдельных политических партий. Такие черты проступали в национальных комитетах всех ступеней, а также в работе правительства. Повсюду представители остальных партий все чаще выступали против предложений коммунистов, имевших целью осуществление Кошицкой правительственной программы и тем сдерживали, тормозили ход революционных преобразований. Многие дела, которые в интересах республики и трудового народа надо было решать быстро и однозначно, рассматривались медленно, с проволочками, что наносило часто весьма серьезный ущерб. К. Готвальд на совещании секретарей обкомов КПЧ и редакторов партийной печати в начале 1946 г. констатировал, что «. . .нынешние возможности второго правительства освобожденной республики постепенно исчерпываются и необходимо основательно очистить атмосферу для дальнейшего продвижения» [1].

КПЧ вполне осознавала значение предстоящих выборов в Законодательное национальное собрание и национальные комитеты. Было очевидно, что выборы окажут существенное воздействие на положение дел в республике, вскроют подлинную расстановку классовых и политических сил и в значительной мере предопределят дальнейшее развитие и проведение новых, важных для всего государства мероприятий, среди которых на первое место выдвигалась необходимость разработки новой конституции Чехословацкой республики.

Коммунисты били тревогу по поводу того, что правые силы в некоторых партиях, особенно в Национально-социалистической, Народной и словацкой Демократической, делают ставку на привлечение реакционных элементов, которые раньше, до второй мировой войны, входили в аграрную и живностенскую партии, Национальное объединение и другие фашистские организации. Коммунисты указывали на опасность и гибельные последствия подобных тактических махинаций, содействовавших политической активизации реакции, ее возвращению в политическую жизнь.

КПЧ выражала свое убеждение в том, что трудовой народ на выборах оценит политические партии не по их словам и обещаниям, а по работе и делам. «Он спросит, как та или другая партия вела себя в тяжелейшие для нации времена, во время немецкой оккупации, как и чем она содействовала великому освободительному движению против немцев, каков ее нынешний вклад в созидательные усилия в освобожденной республике, какие гарантии она дает для успешного развития республики в будущем» [2].

Свою предвыборную программу коммунистическая партия сформулировала в воззвании к 1 мая 1946 г. В нем подчеркивалось, что и впредь нужно прилагать усилия для сохранения и укрепления Национального фронта как организации, объединяющей рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигенцию — весь наш трудовой народ. Партия призывала к борьбе против всех попыток реакционных сил разложить Национальный фронт изнутри и требовала принятия решительных мер против подпольной деятельности реакции, которая проникала в различные партии и организации Национального фронта. Коммунисты со всей силой указывали на необходимость последовательного и непреклонного осуществления законов о национализации, указывали, что нужно создать прочные организационные основы для всей национализированной экономики. Они вновь подтвердили, что КПЧ является партией созидания, заявили о неизменной верности задачам восстановления и строительства; призывали к увеличению промышленного и сельскохозяйственного производства, повышению уровня жизни народа, постепенному снижению цен, наведению порядка в денежном обращении и налогообложении. КПЧ предлагала реорганизовать и упростить государственное и общественное управление, очистить его органы от реакционных элементов. Она напоминала о необходимости довести до конца великое дело заселения пограничных областей и завершить переселение немецкого населения. КПЧ также обращала внимание на необходимость последовательного проведения национальной чистки и решительного удаления предателей и коллаборационистов.

Условием претворения в жизнь всех подобных предложений было избрание такого Национального собрания, которое содействовало бы не просто сохранению, но и дальнейшему расширению и упрочению позиций народно-демократического строя. Законодательное национальное собрание ждали новые ответственные задачи: оно было призвано разработать новую конституцию, которая закрепила бы все завоевания национально-демократической революции и создала предпосылки для воплощения в жизнь принципа: народ — единственный источник власти в государстве. Вместе с тем новое Национальное собрание должно было одобрить и узаконить ряд мероприятий, которые из-за сопротивления остальных партнеров по Национальному фронту не удалось осуществить.

Коммунисты, как и раньше, в ходе предвыборной борьбы подчеркивали значение Национального фронта. Они исходили из того, что эта организация и в будущем должна служить основой прогрессивного развития республики, всей ее политической жизни. Они однако напоминали, что такие позиции Национальному фронту будут обеспечены лишь в том случае, если народ окажет должное доверие КПЧ, которая была и оставалась решающей движущей силой восстановления и строительства свободной республики. Как подчеркивал К. Готвальд, «народ должен дать нам полномочия и силу, чтобы мы в этом Национальном фронте играли выдающуюся роль, необходимую

для того, чтобы Национальный фронт шел вперед, а не вкривь и вкось» [3].

КПЧ стремилась придать такой же характер и избирательной кампании. Она побуждала партнеров по Национальному фронту к активному сотрудничеству по таким злободневным вопросам, как упрощение диспозиционной системы, борьба с черным рынком, спекуляцией и т. п. КПЧ предлагала ускорить организацию национализированных банков, страховых учреждений и промышленных предприятий и таким образом добиться выполнения еще до выборов реорганизации всего национализированного сектора. Подобным же образом она настаивала на завершении к выборам реформы всей системы финансов и налогообложения, реорганизации всего общественного управления и придания ему народного характера. Она призывала развернуть соревнование по выполнению созидательных задач, наведению порядка на транспорте, рационализации производства и т. д. Коммунистическая партия выступала инициатором улучшения работы национальных комитетов, обеспечения снабжения населения. Коммунисты напоминали, что таким образом все политические партии смогут показать свое отношение к освобожденной республике, к народно-демократическому строю и внести свой вклад в выполнение требований трудового народа.

КПЧ, оценивая возможные результаты выборов, пришла к выводу, что выборы не оправдают надежд всех тех, кто ожидает принципиального поворота в развитии страны, возврата к отношениям, существовавшим в буржуазной республике. Она была уверена, что народ будет судить об отдельных партиях по тому, в какой мере они включились в созидательную работу по восстановлению и строительству республики. Действия коммунистической партии в истекшем периоде были несомненно правильными, ибо критерием правильной политики все больше становились успехи в хозяйственной и политической консолидации. КПЧ шла в авангарде строительства новой, свободной, народно-демократической республики и потому по праву могла предполагать: на выборах 26 мая 1946 г. народ окажет ей доверие, осознавая, что так он поможет создать гарантии дальнейшего спокойного, мирного и прогрессивного развития государства.

КПЧ стремилась стать после выборов самой сильной партией, чтобы решающее влияние на дальнейшее развитие принадлежало левым силам. Выборы должны были показать, что «коммунисты в этой республике являются численно, организационно, политически и идеологически руководящей силой, что народ полностью одобряет и высоко оценивает их самоотверженную борьбу во времена первой республики, в период оккупации и при строительстве новой республики и на ближайший период дает им полномочия еще решительнее и еще последовательнее идти вперед по намеченному пути, который ведет к счастливому будущему нашей республики» [4].

Еще перед выборами нужно было решить некоторые серьезные проблемы, порождавшие противоречия между отдельными политическими партиями. Коммунисты настаивали на соблюдении принципа, согласно которому кандидаты, выступающие в избирательной кампа-

нии, являются представителями отдельных политических партий, а не частными лицами. Далее нужно было обеспечить, чтобы все граждане имели право голосовать там, где они теперь жили, не обязательно в месте своего прежнего проживания. Это было особенно важно для пограничья, где население тогда в основном состояло из новых переселенцев. Следующим вопросом была возрастная граница избирателей. Коммунисты добились чтобы активным избирательным правом пользовались молодые люди с 18 лет. Это было важной мерой, ибо именно среди молодежи партия имела много сторонников и их участие в выборах содействовало избирательным успехам коммунистов. Большое значение имел также закон о списках избирателей, который в сочетании с декретом о национальной чести давал возможность лишить права голоса коллаборационистские и предательские элементы. Примечательно, что против применения указанных законов наиболее упорно выступали буржуазные представители Национально-социалистической и Народной партий и словацкие демократы, рассчитывавшие, что сотрудничество с подобными элементами послужит расширению их позиций.

Правые элементы в этих партиях в ходе избирательной борьбы все острее нападали на коммунистов, критиковали различные мероприятия, проведенные после освобождения, и убеждали общественность в том, что они дали согласие на них под явным нажимом. Эти люди уже явственно признавали, что у них нет заинтересованности в дальнейшем развитии революционного процесса, а напротив они стремятся к возврату к буржуазному строю. Потому-то руководство этих партий столь упорно отвергало все предложения коммунистов о единых действиях и об издании общего манифеста, в котором партии Национального фронта должны были объявить о своей воле осуществить прогрессивные меры в области народного хозяйства и политической жизни.

Есть основание констатировать, что в политике руководства упомянутых партий все больше сказывалось влияние тех людей, которые являлись выходцами из запрещенных партий. Руководство Демократической партии в Словакии, например, в апреле 1946 г. заключило соглашение с «людацким» католицизмом, что в итоге позволило этому самому реакционному течению в словацкой политической жизни занять в партии решающие позиции.

Выборы, состоявшиеся 26 мая 1946 г., не оправдали надежд правых сил. Наибольшего успеха добилась КПЧ. Она завоевала в Чехии 43,26 % голосов, в Моравии — 34,46 % голосов, и стала самой сильной партией в Чешских землях, опередив национальных социалистов, социал-демократов и Народную партию. Не столь благоприятным было положение в Словакии, где за Демократическую партию проголосовало 62 % избирателей, а за Коммунистическую партию Словакии всего 30,37 %. Тем не менее в новом Законодательном национальном собрании коммунисты обладали самыми значительными позициями: КПЧ получила 93, а КПС 21 мандат. За ними следовали национальные социалисты с 55 мандатами, Народная партия с 46, Демократическая партия с 43, и социал-демократия с 37 ман-

датами. Остальные две малые словацкие партии, возникшие всего за несколько месяцев перед выборами, в высшем законодательном органе страны были представлены весьма слабо: Партия труда получила 2, Партия свободы 3 мандата. Примечательным было то, что так называемые «белые бюллетени» на майских всеобщих выборах были использованы незначительной частью населения — около 0,45 % всех избирателей. Общие итоги таким образом однозначно засвидетельствовали, что преобладающее большинство народа удовлетворено предшествующим развитием и выражает желание, чтобы политическая линия, начатая в мае 1945 г., проводилась и дальше. Выборы весьма разочаровали правых, которым пришлось констатировать, что революционное движение в стране находится на подъеме и успешно развивается.

То же разочарование испытывали и в руководстве некоммунистических партий. Для их тогдашних настроений характерно было изречение одного из лидеров национальных социалистов, сказавшего на заседании исполнительного комитета своей партии в начале 1946 г., что итоги выборов показали, что «мир идет влево и коммунистическая партия побеждает как самая левая из всех самых левых движений и направлений. . .» [5]

Результаты выборов вызвали разочарование и беспокойство и в Народной партии. Это проявилось в быстром нарастании противоречий, в усилившихся нападках правого крыла на руководство партии, которое упрекали в неспособности проводить острый антикоммунистический курс и в недостаточной ориентации на силы реакции. И в социал-демократической партии правое крыло также критиковало руководство и заявляло, что политика сотрудничества с коммунистами ослабила влияние партии. По сути дела, представители правых во всех некоммунистических партиях пришли таким образом к выводу: большее число голосов избирателей им обеспечили бы более острые нападки на коммунистов и, пожалуй, открытый разрыв с ними.

Больше других была удовлетворена Демократическая партия в Словакии: выборы усилили ее позиции во всех органах власти — в Словацком национальном совете, в Корпусе уполномоченных, в большинстве национальных комитетов, в парламенте. Данное обстоятельство значительно затрудняло дальнейшее развитие национально-демократической революции в Словакии.

Уже накануне выборов здесь активизировались реакционные силы, что сказалось в ряде различных провокаций (например во время демонстрации в Жилине), в которых фашистские элементы выступили открыто против единой Чехословацкой республики и потребовали восстановления самостоятельного фашистского словацкого государства. Такое развитие событий вызывало значительное беспокойство; оно стало предметом обсуждения в Национальном фронте и представителям Демократической партии пришлось объяснить свое отношение к единой народно-демократической республике и тем принципам, на которых она была построена.

Коммунисты, оценивая развитие в Словакии, констатировали, что главной причиной неблагоприятных итогов выборов является то об-

стоятельство, что в этой части республики не удалось в полном объеме воплотить в жизнь принципы нового народно-демократического строя. Недостатки в работе национальных комитетов и других органов власти сделали невозможным последовательное осуществление всех принципов национально-демократической революции, особенно тех, что были нацелены на ограничение экономического и политического влияния разных групп буржуазии. Отрицательное влияние имел и тот факт, что основную часть крестьянства и городской мелкой буржуазии не удалось привлечь к сотрудничеству с революционными силами. Эти слои оставались в значительной мере под влиянием клеро-фашистской пропаганды, и под ее воздействием голосовали на выборах за Демократическую партию.

В целом, однако, выборы 1946 г. ознаменовали собой новый позитивный шаг в развитии и упрочении народно-демократической системы. Выборы открыли новый период для предстоящих дальнейших серьезных сдвигов и изменений, и прежде всего конституционно-правовых, закрепляющих результаты, завоеванные в ходе национально-освободительной борьбы и послевоенного строительства.

Выборы 26 мая 1946 г. стали не только важным внутриполитическим событием. Они имели и значительное международное значение. Они показали всему миру, что Чехословакия и дальше пойдет по тому пути, на который она вступила после Словацкого национального восстания и после освобождения всей страны в мае 1945 г., что она и впредь будет верным союзником СССР и народно-демократических государств. Вместе с тем выборы явились убедительной демонстрацией прогрессивного характера народной демократии. Было подтверждено, что это — не формальная, а подлинная демократия, что это — режим, опирающийся на поддержку преобладающего большинства народа.

Обсудив итоги выборов, руководство КПЧ приняло решение: в согласии с довоенной традицией правительство должна возглавить самая сильная партия. Выборы показали: народ требует, чтобы в предстоящий период руководство государством взяли в свои руки коммунисты. Партия решила посчитаться с волей народа, хотя и понимала, что в этой связи могут возникнуть некоторые внешнеполитические осложнения. Речь шла прежде всего о недоверии западных держав к политическому режиму в Чехословакии, что было чревато ограничением экономических связей с Западом, созданием искусственных препятствий при рассмотрении просьб о предоставлении финансовых займов и т. д.

На пост председателя правительства коммунистическая партия предложила кандидатуру своего выдающегося представителя, известного революционного деятеля, возглавлявшего КПЧ с ее V съезда в 1929 г. Клемента Готвальда. Министерские портфели должны были быть распределены в соответствии с итогами выборов. Министерства иностранных дел и национальной обороны были исключением и оставались под прежним руководством — соответственно Яна Масарика и Людвика Свободы. Предложение коммунистов, однако, пришлось не по вкусу некоторым представителям остальных политиче-

ских партий. Народная партия, например, потребовала, чтобы правительство было чисто парламентским, иными словами составлено только из представителей политических партий. Коммунисты отвергли такое предложение и, если бы оно все же было бы навязано, намеревались претендовать на руководство министерством национальной обороны. Предметом противоречий и долгих споров стало распределение политически важных министерств, особенно тех, какие до сих пор возглавляли коммунисты. В этой связи возникли разногласия относительно того, кто возглавит министерство внутренних дел. Во главе него стоял коммунист, теперь на этот пост претендовали социал-демократы. Они заявили о своей неудовлетворенности службами безопасности и разведки, подчиненными данному министерству. Когда же им не удалось добиться своего, социал-демократы стали домогаться, чтобы органы безопасности и разведки были выведены из министерства и подчинены непосредственно Президиуму правительства. Однако и такой проект коммунистам удалось отклонить.

Переговоры о формировании нового правительства проходили с большим трудом и продолжались до середины 1946 г. Только 2 июля было назначено новое правительство во главе с К. Готвальдом. В нем КПЧ получила 7 министерских портфелей, Чехословацкая национально-социалистическая партия — 4, Чехословацкая народная партия — 4, Чехословацкая социал-демократическая партия — 3, Демократическая — 4, Коммунистическая партия Словакии — 2; два министра были беспартийными.

Коммунисты еще до распределения министерских постов стремились добиться соглашения между партнерами по Национальному фронту о программе и будущей политике нового правительства. Обсуждение этих вопросов проходило в Национальном фронте с большими трудностями. Наибольшие затруднения возникали по вопросу о полномочиях органов власти в Словакии и их подчиненности центральным общегосударственным органам. Чешские и словацкие коммунисты, учитывая неблагоприятное внутриполитическое развитие в Словакии, решили добиваться большей централизации государственной власти, что позволяло бы прогрессивным силам в западной части государства активно выступать против подрывных происков словацкой реакции. Для этого необходимо было создать нужные предпосылки, прежде всего временно ограничить некоторые полномочия словацких органов — Корпуса уполномоченных и Словацкого национального совета, поставив их под контроль правительства и парламента.

Демократическая партия отвергала такие меры и ее представители заявляли, что они находятся в противоречии с Кошицкой правительственной программой и представляют собой проявление тенденций т. н. чехословакизма. В данном случае словацкие демократы остались, однако, в одиночестве, ибо против них выступили национальные социалисты и Народная партия, опасаясь ослабления единства государства. Лидеры демократической партии в конце концов поняли, что они таким образом ставят себя вне Национального фронта, и пошли на уступки. Когда же они получили заверение, что

речь идет о преходящей, а не нормативной мере, они наконец заявили о своем согласии. Проект этого соглашения затем без существенных изменений в конце июня 1946 г. был одобрен всеми партиями и получил название третьего пражского соглашения.

Национальный фронт обсудил и всю Созидательную программу, с которой правительство Готвальда должно было выступить перед парламентом. И программа правительства вызвала многочисленные разногласия между представителями отдельных политических партий. В то время, как коммунисты требовали, чтобы правительственная программа опиралась на завоевания национально-демократической революции и развивала их дальше, правые представители остальных партий настаивали на том, чтобы правительственная программа прежде всего обеспечила стабилизацию существующего положения. Их позиции печать Народной партии выразила следующим образом: «Созидательный план правительства имеет чрезвычайное значение еще в одном отношении — он должен ускорить возвращение к нормальным условиям. В основе правительственного плана лежит экономическая революция 1945 г., но вместе с тем он ее завершает» [6].

Коммунистам удалось добиться того, что новая правительственная программа исходила из основных принципов Кошицкой правительственной программы и развивала их дальше. Она стала составной частью дальнейшего продолжения революции, ибо ее выполнение усиливало и расширяло власть рабочего класса.

Созидательная программа нового правительства Готвальда была наконец единогласно принята Национальным фронтом, а затем 11 июля одобрена и Национальным собранием. В последующие дни правительство договорилось о конкретных мерах по ее реализации и подготовке новой конституции. С этой целью при правительстве были созданы две вспомогательные комиссии, которые должны были разработать новую конституцию.

Одной из важных задач Созидательной программы стала реформа общественного управления, прежде всего его децентрализация. Конкретно речь шла о ликвидации прежнего земского управления и создании вместо него областных или жупных органов. Однако данный замысел так и не удалось осуществить до февраля 1948 г.

Правительству Готвальда предстояло реализовать многие важные меры в области экономики. Все еще не была завершена реформа налогообложения. Нужно было закончить выполнение различных мероприятий, связанных с заселением пограничья, в первую очередь передачу мелких предприятий и сельских хозяйств, в постоянное владение переселенцам, а остального имущества — в государственное или общественное управление. Значительных усилий требовали организационные вопросы национализированных отраслей производства, банков и финансовых учреждений. Коммунисты решительно требовали дальнейшего проведения национальной чистки, наталкиваясь здесь на серьезное сопротивление со стороны представителей остальных партий.

Большая работа была сопряжена с подготовкой новой конститу-

ция, которая должна была опираться на демократические традиции довоенного периода и вместе с тем закрепить все принципиальные экономические, социальные, политические и национальные изменения, завоеванные в ходе национально-освободительной борьбы и в послевоенное время. К важнейшим задачам относилась разработка и выполнение двухлетнего плана восстановления и строительства республики в 1947—1948 гг.

Самое серьезное внимание коммунисты уделяли широкой популяризации выдвинутых задач, заботясь о конкретном объяснении очередных целей дальнейшего строительства республики. Именно коммунистам принадлежит заслуга в том, что вся эта программа стала популярной и сыграла выдающуюся роль в мобилизации народных масс на углубление национально-демократической революции. Программа имела важное значение для развертывания политической борьбы против правых во время нарастания политического кризиса на переломе между 1947 и 1948 годами. Коммунисты и вместе с ними некоторые социал-демократы тогда требовали, чтобы еще до следующих выборов были выполнены все основные положения этой программы; национальные социалисты, Народная партия и словацкие демократы, напротив, всячески срывали и тормозили выполнение этих задач. Коммунисты в создавшейся ситуации избрали правильную тактику: они не ориентировались еще на непосредственное решение назревающего конфликта силой, а призывали прежде всего к выполнению созидательных задач. Такой подход разоблачал перед народными массами двуличную политику правых лидеров остальных партий и создавал предпосылки для их изоляции от большинства трудящихся, в том числе от рядовых членов их собственных партий.

Как уже было сказано, КПЧ придавала чрезвычайное значение выработке и утверждению новой конституции. Коммунисты серьезно занимались этим вопросом и при подготовке избирательной программы выясняли некоторые важные аспекты, связанные с ее разработкой. После выборов, при новом соотношении сил в Национальном фронте и в Национальном собрании образовались благоприятные условия и коммунисты поставили задачу не более, чем за два года разработать и принять новую конституцию.

Было очевидным, что ее выполнение столкнется с сопротивлением политических противников и станет предметом внутриполитической борьбы. Иначе и не могло быть, поскольку подготовляемая конституция была призвана закрепить революционные завоевания, неприемлемые для буржуазии. Прежде всего было необходимо, чтобы она однозначно подтвердила: народ является источником всей власти в государстве. Конституция должна была гарантировать всем гражданам право на труд, на справедливую его оплату, право на образование, отдых и социальное обеспечение в случае нетрудоспособности. Далее она должна была закрепить полное равноправие женщин, свободу личности, свободу вероисповедания, свободу печати, собраний и создания организаций, свободу научных исследований и творчества.

Нужно было также обеспечить конституционное закрепление демократического и народного характера государственного управле-

ния, предоставленного национальными комитетами. В связи с этим следовало подчеркнуть необходимость децентрализации, модернизации, упрощения и удешевления всего государственного управления от министерств и центральных ведомств до национальных комитетов.

Конституция должна была, естественно, кодифицировать все социальные и экономические завоевания национально-демократической революции. Это означало прежде всего закрепление в конституции послевоенных мероприятий по национализации и создание условий для новых актов государственного обобществления в промышленном производстве. Тем самым должны были быть развеяны надежды реакционных элементов, которые все еще ожидали, что национализированная собственность в конце концов, раньше или позже, вновь вернется в руки частных владельцев.

Подготовляемая конституция была призвана также гарантировать единство Чехословацкой республики и урегулировать отношения и положение чешского и словацкого народов путем дальнейшего развития принципов, выдвинутых в Кошицкой правительственной программе. Коммунисты подчеркивали, что нужно признать национальную самобытность словаков, их равноправие с чешским народом, не только в теории, но и на практике. Одновременно они делали упор на упрочение государственного единства Чехословацкой республики и более ясное выражение славянского характера государства. Поэтому и при подготовке децентрализации имелось в виду сохранить словацкие национальные органы, придав им обширные полномочия.

Включение этих принципов в новую конституцию наталкивалось на сопротивление правых элементов в отдельных политических партиях, особенно национальных социалистов. Их позиции очертил бывший председатель Национально-социалистической партии П. Зенкл, он уже в эмиграции 1958 г. писал: «Мы хотели лишь дополнений к конституции 1920 г., которые не затронули бы по сути демократический характер республики, соответствующий американскому образцу нашей конституции» [7]. Национальные социалисты и правые представители остальных партий решительно требовали, чтобы новая конституция в основном исходила из конституции домюнхенской Чехословакии.

Правые силы в руководстве некоммунистических партий не соглашались с порядком разработки новой конституции. Инициатива в этом деле, заявляли они, должна исходить не от правительства и его органов, а непосредственно от Национального собрания. Но правительство должно было поступать указанным образом, ибо Национальное собрание не проявляло надлежащей инициативы, не вносило никаких предложений о характере и содержании новой конституции.

Разработка новой конституции, чем дальше, тем больше встречала противодействие правых деятелей. Они стремились сорвать узаконение важных положений, вытекающих из изменений, вызванных национально-демократической революцией. Они требовали, чтобы конституция положила предел новым посягательствам на отношения собственности в производстве и с такой целью добивались признания принципа, что национализация затрагивает лишь те предприятия,

которые достигли определенных размеров ко времени издания декретов, и не касается заводов, выросших позже. Высказывались возражения также против предлагаемого урегулирования отношений между чехами и словаками, против принципов народного управления, образования областной системы, нового экономического строя, социальных прав и т. д.

Растущее сопротивление реакции революционным преобразованиям потребовало более решительных действий со стороны прогрессивных сил. КПЧ своевременно указала на грозящую опасность и начала сосредоточенное наступление против правых. Замыслы реакционных деятелей разоблачил К. Готвальд на ноябрьском Пленуме ЦК КПЧ в 1947 г., где он заявил: «Господа, мы знаем, что вы замышляете. Мы знаем, что вам хотелось бы вернуть 1919—1920 гг., что вы хотели бы удалить коммунистов из правительства, что вы хотели бы проделать нечто подобное тому, что совсем недавно удалось во Франции и Италии» [8].

Коммунистическая партия после парламентских выборов 1946 г. завоевала много новых сторонников. От начала года до ноября 1947 г. в партию было принято 237 тыс. новых членов. С точки зрения численности, КПЧ в то время была уже сильнее всех остальных партий вместе взятых.

Поэтому КПЧ могла, опираясь на свое влияние и крепкие позиции, более решительно бороться за решение задач национально-демократической революции и ее перерастание в революцию социалистическую. Сразу же после войны КПС уделяла много внимания этому вопросу. В первый период, до VIII съезда КПЧ, в партии о социализме много еще не говорили, хотя коммунисты всегда понимали чехословацкую национально-демократическую революцию как специфическую форму перехода к социализму. Первостепенное значение придавалось анализу изменений, которые происходили в обществе и особенно в народном хозяйстве в результате национализации некоторых отраслей производства. Теоретические работники партии подчеркивали, что возникла многосекторная, так называемая смешанная экономика, в которой один сектор уже имеет признаки социализма и избавляется постепенно от прежних капиталистических черт. В этой сфере частнособственнический способ присвоения вытеснялся общественным и место производственной анархии занимало планирование, все шире пробивавшее себе дорогу в общегосударственном масштабе [9]. Большое значение придавалось и двухлетке, призванной доказать преимущества планового управления экономикой и создать новые предпосылки для перехода к социализму. Эти вопросы, помимо прочих, рассматривал Пленум ЦК КПЧ 22—23 января 1947 г. Пленум констатировал, что в Чехословакии КПЧ реализует марксистско-ленинскую политику, стратегические и тактические принципы ленинизма в специфических чехословацких условиях. При этом подчеркивалось, что чехословацкое общество прошло значительную часть этого пути.

Коммунистическая партия равным образом определила условия, которые делали возможным переход к социализму таким путем.

Основной предпосылкой стали военное поражение фашизма и компрометация господствующих классов в оккупированных странах, их сотрудничество с фашизмом. В результате поднялось самосознание трудового народа, укрепилось его единство и решимость изменить общественный строй. Принципиальный поворот произошел и в международных отношениях в результате того, что Советский Союз одержал победу в войне и вышел из нее значительно усилившись. «Под влиянием этих факторов в целом ряде стран возникли режимы, которые еще не являются социалистическими, но где трудящиеся классы активно участвуют в государственной власти. Возник новый тип демократии, называемый демократией народной. Тем самым на практике было доказано то, что предвидели классики марксизма, а именно: существует и иной путь к социализму, нежели через советский государственный строй» [10].

В результате существования Советского Союза и его решающей роли в разгроме фашизма во второй мировой войне, в ряде государств Центральной и Юго-Восточной Европы, освобожденных Советской Армией, возникли сравнительно благоприятные предпосылки для проведения коренных революционных преобразований мирным путем.

Это стало возможным прежде всего потому, что у буржуазии было недостаточно сил и средств для вооруженного сопротивления, а при тогдашней международной ситуации она не могла рассчитывать на прямую помощь и интервенцию мирового империализма.

Однако как показал ход событий в Чехословакии и остальных народно-демократических странах, и этот мирный путь постепенного перерастания национально-демократической революции в революцию социалистическую представлял собой целый процесс трудных, сложных классовых боев. В их ходе рабочий класс под руководством коммунистических партий расширял и укреплял свой союз с остальными трудящимися, особенно с крестьянством, и постепенно ослаблял и ликвидировал политические и экономические позиции буржуазии. Социалистическая революция в Чехословакии и остальных странах народной демократии в конкретной обстановке того времени могла победить лишь при условии последовательной реализации классовых интересов пролетариата и его союзников и принципов пролетарского интернационализма, которые стали прочной основой возникающей мировой социалистической системы.

В то время КПЧ подчеркивала: хотя в истекшем периоде у нас особенно о социализме и решении задач социалистической революции не дискутировали, за неполные полтора года фактически удалось пройти уже значительный отрезок пути к нему. К. Готвальд, размышляя над этим вопросом, указывал на то, что именно исторический опыт Советского Союза показывает необходимость определять политические цели в соответствии с конкретной ситуацией, и подчеркивал, что творческий марксизм определяет свое отношение к тому или иному вопросу в согласии с данной ситуацией, местом и временем [11].

Предпосылкой дальнейшего успешного продвижения к поставленным целям являлось завоевание большинства трудового народа,

значительной части нации на сторону идеи социализма. КПЧ создала условия для этого в течение 1947 г., когда она еще больше повысила свою дееспособность; руководство партии усилило связь с первичными организациями, в результате чего ему удалось добиться сплоченности и боеготовности партийных рядов. Тем самым были созданы предпосылки и для усиления руководящей роли партии внутри рабочего класса и среди трудящихся масс.

Коммунистическая партия в то время стала ориентироваться на завоевание большинства народа и достижение решающей победы на предстоящих парламентских выборах. Этот лозунг Центральный Комитет КПЧ выдвинул в январе 1947 г., подчеркнув, что завоевание большинства народа на сторону политики партии представляет собой единственно возможный выход из сложившейся ситуации. Только завоевание большинства народа могло обеспечить мирное развитие революции и в дальнейшем. В борьбе за завоевание народных масс партия опиралась на их собственный опыт. Она подчеркивала, что развертывается крупная битва революционных сил против буржуазии, за доверие всей нации. У коммунистов были все предпосылки для того чтобы победить в этой битве и доказать, что они сумеют руководить и управлять делами республики, лучше, чем это делали политические представители буржуазии.

Большое значение имело разоблачение саботажа реакции и маневров политических представителей остальных партий. Потому КПЧ выдвигала новые требования, указывая на необходимость ослабления политических и экономических позиций буржуазии. Она чутко реагировала на все проявления неудовлетворенности населения и разоблачала конкретных виновников, различные затруднения, тормозивших продвижение вперед. Коммунисты клеймили деятельность буржуазных коллаборационистов, спекулянтов, всех, кто стремился подорвать сложившееся положение и повернуть развитие вспять. Они равным образом разоблачали интриги и закулисные маневры правых вожаков отдельных политических партий. Они указывали, что Национальный фронт в его тогдашнем составе уже перестал играть прогрессивную роль, которая ему принадлежала в борьбе против оккупантов и в первый период после освобождения. Устранить нарастающие трудности, подчеркивала КПЧ, будет возможно лишь в том случае, если коммунисты на предстоящих выборах получат действительно доверие народа и завоюют абсолютное большинство. Такая позиция вовсе не означала отход от политики Национального фронта; напротив, только такая политика и могла привести к очистке этой организации, повысить ее активность и роль в общественной жизни страны. КПЧ вовсе не скрывала своих намерений завоевать большинство народа. Наоборот, она открыто подчеркивала, что, «если бы коммунисты имели в правительстве большинство, то дела пошли бы иначе, лучше, быстрее» [12].

По мере нарастания политического кризиса и активности реакции, КПЧ все решительнее указывала: хотя у этих сил нет больших надежд на осуществление своих планов, опасность реакционного переворота все еще существует. Сорвать такую угрозу можно было только изоля-

цией реакционных элементов, завоеванием народа на сторону социализма.

Коммунисты ясно показали, что такая тактика не имеет ничего общего с пресловутым требованием австромарксизма о завоевании на выборах 51 % голосов. Они напоминали, что их целью не являются избирательные потуги ради приобретения депутатских кресел. Партия ставила задачу развернуть активную борьбу против реакции, завоевать новые позиции и упрочить их, отбросить противника вспять и принудить его к обороне. Потому она своевременно предупреждала политических противников, что не позволит вытеснить себя из правительства, не капитулирует перед формальным большинством в парламенте и будет последовательно бороться против всех махинаций подобного рода. К. Готвальд, определяя цель и смысл лозунга завоевания большинства, говорил: «Мы хотим завоевать большинство народа не для того, чтобы исключить остальных, а для того, чтобы наше слово, которое выражает правильную политику, имело большую силу воздействия. Мы хотим завоевать большинство народа не для того, чтобы отказаться от сотрудничества с остальными партиями, а для того, чтобы лучше воплощать в жизнь правильную политику»[13]. Таким путем можно было завоевать симпатии большинства населения, воспрепятствовать пораженческим настроениям и создать необходимые условия для обеспечения мирного перехода к социализму. Коммунисты верили в реальность поставленной цели, так как партия ничем не запятнала себя, трудовой народ верил ей и высоко оценивал самоотверженную работу всех коммунистов.

В течение 1947 г. на деле возникли реальные предпосылки для того, чтобы политика КПЧ завоевала поддержку большинства народа. Это показало обследование общественного мнения, проведенное в январе 1948 г. через первичные организации коммунистической партии. По тогдашним оценкам предстоящих выборов, КПЧ могла надеяться на получение более половины голосов во всех избирательных округах в чешских землях, за исключением некоторых мест в южной и средней частях Моравии и в Восточной Чехии. Такая оценка до известной меры отвечала реальному положению дел, ибо обследование основывалось на тех же критериях, что и проводившееся накануне выборов 1946 г., когда конечные результаты в целом лишь немного отличались от ожидавшихся.

Партия изыскивала и иные возможности укрепления контактов с прогрессивными силами внутри Национального фронта. Именно в условиях нарастания внутриполитического кризиса партия по инициативе К. Готвальда вновь предложила социал-демократам действовать совместно на предстоящих выборах. Такая идея нашла поддержку и среди некоторых функционеров других политических партий. Вызревала мысль о едином списке кандидатов, он включал видных прогрессивных деятелей всех политических партий и других представителей общественности. Такой список кандидатов должен был быть обнародован непосредственно перед выборами. Переговоры по данному вопросу, однако, не удалось полностью сохранить в тайне. О них узнали политические лидеры правых; данное известие у них

вызвало большую нервозность. Все остальные меры КПЧ, направленные на завоевания большинства народа, также вызывали опасения у политических противников и активизировали действия правых сил по подготовке антигосударственного путча.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Коммунистическая партия Чехословакии непосредственно после освобождения стремилась мобилизовать все силы чехословацкого общества на преодоление разрушительных последствий войны и на восстановление народного хозяйства. В этом она видела основную гарантию стабилизации положения в республике, условие ее успешного развития в будущем. Задача дня таким образом состояла в быстрой ликвидации ущерба, причиненного войной и оккупацией чехословацкому народному хозяйству. Речь шла о ликвидации и возмещении больших потерь и ущерба, имевших долгосрочные последствия. Материальные потери, которые понесла промышленность, оценивались в 43—48 млрд крон. Во всем народном хозяйстве ущерб оценивался приблизительно в 347 млрд крон.

Война пагубно сказалась на всей чехословацкой экономике. Промышленное производство в сентябре 1945 г. едва достигало 45 % от уровня 1937 г. Значительная часть промышленности была переориентирована на производство оружия для оккупантов, другая часть — повреждена бомбардировками в последние месяцы войны. Нужно было вновь построить разрушенные заводы, а значительную часть военной промышленности перевести на мирное производство [1].

В первый послевоенный период Чехословакия получила значительную помощь от Советского Союза и его армии. Особенно важно было то, что Советская Армия передала ЧСР преобладающую часть материалов, являвшихся ее военными трофеями. Благодаря этой помощи стало возможным сравнительно быстро привести в движение многие предприятия и начать реконструкцию военной промышленности, ее перевод на мирные рельсы. Коммунисты тогда делали упор на то, чтобы как можно быстрее навести порядок во всем народном хозяйстве и создать организационные предпосылки для преодоления всех имевшихся трудностей. Партия говорила, что «от того, как быстро мы сумеем перейти от производства военного к мирному, как быстро мы восстановим производство, зависит все остальное и прежде всего удастся ли нам повысить жизненный уровень людей труда и поднять его на высоту, достойную нашего трудолюбивого и способного народа» [2].

Коммунисты напоминали, что от того, насколько успешно и быстро чехословацкий народ сумеет преодолеть первоначальные трудности,

привести в движение производство и устранить урон, нанесенный войной, в значительной мере также зависит, насколько ему удастся все успехи, завоеванные в результате освобождения, развить и закрепить, сделать их отправной базой для будущего. Партия подчеркивала, что каждый человек должен полностью осознать: все зависит прежде всего от него, от его собственной инициативы и самоотверженной работы. Вместе с тем КПЧ призывала к бдительности в отношении подрывной деятельности реакции, особенно коллаборационистов и бывших фашистов, мобилизовала трудовой народ на борьбу против попыток саботажа с их стороны. Она напоминала, что этим элементам еще не нанесено полное поражение и они строят свои надежды на трудностях, которые проявляются в народном хозяйстве, рассчитывая, что народно-демократический режим не сумеет навести порядок в экономике. Поэтому К. Готвальд подчеркивал: «мы должны доказать всю тщетность расчетов реакции, продемонстрировать, что новый строй преодолеет все трудности и в области экономики и покажет, что мы сумеем хозяйничать лучше, чем это было в домюнхенской республике» [3].

Вместе с тем нужно было внушить чехословацким трудящимся уверенность, что их самоотверженная и упорная работа будет служить их интересам и их требованиям. Конкретно речь шла о том, чтобы предприятия, экспроприированные у немецких и венгерских фашистов и коллаборационистов, остались в руках трудящихся, не оказались вновь в руках частных собственников. Такой цели можно достигнуть, указывали коммунисты, если весь наш трудовой народ — рабочие, крестьяне, служащие, трудовая интеллигенция — вместе приложат все силы для преодоления первоначальных трудностей, для построения здоровых экономических основ республики. Они подчеркивали, что при этом нужно полагаться прежде всего на самих себя, на собственные силы, способности и добрую волю, что «сегодня самая главная задача — это труд, труд и еще раз труд, хороший, еще лучший и самый лучший труд» [4].

КПЧ, в отличие от иных партий, призывала к ответственности и к выполнению этих трудных задач восстановления и развития народного хозяйства. Она указывала, что нельзя пассивно ожидать, ссылаясь на объективные трудности, а напротив необходимо со всей энергией стремиться к их устранению. Она обращала внимание на то, что теперь все зависит от воли трудового народа, от его решимости и готовности к самоотверженному труду и к преодолению трудностей.

Уже во время второй мировой войны стало очевидным, что в освобожденной республике нужно будет провести принципиальные изменения в структуре народного хозяйства, осуществить экспроприацию некоторых видов собственности в промышленном производстве, банковом деле и осуществить изменения в землепользовании. Необходимость подобных изменений признавал даже президент Бенеш, отмечавший, что необходимо «определить степень нашего будущего хозяйственного огосударствления или национализации, т. е. то, какое вмешательство государства необходимо в промышленности, особенно в тяжелой промышленности и в горном деле, что сделать в банковском

деле и общественных финансах, что в области страхования и кооперативного движения, что в области ревизии, завершении и дополнении земельной реформы» [5].

Коммунисты предлагали прежде всего конфисковать собственность немецких фашистов и предателей, особенно в тех случаях, когда этим элементам удалось, пользуясь обстановкой войны, захватить чужое имущество. Предприятия, принадлежащие гражданам иностранных государств, прежде всего немецким и венгерским, должны были быть переданы под национальное управление. Земля, находившаяся во владении фашистов, предателей и коллаборационистов, также подлежала конфискации и разделу между мелкими и безземельными крестьянами.

Сравнительно быстро удалось решить вопросы, касающиеся новых актов вмешательства государства в дела народного хозяйства и определить, какие отрасли производства должна затронуть экспроприация. Коммунисты добивались, чтобы в руки государства или под его контроль перешли в первую очередь тяжелая промышленность, банки и финансовая система. Такие меры имели не только экономическое, но и политическое и социальное значение, ибо затрагивали прежде всего крупную буржуазию. Это были обоснованные меры, наказывающие именно те группы, которые несли главную вину за крах и ликвидацию домюнхенской республики, а во время войны сотрудничали с гитлеровскими фашистами.

И хотя в то время еще не было явственно высказано требование национализации, КПЧ обращала внимание на огромное общественное значение осуществляемых изменений и их социально-политических последствий. Касаясь данного обстоятельства, К. Готвальд говорил: «Мы пока что не говорим о каком-либо огосударствлении или конфискации, кроме конфискации земли. Однако здесь все же существуют предпосылки, чтобы мы могли произвести огромную передвижку собственности и выбить из-под ног крупного капитала его экономическую базу» [6].

Новое правительство подчеркивало свою решимость навести порядок в экономике и все конфискованные предприятия поставить под национальное управление, которое было обязано тесно сотрудничать с соответствующими национальными комитетами и заводскими комитетами. Правительство провозгласило принцип, что органы национального управления должны быть составлены из тех людей, которые работают на данном предприятии и пользуются наибольшим доверием трудящихся.

Конфискация предприятий и введение национального управления расчистило дорогу для новых и далеко идущих мероприятий, были первыми шагами к передаче этой собственности в руки государства. Весьма важным было то обстоятельство, что все эти преобразования — конфискация и введение национального управления — проводились при участии народа, прежде всего трудящихся, занятых на данном предприятии. Их активное участие в управлении этими заводами посредством заводских комитетов и профсоюзных организаций стало гарантией, что временное управление не окажется в руках буржуазии

и не превратится в неповоротливую систему, которая свела бы на нет весь эффект таких мер. КПЧ со всей силой подчеркивала значение таких обстоятельств, требовала, чтобы к руководству конфискованных предприятий привлекались действительно честные специалисты и технические работники, пользовавшиеся доверием всего коллектива. Национальным комитетам партия указывала, чтобы они всесторонне заботились об этих делах, использовали право контроля над хозяйствованием таких предприятий. Неустанно подчеркивалось, что введение национального управления есть мера далеко идущей экономической и политической значимости, ибо оно призвано обеспечить, чтобы «материальные ценности, которые были построены и созданы трудом нашего народа, трудом работников умственного и физического труда, принадлежали нации, народу, а не служили интересам одиночек или групп» [7].

Коммунисты стремились к тому, чтобы конфискованные предприятия как можно быстрее были переданы в собственность государства. Когда их усилия наталкивались на нежелание и саботаж правых представителей иных партий, коммунисты апеллировали к трудящимся, призывали их давлением снизу заставить быстро провести эти преобразования. Такая тактика приносила успех и принуждала в конце концов отступать всех противников национализации.

Лишение предательской буржуазии собственности и ее национализация имели существенное значение с точки зрения общего упрочения и развития народно-демократического строя. Как говорил К. Готвальд, «передача в руки государства этих ключевых позиций нашей экономики имела следующий смысл: раз и навсегда эти средства были вырваны из рук тех, кто ценности, созданные трудом нашего народа, использовал во вред народу, во вред нации и, как показало недавнее прошлое, во вред республике» [8].

Речь шла прежде всего о том, чтобы мероприятия такого рода были проведены сразу же после освобождения, пока буржуазия еще не располагала благоприятными условиями и возможностями для организации соответствующего сопротивления. Значение данного обстоятельства КПЧ хорошо осознавала и делала все для того, чтобы добиться своевременного проведения таких мер. Основная пропагандистская деятельность партии после мая 1945 г. была направлена как раз на популяризацию этих проектов и их осуществление. Такая тактика приносила хорошие результаты и благодаря этому сравнительно быстро, 28 октября 1945 г., президент республики Бенеш подписал декреты о национализации банков, страховых учреждений, тяжелой промышленности и других ключевых предприятий, что в корне изменяло отношения собственности в наиболее важных отраслях народного хозяйства.

Важным было то, что столь значительные меры удалось провести за такое короткое время, еще до созыва Временного национального собрания. Это сузило возможности маневра реакционных сил, лишило их возможности откладывать и затягивать реализацию принятых декретов. Такие действия позволили за короткое время не только

выполнить основные положения Кошицкой правительственной программы, но и добиться ее существенного углубления.

КПЧ рассматривала национализацию в качестве дальнейшего шага в развитии национально-демократической революции, который означал не просто ликвидацию позиций немецкого и венгерского капитала в народном хозяйстве. Тем самым в значительной мере была подорвана и экономическая мощь предательской чешской и словацкой крупной буржуазии. Так удалось освободить чехословацкую экономику от чуждых влияний, перевести ее значительную часть в собственность государства и поставить, следовательно, на службу чехословацкому трудовому народу.

Знаменательно было и то, что за реализацию данных мер выступил тогда весь Национальный фронт, самые разные социальные и политические слои населения страны. Национализация вновь подтвердила непреходящую значимость совместных действий всего чехословацкого народа для осуществления основных задач строительства новой республики.

Национализация означала дальнейший шаг в развитии национально-демократической революции и можно сказать, что экспроприация собственности крупного капитала открывала и путь к революции социалистической, создавала предпосылки для ликвидации капиталистической системы в Чехословацкой республике. Потому-то она и натолкнулась на сопротивление реакционных сил. Конфликты в первую очередь вспыхивали в связи с национализацией сельскохозяйственной и пищевой промышленности. Эта мера затрагивала непосредственно экономические позиции аграрной буржуазии, которая в послевоенное время все явственнее становилась важной опорой некоторых политических партий, которые стремились расширить свое влияние в деревне. Коммунисты клеймили их махинации, разоблачали представителей реакции, которые стремились сорвать национализацию пищевой промышленности, особенно сахароваренных и спиртовых заводов, мельниц и т. п. Такие маневры, разъясняли коммунисты, служили интересам лишь деревенской буржуазии, деформируя и ослабляя программу национализации.

Оговорки в отношении национализации раздавались и со стороны представителей некоторых политических партий. Особенно активно против этой меры выступали национальные социалисты. Их позицию выразила принципиальная статья, опубликованная в «Свободном слове» 21 июня 1945 г. «Поскольку наше понимание демократии, — говорилось в статье, — прямо исключает униформированную однородность во всех областях социальной жизни, мы и в экономической области выступаем за плюралистическую систему в нашей экономике» [9].

Национальные социалисты равным образом выступали против распространения национализации на другие области. Их взгляд выразил в Законодательном национальном собрании секретарь этой партии Крайна. «Партия, — сказал он, — не допустит, чтобы со стороны иных партий предпринимались попытки расширения национализированного участка нашего хозяйства сверх договоренной меры» [10].

Такая позиция в первую очередь касалась сравнительно мелких конфискованных предприятий, которые по мнению правых представителей разных политических партий, должны были не национализироваться, а наоборот возвращаться в частную собственность. Подобные попытки в 1945—1948 гг. предпринимались довольно часто и возникавшие на такой почве конфликты существенно содействовали нагнетанию внутриполитического напряжения.

Правые представители некоторых политических партий многократно высказывали оговорки в отношении национализированных предприятий, их организации и управления. В таком смысле особо «отличился» ведущий экономический эксперт Национально-социалистической партии Гейда, который утверждал, что развитие национализированной промышленности неизбежно приведет к упадку частнособственнического предпринимательства, неспособного выдержать конкуренцию. Другой лидер этой партии Странский упрекал национализированные предприятия в нерентабельности и требовал, чтобы в их руководстве были в большом количестве представлены старые буржуазные специалисты. Конфликты по этим вопросам достигали таких размеров, что ими пришлось заниматься правительству и не раз обсуждать их в Национальном собрании.

Подобные же возражения раздавались и со стороны Народной партии и Демократической партии в Словакии, а также правого крыла социал-демократии. Значительная часть партий Национального фронта, особенно их правые представители, были заинтересованы в ограничении размаха конфискаций и стремились саботировать организацию национализированной промышленности.

Противоречия и трудности, вызванные сопротивлением правых и реакционных сил, сохранялись и после принятия декретов о национализации. Буржуазия саботировала принятые меры и срывала организацию национализированных отраслей экономики, «доказывая» таким образом, что они приведут к подрыву и развалу народного хозяйства.

Коммунисты предостерегали перед подобными тенденциями и требовали предпринять без промедления надлежащие шаги для завершения перестройки всей системы национализированной промышленности и банков. Они разоблачали все попытки реакции овладеть руководством этих предприятий и повести дела таким образом, чтобы доказать их экономическую нерентабельность.

Основной проблемой национализированного хозяйства оказались не объективные трудности, вызванные этим преобразованием, а прежде всего проблемы политические, вытекающие из домогательств отдельных партий организовать руководство всеми такими предприятиями на основе паритетного представительства. Такие отношения, естественно, подыгрывали реакции, которая пыталась использовать все противоречия в качестве доказательств провала национализации.

Другим важнейшим шагом послевоенного периода стало выселение немцев и заселение пограничных областей чешских земель переселенцами из внутренних районов.

Выселение значительной части немецкого населения, которая запятнала себя сотрудничеством с фашизмом перед второй мировой войной и в ходе оккупации, обсуждалось уже в военные годы. Чехословацкая эмиграция на Западе, включая президента Бенеша, пришла тогда к заключению, что нужно сделать выводы из предательской политики генлейновцев, которая привела к расколу и ликвидации домюнхенской республики.

Представители эмиграции в те годы занимались конкретными расчетами, какое число немецкого населения потребуется выселить из Чехословацкой республики. Первоначально они полагали, что в республике можно оставить до миллиона немцев, а выселить будет нужно около 2 млн, которые так или иначе оказались виновными в сотрудничестве с нацизмом. Предполагалось, однако, что многие из них, боясь наказания, сами убегут в Германию в конце войны.

И хотя представителям эмиграции удалось склонить к принятию такой постановки вопроса некоторых ведущих политиков союзных держав, они не сумели приобрести полной поддержки со стороны правящих кругов этих стран. Различные правые представители, особенно из рядов бывших сторонников политики «умиротворения», отвергали такое решение и скорее симпатизировали тем проектам, которые выдвигала судето-немецкая эмиграция. Такое поведение было мотивировано и желанием как можно быстрее после войны стабилизировать капиталистическую систему в Чехословакии в интересах включения республики в общий фронт антиреволюционного движения. Западные державы, как известно, после войны весьма опасались возможности революционного кризиса в Германии и избегали каких-либо шагов, которые могли его вызвать. Лишь после того, как выселение немцев из Чехословакии и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы поддержал Советский Союз, они на Потсдамской конференции согласились с таким решением. Однако западные державы и после этого стремились уменьшить масштабы выселения и оставить возможно большее число немцев в Чехословакии и других странах.

Коммунисты выселение немцев, предложенное чехословацкой эмиграцией на Западе, в принципе приняли, но в соответствии со своим интернационалистическим мировоззрением отвергли ограниченный националистический подход к проблеме. Они добивались, чтобы такое решение понималось как составная часть антифашистской и освободительной борьбы и проводилось прежде всего в рамках усилий, направленных на полную ликвидацию и искоренение всех источников фашизма. Свою позицию коммунисты определили сразу же при переговорах с президентом Бенешем в Москве в конце 1943 г. Ему они сообщили, что весь вопрос будет лучше всего решить в рамках акции по наказанию виновников преступлений против Чехословацкой республики. Они требовали выставить из республики всех, кто помогал Гитлеру и изменил таким образом родине. Те же немцы, которые участвовали в антифашистском сопротивлении перед Мюнхеном и в военные годы, имели право на чехословацкое гражданство. Немецкие антифашисты должны были равным образом участвовать

в проведении всей акции и имели право высказывать свое мнение о решении конкретных дел.

Президент Бенеш в известной мере согласился с такими предложениями, хотя у него были определенные сомнения, будут ли последствия этого решения такими, какими он хотел их видеть. Поэтому он подчеркивал, что главным результатом чистки должно быть превращение Чехословацкой республики в национальное и славянское государство.

КПЧ после освобождения придавала большое значение последовательному выполнению плана очищения республики от немецких фашистов и заселения пограничных областей чешским и словацким населением. Она требовала, чтобы переселение проводилось организованно, упорядоченно и гуманно. Вместе с тем следовало уделить все необходимое внимание заселению этих областей рабочими, мелкими крестьянами и ремесленниками таким образом, чтобы быстро восстановить и поднять уровень промышленного и сельскохозяйственного производства.

Заселение пограничья стало весьма важной задачей послевоенного восстановления республики. В то время ему уделялось значительное внимание. Оно имело большое народнохозяйственное значение, ибо в пограничных областях находилась значительная часть промышленного производства и сельскохозяйственной земли. От своевременной и последовательной мобилизации этих источников в немалой мере зависел и ход восстановления всей экономики и государства.

Наряду с восстановлением производства в промышленности, большая забота проявлялась о сельском хозяйстве. Поэтому вскоре после освобождения министерство сельского хозяйства направило в пограничье большое число специалистов, которые должны были помогать в проведении акции по переселению. В этом плане большую роль сыграли так называемые переселенческие комиссии, созданные при районных и земских национальных комитетах, в которых значительным влиянием пользовались коммунисты. Вся эта огромная акция развертывалась сравнительно очень быстро, так что уже к середине 1946 г. в пограничных областях жило до 2 млн лиц чешской и словацкой национальности.

Коммунисты понимали, что в пограничье приходит в преобладающей части трудовой народ, интересы которого нужно последовательно защищать и отстаивать. Поэтому они остро выступали против замыслов правых сил, стремящихся нажить капитал на этой акции общенационального значения. Коммунисты прежде всего отвергли проект, согласно которому новые земледельцы должны были заплатить большие деньги за получаемую землю и добились того, что стоимость этих участков была приравнена к стоимости одного-двух урожаев. Коммунисты также добились того, что новые переселенцы могли рассчитываться постепенно, в течение 15 лет. В некоторых случаях земля выделялась бесплатно. Коммунисты стремились к тому, чтобы землевладения, выделенные переселенцам, как можно быстрее передавались в их собственность. Выполнение такого требования имело большое политическое значение, ибо это был лучший способ воспрепятствовать

махинациям реакционных сил, которые стремились вызвать неуверенность у населения пограничных областей и тем самым ослабить его доверие к политике КПЧ. Потому в Созидательной программе правительства К. Готвальда было сказано: «правительство считает своим долгом завершить историческое дело заселения нашего пограничья чешскими и словацкими людьми, передать землю, сельские усадьбы и скот в собственность проверенных переселенцев и обеспечить им помощь государства в строительстве новой и счастливой жизни» [11]. В результате такой политики и тактических действий значительная часть переселенцев в пограничных областях поддерживала в то время и в последующие годы коммунистическую партию, помогала в реализации ее планов и по ее призыву поднялась на борьбу против реакционных сил.

Выселение немецкого населения и приход значительной массы людей из внутренних областей в пограничье вызвали, однако, известные народнохозяйственные трудности. Они проявились прежде всего в сравнительно большой нехватке рабочих рук во всех отраслях народного хозяйства. Эта проблема, учитывая тогдашний еще достаточно низкий уровень производительности труда, несомненно, имела серьезные и долговременные последствия. КПЧ указывала, что недостаток рабочей силы представляет собой самое серьезное препятствие для дальнейшего развития промышленности и сельского хозяйства. Учитывая, что после завершения переселения немцев, в промышленности и сельском хозяйстве будет недоставать по меньшей мере полмиллиона рабочих, партия призвала провести «национальную мобилизацию труда» [12].

КПЧ указывала, что нужно стремиться в первую очередь к снижению числа занятых во всех административных органах, изыскивать пути включения наибольшего числа людей в производительную работу. Неотложной задачей того времени было вовлечение в производство нескольких сот тысяч людей. Добиться этого можно было лишь усиленной агитацией, подчеркивающей значение физического труда для строительства республики, и целесообразной реорганизацией производства и аппарата распределения. Наиболее важным, однако, было создать условия для роста производительности труда и постепенного повышения его результатов. Недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве было возможно возместить хотя бы частично путем организации вспомогательных бригад или мобилизацией молодежи для временной работы в данной отрасли. В сельском хозяйстве, впрочем, работало очень много людей, но с низкой производительностью труда. Поэтому уже в двухлетнем плане этой проблеме уделялось большое внимание и намечалось, что деревня получит новые сельскохозяйственные машины, трактора, минеральные удобрения и т. п.

В этой связи следует напомнить еще о политическом аспекте всей этой проблемы. Утрата рабочей силы в результате ухода переселенцев в пограничье особенно ударила по деревенской буржуазии. Это означало для нее определенное и при том постоянное ослабление, ибо в значительной мере лишило ее возможности эксплуатировать наемную рабочую силу. Данное обстоятельство в конечном счете,

с точки зрения долговременной перспективы развития, делало необходимой и новую организацию сельскохозяйственного труда, которую могла принести с собой лишь коллективизация, окончательная ликвидация экономических позиций деревенской буржуазии.

Чехословацкое государство вскоре после освобождения было вынуждено провести некоторые финансовые и налоговые мероприятия, чтобы добиться хотя бы определенного оздоровления финансов и на такой основе перейти к развитию народного хозяйства. Прежде всего возникла необходимость в неотложной денежной реформе. Она была необходима потому, что немцы наряду с развалом народного хозяйства в целом оставили после себя в обращении 300—350 млрд обесцененных денежных знаков [13].

Денежная реформа была взаимосвязана с другими неотложными мерами в экономической сфере. Было необходимо привести в порядок цены, зарплату и жалование, осуществить некоторые важные изменения в налоговой политике, особенно касательно прибылей в годы войны и приобретенной в то время собственности и т. д. КПЧ стремилась к тому, чтобы острие таких мер было нацелено против буржуазии. Она осознавала, что они в известной степени затронут также интересы самых широких слоев населения города и деревни. Однако, подчеркивали коммунисты, в интересах дальнейшего развития народного хозяйства и его стабилизации было необходимо осуществить денежную реформу, повысить некоторые цены; вместе с тем партия позаботилась о том, чтобы с помощью надлежащих изменений заработной платы предотвратить снижение жизненного уровня трудящихся, особенно рабочего класса.

В связи с денежной реформой был произведен не только обмен денежных знаков, но и заблокированы вклады и ценные бумаги. С помощью подобных мер удалось не допустить инфляцию, что оказало благоприятное влияние на внутренний рынок, особенно на снабжение продовольствием в результате повышения поставок крестьянами. Кроме того, подготовлялась обширная налоговая реформа, которая была призвана упростить всю налоговую систему, изменить ее таким образом, чтобы она затронула прежде всего прибыли буржуазии, источником которых являлась эксплуатация наемной рабочей силы. Затем следовал дальнейший комплекс финансовых мероприятий, целью которых было прежде всего обеспечить капиталовложения, намеченные двухлетним планом. Некоторые из них не удалось осуществить так быстро, как следовало. В результате саботажа реакционных сил дела затягивались, а их нужно было решить еще в ходе двухлетки, ибо их медленная реализация затрудняла принятие новых планов. Все это было серьезным, негативно действующим фактором тогдашнего развития.

Значительные трудности возникали в послевоенный период при проведении политики в области цен, которая должна была отвечать интересам широких народных слоев и вместе с тем позволила бы ослабить экономические позиции буржуазии. Для проведения такого курса непосредственно после окончания войны не было нужных политических предпосылок; напротив этот курс наталкивался на

ожесточенное сопротивление правых элементов, активизирующихся в разных партиях Национального фронта.

КПЧ понимала, что различные необходимые мероприятия того времени, связанные с преодолением последствий оккупации и войны, будут весьма непопулярны, ибо они будут неизбежно затрагивать личные интересы каждого индивидуума. Поэтому партия не упускала из вида, что в этом плане нельзя ожидать единодушного и безоговорочного соглашения всех слоев. Однако иное решение было исключено, ибо основной предпосылкой успешного развития народного хозяйства было обеспечение необходимого соотношения цен и заработной платы, осуществление изменений цен с целью обеспечения рентабельности производства и ликвидации различий между чешскими землями и Словакией, существовавших в этой области.

Разъясняя такие шаги, КПЧ обращала внимание на то, что политика цен тесно связана с объемом и продуктивностью производства. Она напоминала, что основной предпосылкой обеспечения стабильности денежной системы, роста реальной зарплаты является подъем производства и связанное с этим увеличение предложения товаров на внутреннем рынке. А добиться этого можно единственно путем повышения эффективности и производительности труда на всех участках народного хозяйства. Переход в руки государства финансовой системы и значительной части промышленности создал благоприятные условия для дальнейшего подъема производства. Поэтому было необходимо обеспечить прежде всего хорошую организацию этих государственных предприятий и тем самым создать предпосылки для выполнения планов строительства, которое должно было стать основной гарантией дальнейшего улучшения жизненного уровня населения. Коммунисты обращали внимание на низкий объем производства, которое в конце 1945 г. достигло лишь половины довоенного уровня. Они указывали на то, что совершенно необходимо в самое короткое время — за полгода или в крайнем случае за год — поднять производство выше довоенного уровня. Такова была неотложная задача и от ее решения зависело, удастся ли предотвратить разруху и полностью преодолеть наиболее серьезные трудности того времени.

Политика цен, проводившаяся в послевоенный период, не сумела еще, однако, существенным образом затронуть экономические позиции буржуазии и положить конец ее дальнейшему обогащению. Поэтому было необходимо предпринимать новые шаги в данном направлении. Поэтому КПЧ в 1946—1947 гг. предложила такое урегулирование цен, которое было способно привести к снижению тогдашних прибылей буржуазии. Партия особенно добивалась повышения цен на основные виды сырья и продукцию национализированной промышленности (например, на уголь, чугун, сталь, станки), а с другой стороны — изменения цен на продукцию легкой промышленности, которая пока что еще находилась преимущественно в частной собственности. Эти проекты были обсуждены в правительстве и вызвали значительный интерес у общественности, ибо их осуществление могло привести к снижению цен на разные жизненно важные предметы. Однако принятия этих проектов не удалось добиться из-за

сопротивления правых представителей некоторых политических партий Национального фронта.

С первых дней свободы коммунистическая партия уделяла много внимания восстановлению и развитию производства, всего народного хозяйства, дальнейшему созиданию республики. КПЧ мобилизовывала в первую очередь своих членов, подчеркивала, что их долг состоит в том, чтобы «работать лучше других... своим трудом вовлечь остальных в общее дело» [14].

Другим важным шагом вперед, сделанным по инициативе коммунистов, стал Двухлетний хозяйственный план восстановления и строительства, выполнение которого началось с января 1947 г. Такой план мог быть выдвинут только в условиях народно-демократического строя, лишь на основе национализации значительной части народного хозяйства и после возникновения новой, народной власти, представленной системой национальных комитетов. Предпосылками его выполнения являлись общий рост промышленного и сельскохозяйственного производства, повышение производительности труда и качества управления производственным процессом. Наряду с этим существовали тогда еще различные объективные препятствия, срывающие выполнение таких замыслов. Вытекали они из того факта, что частному капиталу тогда в промышленности принадлежало 30—45 % производственных мощностей. В сельском хозяйстве частный сектор вообще продолжал преобладать. В результате значительная часть национального дохода оказывалась в частных руках и не служила интересам всего общества. Эту часть экономики нельзя было полностью подчинить задачам плана и таким образом использовать в надлежащей мере для выполнения двухлетки.

КПЧ и в такой ситуации, несмотря на все проблемы возникшие в первый год двухлетки вследствие катастрофической засухи, приложила значительные усилия для выполнения плановых заданий. Она подчеркивала ключевое значение этих задач и указывала, какие политические условия следует создать, чтобы обеспечить их реализацию. Прежде всего нужно было сломить стремление реакции сорвать созидательные усилия, упрочить Национальный фронт трудового народа города и деревни, единство чешского и словацкого народов. Далее нужно было завоевать народ на сторону политики КПЧ, показать ему, какое значение имеет реализация поставленных целей и с международной точки зрения, для укрепления позиции Чехословацкой республики и упрочения ее союзнических связей с Советским Союзом и с народно-демократическими странами.

Оценивая ход выполнения Созидательной программы правительства Готвальда, Пленум ЦК КПЧ в начале июня 1947 г. выдвинул конкретные задачи на ближайший период, выполнение которых могло создать благоприятные предпосылки для достижения целей, определенных в этой программе. Необходимо выполнить все задания двухлетки, особенно подчеркивала партия, обеспечить питание населения, создать предпосылки для снижения цен, реализовать намеченный объем капиталовложений. Особый упор был сделан на осуществление шагов, направленных на повышение жизненного уровня, осо-

бенно на создание системы национального страхования. Не были забыты важные задачи правительственной и законодательной работы по обеспечению выполнения двухлетнего плана. Тогдашнюю политику КПЧ определил К. Готвальд в заключительном слове на Пленуме ЦК. Он сказал: «Главным нашим лозунгом есть и остается: Республике больше труда, вот наша агитация. Народ будет судить по результатам труда. Спокойствие, уверенность в себе, рассудительность и позитивная работа — вот лучший путь к завоеванию большинства народа» [15].

К тому времени проступали и некоторые позитивные изменения в состоянии народного хозяйства. Особо важными были улучшения в финансовом хозяйстве — значительное снижение дефицита государственного бюджета и увеличение доходов государства в 1947 г. С другой стороны, в финансовом хозяйстве недостаточное отражение получили общие потребности двухлетнего плана. Тем не менее правительство имело основание констатировать: национализированный сектор сумел обойтись без иностранных займов и с финансовой точки зрения справился с проблемами хозяйственного развития лучше, чем это делалось когда-либо в прошлом, в том числе и в межвоенный период.

План первого года двухлетки был успешно выполнен на 100,9 % (без пищевой промышленности), объем производства составил 98 % от уровня 1937 г. Давали о себе знать серьезные последствия засухи в летние месяцы: в сельском хозяйстве план был выполнен на 70,9 % и некоторые нормы выдачи продуктов пришлось снизить. Рост импорта сельскохозяйственных продуктов требовал увеличения экспорта промышленных изделий, и поэтому их недоставало на внутреннем рынке. Трудности чувствовались также в некоторых промышленных отраслях, выпускающих потребительские товары, например в текстильной промышленности. В то время ощущался значительный недостаток текстильных изделий, потому что большая часть их поглощалась черным рынком.

Несмотря на эти негативные обстоятельства, уже тогда можно было сказать, что возникали прочные основы экономического развития и в целом удалось достичь намеченного уровня восстановления народного хозяйства. Это был крупный успех политики КПЧ, которая последовательным выполнением первого народнохозяйственного плана создала условия для дальнейшего движения по пути к социализму.

Двухлетка была важна не только тем, что представляла собой первый шаг к плановому руководству хозяйственным развитием, но и тем, что в ее рамках удалось использовать национализированную промышленность для дальнейшего углубления и расширения революционного процесса в экономической сфере и для строительства экономических основ социализма.

Формулируя задачи двухлетнего плана, КПЧ на первый план выдвигала потребность достигнуть и превысить довоенный уровень выпуска средств производства и предметов потребления [16]. При подго-

товке двухлетнего плана партия заботилась о том, чтобы были созданы и необходимые теоретические предпосылки и достаточная материальная база. Последнюю обеспечивала национализированная промышленность, которая в ходе выполнения двухлетнего плана должна была стать уже реальной основой и решающим фактором всего народного хозяйства Чехословакии.

Предпосылкой для претворения в жизнь этих планов было доведение до конца всех изменений, связанных с национализацией. Прежде всего было необходимо внедрить новую организацию национализированных отраслей и решить раз и навсегда проблему так называемых конфискатов. Партия подчеркивала, что и эта задача должна быть решена в интересах трудового народа и ни в коем случае нельзя допустить передачи не подпавших под действие декрета о национализации предприятий в руки частных собственников. В этом вопросе партия последовательно боролась против махинаций правых сил и мобилизовывала против них все слои трудового народа.

Подготовка и выполнение двухлетки потребовали создания соответствующего аппарата планирования, сосредоточения всей этой работы в одном месте и экономного использования людских и материальных резервов, необходимых для реализации поставленных целей. Важную роль в этом деле должен был сыграть Экономический совет, в котором удалось сосредоточить значительное число специалистов из самых разных отраслей. При том следует заметить, что в этом органе коммунисты были представлены довольно слабо: из 25 его членов только четыре были представителями КПЧ. Когда в Экономическом совете активизировались правые элементы, которые стремились саботировать подготовку двухлетнего плана, КПЧ добилась создания в июле 1946 г. Центральной плановой комиссии, во главе которой встал непосредственно К. Готвальд. Этому органу принадлежат главные заслуги в подготовке двухлетки, проект которой мог быть внесен на одобрение Законодательного национального собрания до 28 октября 1946 г.

Конкретные задачи двухлетки К. Готвальд сформулировал уже вскоре после парламентских выборов в мае 1946 г. Он указал тогда, что необходимо достигнуть и постепенно превзойти довоенный уровень производства, обеспечить рациональное распределение рабочей силы, модернизировать промышленность и транспорт. Далее отмечалась необходимость развернуть строительство жилья, принять меры для начала механизации и электрификации сельского хозяйства. В сфере снабжения должны были быть созданы предпосылки для устранения карточной системы, упрощения и удешевления распределения в интересах потребителей, производителей и мелкой торговли, для снижения производственных расходов и расходов в системе распределения. Речь шла также о завершении денежной реформы, о проведении налоговой реформы в интересах трудящихся. Не ослаблялось внимание к заселению пограничья, наделению крестьян землей и скотом, индустриализации Словакии и улучшению здесь общей экономической ситуации.

Промышленное производство к концу 1948 г. должно было на 10 % превысить довоенный уровень, а сельское хозяйство достигнуть масштабов производства в довоенные годы.

КПЧ видела в двухлетке и ее успешном выполнении основное средство обеспечения дальнейшего развития революционного процесса, «...то звено цепи, за которое мы должны ухватиться, чтобы вытащить всю цепь» [17]. Поэтому КПЧ придавала большое значение привлечению всех трудящихся к активному участию в выполнении поставленных задач.

Важной предпосылкой выполнения двухлетки становилось повышение экономической эффективности производства. Это означало прежде всего осуществление мер по координации развития всех отраслей народного хозяйства и определение приоритетов в зависимости от их значения и конкретных целей. Далее нужно было разработать необходимые действия по рациональному использованию производительных сил, источников энергии и сырья. Стало необходимым определить основные направления капиталовложений, работ по реконструкции и рационализации, а также добиться их согласования и единого управления. Основной целью было общий подъем производства выше довоенного уровня и соответственное улучшение условий жизни народных масс. В области сельского хозяйства к концу 1948 года также в основном должен был быть превзойден довоенный уровень, что позволило бы за счет внутренних источников покрыть большую часть потребления продуктов питания.

Весьма ощущалась потребность улучшить снабжение. Это касалось не только упомянутых задач на внутреннем рынке, борьбы против черного рынка и спекуляции. В полной мере это касалось и внешней торговли. Здесь неотложной задачей являлось обеспечение стабильных рынков сбыта продукции и возможностей закупок изделий и сырья для ослабления зависимости от капиталистических рынков. Поэтому была выдвинута задача существенного расширения и углубления экономических связей с Советским Союзом и странами народной демократии. Ставка при том делалась на приведение организации внешней торговли в соответствие с общей структурой чехословацкого народного хозяйства, иначе говоря на единое руководство экспортом и импортом с тем, чтобы это отвечало подлинным потребностям государства.

Двухлетка была призвана обеспечить и расширение промышленной базы в Словакии. Достигнуть этой цели намечалось как перемещением некоторых заводов из чешского пограничья, так и рассчитанными на долгосрочную перспективу капиталовложениями, которые позволили бы Словакии постепенно сравняться в экономическом отношении с чешскими землями. КПЧ подчеркивала, что ускоренное экономическое развитие Словакии является необходимым и с точки зрения обеспечения сплоченности и единства республики. Вместе с тем, эти мероприятия имели целью сделать возможным использование сырьевых и энергетических источников Словакии, а также резервов рабочей силы, в интересах экономического развития всего государства.

Одновременно надлежащее внимание уделялось экономическому развитию отсталых областей чешских земель, особенно Южной Чехии и Чешско-Моравской возвышенности. Подчеркивалось, что необходимо осуществить меры, которые приостановили бы дальнейший отлив людей из таких областей и привели бы к подъему жизненного уровня их населения.

Правые силы не смогли сорвать подготовку и принятие двухлетнего плана, однако они стремились саботировать и тормозить выполнение поставленных задач и критиковали цели двухлетки. Их поведение вытекало по существу из опасений, что выполнение этих задач позволит прогрессивным силам добиться новых мероприятий, направленных на строительство социалистического общества. Такие соображения хорошо отразились в передовой статье «Свободных новин». Газета, в связи с оценкой двухлетнего плана, писала 15 февраля 1947 г.: «известное напряжение в отношениях между партиями сохранится, поскольку между ними идет борьба по вопросу о том, будет ли у нас хозяйство плановое и смешанное, или же скорее западное понимание демократии». Подобные возражения высказывал и экономический эксперт Национально-социалистической партии Гейда, который, оценивая итоги первого года двухлетки, писал, что план не популярен у общественности «и потому, что планирование приносит с собой неизбежное ограничение личной свободы предпринимательства..., а это противоречит индивидуалистическому характеру чешского народа» [18].

Коммунисты при пропаганде двухлетнего плана подчеркивали его не только экономическое, но и социально-политическое значение. Они указывали, что выполнить план «значит повысить жизненный уровень нашего народа в городе и деревне, значит дать солидную и прочную экономическую основу народно-демократическому строю, значит гарантировать нашу национальную свободу и государственную независимость, значит создать необходимые предпосылки для дальнейшего хозяйственного расцвета нашей республики» [19].

Коммунистическая партия в полной мере брала на себя ответственность за решение всех поставленных задач. Она подчеркивала, что это дело чести всех ее членов, которые должны быть примером созидательного трудового энтузиазма и увлекать на борьбу за выполнение этих задач все слои нашего населения, крестьян, рабочих, ремесленников, интеллигенцию, все организации Национального фронта. Поэтому партия обращалась к своим членам с требованием конкретно применять поставленные задачи к местным условиям и прилагать все усилия для их выполнения. Вместе с тем она напоминала, что «коммунисты должны быть первыми, указывать путь и быть примером, но не должны допустить, чтобы народ видел в двухлетке лишь наше коммунистическое, партийное дело» [20]. Речь шла о том, чтобы этот план стал действительно делом всех трудящихся.

И этого удалось достигнуть. Двухлетка приобрела большую популярность и, как показало проводимое в то время обследование общественного мнения, преобладающее большинство населения верило, что поставленные задачи будут выполнены. Для участников револю-

ционного движения и прогрессивных сил двухлетка была вместе с тем экзаменом народно-демократического хозяйствования, проверкой его способности создавать экономические предпосылки для перехода от капитализма к социализму. С такой точки зрения двухлетний план содействовал воспитанию народных масс, подготовил их к восприятию идеи строительства социалистического общества. На это обстоятельство обратил внимание К. Готвальд. Он сказал, что двухлетний план представляет собой «нечто совершенно невозможное при старом капиталистическом строе, является решающим шагом нашей народной демократии к социализму» [21].

Коммунисты подчеркивали принципиальное значение планового хозяйства, указывали, что на этом пути можно обеспечить такой подъем, который вообще был немыслим для капиталистической системы. Они добивались пропорционального развития промышленности и сельского хозяйства, делали упор на повышение производительности труда в качестве основной предпосылки для преодоления трудностей, вытекающих из нехватки рабочей силы и общего роста объема производства. Было необходимо вместе с тем создать условия для изменения структуры всего народного хозяйства, изменить самую ее основу, возникшую еще в Австро-Венгрии, приспособить ее к современным условиям.

Для реализации всех задач такого рода двухлетка могла создать лишь основные предпосылки. Их дальнейшую реализацию должен был обеспечить уже первый пятилетний план, над которым уже тоже начали работать. Он был призван повысить жизненный уровень всех слоев трудового народа в городе и деревне, упрочить союз рабочих, крестьян, городской мелкой буржуазии и интеллигенции. Пятилетка должна была обеспечить развитие социалистической экономики, дальнейшую перестройку народного хозяйства, улучшение всех сторон жизни населения.

Коммунистическая партия уже в ходе первого года двухлетки предпринимала важные конкретные шаги, отвечающие потребностям дальнейшего планового ведения хозяйства, направленные на строительство социалистического общества. Это обстоятельство вызывало большое беспокойство у правых сил и содействовало ускорению их подготовки к проведению реакционного путча. Таким образом, и выполнение планов хозяйственного строительства способствовало обострению классовых противоречий в Чехословацкой республике.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА С РЕАКЦИЕЙ

Коренные изменения, вызванные национально-демократической революцией, в первую очередь были направлены на то, чтобы ранее господствовавший слой, преобладающую часть крупной буржуазии, лишить политической власти и в значительной мере их прежнего экономического положения. Этого изменения удалось добиться сравнительно быстро и радикально потому, что крупная буржуазия проявляла симпатии к фашизму и предала интересы всего народа. Мюнхен и годы оккупации знаменовали «полное идеологическое, политическое и моральное банкротство ранее господствовавших кругов финансовой промышленной и аграрной крупной буржуазии» [1].

Коммунисты таким образом исходили из того, что буржуазия в результате сотрудничества с фашизмом в значительной мере скомпрометировала и дискредитировала себя в глазах трудового народа. Они однако осознавали, что борьба за завоевание «большинства нации» и в первую очередь трудового народа, развернувшаяся между революционными силами и буржуазией, не закончилась в 1945 г., а напротив разгорелась с новой силой в новых условиях. Они понимали, что «это борьба идеологическая, политическая, административная, экономическая, короче говоря — борьба на всех фронтах» [2].

Весьма важно было то, что чешская и словацкая буржуазия после освобождения не смогла опереться ни на один из юридических, конституционных и государственных институтов домюнхенской республики, в том числе на существующие правительство и парламент. Буржуазия потеряла практически все так называемые конституционные институты, которыми она владела и которые использовала в своих интересах. Вновь возникающие органы власти, представленные особенно национальными комитетами, имели совершенно иной характер, служили народным массам и хотя буржуазии удавалось проникать в них с помощью главарей разных партий Национального фронта, ей никогда не удалось полностью ими овладеть и подчинить себе.

В послевоенной Чехословакии существовала сравнительно многочисленная буржуазия; к ней принадлежало, включая лиц свободных профессий, архитекторов, адвокатов, владельцев доходных домов и т. п., по оценке того времени более 80 тысяч человек. Национализация, осуществленная после освобождения, и конфискации собственности немцев, предателей и коллаборационистов, однако, существенно ослабили ее экономические позиции. Тем не менее буржуазия сохранила еще важное положение в сфере легкой и потребительской промышленности, строительного дела, внутренней и внешней торговли. В деревне также существовала довольно сильная и влиятельная группа деревенской буржуазии, крупных кулаков, помещиков и т. д. Эти обстоятельства неблагоприятно сказывались на внутриполитической ситуации в послевоенной Чехословакии, ибо буржуазные элементы стремились не только саботировать и подрывать экономиче-

ское развитие, но все более активно, при поддержке правых заправил некоторых партий Национального фронта, проникали в общественную жизнь, пытаясь и там вызвать разложение.

Коммунистическая партия неустанно добивалась проведения все новых мероприятий, ослаблявших экономическую базу буржуазии. Этому служили уже упомянутые шаги в сфере финансовой и налоговой политики, денежная реформа, введение так называемых блокированных вкладов, налога на собственность и налоговая политика в целом. Данные меры охватывали прежде всего капиталистические прибыли. Все эти меры, как подчеркивали коммунисты, были направлены не против мелких предпринимателей, ремесленников и мелких торговцев, а лишь против тех капиталистических элементов, которые в прошлом злоупотребляли своей экономической мощью, беспощадно эксплуатируя народ, и кончили тем, что выдали Чехословакию фашизму. Меры против черного рынка и спекуляции, когда они проводились последовательно, затрагивали в первую очередь буржуазные элементы.

Буржуазия через ведущих деятелей некоторых политических партий (особенно Национально-социалистической, Народной и словацкой Демократической) стремилась отстаивать свои интересы, бороться против всех мер, способных ослабить ее экономические позиции. Свое выражение это нашло, например, в противоречиях, возникших в связи с проектом министерства финансов о введении трехступенчатого налога на имущество. Коммунисты остро отвергли так называемый равномерный налог, который коснулся бы без всяких различий всех владельцев недвижимости, особенно бедных и средних крестьян. Коммунисты, напротив, добивались так называемого налога на прирост имущества, как важное дополнение к денежной реформе и создания условия для изъятия значительной части финансовых средств у капиталистических элементов. Проведение подобной меры было бы для коммунистической партии бесспорно большим политическим успехом, ибо тем самым были бы завоеваны симпатии новых групп мелких и средних крестьян, городской мелкой буржуазии.

Серьезные внутриполитические противоречия возникли в послевоенный период в связи с проведением национальной чистки и наказанием предателей и коллаборационистов. Во время войны, в ходе национально-освободительной борьбы, представителям буржуазной эмиграции пришлось признать необходимость наказания таких элементов.

Это был вынужден признать и президент Бенеш, заявивший: «немцы-нацисты и немцы-предатели должны быть поставлены в такое же положение, как нацисты и предатели и добровольные коллаборационисты чешские и словацкие» [3].

Коммунисты требовали последовательного выполнения тех пунктов правительственной программы, которые предусматривали наказание фашистов, предателей и коллаборационистов. Они настаивали на быстром начале работы народных судов и стремились с помощью разных органов, особенно национальных комитетов и Национального фронта, установить контроль над деятельностью этих судов.

Партия вела обширную агитационную кампанию против фашистских и коллаборационистских элементов. Она напоминала, что эти люди ввергли республику и ее народы в фашистское иго и несут прямую личную ответственность за страдания последних лет. Коммунисты подчеркивали, что против них необходимо принять крутые меры, искоренить все остатки нацизма и фашизма, раз и навсегда исключить всякую возможность, чтобы подобные люди в будущем предавали и продавали свой народ.

Важной составной частью всей этой акции была чистка учреждений, частных и общественных органов административного управления от предателей и коллаборационистов. Партия указывала: от того, удастся ли разоблачить, обезвредить и наказать фашистов, предателей и коллаборационистов, зависит в значительной мере, как сложится положение в Чехословакии в ближайшем будущем. Она напоминала, что именно среди таких элементов, которые прежде охотно сотрудничали с немецкими фашистами и активно им помогали, имеется больше всего тех, кто враждебно относится к революционным переменам. Неотложную необходимость выполнения этой задачи подчеркивал К. Готвальд: «Наш народ обязан беспощадно очистить собственные ряды от предателей и врагов. Он обязан это сделать не только во имя памяти тех, кто пали в борьбе против оккупантов и были зачастую жертвами предателей и изменников, которые еще обретаются среди нас. Наш народ обязан сделать это и во имя своих потомков, поскольку без наведения порядка в собственном доме мы не могли бы строить республику на здоровых основах» [4].

Борьба против фашистов, предателей и коллаборационистов была вместе с тем борьбой против скомпрометированной чешской и словацкой буржуазии и существенно помогала подрывать и ослаблять ее позиции. Следовательно, чистка национальной и общественной жизни от подобных элементов означала в целом и лишение их возможности воздействовать на общественное развитие. Потому-то КПЧ и КПС подчеркивали неизбежность ускоренного и последовательного проведения такой чистки и настаивали на том, чтобы наказаны были прежде всего те, кто несли главную ответственность за страдания чешского и словацкого народов, т. е. коллаборационисты, во время оккупации служившие на высших постах в правительстве или экономике. Партия добивалась также проведения мер, которые не позволяли бы коллаборационистам и предателям — с помощью своих сторонников в судебном аппарате — преследовать и подвергать гонениям участников революционного движения.

Правые элементы в политических партиях и в правительстве стремились саботировать и тормозить реализацию всех мер, направленных против изменников и коллаборационистов, ибо хорошо понимали, что речь идет о наказании их классовых партнеров. Поэтому несмотря на затяжные переговоры так и не удалось достичь согласия по вопросу относительно декрета о народных судах. Он был наконец одобрен по сути дела на основе проекта, разработанного еще лондонским эмигрантским правительством. Вследствие этого он был во многом неудовлетворителен и оставлял ряд возможностей, позволявших

разным предателям и коллаборационистам избежать наказания. Коммунистам не удалось внести в декрет нужных поправок, однако они сумели добиться издания особого декрета о национальной чести, который позволял органам общественного управления, прежде всего национальным комитетам, привлекать к ответственности за разные действия лиц, кого консервативные и реакционные представители судебного аппарата отказывались считать подсудными по декрету о народных судах.

Новые разногласия вызвали судебные процессы по делам коллаборационистских правительств так называемого словацкого государства и протектората. Особенно острым был конфликт с представителями Демократической партии. Они первоначально хотели помешать осуждению представителей клерофашистского режима, а позже отвергали приговоры Тисо и другим членам словацкого клерофашистского правительства. Против действий Демократической партии выступили не только коммунисты и социал-демократы, но и национальные социалисты и так называемые неполитические министры Л. Свобода и Я. Масарик. Приговор был приведен в исполнение, но возросла напряженность в отношениях между Демократической и остальными политическими партиями. Недовольство вызвал также затянувшийся процесс по делу представителей режима протектората и сравнительно мягкие приговоры. Тогдашние взгляды народа хорошо выразил К. Готвальд, сказавший, что легче судить гитлеровских привратников, чем гитлеровских министров.

Правые главари национальных социалистов, Народной и словацкой Демократической партии, прибегая к самым различным махинациям, стремились затормозить процесс национальной чистки, а весьма скоро потребовали полностью ее прекратить. Они покрывали и защищали реакционных и правых судей и под прикрытием заявлений о судебной независимости оправдывали их мягкие приговоры. Подобная позиция ярко отразилась в заявлении газеты «Свободне слово», которая в статье «Чешский судья» 25 ноября 1945 г. писала: «Да, независимость судьи, его суверенное положение над низостями и подлостью мира — таков был один из могучих столпов, на которых зиждется незабываемая красота первой республики». Напротив, коммунисты без устали клеймили все явления, которые свидетельствовали о стремлении правых сил затормозить национальную чистку. Они указывали, что судебные процессы превратились в прямую насмешку над правовыми и моральными чувствами нашего народа. Коммунисты призывали трудящихся решительно протестовать против таких махинаций, показывали, кто, какие силы срывают и делают невозможным наказание предателей и коллаборационистов.

Правые реакционные силы из рядов фашистов, предателей и коллаборационистов, которые первое время после освобождения вели себя пассивно и выжидали, постепенно активизировались, обостряли свои наскоки на новую, народно-демократическую республику и на меры, осуществлявшиеся в ходе национально-демократической революции. И все более явно они находили поддержку со стороны руководства некоторых партий Национального фронта.

Бок о бок с реакционными элементами постепенно встали прежде всего разные политики из лондонской эмиграции, которые после возвращения в Чехословакию утвердились на влиятельных постах в правительстве, иных государственных органах и в руководстве политических партий. Как позже признавались некоторые из них (например, национальный социалист П. Дртина и правый социал-демократ В. Майер), они возвращались в Чехословакию с умыслом срывать проведение программы, с которой они формально согласились, и с надеждой, что им постепенно удастся повернуть развитие вспять и добиться возврата к отношениям домюнхенской республики. Положение дел развивалось в направлении, не имеющем ничего общего с такими представлениями. Чувства реакции метко выразил правый журналист Ф. Пероутка: «Когда же мы очнулись, то увидели, что мы — «развивающееся социалистическое государство». Мало того, те общественные слои, которые мы привыкли видеть на переднем плане, были отодвинуты. Их место заняли новые слои, которые вели себя далеко не всегда приемлемо и осмотрительно, а иногда специально стремились выглядеть далеко не мило. Большие стали малыми, а малые большими, ворота тюрем открываются перед иными, чем прежде, людьми, собственность и положение в обществе развеялись, многое из того, что прежде было на сцене, провалилось в люк» [5].

КПЧ сразу же после освобождения принялась последовательно и неуклонно клеймить и разоблачать все подрывные действия и клеветнические маневры реакционных сил. Партия заявляла: все, кто избрал такой путь, кто обливает грязью, клевещет, стремится вносить разлад, тот посягает на корни республики, жизненные интересы нации и потому должен быть наказан. VIII съезд КПЧ весной 1946 г., касаясь деятельности реакции, указал, что реакционные силы в послевоенных условиях не могут еще выступать совершенно открыто, должны маскироваться и искать легальные возможности прикрытия для своей деятельности в некоторых организациях Национального фронта. В данной связи съезд обратил внимание на вызывающее тревогу развитие в некоторых политических партиях, где уже в ходе избирательной кампании весной 1946 г. обозначился явный политический сдвиг вправо.

Коммунисты предостерегали, что реакция не отказалась от своих контрреволюционных планов и хочет осуществить переворот. Не дать этим силам развертывать деятельность против народно-демократического строя, такова, указывали коммунисты, одна из главных внутриполитических задач. Опасность вырастала из того, что реакция клеветала, измышляла разные слухи, а когда было возможным, организовывала саботаж и т. п. Пока деятельность реакции не выходила за такие рамки, она не могла серьезно угрожать новому строю и повернуть вспять развитие. Реакционные силы могли стать действительно серьезной опасностью лишь тогда, когда они проникли бы на руководящие посты в легальных правительственных партиях и смогли бы всерьез влиять на их политику. Подобные устремления ясно обозначились в ходе избирательной кампании, когда значи-

тельно активизировались реакционные силы в национально-социалистической, народной и демократической партиях.

КПЧ указывала, что против такой подрывной политики необходимо мобилизовывать всех трудящихся города и деревни. Она подчеркивала, что иначе возросла бы опасность противоречий в Национальном фронте, была бы поставлена под угрозу консолидация положения, возникли бы новые очаги тревог и волнений. Коммунисты обращались к представителям других партий, указывая на опасность, которая могла возникнуть в случае, если их партийные позиции станут формироваться под давлением правых сил. Позиция КПЧ была определена К. Готвальдом. Он сказал: «У всех политических партий без исключения есть государственная обязанность — не допустить проникновения в свои ряды подобных элементов, бывших аграриев, фашистов, антисоветских клеветников из национального объединения: они должны сомкнуть свои ряды с тем, чтобы твердо и решительно отвергнуть любую травлю подобного толка как антигосударственную, подрывную деятельность, как деятельность в пользу врага, как деятельность, создающую угрозу самим основам нашей республики» [6].

Коммунисты и в такой ситуации твердо отстаивали концепцию Национального фронта и подчеркивали, что нельзя поддаться на провокации реакции и отступить от этих принципов. Они исходили из того, что чехословацкий народ достаточно политически зрел, чтобы отличить демагогию от честного, созидательного труда. Коммунисты верили и подчеркивали это, что народ не забыл, кто как вел себя в домюнхенской республике, после Мюнхена, во время оккупации, кто сотрудничал с захватчиками, стоял в стороне или активно участвовал в революции.

Партия стремилась еще выше поднять активность масс, не давать передышки реакции, вела наступление против нее, выступала с новыми требованиями и проектами, направленными на ограничение и подрыв позиций буржуазии. Замедленное и непоследовательное выполнение разных пунктов Кошицкой правительственной программы и созидательной программы правительства Готвальда порождало естественную тревогу и КПЧ разоблачала виновников этих затруднений, указывая, что такие махинации представляют собой составную часть далеко идущих планов повернуть вспять все развитие в стране. Такую опасность можно будет преодолеть, указывали коммунисты, если внутри Национального фронта будут усилены позиции прогрессивных сил и особенно КПЧ.

В 1947 г., особенно с лета, было все яснее видно, как реакционные силы в отдельных политических партиях влияют на их руководство, направляют их политику и стремятся разбить Национальный фронт, овладеть некоторыми новыми общереспубликанскими организациями, создать условия для контрреволюционного путча. Возникала ситуация, о которой К. Готвальд сказал: «В мае 1945 г. мы из зала заседания правительства выбросили реакцию через двери, а в феврале 1948 г. оказалось, что реакция влезла туда через окно» [7].

Основной причиной тогдашних внутриполитических трудностей

было стремление противников народно-демократического строя, бывших финансовых, промышленных и аграрных магнатов, восстановить режим домюнхенской республики. Эти люди сами или посредством своих союзников действовали не только в политических партиях, но и в парламенте, правительственных органах, национальных комитетах, разных организациях и на различных участках общественной жизни. Конкретным свидетельством тому служило, например, продвижение одного из главарей бывшей аграрной партии Фейерабенда к руководству общечехословацкого центра кооперативов или избрание бывшего министра времен домюнхенской республики Энглиша ректором Карлова университета в Праге. Деятельность реакционных сил весьма заметно сказывалась в парламенте, где саботировалась подготовка законов, затягивалось их принятие и с помощью различных махинаций создавались искусственные препятствия для реализации Созидательной программы правительства К. Готвальда.

Международная реакция в своих действиях против Чехословакии вдохновлялась событиями в капиталистических странах, особенно во Франции и Италии, где коммунисты были удалены из правительств. Ее представители надеялись, что международное развитие создаст таким же образом благоприятные условия для подобного поворота и в Чехословакии. Реакция, однако, недопоняла своеобразия положения, особенно того обстоятельства, что революционные силы в ЧСР не уступили ни одной позиции, завоеванной в ходе национально-демократической революции, а, напротив, проявляя активность и инициативу, укрепляли их и были полны решимости расширить свои позиции в ближайшем будущем.

Коммунисты не скрывали, что строительство республики проходит с значительными затруднениями, показывали, что можно было бы продвинуться значительно дальше, если бы реакция не саботировала развитие, не расчленяла Национальный фронт и не подрывала его дееспособность. Коммунисты напоминали, что постоянно застревает темп работы правительства, задерживается выполнение его программы, а в разных областях общественной и экономической жизни нарастают тревожные и возмутительные беспорядки. На подобную опасность решительно указал ноябрьский Пленум ЦК КПЧ в 1947 г., на котором К. Готвальд сказал: «Реакция расползлась во все стороны, она будет стремиться еще больше препятствовать деятельности правительства, парламента и остальных народных органов для того, чтобы в определенный момент лишить правительство и парламент дееспособности. В подходящее время реакция попытается вызвать правительственный кризис и создать правительство чиновников» [8].

Данное заявление не было каким-то откровением, ведь в начале 1947 г. на январском Пленуме ЦК КПЧ партия публично раскрыла все причины тогдашних трудностей в Национальном фронте и правительстве. КПЧ объяснила: их корни следует искать в том, что в руководство некоторых партий проникли реакционные элементы, которые влияют на политику данных партий, затрудняют выполнение правительственной программы и саботируют деятельность государ-

ственных органов. Однако в последующий период коммунисты указывали уже на другие формы вредительства реакции, разоблачали разных саботажников на производстве и в области снабжения, спекулянтов текстильными изделиями и другими товарами, помещиков, не выполняющих обязательных поставок, и других подрывных элементов, распространяющих ложные слухи, клевещущих на союзников ЧСР и подрывающих внешнеполитический курс республики.

С середины 1947 г., реакционные силы решили изменить сложившееся соотношение сил еще до парламентских выборов. Они попытались вызвать раскол, ослабить доверие трудящихся к Коммунистической партии с тем, чтобы воспрепятствовать КПЧ добиться решающей победы на выборах. Реакция умножила свои усилия, направленные на то, чтобы затормозить и сделать невозможной экономическую и политическую консолидацию, парализовать деятельность правительства и парламента. Реакционные силы надеялись, что им удастся использовать формальное большинство в этих органах для организации аналогичного переворота, как в 1920 г. Их деятельность становилась все более интенсивной по мере исчезновения всех надежд на крах народно-демократической системы, на экономический развал и внутриполитический хаос. План реакции действительно стал «планом развала, хаоса, беспорядка, планом контрреволюционных мятежей, планом возврата к домюнхенским отношениям с миллионной безработицей, с нищенским вспомоществованием, со стрельбой в рабочих» [9].

Коммунистическая партия сумела решительно выступить против подобных замыслов. КПЧ исходила из того, что коммунисты должны быть не только самыми самоотверженными работниками, но и защитниками единства народа и поэтому они обязаны разоблачать все подрывные элементы, в любых условиях правильно ориентировать чехословацких трудящихся и с их помощью препятствовать враждебным козням. Для этого было необходимо раскрыть истинные причины всех трудностей, объяснить, что многие препятствия, тормозящие развитие, можно было бы устранить, если бы не было саботажа реакционных элементов. Поэтому всем честным людям коммунисты говорили: «если бы решения принимали мы, то дела обстояли бы по-другому» [10].

КПЧ правильно определила тогдашнее истинное соотношение сил и поняла, что по сути дела реакция ведет арьергардные бои. Поэтому коммунисты ориентировались на дальнейшее оттеснение реакции, укрепление и расширение завоеванных позиций. В этом они видели лучшую гарантию обеспечения дальнейшего развития и условия достижения окончательной победы над реакционными силами.

Внутриполитический кризис, нараставший в Чехословакии в течение 1947 г. и особенно во второй половине того же года, вначале достиг своего апогея в Словакии. В этом регионе республики возникли серьезные политические противоречия, оказывающие влияние на ситуацию во всей стране. В 1948 г. Г. Гусак охарактеризовал развитие здесь следующим образом: «От выборов 1946 г. до февраля

1948 г. Словакия не выходила из политических кризисов, иногда открытых, а порой закулисных, которые . . .тормозили наше политическое и экономическое развитие. В этих конфликтах проходила открытая борьба за будущее Словакии и всей республики — придет ли она через углубление народно-демократического строя к социализму или же посредством ликвидации революционных завоеваний народа вернется назад к капиталистической системе» [11].

В Словакии, так же как и в чешских землях, в то время проходила борьба по вопросам внутриполитического развития и внешнеполитической ориентации Чехословацкого государства, очищения общественной жизни, перестройки государственного аппарата, организации национализированного хозяйства, обеспечения населения продуктами питания и осуществления в интересах рабочих и трудового народа разных социальных мер. Реакционные силы препятствовали и саботировали реализацию подобных мер, мобилизовывали своих сторонников на борьбу против революционных завоеваний, готовились к реакционному путчу.

Большое внимание внутриполитическому развитию в Словакии уделил Пленум ЦК КПЧ, проходивший 22—23 января 1947 г. На нем было указано, что все эти трудности в своем большинстве являются результатом стремления реакционных антикоммунистических элементов использовать свои позиции в руководящих политических, государственных органах и других организациях для борьбы за достижение собственных целей. Подобная деятельность реакционных сил вызывала различные затруднения в экономической и общественной жизни, затрудняла выполнение задач созидательной правительственной программы, в которых были заинтересованы рабочие и остальные трудящиеся. Поэтому ЦК КПЧ на своем январском 1947 г. Пленуме констатировал, что для устранения существующих трудностей необходимо добиться решающего превосходства революционных сил в Национальном фронте и всех основных органах государственного и общественного управления, во всей общественной и политической жизни.

Политические противоречия в Словакии еще больше углублялись в связи с осуществлением национальной чистки и уже упоминавшимся осуждением бывшего президента словацкого клерикально-фашистского государства Тисо. Это событие привело к активизации профашистских элементов, что проявилось в растущей нелегальной деятельности и в усилении оппозиционных тенденций в Демократической партии.

Изменения в текущей ситуации обсудили в мае 1947 г. ЦК КПС и областные конференции Коммунистической партии. На них остро критиковалась антигосударственная деятельность «людацкой» реакции и указывалось на опасность легализации действий подобных элементов посредством Демократической партии. Развитие событий в Словакии анализировалось также на июньском Пленуме ЦК КПЧ в 1947 г. На Пленуме указывалось, что в политическом смысле Словакия является слабейшим звеном республики, так как там влияние капиталистических элементов сильнее, чем в других местах ЧСР.

11 июня 1947 г. положение дел в Словакии рассматривалось на совместном заседании Национального фронта чехов и словаков. Коммунистическая партия Словакии представила на нем важные материалы о подрывной деятельности Демократической партии. В этих документах в первую очередь раскрывалось, как профашистские силы, поддерживающие связи с «людацкой» эмиграцией на Западе, реализуют свое влияние в Демократической партии и используют захваченные ими легальные позиции для разложения политической и экономической жизни.

Подобные убедительные материалы нельзя было полностью игнорировать. Поэтому на указанном совещании чешские и словацкие партии договорились всеми законными средствами подавлять реакционные фашистские элементы, «которые еще существуют как злополучное наследие „людацкого" сепаратизма и пытаются разлагать продолжающееся созидание Словакии и республики путем распространения внутренних противоречий и безответственной агитации внутри и за границами государства» [12].

Однако на этот раз решительные меры против реакции не были приняты. Правые представители чешских партий и в этом случае прежде всего учитывали общие классовые интересы чешской и словацкой буржуазии и поэтому они не захотели остро выступить против политики Демократической партии. В ее адрес не последовало предметной критики, а в принятой резолюции подчеркивалась необходимость продолжать сотрудничество всех звеньев Национального фронта для выполнения политических и экономических задач, включенных в правительственную программу. Таким образом, и в дальнейшем с реакционными силами в Словакии боролись прежде всего коммунисты и другие сторонники революционного движения.

В то время было нелегко создать предпосылки для осуществления мер, направленных на дальнейшее углубление революционного процесса в Словакии. Однако коммунисты стремились мобилизовать словацкий трудовой народ и постоянно разоблачали деятельность реакционных сил. Они указывали на тот факт, что скрытые и явные представители клерикало-фашистского режима пытаются вызвать в Словакии хаос и разложение, подрывают авторитет и работу национальных комитетов, саботируют развитие народного хозяйства, создают трудности в снабжении, препятствуют чистке общественной жизни от профашистских и коллаборационистских элементов, усиливают антигосударственную клеветническую пропаганду против чехов, Советского Союза и т. д.

Коммунистическая партия объясняла также причины того, почему реакционные элементы могут осуществлять свою подрывную деятельность в Словакии в таких масштабах. В первую очередь партия указывала на необходимость стремиться к достижению широкого национального единства, мобилизовывать все прогрессивные силы, повышать активность массовых организаций, и особенно Революционного профсоюзного движения, заводских комитетов, Союза молодежи, крестьянских организаций и т. п. Партия подчеркивала, что коммунисты должны добиваться, чтобы эти организации действительно

заняли в общественной жизни то место, которое им принадлежит по праву. Далее коммунисты указывали на необходимость заботиться об улучшении работы Словацкого национального совета, Корпуса уполномоченных и, особенно, об активизации деятельности национальных комитетов, которые призваны в рамках своей компетенции руководить борьбой с реакцией и навести порядок в снабжении, транспорте, производстве и т. д. Улучшение работы национальных комитетов, активизация деятельности входящих в их состав коммунистов и других лиц находились в центре внимания. Было необходимо научиться дифференцированно подходить к сторонникам Демократической партии, наладить отношения с ее честными членами, оказывать на них политическое воздействие и привлекать к борьбе с реакцией в их собственной партии. И, наконец, коммунисты были обязаны критически переоценить свою работу, строго добиваться сохранения единства и дисциплинированности партии, моральной чистоты ее рядов.

Особенно с середины 1947 г. коммунистическая партия решительно требовала разрешить те проблемы в Словакии, которые она рассматривала как основное препятствие консолидации республики. КПС указывала, что борьба с бывшими членами «людацкой» партии ведется недостаточно интенсивно. Это позволило многим из них закрепиться в Демократической партии и проникнуть с ее помощью в государственные и административные органы. «Людацтво» бесстыдно распространилось по всей Словакии и это обстоятельство чрезвычайно затрудняет консолидацию Словакии, отношений между обеими частями нашей республики и угрожает безопасности государства [13].

Партия указывала, что враги саботируют экономические и социальные мероприятия правительства, препятствуют осуществлению двухлетнего плана, защищают интересы капиталистов и помещиков, всемерно тормозят создание новой Словакии, вредят планам улучшения материального и социального положения трудового народа. Поэтому неотложной задачей было скорейшее устранение подобных элементов, завершение очищения общественной жизни от всех, кто ранее служил фашистскому режиму и стремился отбросить Словакию назад. Осуществление таких мер было самым необходимым условием для дальнейшего успешного развития Словакии.

В это время органам безопасности удалось раскрыть опасный антигосударственный заговор профашистских элементов в Словакии, организованный совместно с «людацкой» эмиграцией, возглавляемой Дюрчанским и Сидором. Уже в 1946 г. фашистские элементы начали формировать антигосударственное движение. Выполняя инструкции зарубежных центров, члены этой нелегальной организации проникли в государственный аппарат, армию, экономические, социальные и творческие организации. Они стремились тормозить, препятствовать консолидации государства, пытались разложить общественную жизнь. Их целью было расколоть Чехословацкую республику, отторгнуть Словакию и возродить клерикальное словацкое государство. Подобные намерения были изложены в директивах, разра-

ботанных Ф. Дюрчанским: «Нашей целью является ликвидация как чешского, так и советского империализма. От чешского империализма мы должны избавиться сами, а освободиться от советского империализма нам поможет весь мир. Кроме того, античешские акции не столь рискованы, как деятельность, направленная против Советов. Поэтому необходимо предпочесть античешскую и антибенешевскую деятельность непосредственной борьбе с Советами» [14].

Участники этого антигосударственного заговора действовали не только нелегальными методами. Они использовали свое влияние внутри Демократической партии, где с ними особенно тесно сотрудничали два генеральных секретаря – Кемпны и Бугар. Целый ряд других ведущих деятелей Демократической партии поддерживали связи с этой нелегальной организацией. Деятельность заговорщиков поддерживал и заместитель Председателя правительства, видный представитель Демократической партии Урсини, которому принадлежали большие заслуги в достижении предвыборного соглашения в 1946 г. между Демократической партией и бывшими членами «людацкой» партии.

Когда в середине сентября 1947 г. заговор был разоблачен, в Словакии разразился глубокий политический кризис. В сложившейся ситуации КПС смогла использовать дискредитацию Демократической партии, сторонники которой все в большей степени теряли доверие к руководящим деятелям. Эти обстоятельства позволили начать решающее наступление на реакцию, привлечь к поддержке политики коммунистической партии новые слои трудящихся.

Первым важным шагом в этом направлении стала конференция союзов участников движения сопротивления, состоявшаяся 21 сентября 1947 г. Участники антифашистского сопротивления выразили свой решительный протест против реакции и потребовали принятия последовательных мер, которые воспрепятствовали бы ее дальнейшей деятельности. Это событие повлияло и на заседание словацкого Национального фронта, состоявшееся на следующий день, когда были приняты некоторые важные меры, направленные на решение наиболее жгучих вопросов. Большое значение имело то обстоятельство, что на данном заседании впервые приняли участие представители союзов участников движения Сопротивления и словацких профсоюзов. Тем самым вновь было выражено такое понимание Национального фронта, какое возникло в результате непосредственного политического и морального влияния Словацкого национального восстания. Окончательно оно было воплощено в жизнь после февральской победы 1948 г.

Уже летом 1947 г. словацкие коммунисты развернули обширную кампанию против реакционных сил. На собраниях, публичных выступлениях, демонстрациях, в печати они подробно обсуждали наиболее важные проблемы того времени, особенно вопросы аграрной политики партии, обеспечения продовольствием, снабжения, преодоления последствий засухи и тогдашние конфликты, возникшие в связи с так называемым налогом на миллионеров. Коммунисты неустанно предостерегали перед деятельностью словацкой реакции и

«людацкого» подполья. 28 июня 1947 г. в журнале «Нове слов[illegible] Г. Гусак писал: «С точки зрения прочности государства и его стр[illegible] никто не переоценивает нынешнюю опасность „людацких" груп[illegible] Однако мы не можем спокойно смотреть на систематическое отравл[illegible] ние сознания нашего народа. Поэтому мы выступаем за возвращение к словацкой национальной концепции в том виде, как ее сформировало восстание и Кошицкая правительственная программа, за изгнание из политической и общественной жизни всех скомпрометированных деятелей».

Коммунистическая партия Словакии полностью поддержала требование съезда представителей участников движения Сопротивления очистить общественную жизнь. Корпус уполномоченных, во главе которого тогда стоял Г. Гусак, одобрил вскоре предложение устранить ряд реакционных высших чиновников из государственного аппарата. Коммунисты организовали также во всей Словакии манифестации трудящихся с целью потребовать ускоренной чистки общественной жизни, устранения всех антигосударственных элементов.

Коммунисты подчеркивали необходимость добиться объединения всех демократических и прогрессивных сил и в полном объеме провести чистку общественной жизни от сторонников реакционных и правых направлений. Коммунисты указывали, что словацкий трудовой народ все с большим негодованием осознает: его созидательным усилиям угрожают и препятствуют подрывные элементы, которые не хотят примириться с новым народно-демократическим порядком и завоеваниями национально-демократической революции. Основным виновником трудностей в снабжении была реакция. Ведомство корпуса уполномоченных по продовольственным вопросам, возглавляемое представителем Демократической партии, игнорировало все конкретные предложения по улучшению положения, выдвигаемые другими органами, в первую очередь Словацким советом профсоюзов. В результате разрастался черный рынок, неизмеримо росли прибыли спекулянтов, а трудовому народу не гарантировалось, что он получит по официальным ценам даже то, что ему принадлежало по праву.

Реакционные силы вредили и интересам крестьян. Они препятствовали осуществлению земельной реформы, отдаляли принятие декретов, призванных обеспечить ее реализацию, помогали помещикам.

Реакционные силы стремились также изолировать и разложить важные массовые организации, особенно Революционное профсоюзное движение, Единый союз словацких крестьян и другие.

Политический кризис осенью 1947 г. показал словацкому народу, что под угрозой находятся все принципы, на которых был построен новый народно-демократический строй, а также завоевания национально-демократической революции в экономике, в социальной и культурной областях. Разоблачение антигосударственного заговора полностью раскрыло вредительскую деятельность всех этих сил, разоблачило их как предателей родины, врагов народа и государства, а зачастую и как агентов иностранного империализма.

На эти факты указал и съезд заводских и учрежденческих советов, проходивший 30 октября 1947 г. в Братиславе. Представители более чем 300-тысячной армии рабочих и служащих обратили внимание на глубину политического кризиса, охватившего всю жизнь общества, исполнительные и правительственные органы Словакии. Словацкие профсоюзные деятели подчеркнули, что необходимо настоять на немедленном разрешении этого кризиса и создании условий для успешного выполнения двухлетнего плана, повышения уровня жизни народа, политической и экономической консолидации Словакии. Они решительно потребовали реорганизации Корпуса уполномоченных на основе широчайшего сосредоточения всех конструктивных, демократических и антифашистских сил словацкого народа. Они высказались и за реорганизацию словацкого Национального фронта и потребовали включить в этот орган в качестве постоянных членов представителей Революционного профсоюзного движения, союзов участников движения сопротивления и организаций словацкого крестьянства.

Словацкий национальный совет заседал на второй день после съезда заводских и учрежденческих советов при участии представителей Словацкого совета профсоюзов, союзов участников движения Сопротивления, а также уполномоченного по внутренним делам. Несмотря на бойкот данного заседания представителями Демократической партии, его участники согласились с проектами профсоюзов, рекомендовали провести реорганизацию Корпуса уполномоченных и предложили Г. Гусаку вновь возглавить данный орган.

Руководство КПС также пришло к выводу, что Корпус уполномоченных в его тогдашнем составе не в состоянии выполнять свое назначение и даже неспособен последовательно ликвидировать и воспрепятствовать шпионской и антигосударственной деятельности фашистских элементов, устранить их из государственных и общественных учреждений. Коммунисты активно содействовали организации демонстраций и митингов протеста, на которых выдвигалось требование воплотить в жизнь меры, предложенные словацкими профсоюзами. Коммунисты возглавили и одночасовую забастовку протеста 5 ноября 1947 г. Важную роль они сыграли и на общесловацком съезде крестьянских делегатов 14 ноября 1947 г. в Братиславе, где вновь были одобрены меры, призванные воспрепятствовать дальнейшей деятельности реакции и открыть дорогу ускоренному прогрессивному развитию Словакии.

Прогрессивные силы Словакии получили значительную помощь от революционного движения чешских земель. Особенно важным было то обстоятельство, что удалось добиться постановления правительства о том, чтобы решение политического кризиса в Словакии и переговоры о составе нового Корпуса уполномоченных перешли в компетенцию председателя правительства К. Готвальда.

Коммунисты предлагали, чтобы новый Корпус уполномоченных выражал единство всех демократических, антифашистских и конструктивных сил словацкого народа. В политической, экономической и общественной жизни, во всех основных органах государственного

и общественного управления должно было быть ликвидировано влияние антигосударственной реакции, а членами Корпуса уполномоченных избраны люди, которые стремились служить интересам народа, бороться с реакционными силами и подрывной деятельностью, содействовать укреплению чехословацкой государственности и народной демократии.

Представители КПЧ и КПС требовали также, чтобы новый Корпус уполномоченных представлял все слои словацкого народа. Поэтому они предлагали ввести туда помимо коммунистов и демократов и представителей Партии труда и Партии свободы. Коммунисты указывали и на необходимость обеспечения самого тесного сотрудничества с профсоюзными организациями и союзами участников движения сопротивления, предоставления им возможности участвовать в управлении страной.

Решение словацкого кризиса затянулось надолго, так как предлагаемые меры отвергались не только представителями Демократической партии, но и их непосредственными союзниками в Национально-социалистической и Народной партиях. Только постоянно возрастающее недовольство в Словакии и очевидная решимость большинства словацкого народа заставили буржуазных представителей пойти на уступки.

Демократическая партия прибегла к тактическому маневрированию, заявила о недействительности соглашения с «людаками», допускала возможность реконструкции Корпуса уполномоченных. Однако не удалось достигнуть соглашения по персональному составу этого органа. Поэтому коммунисты предложили, чтобы этот вопрос решил Национальный фронт чехов и словаков. Правые представители других партий отвергли такое предложение, так как в этом случае решение вопроса пришлось бы искать совместно с представителями РПД, союзов участников движения сопротивления и крестьянских организаций. В знак протеста против таких проволочек коммунисты организовали в Словакии ряд мощных демонстраций и митингов, в которых участвовали и другие массовые организации. Рассматривалась возможность объявления генеральной забастовки. Это давление дало плоды и в конце концов содействовало разрешению кризиса в целом.

После дальнейших переговоров в органах правительства и Национального фронта 18 ноября 1947 г. был наконец сформирован новый Корпус уполномоченных. Демократическая партия была вынуждена освободить три поста и потеряла абсолютное большинство в данном органе. Один из освободившихся постов получила Партия труда, другой — Партия свободы, а во главе ведомства юстиции был поставлен юрист-профессионал. В реорганизованном Корпусе уполномоченных Демократическая партия имела 6 мест, Коммунистическая партия Словакии — 5, Партия труда и Партия свободы — по одному, и два члена были специалистами.

Новый Корпус уполномоченных в своем программном заявлении направил свое внимание на самые важные вопросы внутриполитического развития Словакии того времени. В нем особо подчеркивалось,

что Корпус уполномоченных намерен со всей строгостью последовательно преследовать раскольнические и подрывные элементы, содействовать укреплению единства государства, его безопасности, а также мирному развитию в Словакии. Далее обещалось достижение улучшения дел в снабжении, усиление контроля над всей системой распределения, принятие более жестких мер государственными органами против спекулянтов и исправление недостатков в распределении промышленных, в первую очередь текстильных изделий. Все меры в области системы распределения должны были обеспечиваться усилением государственного контроля, что создавало предпосылки получения трудящимися продуктов питания и промышленных изделий по государственным ценам.

Тем не менее с разрешением кризиса, проходившего в Словакии в осенние месяцы 1947 г., классовая борьба с реакцией в этой части республики не закончилась. На данное обстоятельство вскоре после создания нового Корпуса уполномоченных указал К. Готвальд, подчеркнув необходимость «продолжать разоблачать и обезвреживать „людацких" и антигосударственных заговорщиков и вредителей» [15].

Коммунисты требовали от представителей других партий и в первую очередь от словацких демократов ясно и недвусмысленно отмежеваться от реакционных элементов в Словакии и содействовать борьбе с ними. Они напоминали, что Демократическая партия несет большую ответственность за словацкий кризис и развал в снабжении продуктами питания и промышленными товарами, имевший место в Словакии в то время. Коммунисты добивались также принципиальных изменений в деятельности органов безопасности и юстиции, укрепления их сотрудничества в обезвреживании разоблаченного антигосударственного заговора.

КПС осознавала, что решение, которого удалось добиться в Словакии, хотя и означало успех революционных сил, однако не принесло окончательной ликвидации всех основных проблем и устранения серьезных препятствий дальнейшего программного развития. На этот факт указал тогдашний председатель Корпуса уполномоченных Г. Гусак в своей речи в парламенте 11 декабря 1947 г. Он сказал, что революционные силы в Словакии пошли на определенный компромисс в первую очередь потому, чтобы не осложнять и не отягощать ситуацию в чехословацком Национальном фронте и не вызвать общегосударственных противоречий.

С осени 1947 г. и в чешских землях возникали дальнейшие конфликты с реакционными и подрывными элементами во всех областях общественной жизни. В то время большое внимание уделялось проблемам снабжения, так как все еще проявлялась нехватка продуктов питания и промышленных потребительских товаров. В этой связи партия потребовала последовательного решения всех подобных проблем и сделала особый упор на создании сети распределения и системы снабжения, которые в максимальной мере препятствовали бы развитию спекуляции и черного рынка.

В первый период после освобождения речь шла в первую очередь о сохранении и улучшении тогдашнего уровня снабжения населения

продуктами питания и постепенном создании условий для свободной продажи продуктов, перехода к нелимитированному рынку. Такой шаг был необходим для ликвидации спекуляции и черного рынка. Поэтому правительство относительно быстро приняло решение: после выполнения обязательных поставок крестьяне имеют право продавать зерно по рыночным ценам. Правительство стремилось создать условия для аналогичной продажи других сельскохозяйственных продуктов, прежде всего животноводческих.

Одной из основных предпосылок улучшения снабжения стала реорганизация системы распределения, которая превратилась в непроходимые джунгли, открывающие возможность для спекуляции и черного рынка, что вызывало существование больших различий между себестоимостью продуктов и рыночными ценами. Преодоление этих затруднений имело большое политическое значение. Поэтому данный вопрос рассматривал и VIII съезд КПЧ в 1946 г., который в своей народнохозяйственной программе выдвинул задачу улучшения снабжения населения и постепенного перехода к свободному рынку, а также потребовал обеспечить достаточное количество промышленных товаров для экспорта и внутреннего рынка.

Проблемы в области снабжения вновь встали со всей остротой в 1947 г. в связи с тогдашним неурожаем, вызванным катастрофической засухой. Вопрос обсуждался правительством. Коммунистам удалось добиться создания чрезвычайных продовольственных комиссий, в обязанности которых входил контроль за выполнением крестьянами обязательных поставок. Однако подобная мера тогда не оказала заметного влияния на ситуацию в области снабжения, так как ее эффективность в определенной мере снижалась вялой работой министерства снабжения, возглавлявшегося правым социал-демократом В. Майером.

Однако самый серьезный конфликт произошел летом и осенью 1947 г., когда определялись источники помощи крестьянам, пострадавшим от катастрофической засухи. В то время коммунисты выдвигали разные проекты, затрагивающие прежде всего буржуазию. Конкретно речь шла о единовременном налоге на высокие прибыли, об увеличении налога на имущество и прирост имущества — так называемый налог на миллионеров. Таким образом, предполагалось собрать средства, из которых крестьянам выплачивались бы чрезвычайные доплаты к закупочным ценам на сельскохозяйственную продукцию. Коммунисты предложили не выделять эти средства из государственного бюджета, а получить их путем налогообложения миллионеров.

Эти предложения вызвали большую нервозность и противоречия между политическими партиями. Правые представители Национально-социалистической, Народной и Демократической партий отвергали их. Они утверждали, что это — невыносимое финансовое бремя, которое парализует частное производство. Такую позицию представители указанных партий отстаивали и в правительстве, где им поначалу удалось провалить представленный коммунистами проект.

Однако КПЧ не отступила и перешла в контратаку. Коммунисти-

ческая печать опубликовала список министров, голосовавших против этого предложения, партия организовывала по всей стране митинги протеста, на которых коммунисты объясняли трудящимся свои цели в данном вопросе. Действия правых элементов вызвали большое возмущение всей общественности, а когда требование возместить расходы за счет буржуазии со всей решимостью поддержало Революционное профсоюзное движение, буржуазные политики были вынуждены уступить и в целом согласиться с предложениями коммунистов. И в этом вопросе удалось одержать победу благодаря правильным тактическим действиям Коммунистической партии и ее способности быстро мобилизовать широкие народные массы на борьбу за осуществление неотложных требований.

Засуха и неурожай 1947 г. значительно затруднили общее развитие народного хозяйства и осложнили ситуацию в области снабжения. Прежде всего возникла необходимость импортировать большое количество зерна. Здесь большую помощь Чехословакии оказал Советский Союз, который непосредственно в 1947 г. обещал поставить несколько сот тысяч тонн пищевого и кормового зерна, а впоследствии увеличил объем своих поставок. Это позволило по крайней мере обеспечить самые необходимые потребности населения и сохранить прежний уровень сельскохозяйственного производства, особенно животноводства.

Последствия засухи ухудшили уровень жизни и социальное положение значительной части крестьян, прежде всего мелких и средних. Правительство приняло решение помочь им путем введения доплат к ценам на зерно и другие сельскохозяйственные продукты. Это легло новым бременем на государственные финансы, вызвало новые значительные расходы на закупку зерна и кормов за рубежом. Вначале эти расходы оценивались в 4 миллиарда крон, а в середине октября 1947 г. оказалось, что они достигнут как минимум 6,5 миллиардов крон и могут вырасти еще больше. Встал неотложный вопрос — как обеспечить такие большие расходы, как уменьшить давление на государственный бюджет и воспрепятствовать необоснованному повышению налогов, которые легли бы на плечи трудящихся. Эти проблемы предполагалось решить введением уже упоминавшегося так называемого налога на миллионеров, которым облагались необоснованные прибыли чехословацкой буржуазии в послевоенный период.

Проблемы в области снабжения оказались в центре внимания всей общественности и стали предметом постоянного обсуждения в правительстве. Неурожай того времени имел действительно катастрофические последствия. По предварительным оценкам урожайность с гектара ожидалась на 40 % ниже, чем средняя урожайность в 1934—1938 гг. Министерство продовольствия рекомендовало уменьшить норму выдачи продуктов по карточкам, однако это привело бы к дальнейшему росту черного рынка и повышению спекулятивных цен.

Коммунисты выдвинули в правительстве проекты решительных мер, призванных ограничить подобные нежелательные явления.

Они указывали, что необходимо заботиться о том, чтобы все произведенные промышленные товары и сельскохозяйственные продукты попадали к потребителям через легальную сеть распределения. Однако этого можно было достигнуть только при условии ее последовательной реорганизации и изгнания всех паразитирующих буржуазных элементов, стремившихся использовать аппарат распределения в собственных спекулятивных и политических целях. Коммунистическая партия требовала как можно быстрее провести реальную ревизию и перестройку всей системы распределения таким образом, чтобы были устранены все перекупщики и спекулянты, обеспечены потребности розничной торговли и созданы условия для минимальных различий между себестоимостью и розничными ценами.

В борьбу с черным рынком и спекуляцией включились осенью 1947 г. и органы министерств внутренних дел и внутренней торговли. В ходе неожиданных обысков магазинов, складов и частных квартир удалось обнаружить и конфисковать большое количество скрываемых товаров, прежде всего текстильных крайне дефицитных изделий. Подобные действия вызывали недовольство и сопротивление правых элементов, которые пытались бороться с ними даже в правительстве.

Меры против спекуляции и черного рынка имели не только экономическое значение. Одновременно они являлись ударом против паразитирующей группы буржуазии и, таким образом, ослабляли позиции капиталистических элементов в целом. Сложившееся положение дел помимо всего прочего продемонстрировало необходимость расширения национализации, вытеснения капиталистов из сферы распределения. Тем не менее существенные трудности в снабжении, вызванные неурожаем, продолжали существовать, кроме того они усугублялись деятельностью саботажников и вредителей. Ситуация была очень серьезной, ведь под угрозой развала оказалась вся система снабжения.

Коммунистическая партия смогла энергично отреагировать и на эти трудности. Она выдвинула требование добиться радикального переворота в производстве продовольствия и снабжении. Партия стремилась активизировать сельскохозяйственные кооперативы и весь закупочный аппарат, мобилизовывала общественное мнение, указывала на важность данных проблем. Коммунисты напоминали, что плохое распределение облегчает спекуляцию, создает условия для распространения подрывных слухов и паникерства. Поэтому они требовали ускоренного исправления положения в области снабжения и предлагали привлечь к решению подобных проблем и массовые организации, в первую очередь Революционное профсоюзное движение. Благодаря правильному пониманию членами коммунистической партии значения усилий по обеспечению населения продовольствием и осознания ими того обстоятельства, что именно здесь проходит одна из главных схваток с реакцией, коммунисты смогли возглавить борьбу с саботажниками за обеспечение бесперебойного снабжения. В результате удалось в целом успешно преодолеть основные трудности.

и во многих других сферах было необходимо усилить борьбу с махинациями реакции. Трудности существовали, например, в строительстве, где план 1947 г. был выполнен только на 58 %. Основную вину за это несли реакционные элементы, бюрократы из министерства техники и строительных учреждений, которые саботировали выполнение поставленных задач. Характерно, что именно в этой отрасли, за малыми исключениями находившейся в руках частных предпринимателей, задания двухлетнего плана саботировались больше всего.

Двухлетка понесла ущерб и в результате того, что много сырья попало на черный рынок, и его получили частные предприниматели, а не национализированная промышленность. И в национальных предприятиях многие важные посты занимали лица буржуазного происхождения, не заинтересованные в процветании данных заводов, выполнении двухлетнего плана и других вытекающих отсюда задач.

Поэтому возникла необходимость завершить демократизацию народного хозяйства таким образом, чтобы были устранены все излишние промежуточные звенья между производителями и розничной торговлей, т. е. устранить частную оптовую торговлю. Далее следовало ускоренно осуществить реорганизацию системы закупок и распределения сельскохозяйственных продуктов, создать центральные организации, проводящие данные закупки. Нужно было добиться также более последовательного применения закона о борьбе с черным рынком, предпринять решительные меры против всех спекулянтов и саботажников.

В деревне проявлялась растущая неудовлетворенность проволочками в связи с законом о земельной реформе. Коммунисты объясняли крестьянам, что его принятие сдерживают правые силы в разных политических партиях. Они указывали, что воплотить в жизнь данный закон можно будет только тогда, когда этого потребуют все организации крестьян, национальные комитеты, заводские комитеты, крестьянские комиссии и все крестьяне на своих собраниях и конференциях.

В связи с потребностью обеспечить правильное соотношение зарплаты и цен, в послевоенный период встал вопрос об уровне оплаты труда государственных и общественных служащих. В 1947 г. это превратилось в одну из важнейших проблем внутриполитического развития.

Для коммунистов данный вопрос имел большую политическую значимость. Коммунистическая партия всегда подчеркивала, что она не хочет и не будет поддерживать нивелизацию доходов без учета квалификации. Она рассматривала тенденции к уравниловке как проявление мелкобуржуазности, не имеющее ничего общего с идеями революционного социализма и указывала на необходимость оценки труда каждого индивида по его общественной значимости. Вместе с тем коммунисты понимали, что вопрос о социальном положении государственных и общественных служащих очень сложен и имеет не только социальные, но и важные политические аспекты. Прежде всего нельзя было забывать, что в их рядах оставалось много колла-

борационистов и людей, попавших на службу по протекции. Поэтому коммунисты требовали устранения подобных элементов и предлагали использовать высвободившиеся в результате этого деньги на увеличение заработной платы остающихся работников государственного и общественного аппарата. Однако с таким подходом не согласились правые элементы в других партиях, для которых данный вопрос стал предлогом для следующего внутриполитического конфликта и одновременно предоставил возможность обеспечить себе политическую поддержку этой довольно многочисленной мелкобуржуазной прослойки.

Проблема изменения заработной платы государственных и общественных служащих оказалась в центре внимания во второй половине 1947 г., что было связано с нараставшим в то время внутриполитическим кризисом. Именно в тот момент, когда обсуждались проекты коммунистов по возмещению крестьянам ущерба, вызванного неурожаем, национальные социалисты выступили с требованием немедленного повышения окладов государственным и общественным служащим на 30 %, причем не менее чем на 500 крон в месяц и с обратной силой с 1 января 1947 г. Это было абсолютно абсурдное, нереальное предложение, реализация которого потребовала бы выделения из государственного бюджета около 5,5 млрд. крон ежегодно. Правые представители Национально-социалистической партии и их союзники в других политических партиях не беспокоились о последствиях своего предложения и превратили весь вопрос в ясное проявление политического лицемерия.

Однако КПЧ нашла подходящий выход из такого сложного положения. Коммунисты добились одобрения правительством проекта Центрального совета профсоюзов предоставить немедленную социальную помощь данной категории служащих и одновременно создать комиссию, и чтобы она до конца года уравняла оклады государственных и общественных служащих с заработной платой и жалованием служащих производственных отраслей.

Центральный совет профсоюзов, который уделял большое внимание решению этого вопроса, в начале 1948 г. представил конкретные предложения по повышению заработной платы служащим государственного и общественного аппарата. Однако большинством голосов правительство отклонило эти предложения и поддержало проект представителя правого крыла Социал-демократической партии, министра В. Майера, где предусматривалось значительно большее повышение жалования. Центральный совет профсоюзов подчеркнул, что он не может взять на себя ответственность за дальнейшее развитие дел, связанных с заработной платой и жалованием, и дал понять, что нужно искать другие пути для получения необходимых финансовых средств — у эксплуататорских слоев.

Данный вопрос должен был обсуждаться и на предстоящем съезде заводских советов в феврале 1948 г. Об этом заявил в своем выступлении по радио 18 февраля 1948 г. председатель Центрального совета профсоюзов Антонин Запотоцкий. Он напомнил, что съезд заводских советов и Революционного профсоюзного движения будет совещаться

не о том, как воспрепятствовать повышению жалования государственным и общественным служащим, а попытается найти пути осуществления подобной меры без вреда для дальнейшего экономического развития. Практически это означало необходимость выдвижения требования конфискации прибылей капиталистического сектора в промышленности, во внутренней и внешней оптовой торговле. Разумеется, правые силы вовсе не собирались соглашаться с такими действиями и этот вопрос превратился в одну из причин правительственного кризиса в феврале 1948 г.

Ноябрьский Пленум ЦК КПЧ в 1947 г. показал, что коммунисты образуют самое массовое политическое движение в Чехословакии. КПЧ в то время уже насчитывала 1281 тыс. членов, а КПС — 210 тыс. членов. У коммунистов было достаточно сил, чтобы совместно с другими участниками революционного движения успешно расширять позиции рабочего класса и довести до победы борьбу с реакцией, начать наступление, целью которого было сохранение и дальнейшее укрепление народно-демократического строя. На следующем Пленуме ЦК КПЧ в конце декабря 1947 г. были конкретизированы действия партии в борьбе против антигосударственных элементов, определены меры по улучшению снабжения населения и обсуждены предложения по активизации Национального фронта путем включения в него важнейших массовых организаций.

Уже на ноябрьском 1947 г. Пленуме ЦК КПЧ руководство партии предупредило: ситуация в Национальном фронте серьезно обостряется из-за того, что реакция стремится осуществить свои планы и начинает ориентироваться на контрреволюционный путч.

КПЧ указывала, что особенно в Национально-социалистической партии все большее влияние приобретают представители аграрной партии, национальных демократов и национального объединения; что эта партия открыто защищает интересы миллионеров, оптовых торговцев и помещиков. Народная партия под влиянием реакционных элементов также изменила свою политику, приспосабливая ее к целям правых сил. Существовали и другие тревожные явления, например, во время выборов в высших учебных заведениях сторонники указанных партий объединялись на общей платформе.

Коммунисты не колебались указать на тех, кто нес вину за невыполнение разных важнейших задач созидательной программы правительства Готвальда. Они указывали: главная причина существующих трудностей состоит в том, что реакционные силы задерживают и тормозят обсуждение законопроектов, препятствуют их принятию. КПЧ призывала всех трудящихся бороться с подобными махинациями, защищать завоевания национально-демократической революции, срывать деятельность реакции в Национальном фронте, добиваться его очищения и превращения в настоящий союз рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигенции, всех честных патриотов и строителей республики.

В течение 1947 г. в печати, особенно западных стран, все чаще появлялись слухи о том, будто бы в Чехословакии должен произойти

коммунистический путч. В связи с политическим кризисом в Словакии сразу же появились домыслы, что коммунисты намерены добиться запрещения Демократической партии и захватить власть в государстве. Подобные ложные известия появлялись и в последние месяцы 1947 г. Клеветническая кампания западной печати обсуждалась даже на заседании Национального фронта, который осудил ее и заявил: «Чехословацкая демократия решает и будет решать все проблемы и трудности своими собственными, чисто чехословацкими методами и путем политического сотрудничества партий, входящих в Национальный фронт. Она никогда не допустит, чтобы гордящаяся свой независимостью Чехословакия превратилась в арену любых международных интриг или же разрушительного иностранного вмешательства со стороны враждебных нам реакционных кругов»[16].

Однако в действительности в последние месяцы 1947 г. начал формироваться блок трех политических партий: национальных социалистов, Народной партии и словацких демократов. Прежние разногласия между ними отступили на второй план, а правые представители этих партий объединились на платформе совместного сопротивления дальнейшему развитию революции и растущей враждебности к КПЧ. Особо большую активность проявляли лидеры Национально-социалистической партии. Уже в течение 1947 г. они открыто симпатизировали реакционным элементам в словацкой Демократической партии; разные представители национальных социалистов, например, Краина, Дртина и Рипка посещали Словакию и вели переговоры с лидерами словацкой реакции о совместных действиях. Реакционные элементы объединялись и в чешских землях. Министр внутренних дел В. Носек был вынужден констатировать на заседании правительства: «Происходят даже совместные собрания и совещания подобных реакционных элементов и некоторых членов Национального фронта . . . и члены правительства не должны удивляться, если, возможно, однажды они будут арестованы вместе с этими господами»[17].

Реакционные деятели стремились еще больше расширить свою базу и налаживали отношения с лидерами правого крыла социал-демократической партии, которых они хотели привлечь к осуществлению своих целей.

Руководству КПЧ были известны эти планы и оно информировало о них чехословацких трудящихся. Одновременно руководство партии подчеркивало, что лучшим ответом на подобные выпады реакции является последовательное выполнение созидательной программы и осуществление мер по дальнейшему развитию революции. Поэтому при определении задач на 1948 г. Коммунистическая партия указывала на необходимость своевременного выполнения двухлетнего плана, обеспечения нормального снабжения населения продуктами питания и промышленными товарами и успешной работы в сельском хозяйстве, особенно весной. Вместе с тем, партия вновь отмечала насущную потребность в ликвидации черного рынка и оптовых спекулянтов, дальнейшего укрепления Национального фронта. КПЧ предлагала всем прогрессивным силам сомкнуться и совместными усилиями изгнать вредительские, раскольнические и подрыв-

ные элементы из остальных политических партий. Для достижения этих целей было также необходимо идейно и организационно укрепить Коммунистическую партию и продолжать бороться за завоевание большинства чехов и словаков на сторону ее политики.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ФЕВРАЛЬСКАЯ ПОБЕДА

События в феврале 1948 г. стали логическим апогеем всего предшествующего развития. Путч реакционных и правых сил был не случаен, события уже давно развивались в этом направлении. Клемент Готвальд впоследствии отмечал, что этот заговор «готовился крупными капиталистами и помещиками, у которых Майская революция отняла политическую власть и национализировала часть собственности. Он готовился людьми, объединившимися с внешними врагами республики, в первую очередь с теми, кто десять лет назад отдал нашу республику на растерзание Гитлеру»[1].

Правые и реакционные силы надеялись, что настал подходящий момент для осуществления их планов, рассчитанных на поворот развития вспять и возвращение к домюнхенским отношениям. Коммунисты раскрывали, как эти элементы активизируют свою деятельность, пытаются воспользоваться трудностями в снабжении и через разные политические партии стремятся парализовать деятельность правительства, парламента и других народных органов, а также совместно с иностранной реакцией готовятся спровоцировать правительственный кризис, ведущий к образованию чиновничьего правительства. Коммунисты подчеркивали, что подобные действия следует оценивать как попытку реакционного путча и государственного переворота и поэтому необходимо дать на них соответствующий решительный ответ.

Реакционные силы стремились воспрепятствовать полному осуществлению Созидательной программы правительства К. Готвальда, пытались разбить Национальный фронт и надеялись, что таким образом им удастся создать подходящие условия для решительного наступления на завоевания национально-демократической революции. Клемент Готвальд, оценивая развитие событий в то время, говорил: «Повторение 1920 г. с Тусаром и Черным было бы идеальным для реакции. Но сейчас у нас 1947 год, и попытки повторить 1920 год означали бы для реакции смертельный риск. Загнанная в угол реакция способна, однако, играть ва-банк, особенно если получит приказ извне. Поэтому мы должны быть настороже»[2].

КПЧ правильно полагала, что реакционные силы хотят добиться изменения соотношения сил в правительстве и во всем государстве еще до выборов, так как они боятся их результатов. Коммунистическая партия во всех своих заявлениях того времени предостерегала, что речь идет о попытках свергнуть народно-демократический строй.

ликвидировать результаты, которые принесли освобождение ЧСР национально-демократическая революция, реставрировать капитализм. КПЧ раскрывала также, что реакционные силы намерены изменить внешнеполитическую ориентацию Чехословацкой республики, разорвать союз с СССР и отдать ее в руки тех держав, на совести которых лежит мюнхенское предательство.

Партия обращалась к рабочему классу и трудовому народу, подчеркивала необходимость воспрепятствовать подобному ходу дел, сорвать планы реакции и обеспечить дальнейшее спокойное и мирное развитие республики. С самого начала КПЧ заявляла: возникший кризис необходимо решать конституционными, демократическими и парламентскими методами на платформе Национального фронта, представляющего все слои трудящихся города и деревни.

В начале 1948 г. значительно усилилась раскольническая и подрывная деятельность правых сил. В первую очередь это проявилось в правительстве, где все чаще возникали конфликты по самым разным вопросам. Представители правых сил особенно ухватились за уже упоминавшиеся переговоры о повышении заработной платы общественным и государственным служащим. Пытаясь привлечь в совместный антикоммунистический фронт социал-демократов, они поддержали проект решения данного вопроса, выдвинутый представителем правого крыла этой партии министром В. Майером. К такой же тактике они прибегли во время обсуждения в аграрном комитете Национального собрания правительственного законопроекта о новой земельной реформе, где правым силам также удалось добиться принятия за основу дебатов законопроекта, разработанного социал-демократами. Правые лидеры национально-социалистической, народной и демократической партий пытались таким путем завоевать поддержку социал-демократов. Они надеялись еще до начала правительственного кризиса создать совместный фронт всех существующих партий, направленный против коммунистов.

Решающую атаку правые силы начали 17 февраля. В этот день на заседании правительства они подняли бурю вокруг вопроса о перемещении некоторых офицеров Корпуса национальной безопасности и отказались обсуждать любые другие дела. В то время уже было очевидным: реакционные силы не собираются далее сотрудничать в правительстве и Национальном фронте, они намерены начать генеральное наступление на коммунистов и других сторонников революционного движения. Это демонстрировала и правая пресса, страницы которой были заполнены нападками на КПЧ и ее политику. Решение было принято на встрече лидеров национал-социалистов, Народной партии и Демократической партии 19 февраля 1948 г., на которой председатель Национально-социалистической партии сообщил: в результате совещания с президентом, президиум его партии принял решение о том, чтобы министры — члены Национально-социалистической партии подали в отставку на следующий день, т. е. 20 февраля. Представители Народной и Демократической партий согласились с подобной мерой и приняли решение присоединиться к ней. В итоге министры указанных партий на заседании прави-

тельства 20 февраля отвергли любые переговоры и сообщили председателю правительства К. Готвальду о своем выходе из правительства.

Однако вскоре оказалось, что этот так долго подготовляемый шаг не был продуман до конца. О готовящейся отставке не были информированы представители социал-демократической партии и беспартийные министры Я. Масарик и Л. Свобода. Отставка министров указанных партий застала их врасплох, они не поддержали и не присоединились к ней. Поражение потерпел и Г. Рипка, который несколько часов спустя попытался убедить социал-демократов также выйти из правительства.

Позднее представители реакции заявляли, что к такому шагу их вынудило быстрое развитие событий. Так, например, в опубликованной в эмиграции книге Г. Рипка утверждал, что данная акция была предпринята из опасений перед предстоящим съездом заводских советов, который, как было хорошо известно лидерам правых сил, должен был предложить осуществить новые меры, направленные на ограничение экономических и политических позиций буржуазии. Реакция хорошо понимала, что коммунисты завоевывают симпатии новых групп трудового народа, растет влияние и авторитет Коммунистической партии. Взгляды правых того времени выразил Леттрих: «В феврале некоммунистические силы оказались перед альтернативой: или позволить коммунистам продолжать готовиться к завоеванию большинства или же воспротивиться этому и спровоцировать правительственный кризис. . .»[3].

Правые лидеры Национально-социалистической, Народной и Демократической партий особо надеялись тогда на помощь иностранной реакции, с представителями которой они провели ряд переговоров в предшествующий период. Вечером перед отставкой их поощрил американский посол Стейнгардт, который сообщил во время встречи в посольстве, что если коммунисты будут вытеснены из правительства, то США немедленно предоставят Чехословакии кредит в размере 25 миллионов долларов. Лидеры правых сил надеялись, что им удастся создать условия для образования правительства из представителей своих партий и социал-демократов или же, если это будет невозможно, привести к власти чиновничий кабинет.

Однако правые силы допустили в своих расчетах ряд крупных ошибок. Они так и не сумели понять, что в Чехословакии была неподходящая ситуация для создания правительства чиновников, так как подавляющее большинство чехословацкого народа, наученного опытом 1920 г., выступило бы против этого. Они переоценили и позиции правых сил в Социал-демократической партии, не поняли, что значительная часть членов этой партии, в первую очередь рабочих, а также ряд ее руководящих деятелей не допустят объединения социал-демократии с реакцией. Реакционные силы не смогли правильно оценить развитие событий в собственных партиях, не поняли, что многие их рядовые члены не согласны с подобными действиями и не намерены поддержать их. Сложившееся положение дел обрисовал в своей лекции сторонник буржуазной так называемой группы Града Лев Сыхрава: «Отставка меньшинства министров, которые, как

сразу же стало ясно, не имели поддержки даже собственных партий и даже не вспомнили о парламенте, не могла свалить правительство, немедленно мобилизовавшее своих сторонников. . .»[4]

Аналогичную оценку их действиям дают разные западные авторы, исследующие февральские события 1948 г. в Чехословакии. Среди них существует мнение, что отставка министров 20 февраля была непродуманным шагом, который содействовал планам коммунистов, давал «в руки Готвальда грозное оружие» прежде всего потому, что преобладающая часть членов правительства по-прежнему оставалась на своих постах, ввиду чего правительство в целом не должно было подать в отставку. Тем самым, по мнению этих авторов, коммунисты получили возможность добиться реорганизации правительства и введения в его состав устраивающих коммунистов людей, которые были согласны сотрудничать с ними.

Развитие политической ситуации накануне кризиса обсуждалось Президиумом ЦК КПЧ на внеочередном заседании 17 февраля 1948 г. Президиум указал, что представители остальных политических партий все более явно прибегают к действиям, имеющим целью сделать невозможным принятие новой конституции и важных законов, необходимость которых обусловлена созидательной программой Правительства Готвальда. В первую очередь это касалось законов о национальном страховании, о ревизии земельной реформы, о налоговых льготах для крестьян и ремесленников, о национализации, о неотложных мерах в системе распределения и т. д. Руководство партии подчеркнуло, что подобными действиями правые силы хотят вызвать внутриполитический хаос, поставить под угрозу проведение предстоящих выборов, а также еще до выборов привести к власти антидемократическим и антиконституционным образом правительство чиновников, с задачей вырвать власть из рук народа.

Президиум ЦК КПЧ, отметив всю серьезность подобной опасности для народно-демократического режима и республики, заявил, что он предпримет все меры для того, чтобы воспрепятствовать этим планам. Президиум напомнил также о возрастании значения готовящегося общегосударственного съезда заводских советов и профсоюзных организаций и съезда крестьянских комиссий в связи с подобным развитием событий. Эти съезды должны были выполнить важную национальную и государственную задачу — защитить дело национально-демократической революции и развить его в духе народной демократии и социализма.

С таким же заявлением в те дни выступила и Коммунистическая партия Словакии, которая предостерегла, что в последние дни происходит объединение реакционных сил в общегосударственном масштабе и ускоряется подготовка антинародного заговора. Поэтому партия обращалась к словацким рабочим, крестьянам и ремесленникам, призывала их к боеготовности, к тому, чтобы в неразрывном братском союзе с чешскими трудящимися воспрепятствовать планам чешской и словацкой реакции.

Президиумы ЦК КПЧ и ЦК КПС немедленно решительно отреагировали на положение, сложившееся после отставки реакционных

министров. В совместном заявлении они призвали «рабочих, крестьян ремесленников и интеллигенцию, всех настоящих чехов и словаков сомкнуться в прочный Национальный фронт, который стал бы твердой опорой правительства Клемента Готвальда и обеспечил бы осуществление всех требований, воплощение в жизнь которых необходимо в интересах республики, сохранения великого дела национальной революции и наших братских союзнических отношений с СССР и другими славянскими государствами»[5].

Коммунисты обращались к народным массам, напоминали им, что они обязаны активно выступить против тех, кто изменил своим предвыборным обещаниям, и устранить их с занимаемых постов. Трудовой народ со всей решимостью должен был потребовать, чтобы президент республики принял отставку подавших в нее министров, которые своими действиями предали Национальный фронт и встали в оппозицию. Это требование одобрил и массовый народный митинг на Староместской площади 21 февраля 1948 г. На митинге была принята резолюция, в которой говорилось: «Мы хотим правительство Клемента Готвальда без реакционных министров. Мы требуем, чтобы согласно конституции и в духе демократических традиций председатель правительства Клемент Готвальд дополнил правительство новыми членами, верными программе Национального фронта и полными решимости преданно служить интересам народа и народно-демократической республики»[6].

Эту позицию высказала президенту республики делегация, посланная к нему участниками митинга. Члены делегации подчеркнули: народ требует, чтобы президент принял отставку и освободил от занимаемых постов министров, которые своими безответственными действиями выступали против принципов Национального фронта и отказались от сотрудничества в правительстве. В связи с этим было высказано пожелание о коренной перестройке Национального фронта в союз трудовых слоев чешского и словацкого народов, рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигенции. Подчеркивалось, что участие политических партий в Национальном фронте и правительстве должно зависеть от того, насколько они верны единству и интересам народа. Такую позицию поддержало и руководство КПЧ, которое потребовало, чтобы новое правительство «полностью опиралось на истинный Национальный фронт трудового народа города и деревни. . .»[7]

Клемент Готвальд, оценивая впоследствии февральские события, отметил: «своей исторической победой наш народ обязан собственному единству и решимости»[8]. Данная констатация полностью отражает ситуацию тех исторических дней. Рабочий класс и трудящийся народ очень быстро приняли необходимые меры, направленные против выпадов реакции. На всех фабриках, заводах, в учреждениях и деревнях произошла мобилизация трудящихся и были реализованы меры для обеспечения общественного порядка и нормального хода производства. Во многих местах республики проходили манифестации и демонстрации. Трудящиеся по собственной инициативе устраняли представителей реакции с занимаемых ими постов и заменяли

их своими представителями. Чешские и словацкие трудящиеся доказали свою классовую и политическую зрелость, в подавляющем большинстве они сразу же поняли, что речь идет не о каких-то мелочных коалиционных спорах, а об опасной попытке воспрепятствовать народно-демократическому развитию, уничтожить завоевания национально-демократической революции. Поэтому народ перешел в мощное контрнаступление, чтобы не только спасти народно-демократический строй, но и создать условия для углубления революционного процесса, обеспечить мирное и ускоренное развитие на пути к социализму.

Данное обстоятельство позволяло коммунистам день за днем наращивать нажим и давление на реакцию. Мобилизация всех прогрессивных и революционных сил создавала предпосылки достижения окончательной победы рабочим классом совместно с остальными трудящимися.

Правильность подобной тактики подтвердилась в ходе манифестаций и демонстраций того времени, достигших своей высшей точки в самой массовой общепражской манифестации 25 февраля 1948 г., в которой приняло участие более 200 тыс. человек. Она состоялась как раз в то время, когда ожидали какую позицию займет президент Бенеш относительно проектов решения правительственного кризиса. Подобные акции были важным инструментом: с их помощью революционные силы сумели добиться выполнения своих требований. Аналогичное значение имела и одночасовая генеральная забастовка, проведенная 24 февраля по решению съезда заводских советов и профсоюзных организаций.

В ходе тогдашних событий была доказана правильность политики партии: когда она благодаря своей силе и организованности сумела возглавить борьбу рабочих и трудового народа и довести ее до решающей победы. Таким образом, февральские события можно рассматривать как классический пример правильного руководства со стороны КПЧ политической и классовой борьбой рабочего класса, сумевшего привлечь на свою сторону весь остальной трудовой народ и тем самым нанести реакции решающий удар.

В февральские дни важную роль сыграло Революционное профсоюзное движение, уже накануне ставшее более заметным в общественной жизни страны, способным вмешиваться во внутриполитические конфликты того времени. Это обстоятельство особенно ясно проявилось на переломе 1947—1948 гг. при обсуждении уже упоминавшегося вопроса о повышении заработной платы государственным и общественным служащим, когда Центральный совет профсоюзов решительно отверг маневры правых в данном деле и предложил такие изменения, какие не наносили вреда народному хозяйству и были выгодны прежде всего низшим категориям государственных и общественных служащих, т. е. лицам с наименьшим жалованием.

На нападки правых сил Революционное профсоюзное движение ответило созывом съезда представителей заводских советов и профсоюзных организаций, где предполагалось обсудить проблемы обеспе-

чения социальных и жизненных потребностей трудящихся и другие меры, направленные на преодоление трудностей, вызванных неурожаем, недостатками в снабжении и беспорядком в распределении.

Представители Революционного профсоюзного движения еще до февральского кризиса заявляли: профсоюзы не допустят, чтобы реакционные элементы могли безнаказанно осуществлять подрывную деятельность против народно-демократической республики. Они заявляли, что Революционное профсоюзное движение со всей решимостью готово выступить против этих сил и намерено потребовать осуществления дальнейших мер, содействующих ограничению политической и экономической власти буржуазии. Руководство профсоюзов призвало все профсоюзные органы обсудить данные проблемы в заводских, районных и областных организациях и сообщить свои предложения по дальнейшим действиям Центральному совету профсоюзов.

Съезд заводских советов и профсоюзных организаций состоялся 22 февраля 1948 г., в самый разгар внутриполитического кризиса. Это в значительной степени изменило повестку дня съезда. Профсоюзные активисты были вынуждены подробно рассмотреть вопросы, связанные с внутриполитическим кризисом.

Непосредственно во вступительной речи Антонин Запотоцкий подчеркнул, что съезд должен выразить свою позицию по современному политическому и экономическому положению и определить тактические меры, необходимые для решения неотложных проблем. Касаясь правительственного кризиса А. Запотоцкий указал: революционное профсоюзное движение не обязано поддерживать любое правительство и оно не будет помогать ему, если правительство начнет отклоняться от программных и идейных принципов национально-демократической революции или если в нем будут преобладать силы, которые попытаются изменить правительственную программу и все направление развития чехословацкого общества. Он напомнил о резолюции I общегосударственной конференции профсоюзов, в которой говорилось, что профсоюзное движение поддержит любое правительство, действительно желающее строить социализм и выступит против всех, саботирующих подобное развитие.

Съезд заводских советов и профсоюзных организаций подверг критике деятельность реакционных групп буржуазии; предостерег, что такие элементы стремятся возродить капитализм. Съезд выразил протест против попыток вернуть в частную собственность национализированные предприятия, т. е. так называемые конфискаты. Профсоюзные деятели осудили и другие вредные явления, особенно непорядки в снабжении и распределении, саботаж; они потребовали ускоренного проведения чисток от предателей и коллаборационистов. В принятой съездом резолюции было выдвинуто требование немедленного узаконения национального страхования и обеспечения пенсиями всех категорий трудящихся, а также повышения низких пенсий. Одновременно съезд выразил свою позицию относительно изменения зарплаты государственных и общественных служащих и предложил повысить ее, причем с самого начала 1948 г. Далее съезд потребовал

завершить разработку конституции, гарантирующей основные права трудящихся и предложил осуществить новые меры для обеспечения беспрепятственного перехода к социализму. Профсоюзный актив потребовал также национализации внутренней оптовой торговли, крупных торговых домов, производства спиртных напитков, производства и распределения лекарств и всех капиталистических предприятий, на которых работало свыше 50 человек, а также строительных организаций, типографий, курортов, лечебных учреждений и больниц и заявили решительный протест против всех попыток ограничить национализацию в любой области.

Съезд поручил Центральному совету профсоюзов разработать эти предложения и добиться их реализации. Съезд подчеркнул также необходимость обеспечить защиту мелкого предпринимательства и производства, поддержал требования крестьян узаконить новую земельную реформу, принять закон о едином сельскохозяйственном налоге и другие аграрные законы, обсуждение которых в парламенте затягивалось правыми силами. Свое отношение к внутриполитическому кризису съезд выразил следующим заявлением: «Мы полны твердой решимости положить конец всем реакционным заговорам, подготовке правого путча, шпионажу и другим действиям, имеющим характер измены родине. Мы не потерпим вредительства и саботажа ни в правительстве, ни в парламенте. Правительство и парламент обязаны ускоренно закончить обсуждение тех пунктов правительственной программы, рассмотреть которые торжественно обязались все партии, входящие в правительство» [9].

Съезд заводских советов и профсоюзных организаций назначил одночасовую генеральную забастовку на 24 февраля 1948 г. в поддержку своих требований. Одновременно эта акция должна была продемонстрировать президенту Бенешу и правым представителям политических партий, что рабочий класс и трудовой народ решительно отвергают все компромиссы в решении правительственного кризиса и требуют принятия отставки просивших ее министров и создания нового правительства Национального фронта под руководством Клемента Готвальда.

Прошедшая 24 февраля с 12 до 13 часов дня забастовка имела действительно всеобщий, манифестационный характер, в ней участвовало подавляющее большинство рабочих заводов и фабрик, служащих учреждений.

Даже в большинстве тех учреждений и организаций, которые до этого в целом рассматривались как опора правых сил, забастовка состоялась, а против резолюции съезда заводских советов были высказаны лишь единичные возражения.

Требования трудящихся, выраженные генеральной забастовкой, обобщил 25 февраля в выступлении по радио Антонин Запотоцкий: «Разоблаченные реакционеры, предатели родины и вредители не могут состоять в демократическом правительстве. Национальный фронт должен быть и будет расширен. Предателям, коллаборационистам и их защитникам нет и не может быть места» [10].

Во время февральского кризиса КПЧ рассматривала вопрос о еще

одной всеобщей генеральной забастовке. Внимание уделялось в первую очередь объединению рабочего класса и других трудящихся вокруг Коммунистической партии, в поддержку ее политики и требований. Подобным образом можно было наиболее эффективно ослабить позиции правых элементов и парализовать их возможное противодействие. Коммунисты понимали, что единство и решительность масс будут иметь влияние на дальнейшую дифференциацию остального населения и приведут его прогрессивную часть к поддержке политики КПЧ.

Во время переговоров с делегацией КПЧ 25 февраля президент республики Бенеш был предупрежден о возможности проведения новой генеральной забастовки в случае затягивания правительственного кризиса. Антонин Запотоцкий сообщил ему, что если кризис не будет решен быстро и не будет сформировано новое правительство, то может состояться новая генеральная забастовка. Несомненно, и это предостережение в определенной мере повлияло на позицию президента и заставило его уступить.

Политика саботажа и проволочек, осуществляемая правыми элементами, обеспокоила также преобладающую часть сельского населения, которое потребовало принятия ряда сельскохозяйственных законов, призванных в значительной степени содействовать улучшению условий жизни мелких и средних крестьян. Этот вопрос обсуждался в Национальном фронте 12 декабря 1947 г. и представители чешских и словацких партий твердо обещали, что до 15 февраля 1948 г. будет принят закон о новой аграрной реформе, а не позднее марта 1948 г. будут обсуждены и одобрены законопроекты о больничном и пенсионном страховании крестьян, о сельскохозяйственном налоге и о сельскохозяйственных кредитах. Политические партии на этом заседании также обязались обсудить в аграрном комитете Законодательного национального собрания до 20 февраля законопроект о переделе земли, представленный правительством в парламент еще в июне 1947 г.

В начале февраля 1948 г. уже стало очевидным, что из-за маневров реакционных сил эти обещания не будут выполнены. Поэтому уже в то время возникла мысль созвать съезд крестьянских комиссий, который должен будет добиться осуществления новой земельной реформы прежде всего путем оказания давления на Национальное собрание.

16 февраля 1948 г. на конференции председателей крестьянских комиссий решено было созвать съезд, который должен был высказать мнение по поводу земельной реформы и остальных до сих пор не принятых сельскохозяйственных законов. Председатели районных крестьянских комиссий пришли к выводу, что правые силы своей тактикой проволочек хотят воспрепятствовать принятию этих законов, и есть опасность, что эти законы, как и законопроекты о национальном страховании, о сельскохозяйственном налоге и о сельскохозяйственном кредите не будут уже обсуждаться до следующих парламентских выборов. Конференция предложила съезду крестьянских комиссий обсудить некоторые другие вопросы, особенно цены на

сельскохозяйственные продукты, и определить меры по повышению этих цен за счет прибылей внутренней и внешней торговли, а также потребовать решительно навести порядок в оптовой торговле и распределении.

Съезд крестьянских комиссий существенно помог мобилизации сельского населения в февральские дни, хотя он состоялся и после преодоления внутриполитического кризиса и создания нового правительства. Именно великая победа прогрессивных сил, достигнутая в то время, создала предпосылки для реализации всех мер, осуществления которых требовали мелкие и средние крестьяне. Поэтому съезд смог торжественно одобрить проект новой земельной реформы, закон о едином сельскохозяйственном налоге, о переделе земли и другие меры, выдвинутые в так называемой Градецкой программе и шести сельскохозяйственных законах.

Съезд обратился с призывом ко всем крестьянам создавать в каждой деревне и каждом районе комитеты действия Национального Фронта и устранять из их организаций всех вредителей и врагов. Прогрессивные крестьяне должны были взять в свои руки руководство всеми сельскохозяйственными организациями и кооперативами, изгнать из них агентов буржуазии и обеспечить таким образом, чтобы эти организации действительно в полной мере служили интересам трудящихся села. Далее подчеркивалась необходимость еще более интенсивного создания крестьянских комиссий, призванных обеспечить конфискацию помещичьих угодий и излишков земли, установить принудительное управление там, где прежние владельцы плохо вели хозяйство и не выполняли обязательные поставки, создавать организационные предпосылки для размежевания земли. Позицию КПЧ по этому вопросу выразил в своем выступлении на съезде крестьянских комиссий Клемент Готвальд: «Необходимо немедленно узаконить ваше дальнейшее требование о постоянном урегулировании собственности на землю таким образом, чтобы земля принадлежала тем, кто ее обрабатывает, а все находящиеся в частных руках земельные излишки свыше 50 га были бы разделены между крестьянами-производителями!»[11]

Существенное значение в февральские дни имели комитеты действия Национального фронта, оказавшие большое влияние на развитие событий. Они начали возникать в разных местах сразу же после мощных манифестаций 21 февраля 1948 г. Их создание было проявлением стремления коммунистов и остальных прогрессивных сил включить в борьбу с реакцией новых беспартийных граждан и честных членов тех политических партий, лидеры которых в февральские дни выступили против концепции Национального фронта. Комитеты действия боролись за чистку Национального фронта и разных общественных и административных органов от правых сил и тем самым стремились устранить все препятствия, тормозящие в последнее время выполнение созидательной программы и заданий двухлетнего плана.

Первоначально комитеты действия возникали стихийно и им недоставало центрального руководства. Изменения произошли только

после съезда заводских советов и профсоюзных организаций, на следующий день после которого возник Центральный комитет действия Национального фронта, имевший действительно представительный характер. Создание подобных органов значительно ускорилось после манифестационной генеральной забастовки, когда в них начали вступать представители всех политических партий и массовых организаций, все те, кто был несогласен с оппозиционной политикой правых лидеров и хотел включиться в созидательный труд в рамках возрожденного Национального фронта.

Инициатором создания Центрального комитета действия Национального фронта стало Революционное профсоюзное движение, которое организовало собрание прогрессивных представителей политических партий и массовых организаций 23 февраля 1948 г. в «Обецнем доме» в Праге. В вступительном слове председатель Центрального совета профсоюзов Антонин Запотоцкий подчеркнул, что незачем дискутировать о том, кто дал единому профсоюзному движению мандат на инициативу в данном вопросе. Он сказал: «Когда корабль в опасности, никто не просит предъявить удостоверение о праве на перевоз у того, кто спускает на воду лодку и идет к нему на помощь» [12].

В заявлении, принятом на этом совещании, отмечалось значение Национального фронта, возникшего как проявление воли рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигенции, всех трудящихся города и деревни. В заявлении указывалось, что прежние власти, лишившись своего богатства и привилегий, не отказались от надежд повернуть развитие вспять, проникли в некоторые политические партии, прибегли к тактике конфликтов и разложения национального единства, сдерживали и саботировали совместную программу и наконец перешли к открытым нападкам на правительство и Национальный фронт. «Прислушиваясь к единодушному призыву нашего народа, сохраняя верность программным принципам Национального фронта, мы собрались для того, чтобы возродить Национальный фронт на более прочных и солидных основах. Мы приглашаем сотрудничать все прогрессивные силы народа. Для дружного сотрудничества в Национальном фронте, помимо политических партий и групп, объединяются и крупные общенародные организации, деятели культуры и церкви, все честные люди без политических различий. Мы хотим, чтобы Национальный фронт в будущем был гораздо более прочным организмом, чтобы он был способен добиваться и обеспечивать выполнение своей программы» [13].

На совещании был избран подготовительный комитет, который получил задание разработать проект программы и деятельности органов возрожденного Национального фронта. Подготовительный комитет провел также переговоры с оставшимися в правительстве политическими партиями и пришел к соглашению с ними по вопросу о дальнейших задачах правительства. В результате этих и последующих дискуссий с представителями разных организаций и институтов, с различными видными деятелями политической, экономической, научной и творческой жизни был образован Центральный комитет действия Национального фронта; он в своем заявлении

обратился ко всем честным патриотам, демократам и социалистам и призвал их выступить единой организованной силой и позаботиться об очищении всех органов Национального фронта, политических партий и массовых организаций от реакционных элементов во всех населенных пунктах, в районах и областях, на фабриках и заводах. Этот призыв имел значительный отклик, содействовал быстрому развитию движения за создание комитетов действия. В последующие дни такие комитеты образовались практически по всей республике.

Комитеты действия возникли и в центральных органах, в том числе и в министерствах, служащие которых вынудили реакционных министров ретироваться раньше, чем президент республики согласился с их отставкой. Таким образом, например, был вынужден уйти из министерства транспорта представитель словацкой Демократической партии Пиетор, из министерства образования и министерства внешней торговли — национальные социалисты Странский и Рипка. Аналогичным способом были устранены правый социал-демократ В. Майер, лидер Народной партии Гала и все остальные правые министры, просившие отставки.

В Законодательном национальном собрании 25 февраля также возник комитет действия, который сыграл важную роль в консолидации этого органа, в обеспечении поддержки правительству Готвальда и его усилиям по выполнению Созидательной программы. Заявление, обязывающее депутатов поддерживать правительство, подписало 223 депутата, в том числе 93 члена КПЧ, 21 член КПС, 29 социал-демократов, 32 члена Народной партии, 25 национальных социалистов, 20 представителей Демократической партии и 3 — Партии свободы. Данный факт показал, что еще до окончательного решения правительственного кризиса правительство Готвальда обеспечило себе в Национальном собрании большинство более чем в две трети голосов.

Рассматривая задачи комитетов действия, КПЧ предупреждала, что они не могут заменять национальные комитеты, бывшие органами общественного управления и одновременно составной частью государственного аппарата. Комитеты действия были исключительно политическими органами, призванными заботиться об очищении политических партий, массовых организаций и всего общественного аппарата, следить за устранением из них всех реакционных элементов. Комитеты действия должны были стать органами Национального фронта, объединяющими всех действительно демократических представителей политических партий, массовых и отраслевых организаций в селах, городах, районах и областях.

Деятельность комитетов действия не заканчивалась с решением февральского кризиса и разгромом реакции. Это отмечалось и в заявлении Центрального комитета действия 27 февраля 1948 г., в котором указывалось, что необходимо быть готовыми к тому, что и после поражения реакция не капитулирует и будет стремиться препятствовать созиданию республики, клеветать и вести

подрывную деятельность. Поэтому необходимо продолжить борьбу, устранить все силы, способные в будущем вновь стать опасными для республики. В этой связи подчеркивалась необходимость закончить создание комитетов действия по всей территории республики — в городах, в селах, учреждениях, организациях и корпорациях и тем самым создать условия для обеспечения выполнения всех задач, вставших на повестку дня после поражения реакции.

Комитеты действия всех уровней должны были существенным образом содействовать активизации возрожденного Национального фронта. Значение данной организации для дальнейшего развития высоко оценил на совещании по поводу создания Центрального комитета действия Клемент Готвальд: «При перестройке нашего общества и при строительстве новой, народно-демократической республики мы шли путем, которой мы называем специфически чехословацким путем. Его специфический характер состоит в том, что наш народ в городе и деревне, объединенный в Национальном фронте, благодаря своему огромному численному, моральному и политическому превосходству сумел демократическим путем лишить стоящий прежде у власти класс его привилегированных позиций»[14].

Дополненное и преобразованное правительство, созданное в февральские дни, также стало представителем возрожденного Национального фронта. Разумеется, условием этого было предварительное очищение от реакционных элементов представленных в этом органе власти политических партий и массовых организаций, после чего Национальный фронт смог действительно стать союзом «трудовых слоев нашего народа, рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигенции, причем объединение политических партий в Национальном фронте и участие отдельных партий в правительстве Национального фронта зависит от того, насколько верна каждая политическая партия единству и интересам народа»[15].

Объясняя задачи и значение Национального фронта в послефевральский период, КПЧ предостерегала: одной из причин недавнего кризиса было то обстоятельство, что разгромленная в мае 1945 г. реакция смогла постепенно просочиться в легальные политические партии и массовые организации и в конце концов стала определять их действия и политику. Поэтому было необходимо провести последовательную чистку данных партий и организаций и при этом действовать продуманно, так, чтобы реакционные элементы попали в изоляцию и действительно потеряли симпатии подавляющего большинства народа.

Возрожденный Национальный фронт оказал значительную помощь активизации прогрессивных сил в тех политических партиях, представители которых вышли из правительства. Оппозиционные настроения по отношению к правым лидерам в этих партиях проявились в февральские дни сначала у рабочих членов этих партий, которые в своем большинстве подчинились указаниям Революционного профсоюзного движения и совместно с другими членами профсоюзов приняли участие в различных мероприятиях в поддержку

требований съезда заводских советов и профсоюзных организаций, состоявшегося 24 февраля. Несмотря на то, что в некоторых партиях, особенно в Национально-социалистической, правые силы вначале остро выступали против участия сторонников данных партий в указанном съезде, в конце концов под давлением обстоятельств они были вынуждены уступить и не отважились принять меры против членов профсоюза.

Оппозиционные силы в некоторых политических партиях еще раньше поддерживали контакты с коммунистами и другими представителями революционного движения. Коммунисты могли рассчитывать на их поддержку в преодолении правительственного кризиса и создании нового правительства. Вскоре после начала правительственного кризиса представители данных оппозиционных групп развили активную деятельность. Первые события произошли в Народной партии, где группа оппозиционных депутатов во главе с заместителем председателя палаты депутатов А. Петром и депутатами Й. Плойгаром и Б. Поланским заявила о своем несогласии с политикой руководства партии и еще до преодоления правительственного кризиса создала комитет действия, который взял в свои руки Центральный комитет и руководство партией. Аналогично развивались события в Национально-социалистической партии, где комитет действия возглавляли депутаты Э. Шлехта и А. Нейман, и в словацкой Демократической партии, где противники реакционного руководства выступили 23 февраля, два дня спустя создали комитет действия и приняли на себя руководство партией. Таким образом, оппозиционные прогрессивные силы практически повсеместно в ходе правительственного кризиса, т. е. до 25 февраля 1948 г., вынудили произвести внутренние изменения в отдельных политических партиях и добились принциальной ревизии их политики в целом. Эти группы проявили желание войти в правительство, поэтому его можно было сформировать при участии представителей всех политических партий, входивших в прежнее правительство.

В февральские дни полностью раскрылись недостаточная политическая прозорливость и ограниченность правых лидеров. В первую очередь этим отличались руководители национальных социалистов, которые были особенно активны в подготовке реакционного путча и добивались отставки министров в надежде таким путем вытеснить коммунистов из правительства. Правые лидеры национальных социалистов верили, что им удастся создать единый антикоммунистический фронт и возглавить его. Только решительное выступление трудового народа, мощные манифестации протеста в Праге и по всей республике, а также другие события, завершившиеся генеральной забастовкой, показали им, что подавляющее большинство населения отвергает раскольническую политику. Разоблачение подготовки к вооруженному путчу, в которой участвовал ряд ведущих деятелей Национально-социалистической партии во главе с генеральным секретарем Краиной, еще более ускорило распад руководства этой партии. После создания комитетов действия, которые устраняли представителей правых сил из министерств и других центральных

учреждений, после выступления оппозиционных сил внутри партий во всем объеме проявился крах политики прежнего руководства и оно полностью распалось.

Подобным образом развивались события и в других партиях. Хотя президиум Народной партии и полностью одобрил отставку министров, многие члены и функционеры партии не поддержали данные действия. В последующие дни руководство Народной партии не проявляло большой инициативы, выжидало и надеялось, что президент Бенеш добьется такого решения кризиса, которое устраивало бы правые силы. Однако руководство Народной партии фактически распалось и правые элементы даже не пытались оказать сопротивление.

Лидеры Демократической партии, под впечатлением горького опыта недавнего политического кризиса в Словакии, вначале не слишком стремились участвовать в подобной авантюре. Президиум партии первоначально отверг отставку министров и только позднее, из солидарности с другими партиями, согласился с такими действиями, хотя некоторые члены руководства и впоследствии остались при прежнем мнении. Их позиции еще больше ослабило развитие событий в Словакии, где уже 21 февраля произошли изменения в составе органов власти после того, как председатель Корпуса уполномоченных Г. Гусак предложил представителям Демократической партии оставить свои посты в этом органе ввиду того, что члены данной партии вышли из правительства. Таким образом, в Словакии в эти дни правые деятели были устранены со своих постов в Корпусе уполномоченных, что ускорило внутренний кризис в Демократической партии и ее распад.

Во время подготовки и в ходе февральских событий правые силы рассчитывали в первую очередь на президента Бенеша; он был заранее посвящен в их планы. Однако КПЧ при поддержке остальных революционных сил сумела воспрепятствовать этому маневру.

К. Готвальд в качестве председателя правительства провел официальные переговоры с президентом и информировал его о трудностях в выполнении задач созидательной программы и опасности правительственного кризиса, который хотят спровоцировать правые силы. Однако Бенеш не предпринял никаких шагов для устранения подобной угрозы. В ответ на сообщение Готвальда о значительном ухудшении положения в правительстве, где правые силы перешли в наступление, стремясь разбить его, Бенеш ограничился заверением, что в случае правительственного кризиса не будет создано правительство чиновников. Позднее Бенеш проинформировал об этих переговорах представителей правых сил, вселил в них уверенность и подчеркнул, что развитие событий зависит от их решительности и неуступчивости.

Однако прозорливыми действиями коммунисты сумели воспрепятствовать и этим маневрам. Сразу же после начала правительственного кризиса, 21 февраля, Президиум ЦК КПЧ заявил, что КПЧ остается верной концепции Национального фронта и требует создания нового правительства на прежних принципах. Далее Президиум

ЦК КПЧ напомнил: «Касательно вопроса о Национальном фронте мы считаем необходимым подчеркнуть, что суть и смысл Национального фронта мы всегда видели прежде всего в союзе трудовых слоев нашего народа, рабочих, крестьян, ремесленников и трудовой интеллигенции, причем объединение политических партий в Национальном фронте и участие отдельных партий в правительстве Национального фронта зависит от того, насколько каждая политическая партия верна единству и интересам народа»[16]. И в следующем письме Президиума ЦК КПЧ от 24 февраля 1948 г. указывалось на необходимость того, чтобы президент принял во внимание требования трудящихся, высказанные в ходе мощных народных демонстраций и в соответствии с их волей утвердил новый состав правительства, предложенный К. Готвальдом. Одновременно коммунисты отвергли пожелание Бенеша, согласно которому новых членов правительства должно было определить прежнее руководство политических партий.

Президент Бенеш долго маневрировал, задерживал решение правительственного кризиса. Он понимал, что невозможно заставить сложить полномочия правительство, которому парламент не выразил вотум недоверия и в котором оставалось большинство министров. Однако он надеялся найти какое-то компромиссное решение, для возвращения на свои посты министров, подавших в отставку. Бенеш заявлял, что он де пытается определить международные последствия кризиса, понять не только сложившуюся ситуацию, но и вызвавшие ее причины, а также результаты каждого варианта решения. Бенеш утверждал, что ему абсолютно ясно — преобладающая часть народа стремится к социализму, тем не менее он настаивал на соблюдении принципов так называемой парламентской демократии и заявлял: отказ от них был бы для него изменой самому себе.

Особенно большое влияние на его позицию оказала одночасовая забастовка, широкие отклики на съезд заводских советов и профсоюзных организаций и неожиданно большая активность комитетов действия Национального фронта. Развитие событий убедило его в растущем влиянии КПЧ, в силе революционного движения, в решимости чехословацкого трудового народа не допустить возвращения к прежним отношениям. Разочаровала его и беспомощность руководства остальных политических партий, потерявших всякое влияние на развитие событий. Поэтому в конце концов он отступил и утвердил отставку реакционных министров, а также новый состав правительства Готвальда.

Несомненно, внутренне президент Бенеш не был согласен с подобным решением и вызванными февральскими событиями изменениями. Тем не менее шаг, на который он-таки пошел, содействовал преодолению правительственного кризиса мирным и конституционным путем. Именно это впоследствии ставила ему в вину буржуазная эмиграция и разные буржуазные авторы на Западе, исследующие послевоенное развитие Чехословакии.

Большое значение в февральские дни 1948 г. имел подход КПЧ к социал-демократии. В руководстве этой партии тоже проявлялись сильные правые тенденции, а некоторые ее представители задолго

до февраля 1948 г. не скрывали своих антикоммунистических взглядов. В результате этого Социал-демократическая партия колебалась и еще до начала правительственного кризиса было не совсем ясно, как она поведет себя в сложившейся обстановке. Это обстоятельство проявилось в первую очередь во время переговоров председателя партии Лаушмана и двух ведущих деятелей социал-демократии Вилима и Тимеша с председателем правительства Клементом Готвальдом и другими членами Президиума ЦК КПЧ 19 февраля. Тогда Лаушман настаивал, чтобы коммунисты уступили давлению правых сил в остальных политических партиях и приняли их условия. В свою очередь Готвальд потребовал от социал-демократов отмежеваться от правых элементов, готовящихся разбить правительство Национального фронта и в интересах защиты завоеваний предшествующего революционного развития создать единый фронт вместе с коммунистами. В связи с этим Готвальд предложил социал-демократам создать совместное с коммунистами правительство в случае правительственного кризиса. Однако Лаушман отверг эти предложения и продолжал поддерживать контакты с представителями других политических партий, с которыми он несколько раз совещался во время кульминации правительственного кризиса.

Коммунисты и другие представители революционного движения стремились к тому, чтобы в ходе правительственного кризиса к отставке не присоединились и представители Социал-демократической партии. Инициативу в этом вопросе проявило и Революционное профсоюзное движение. Председатель Центрального совета профсоюзов А. Запотоцкий и генеральный секретарь Э. Эрбан провели с председателем Социал-демократической партии Лаушманом переговоры о том, чтобы эта партия образовала совместно с коммунистами новое правительство в интересах сохранения единства рабочего класса.

21 февраля Президиум ЦК КПЧ обратился к центральному исполнительному комитету Чехословацкой социал-демократической партии с письмом, в котором подчеркивалось: «Наши партии сегодня несут ответственность за сохранение консолидации республики, за обеспечение дальнейшего мирного развития событий в нашей стране и продвижения к социализму»[17], КПЧ предлагала, чтобы обе партии договорились о последующих действиях, предприняли совместные меры по дополнению состава правительства и таким образом продемонстрировали всему народу, что они остаются прочной опорой народно-демократической республики. Обе партии должны были образовать крепкое социалистическое ядро, вокруг которого сомкнулись бы все демократические и прогрессивные силы наших народов.

Однако положение дел в руководстве социал-демократии в то время еще не благоприятствовало осуществлению подобного курса. Хотя после долгих дискуссий и под нажимом левых сил руководство Чехословацкой социал-демократической партии и заявило, что отставка министров была непродуманным шагом и отказалось присоединиться к ней, однако оно потребовало воссоздания правительства в первоначальном составе. Несмотря на то, что на заседании исполнительного комитета 23 февраля 1948 г. было отклонено предло-

жение В. Майера об отставке социал-демократических министров на нем возобладало вышеуказанное мнение, поэтому поддержки получило и требование левого крыла партии принять предложен КПЧ о преодолении правительственного кризиса. В то время у прав деятелей было еще достаточно влияния, чтобы добиться исключени из партии социал-демократического функционера Я. Немца, который стал председателем областного комитета действия Национального фронта в Градце Кралове, и В. Петранковой-Коушовой, выступившей на манифестации на Староместской площади. Вместе с тем правые силы уже были не в состоянии добиться принятия каких-либо мер, ограничивающих деятельность левого крыла, возглавляемого З. Фирлингером.

Днем 24 февраля было опубликовано заявление 23 ведущих деятелей социал-демократии, которые встали на сторону левых сил. В нем говорилось: «Государство оказалось в тяжелом кризисе, вызванном разногласиями в Национальном фронте и явившимся следствием глубокого международного кризиса... Конфликт подобных сил имеет место и в Чехословакии, он тормозит все наше дело созидания и ставит под угрозу наши усилия по национализации. Возникают новые острые социальные расхождения. Скрывающиеся в государственном аппарате и в политических партиях консервативные силы стремятся всеми средствами погубить хорошие результаты нашей созидательной деятельности» [18].

Это заявление продемонстрировало, что левое крыло Социал-демократической партии решило активно выступить плечом к плечу с революционными силами. Это проявилось и на заседании руководства партии 24 февраля, где левые силы перешли в наступление и пытались добиться принятия социал-демократией предложений коммунистов и участия партии в новом правительстве возрожденного Национального фронта. Принятия этих требований удалось добиться после долгого обсуждения только в результате давления, оказанного рабочими — сторонниками левого крыла социал-демократии, которые в конце концов заняли помещение центрального секретариата партии.

Такое развитие событий заставило в результате председателя партии Б. Лаушмана и центристскую группу в ее руководстве пойти на соглашение с левыми. После этого социал-демократия одобрила участие своих представителей в новом правительстве, а в опубликованном 25 февраля заявлении она сообщила своим сторонникам: «События, которые в последнее время развивались все быстрее и быстрее, вызвали в нашей партии расхождение во взглядах, которые ныне удалось преодолеть путем взаимного соглашения и принятия единого решения. На основе искреннего социалистического сотрудничества мы договорились — на базе нового правительства — создать новый дееспособный Национальный фронт на широкой основе» [19].

Сразу же после сообщения об отставке части членов правительства КПЧ ясно заявила, что возвращение ушедших министров на их прежние посты невозможно и подчеркнула: Коммунистическая партия не будет вести переговоры о дополнении и реконструкции правительства с представителями политических партий, изменивших духу

и программе Национального фронта. Коммунисты предложили ввести в правительство прогрессивных представителей политических партий, а также наиболее важных массовых организаций, в первую очередь Революционного профсоюзного движения.

Отставка реакционных министров хотя и затруднила дальнейшую деятельность правительства, тем не менее не вызвала его роспуска. Из 26 членов правительства на своих постах осталось 14, поэтому оно смогло продолжить свою работу, так как решения правительства были действительны при условии, если кроме председателя правительства присутствовало как минимум половина министров. Данное обстоятельство подчеркнул и Президиум ЦК КПЧ, который в своем заявлении о сложившейся ситуации от 20 февраля указал, что подобная отставка означает только одно: министры, представляющие Национально-социалистическую, Народную партии и словацкую Демократическую партию отошли от принципов правительственной программы и Национального фронта.

КПЧ подчеркивала: выход из сложного положения в котором оказалась республика, необходимо искать в парламентском правительстве, созданном на основе Национального фронта. Коммунистическая партия предостерегала, что любой другой способ преодоления правительственного кризиса приведет к обострению политических противоречий и экономическому ущербу. Партия отвергала также возможность создания правительства на основе незначительного парламентского большинства. Она указывала: будущее правительство должно опираться на настоящий Национальный фронт трудового народа города и деревни, взять на себя выполнение Созидательной программы и обеспечить реализацию неотложных требований всего народа: принятие новой конституции, законов о национальном страховании, о земельной реформе, о налоговых льготах для крестьян и ремесленников, а также в установленные законом сроки подготовить действительно свободные и демократические выборы.

Коммунисты не должны были опасаться акций правых сил в парламенте, так как и в случае голосования о доверии прежнему правительству они могли надеяться, что с помощью левых и прогрессивных депутатов Социал-демократической, Национально-социалистической, Народной и Демократической партий им удастся обеспечить необходимое большинство голосов. Однако учитывая, что обсуждение правительственного кризиса в парламенте могло еще больше осложнить ситуацию, коммунисты добились, фактически с согласия остальных партий, временной отсрочки сессии Национального собрания. В ходе переговоров с оппозиционными своему руководству депутатами Национально-социалистической, Народной и Демократической партий им удалось в ходе правительственного кризиса создать предпосылки для обеспечения необходимого большинства голосов в поддержку нового правительства Готвальда. Когда это правительство было 10 марта представлено Национальному собранию, вотум доверия ему выразило 230 присутствующих депутатов из 300.

Новое правительство возрожденного Национального фронта включило в свою программу три основных задачи. Прежде всего должна

была быть выполнена прежняя правительственная программа, далее — реализованы требования, выдвинутые в февральские дни, в первую очередь общегосударственным съездом заводских советов и профсоюзных организаций и съездом крестьянских комиссий, и, наконец, было необходимо сделать соответствующие выводы из поражения реакционного заговора в февральские дни.

Февраль 1948 показал, что КПЧ полностью выдержала этот экзамен, использовала опыт, приобретенный в прошлые годы, стала действительно ведущей политической силой рабочего класса и всех трудящихся. Подтвердилось, что в послевоенный период коммунистическая партия значительно усилилась, в ней уже были не только старые опытные и проверенные коммунисты, но и сотни тысяч новых членов, беззаветно осуществляющих ее политику. Партия добилась таких успехов потому, что сумела «в решающее время, в решающем месте сосредоточить такую силу и мощь, что враг заранее потерял все шансы на победу, исход борьбы был предопределен» [20].

Февральская победа над реакцией стала возможна и потому, что КПЧ как правящая партия политически, организационно, идеологически и морально была полностью готова к событиям. Поэтому она сумела выдержать этот экзамен и доказать: коммунисты не только выработали, но и успешно реализовали оптимальный подход к социалистической революции в Чехословакии.

Совместно с Коммунистической партией большую школу в то время прошли рабочий класс и весь трудовой народ, на собственном опыте познавшие истинные цели реакционных сил, их стремления повернуть вспять развитие и добиться реставрации капитализма.

Февраль 1948 г., также как и май 1945 г., стал принципиальным рубежом внутриполитического и внешнеполитического развития Чехословакии. Февральские события завершили переход нашей республики от национально-демократической к социалистической революции, определили все дальнейшее развитие Чехословацкой республики вперед по пути к социализму. Поэтому февраль 1948 г. стал одной из наиболее знаменательных вех всей чехословацкой новейшей истории, событием, оказавшим принципиальное влияние на дальнейшие судьбы чешской и словацкой наций, всего народа Чехословацкой республики.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ПОБЕДОНОСНЫЙ ФЕВРАЛЬ 1948 г. И ЛЕНИНСКИЙ ПУТЬ РЕВОЛЮЦИИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Чехословацкий народ ежегодно с гордостью торжественно празднует свою февральскую победу, которая полностью открыла ему дорогу к социализму. Февральские события 1948 г. явились действительно решающей классовой и политической схваткой за характер дальнейшего развития Чехословакии, а тем самым и неотделимой составной частью борьбы между социализмом и капитализмом в мировом масштабе. Именно в феврале 1948 г. Коммунистическая партия, рабочий класс и трудовой народ успешно отразили попытку реакции совершить контрреволюционный путч и добиться возвращения к старым домюнхенским отношениям, победно завершили свою борьбу за свержение капиталистического господства и создали решающие предпосылки для обширной социалистической перестройки и созидания нового общества в Чехословакии.

Место Победоносного февраля в истории чехословацкого народа, наций и народностей ЧССР определено тем, что он окончательно завершил эпоху эксплуататорского общественного строя и открыл перед ними перспективу создания нового, справедливого общества, свободного от всех форм социального и национального угнетения, общества социалистического, а в перспективе — коммунистического.

Это действительно историческое событие является далеко идущим следствием того, что в феврале 1948 г. был решен главный вопрос революции — вопрос о власти — в пользу рабочего класса и его союзников. Победоносный февраль завершил процесс перерастания национально-демократической революции в социалистическую в политической области и позволил социалистической революции, которая только начинается захватом власти, развернуться во всю ширину и глубину. В связи с данным изменением в сфере политической власти и его внутриполитическими последствиями определилось и международное положение Чехословакии, которая окончательно встала в один строй с Советским Союзом и другими странами, вступившими на социалистический путь.

Победа рабочего класса и трудового народа над реакцией в Чехословакии одновременно была и одним из знаменательных рубежей в развитии мирового революционного процесса, начатого Великой Октябрьской социалистической революцией, и вступившего после второй мировой войны в качественно новый этап, на котором социализм перешагнул границы Советского Союза и превратился в мировую социалистическую систему.

В этой исторической взаимосвязи мы вновь подчеркиваем глубокое идейное и историческое единство Великого октября и Победоносного февраля, неразрывную общность революционных сражений в Чехословакии с международной борьбой рабочего класса. Мы постоянно

убеждаемся в огромном значении заветов и боевого опыта партии Ленина — Коммунистической партии Советского Союза. Коммунистическая партия Чехословакии руководствовалась этим опытом в определении и реализации путей революционного, социалистического преобразования общества.

В свое время Карл Маркс указывал, что социализм не может родиться без революции. Это полностью подтверждается всем ходом исторического развития, начиная с Великой Октябрьской социалистической революции, основное содержание которого — неудержимый прогресс социализма. Доказательством тому является и революционный опыт Чехословакии. И в чехословацких условиях убедительно раскрылось, что ленинский путь социалистической революции — единственный реальный путь освобождения трудящегося человека от капиталистических эксплуататорских отношений, обеспечения достойной и счастливой жизни народа, свободного развития наций и национальностей, прочного международного положения Чехословацкого государства. На этом сложном, но победоносном пути с самого начала чехословацкой революции история подтвердила полную обоснованность идеи Ленина о том, что «русский образец показывает *всем* странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего» [1].

Чехословацкий народ еще в ходе второй мировой войны по собственной воле выступил за революционные структурные изменения, которые должны были привести к социализму. Он принял это решение на основе трагического опыта времен буржуазной республики, ее раскола и последующего тяжкого нацистского рабства, понимая, что буржуазия как правящий класс не способна ни решить важные социальные и национальные проблемы, ни обеспечить национальную свободу и государственную независимость. После освобождения ЧСР Советской Армией чехословацкий народ сделал первые шаги по новому пути, а в февральские дни 1948 г. отстоял в полной мере этот путь как завет антифашистской, национально-освободительной борьбы и развил его на этапе социалистической революции.

Генеральный секретарь ЦК КПЧ и Президент ЧССР Густав Гусак на XV съезде охарактеризовал действия партии по социалистической перестройке общества следующим образом: «Новый общественный строй мы утверждали и развивали, основываясь на идеях научного социализма, общих закономерностях строительства социализма, собственном опыте и опыте Коммунистической партии Советского Союза и других братских партий, на творческом претворении в жизнь ленинизма в конкретных условиях нашей страны» [2]. В многочисленных документах КПЧ выражен проверенный практикой вывод, что последовательное воплощение в жизнь этих принципов полностью оправдало себя. Оно всегда вело к правильному решению все более сложных задач социалистической революции, а в результате — к развитию нашего общества по восходящей линии.

После Февраля 1948 г. прошло более трех десятилетий социалистической перестройки общества. С гордостью можно констатировать, что за эти годы произошли глубокие революционные измене-

ния в политической, экономической и культурной жизни народа, не имеющие аналогий в чехословацкой истории. Несмотря на трудности, заблуждения и ошибки, имевшие место в ходе строительства социализма, достигнутые за прошедшие десятилетия успехи в сравнении с развитием буржуазной Чехословакии или же с современной ситуацией в капиталистическом мире демонстрируют бесспорные идейные, политические и материальные преимущества и силу социализма [3].

Возвращение в этом плане к опыту социалистической революции отнюдь не является одним лишь изучением прошлого. Ведь отношение революционного движения к подобному опыту как одному из важных источников познания всегда определялось прежде всего его актуальными и перспективными потребностями. Достаточно привести в качестве примера известные конкретные анализы революций 1848, 1871, 1905 и 1917 гг., на основе которых классики марксизма-ленинизма сформулировали и ряд новых тезисов, имеющих непреходящее значение для поиска и определения путей подхода к социалистической революции и ее непосредственному осуществлению.

Именно в таком понимании большое значение имеет исторический опыт Победоносного февраля, который прочно занял свое место в сокровищнице познания и является ценным вкладом в международное коммунистическое и рабочее движение. Это не случайно. Ведь речь идет о победе, достигнутой в форме мирного революционного перехода к социализму, о победе, завоеванной в условиях индустриально развитой страны с сильными буржуазно-демократическими традициями, народы которой были вынуждены постоянно бороться не только за свободу, но и непосредственно за свое существование. Данный путь, включая и сами февральские события, вобрал в себя ряд конкретных и, несомненно, неповторимых аспектов. Однако комплексный анализ чехословацкого опыта раскрывает те общие черты, в которых вновь ясно проявились закономерности классовой борьбы, общие закономерности социалистической революции, вновь подтвердившие международную значимость и жизнеспособность марксистско-ленинского учения.

Способность КПЧ сформулировать фундаментальную реальную концепцию вступления чехословацкого народа на социалистический путь в первую очередь была обусловлена тем, что все развитие партии от ее образования и превращения в партию нового типа, особенно после V съезда КПЧ, когда ее возглавил Клемент Готвальд, характеризуется стремлением освоить теоретическое богатство марксизма-ленинизма и творческим образом реализовать его в чехословацких условиях. Можно сказать, что в этом смысле для рождения упомянутой концепции ключевое значение в первую очередь имело то обстоятельство, что партия на основе национально-демократической революции 1918—1920 гг. и антифашистской борьбы осознала огромное значение ленинских идей и взаимосвязи борьбы за социализм с борьбой за демократию в эпоху империализма.

Именно ленинские идеи начала XX века стали основной теоретической базой действий КПЧ. К их творческой реализации партия

приступила несколько позже, в новых условиях, обогащенная опытом трех русских революций и в первую очередь первой победоносной пролетарской революцией. Весьма существенным подспорьем была разработка VII конгрессом Коминтерна вопросов подготовки социалистической революции. КПЧ использовала и собственный опыт борьбы за единый народный фронт, за защиту демократии и республики от фашизма.

Этот опыт нашел свое полное выражение в целенаправленной коммунистической концепции антифашистской, национально-освободительной борьбы, которая в ходе второй мировой войны постепенно возобладала над концепцией бенешевского буржуазного сопротивления и стала определяющей. Концепция коммунистов исходила из того, что борьба за спасение национального существования, за возрождение национальной свободы и государственной независимости является главной непосредственной задачей. Для ее осуществления коммунисты принесли наибольшие жертвы. При этом партия не забывала, что таким образом она вовсе не устраняет основное противоречие чехословацкого общества — противоречие между буржуазией и пролетариатом.

Руководствуясь целями национально-освободительной борьбы коммунисты стремились к тому, чтобы внутреннее обновление Чехословацкой республики строилось на новых прогрессивных принципах народной демократии, а не на довоенных буржуазных. Коммунисты хотели изменения прозападной внешнеполитической ориентации, в прошлом не оправдавшей возложенных на нее надежд, и добивались, чтобы освобожденная республика опиралась в первую очередь на союз с СССР. Поэтому в качестве определяющего фактора концепция коммунистов предусматривала активность рабочего класса, его гегемонию в национально-освободительной борьбе. Коммунисты стремились к тому, чтобы рабочий класс в союзе с остальными трудящимися завоевал такие позиции, которые позволили бы ему оказывать принципиальное влияние на устройство внутренних отношений в освобожденной Чехословакии.

Значение революционной активности рабочего класса и народных масс в полной мере продемонстрировало Словацкое национальное восстание, открывшее этап национально-демократической революции. Когда представители лондонского буржуазного чехословацкого правительства захотели взять в свои руки власть на повстанческой территории, там уже действовали революционные органы: Словацкий национальный совет, национальные комитеты, заводские советы, отряды революционной гвардии и т. д. Благодаря активности и инициативе коммунистов эти революционные органы проводили в жизнь меры, соответствующие представлениям трудового народа об устройстве отношений в освобожденной республике. В Словацком национальном восстании, а затем постепенно и на всей территории республики, ясно выявилось: если представители антифашистской буржуазии хотят участвовать в возрождении республики, то они должны считаться с этими революционными органами и их мероприятиями. Это обстоятельство нашло свое выражение в исторических

переговорах об основных вопросах устройства освобожденной Чехословацкой республики и в программных документах национально-демократической революции.

Таким образом, политическая линия коммунистической партии в освобожденной Чехословакии основывалась на историческом опыте, на национальных и государственных интересах и была выражением творческого воплощения в жизнь ленинской теории революции в конкретных чехословацких условиях. На основе анализа революционной ситуации в Европе и реальной оценки соотношения классовых сил в ЧСР, Коммунистическая партия ориентировалась на последовательную реализацию задач национально-демократической революции и ее перерастание в социалистическую, на мирный переход к социализму.

В соответствии с выводами нашей марксистской историографии можно констатировать, что ленинский анализ классовой, политической и социальной борьбы народных масс в эпоху империализма, основанный на заключении об интенсивном сближении и диалектической взаимосвязи революционной борьбы народа за демократические требования с борьбой рабочего класса за социалистическую революцию, за осуществление социалистических идеалов полностью подтвердился и нашел свое выражение и в чехословацких условиях.

Коммунистическая партия как ведущая политическая сила указанного развития применила на практике ленинское учение о тесном переплетении борьбы за демократию с борьбой за социализм в эпоху империализма, о закономерности перерастания демократических революционных процессов в социалистическую революцию. КПЧ в 1944—1948 гг. творчески воплотила в жизнь опыт КПСС, особенно периода от Февральской до Октябрьской революции 1917 г.

Анализируя теоретические источники концепции социалистической революции в Чехословакии, необходимо обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. Коммунистическая партия и ее руководство осознавали, что ограниченные в своих масштабах структурные изменения в политической, экономической, социальной и культурной областях на базе Кошицкой правительственной программы, а затем Созидательной правительственной программы были только мерами, обеспечивающими приближение к социализму, началом перехода от капитализма к социализму, а вовсе не полнокровной социалистической революцией. Это привело партию к выводу: для обеспечения перерастания национально-демократической революции в социалистическую необходимо сделать дальнейшие важные шаги.

В то же время известно, что некоммунистические партии рассматривали произошедшие на базе Кошицкой правительственной программы перемены как окончательные, как какую-то чехословацкую модель социализма. Позднее, во время кризиса 60-х годов, оказалось, что эти взгляды переняли ревизионисты. Основываясь на ложной, субъективистской интерпретации так называемого специфического пути к революции, они идеализировали дофевральский период и характеризовали образовавшуюся после 1945 г. политическую систему как в целом завершенную модель какого-то чехословацкого социализма, основной ее отличительной чертой был поли-

тический плюрализм и наличие нескольких экономических секторов в народном хозяйстве. Это полностью соответствовало взглядам противников революции, готовящих ликвидацию ее послевоенных завоеваний. Подобное толкование логически вело к отрицанию значения февральской победы рабочего класса, которая изображалась как насильственное изменение пути к так называемому демократическому социализму.

Однако суть чехословацкого опыта состояла как раз в познании того обстоятельства, что результаты первого этапа революции, ее демократической фазы, создали только предпосылки для перехода к социализму. Образовавшаяся система политической власти, в которой наряду с рабочим классом принимала участие и часть буржуазии, не была и не могла быть реальным социализмом. Наоборот, можно сказать, что данная система стала платформой дальнейшей классовой борьбы и формирования контрреволюционного блока. Существует бесконечное количество конкретных доказательств того, как буржуазия использовала напряженные отношения в Национальном фронте, как частнокапиталистический сектор подрывал плановое хозяйство, тормозил выполнение двухлетнего плана и послевоенное возрождение жизни, как он спекуляцией и черным рынком ставил под угрозу снабжение населения, как буржуазия пыталась использовать в своих интересах исключительно сильную засуху и неурожай, как в ходе всего периода между освобождением и Февралем 1948 г. она использовала свои сохранившиеся позиции в правительстве, парламенте, национальных комитетах, государственном аппарате, в армии, органах безопасности и юстиции, а также и в национализированном секторе народного хозяйства для ограничения революционных перемен и подрыва народно-демократического строя, при этом без зазрения совести заявляя о своей поддержке выраженных в его программных документах принципов.

Используя платформу той части буржуазии, которая участвовала в управлении страной, все в большей степени начали активизироваться и проникать в политическую и экономическую жизнь и те буржуазные элементы, которые были исключены после освобождения из общественной жизни за измену национальным интересам. Если в период владычества гитлеровских оккупантов и в начале национально-демократической революции чехословацкая буржуазия была четко разделена на две части — фашистскую и антифашистскую, то в последующем она вновь объединилась для совместного сопротивления, подрывной деятельности, для того, чтобы попытаться повторить события 1918—1920 гг., когда ей удалось овладеть плодами народного национально-освободительного движения. Вдохновляемая этим примером чехословацкая буржуазия стремилась вновь обеспечить себе поддержку правых реформистских сил, превратить их в инструмент раскола единства рабочего класса.

Один из самых важных уроков, полученных революционными силами в Чехословакии во время борьбы за власть, за социалистическое развитие состоит именно в подтверждении неизбежности, закономерности реакционного сопротивления буржуазии, что было

следствием все большего расхождения этого класса с интересами народа, наций и государства. В первые послевоенные годы в Чехословакии подтвердилась правильность ленинских слов о том, что каждая настоящая революция сопровождается длительным, упорным и отчаянным сопротивлением эксплуататоров, стремящихся осуществить контрреволюцию, реставрировать прежние отношения.

Чехословацкий революционный опыт показывает недопустимость пассивного созерцания подобных попыток реакционных сил. Поэтому прогрессивные силы, возглавляемые коммунистами, перешли в контрнаступление с целью постепенной политической изоляции буржуазной реакции, которая раньше участвовала в управлении государством, а на новом этапе превратилась в явное препятствие дальнейшему развитию революции. Коммунисты предпринимали меры для привлечения большинства народа к поддержке своей политики, для укрепления единства рабочего класса и расширения его союза в первую очередь с крестьянством и мелкобуржуазными городскими слоями. Их усилия, поддерживаемые левыми социал-демократами и другими прогрессивными силами, были направлены на ослабление экономических, политических и идейных позиций буржуазии. Коммунисты систематически разоблачали замыслы реакции, ее подрывную деятельность против народно-демократического строя. Важным политическим успехом партии было то, что она сумела расстроить планы реакции в Словакии. Это привело к ослаблению антисоциалистических сил во всей республике. Осенью 1947 г. ЦК КПЧ указал на явную опасность наступления контрреволюции, предостерег буржуазную реакцию и одновременно мобилизовал Коммунистическую партию и широчайшие массы трудового народа на отпор контрреволюции.

Во второй половине 1947 г., когда обострение международной обстановки содействовало усилению внутриполитической напряженности, становилось все более ясно, что классовая и политическая борьба в Чехословакии приближается к последней схватке. Дальнейшее развитие общества зависело от решения вопроса «кто кого»: или победит рабочий класс, возглавляемый Коммунистической партией и тем самым будет обеспечено укрепление народно-демократического государства и его дальнейшее развитие по пути к социализму, или же победит буржуазия, возглавляемая своими политическими деятелями, поддерживаемая правыми социал-демократами, после чего последует переворот в политических отношениях и реставрация буржуазно-демократического строя.

Подобное развитие достигло своего апогея 20 февраля 1948 г., когда 12 министров от Национально-социалистической, Народной и словацкой Демократической партий подали в отставку, что вызвало глубокий правительственный кризис, переросший в серьезный политический кризис во всей стране. В результате в последующие дни буржуазия была лишена возможности участвовать в управлении Чехословакией, а народная демократия стала выполнять функции диктатуры пролетариата.

Исследование теоретических источников концепции революции

и ее реализации в чехословацких условиях требует надлежащего внимания к самой актуальной проблематике — урокам борьбы с буржуазией на завершающем этапе борьбы за власть. Несомненно, подобная борьба за власть, подробно описанная и исследованная марксистской историографией, в условиях ЧСР прежде всего была связана с созидательной деятельностью партии. Буржуазная реакция должна была и была на деле лишена своих позиций потому, что она все в большей степени препятствовала прогрессивному общественному развитию, начатому национально-демократической революцией. На этом основывались стратегические и тактические действия Коммунистической партии, которая ориентировалась на мирное, бескровное развитие революции.

Можно добавить, что именно окончательное решение вопроса о власти и переходе к социализму, достигнутое в Чехословакии мирным путем (более того, с полным соблюдением действующей конституции и парламентских традиций), является наиболее существенным и, безусловно, знаменательным аспектом опыта февральских событий 1948 г.

Однако возможность осуществления социалистической революции мирным путем не была каким-то новым открытием в истории международного коммунистического и рабочего движения. В документах КПСС, других братских партий и международного революционного движения выражено обобщение опыта прежних социалистических революций и на этой основе разработаны ленинские идеи о многообразии форм революционного перехода разных стран к социализму. Тем не менее, не вызывает сомнения, что более глубокое раскрытие практической реализации мирного пути перехода к социализму в Чехословакии может содействовать обогащению опыта международного революционного движения.

Прежде всего необходимо отметить, что Коммунистическая партия Чехословакии рассматривала мирный путь к социализму как способ последовательного осуществления национально-демократической революции и ее перерастания в социалистическую. После тяжелых военных лет, страданий народа и обнищания всей страны Коммунистическая партия стремилась избежать гражданской войны, ненужных сражений, беспорядков и другого ущерба и использовать притом благоприятные условия для перехода к социализму. Это удалось, хотя процесс реализации мирного перехода к социализму и в чехословацких условиях отнюдь не был гладким и прямым.

Мирный путь к социализму в понимании и воплощении в жизнь КПЧ был формой революционного перехода к социализму и поэтому — путем ожесточенной классовой и политической борьбы. Реализовать его можно было только при условии активной поддержки широких народных масс. А завоевать народ на свою сторону нужно было в ходе трудной борьбы с буржуазией, которая все еще занимала в политической и экономической областях важные позиции и имела большой опыт политической борьбы, обмана народа, использования довоенной коалиционной политики и парламентской системы.

Результаты выборов 1946 г. стали доказательством правильной политики коммунистов. Они не отказались от ориентации на мирное развитие революции и в 1947 г., после осложнения внутриполитической ситуации. Уже говорилось, что учитывая обострение обстановки в Национальном фронте, где формировался антикоммунистический блок, коммунисты стремились завоевать большинство народа, намереваясь решить вопрос о власти на следующих парламентских выборах, запланированных на 1948 г.

Однако политика, известная как борьба «за завоевание большинства народа» имела гораздо более глубокий смысл. Эта политика мобилизовывала коммунистов — и руководство партии и ее членов — на постоянную активность и инициативу в государственных органах и в народных массах, в общественных организациях, в профсоюзах, в заводских советах, крестьянских и снабженческих комиссиях. Такая политика укрепляла единство и активность рабочего класса; вела к более тесной увязке действий пролетариата и его союзников, дифференцированному выдвижению требований, соответствующих потребностям и степени сознательности крестьян, ремесленников, мелких предпринимателей и остальных трудящихся; приводила в движение широкие народные массы и черпала в них гигантские силы.

Опыт Чехословакии показал, что именно успех борьбы за завоевание большинства народа был решающим условием осуществления мирного перехода к социализму. Эта борьба создавала условия не только для обеспечения большинства на приближающихся выборах, но и для возможного иного решения вопроса, в том числе посредством вооруженной борьбы. Более того, она была необходимой предпосылкой дальнейшего продвижения к социализму, ведь социалистическое строительство невозможно без поддержки и сознательной активности самых широких слоев народа.

Обострение классовой борьбы и политической напряженности, особенно с середины 1947 г., все более ясно показывало, что осуществление мирного перехода к социализму зависит не только от воли пролетариата и его союзников, но и от силы сопротивления и способов борьбы противника. Несмотря на то, что в этот период политические представители чехословацкой буржуазии самым шумным образом выдавали себя за наиболее верных сторонников и защитников демократии, они уже не надеялись на победу на выборах и интенсивно искали способ координированного выступления против развивающейся революции. Представители буржуазии приступили к реализации плана, целью которого было парализовать деятельность законного правительства и парламента, вызвать правительственный кризис, устранить коммунистов из правительства и осуществить контрреволюционный переворот до выборов. Не является тайной, что реакция была готова и к возможному вооруженному выступлению, для чего создавалось вооруженное подполье.

Однако начало правительственного кризиса не застигло коммунистов врасплох. Партия, возглавляемая выдающимся революционным деятелем Клементом Готвальдом, с именем которого навсегда связан Победоносный февраль, показала большое искусство полити-

ческого руководства народными массами. В решающий момент она мобилизовала рабочий класс и его союзников, подавляющее большинство народа на борьбу с реакцией. КПЧ сумела правильно определить соответствующие обстановке формы и методы борьбы и проявила способность быстро менять их. Она не могла и не имела права исключить возможность непосредственного или позднейшего вооруженного выступления реакции. Поэтому Коммунистическая партия привела в готовность силы Корпуса национальной безопасности, приняла необходимые меры против возможных попыток реакции злоупотреблять армией, создала условия для вооружения рабочего класса и формирования Народной милиции.

Вопрос о власти был решен не вооруженной борьбой и не выборами. Он разрешился в результате принятия отставки реакционных министров и утверждения состава правительства, предложенного коммунистами, другими истинными сторонниками политики Национального фронта. Такое отличие решения вопроса о власти от первоначальных представлений имеет только одно объяснение — оно было вызвано тем, что реакция сама ускорила и спровоцировала это решающее столкновение в борьбе за власть.

Ход февральских событий доказал полную правоту слов Ленина, который требовал овладеть всеми формами и сторонами общественной деятельности без исключения и значимость его наставления рабочему классу и коммунистической партии быть готовым к самым быстрым и неожиданным заменам одной формы другой [4].

Таким образом, исторический опыт Февраля свидетельствует о необоснованности аргументов тех, кто отрицает возможность мирного пути к социализму, а также о недопустимости понимания мирного пути вне конкретных исторических взаимосвязей внутренней и международной классовой борьбы и абсолютизации мирных средств. Чехословацкий опыт доказывает, что переход к социализму мирным путем зависит от правильной оценки революционным авангардом рабочего класса конкретного хода классовой борьбы и соотношения сил; от того, сумеет ли он завоевать на свою сторону широкие народные массы и своими стратегическими и тактическими действиями создать предпосылки для применения различных форм революционного воздействия — парламентских и внепарламентских, насильственных и мирных, легальных и нелегальных, не теряя при этом из виду, что речь идет только о разных вариантах революционного развития, ключевым вопросом которого является захват власти рабочим классом и его союзниками.

Истории известны примеры применения различных форм перехода к социализму, известны и разные результаты избранного пути.

В докладе Л. Корвалана на первом Пленуме ЦК КП Чили после фашистского переворота много внимания уделялось анализу чилийской революции и всем событиям в Чили в последние годы: «на практике была доказана возможность завоевания рабочим классом и народом власти (точнее говоря, частичного завоевания власти) ненасильственным путем и воплощения в жизнь перемен революционного характера» [5]. В постановлении данного Пленума подчеркива-

ется: несмотря на то, что чилийская революция была утоплена в крови, чилийские коммунисты убеждены — ее поражение не отрицает возможности осуществления революции в ряде стран мирным путем [6].

Разумеется, механическое сравнение чилийской революции с революционным развитием в Чехословакии в послевоенные годы недопустимо. Однако представляется очевидным, что после чилийской трагедии в центре внимания революционных сил все в большей степени оказываются некоторые уроки и аспекты действий именно Коммунистической партии Чехословакии в 1948 г. Поэтому необходимо по крайней мере кратко охарактеризовать некоторые факторы, обеспечившие мирное развитие революции в Чехословакии.

Прежде всего нужно указать на политику широкого Национального фронта, вытекающую из программы революции, которая признавалась всеми политическими партиями и едиными массовыми организациями чехословацкого народа. Коммунистическая партия считала своим союзником каждого, что признавал программу Национального фронта и принимал участие в ее воплощении в жизнь.

Следующим фактором было сочетание участия в государственных органах власти, где Коммунистической партии принадлежала ведущая инициативная роль, с работой в широких народных массах и их организациях, особенно в Революционном профсоюзном движении. Тем самым партия оказывала большое влияние «сверху» и «снизу» на принятие и реализацию выдвигаемых требований и революционных целей.

Большое значение имел созидательный труд по возрождению и строительству республики, метод систематического обеспечения и закрепления революционных завоеваний в качестве основы всех действий партии по развитию революции. Именно в ходе реализации такой позитивной созидательной программы, отвечающей неотложным жизненно важным потребностям народа и страны, происходило изменение соотношения классово-политических сил и все большая изоляция представителей реакции.

Кроме того, КПЧ неустанно разоблачала буржуазию как врага национально-демократических требований. Партия понимала, что какую бы форму ни приняла революция, буржуазия не откажется от политических и экономических привилегий добровольно, без классового принуждения со стороны пролетариата. Поэтому рабочий класс, возглавляемый коммунистами, вел ожесточенную борьбу с буржуазией, законными методами вынуждал ее идти на уступки и заставлял отступать.

Необходимо также обратить внимание на последовательную ориентацию внешней политики ЧСР на Советский Союз, использование союза с ним для углубления революции, в первую очередь за счет морального воздействия подобной политики. Очевидно, что и в Чехословакии данный внешний фактор влиял на политическое и социальное содержание революции и на ее дальнейшее развитие; укреплял борьбу чехословацких революционных сил, позиции рабочего класса, помогая революционному созреванию трудящихся масс; объективно

содействовал ослаблению сил буржуазии и препятствовал возможной иностранной интервенции для ее поддержки.

Рассмотрим данный аспект более подробно, задав при этом вопрос, не играет ли такая объективная оценка освободительной миссии Советской Армии и значения союза с СССР на руку тем, кто много лет говорит об «экспорте революции» и во всех революционных движениях ищет «руку Москвы»?

Ответ однозначен — ни в коем случае. Ведь каждая социальная революция возникает из объективных противоречий общества и ее основная причина — именно противоречия в данном обществе. И в Чехословакии никакие внешние, международные явления не породили противоположности классовых сил и точно также не были основной причиной напряженности и борьбы за власть в дофевральский период. Эти факторы возникли исторически и уже существовали ко времени, исследуемому в этой книге. Изменения международной обстановки, вызванные так называемыми доктриной Трумэна, планом Маршалла и усиливающейся холодной войной, всего лишь модифицировали эти внутренние источники общественного развития и еще больше обострили их.

Таким образом, это обстоятельство одновременно подтверждает: большее или меньшее влияние на революцию могут оказывать внешние факторы. И именно в этой связи можно констатировать, что существование и мощь СССР и союзные отношения Чехословакии с первым социалистическим государством в мире были решающим фактором образования благоприятных внешних условий мирного развития революционного процесса в ЧСР. Ведь с трудом можно представить, что любая нация, а тем более малая нация в Центральной Европе смогла бы в конфронтации с империализмом успешно осуществить социалистическую революцию без интернациональной солидарности международного рабочего класса, и особенно без поддержки Советского Союза.

Значение этого фактора для развития мирового революционного процесса подтвердилось в ходе всего послевоенного развития. В первую очередь доказательством тому является победа революции на Кубе в непосредственном соседстве с самой большой империалистической державой — США и победа революционных социалистических сил во Вьетнаме. Многочисленные народы азиатских, африканских и латиноамериканских стран смогли опереться на подобную интернациональную помощь в своей национально-освободительной борьбе. Они имеют возможность опереться на нее и сегодня в борьбе с наследием колониализма, в поиске путей своего дальнейшего развития, в решении проблем укрепления национальной государственности.

Исторический опыт чехословацкой революции также полностью доказывает, что использование благоприятных внешних условий в интересах развития революционного процесса зависит прежде всего от зрелости и способностей революционных сил внутри страны. Победоносный февраль дает основания в полном соответствии с исторической правдой сделать вывод, что Коммунистическая партия Чехословакии как революционный авангард рабочего класса и трудо-

вого народа доказала свою способность анализировать и использовать благоприятные внешние условия социалистической революции, а также определить оптимальный путь перехода к социализму и его строительства.

Весь процесс строительства социализма в Чехословакии после февраля 1948 г. органически и закономерно связан с неизбежностью преобразования народно-демократической власти в диктатуру пролетариата. История подтвердила, что это — необходимая предпосылка создания социалистического общества в Чехословакии.

Окончательное решение вопроса о политической власти и утверждение диктатуры пролетариата - которая в чехословацких условиях представляла власть рабочего класса в союзе с широкими слоями остальных трудящихся — имело большое общественное значение. Тем самым были созданы условия для развития социалистической революции в новой, чрезвычайно важной области, т. е. появилась возможность привлечь к строительству социализма мелких производителей и перейти к преобразованиям и в других сферах общественной жизни.

Переход к осуществлению сложных социалистических изменений в Чехословакии реализовывался в условиях классового разделения мира, во время усиливающейся холодной войны и постоянного возрастания противоречий между империализмом и социализмом. Несомненно, это наложило отпечаток на начало строительства социализма в ЧСР. Однако определяющим в подобной ситуации было то обстоятельство, что союз с СССР и прочное место Чехословацкого государства в мировой социалистической системе позволили и в те сложные времена успешно приступить к строительству социализма. Бесспорно, понимание данного факта позволило коммунистам и народным массам с самого начала подойти к социалистическому строительству в Чехословакии как важной интернациональной задаче коммунистической партии и государства.

Начало социалистического строительства проходило в Чехословакии в условиях острой классовой борьбы. Реакция, потерпевшая поражение и потерявшая легальные позиции в феврале 1948 г., перешла к нелегальным формам сопротивления. Были разоблачены различные реакционные нелегальные группы, готовящие антигосударственный путч. Открыто выступил против государства и высший католический клир.

В этих трудных, необычайно сложных условиях диктатура пролетариата выполняла обе свои диалектически связанные функции. Во-первых, функцию подавления реакции, которая не смирилась с завоеванием власти пролетариатом в феврале 1948 г. и надеялась реставрировать дофевральские отношения (или даже довоенные) при поддержке своих иностранных покровителей. Во-вторых, созидательную и организационно-воспитательную функцию в отношении общественных классов, слоев и групп, объективно заинтересованных в социалистическом развитии.

Реальный ход социалистической революции в Чехословакии убедительно продемонстрировал, что диктатура пролетариата была

необходимой предпосылкой начала и успешной победы социалистической революции, а также защиты ее завоеваний на всех этапах революции. Это подтверждается не только позитивным, но и негативным опытом периода нарастания глубокого внутрипартийного и общественного кризиса в 60-е годы, который КПЧ обобщила в известном документе «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ».

Совершенно ясно, что самой важной целью социалистической революции была и есть созидательная задача, революционная социалистическая перестройка и создание, построение социалистического, а затем коммунистического общества. В то же самое время это самая сложная задача. Совсем недавно в истории человечества не было аналогов подобного процесса, однако около 70 лет его успешно воплощает в жизнь советский народ, который первым в мире построил развитое социалистическое общество и перешел к строительству коммунизма.

При этом известно, что непосредственно после Великой Октябрьской социалистической революции в 1919 г. В. И. Ленин постоянно указывал: «...по сравнению с передовыми странами русским было легче *начать* великую пролетарскую революцию, но им труднее будет *продолжать* ее и довести до окончательной победы, в смысле полной организации социалистического общества» [7]. Спустя год В. И. Ленин повторил данную мысль в своем произведении «Детская болезнь „левизны" в коммунизме» [8].

В этой связи В. И. Ленин в первую очередь подчеркивал прежде всего своеобразные условия России и революционной ситуации в 1917 г. Тем не менее и опыт социалистической революции в Чехословакии свидетельствует, невзирая на разные условия, о гигантской сложности и трудности созидательной задачи, которая в нашей стране была и есть в первую очередь процессом реализации заветов Победоносного февраля.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что весь более чем тридцатилетний период от февраля 1948 г. до современности представляет собой единое целое, основным содержанием которого является процесс социалистической революции. Хотя этот революционный процесс подразделяется на конкретные этапы, одновременно он неразрывно связан с реализацией основных программных целей строительства и развития социализма и связанной с ними стратегической концепции Коммунистической партии Чехословакии.

Можно проследить и определенную преемственность всего этого периода с дофевральским этапом общественного развития, в первую очередь в отношении развития созидательного характера политики партии. Тем не менее весь период после февраля 1948 г. представляет совершенно новую главу в истории Чехословакии. Это период строительства нового общества, свободного от социального и национального угнетения, это период воплощения в жизнь идей научного социализма.

В своих действиях, направленных на достижение программных целей, Коммунистическая партия Чехословакии исходила из принци-

циального изменения внутренних условий, вызванного Февралем 1948 г., что сделало возможным существенное ускорение темпов социалистической революции. КПЧ разработала новую долговременную политику — генеральную линию социалистического строительства, которая после утверждения IX съездом партии стала отправным пунктом и основой глубоких революционных перемен.

Несомненно, строительство социализма сопровождалось дальнейшим уточнением линии партии, где ее сутью было воплощение в жизнь общих принципов ленинизма в конкретных внутренних и международных условиях каждого этапа. Подобная корректировка была вызвана дальнейшими или совершенно новыми факторами, изменениями внутренних условий или же международного положения, влиявшими на социалистическое строительство в Чехословакии, классовыми и идейно-политическими переменами в обществе и их последствиями, приобретенным опытом.

С полным основанием можно утверждать, что Коммунистическая партия Чехословакии в полной мере справилась со специфической проблематикой перехода к каждому этапу этой длительной борьбы. Она сумела, как этого требовал В. И. Ленин, «учесть своеобразные задачи каждого такого перехода» [9]. Партия справилась с задачами социалистического строительства на разных объективно обусловленных этапах, через которые невозможно было перескочить. На каждом этапе партия приближалась к достижению своих конечных целей благодаря тому, что она воплощала различные актуальные аспекты данных целевых установок, осуществления которых требовало реальное развитие.

Общая картина исследований достижений социалистической революции позволяет нам сделать вывод, что приблизительно за десятилетие, прошедшее после Победоносного февраля, были построены основы социализма, что он в основном победил в Чехословакии. Далее, чехословацкий опыт подтвердил, что после достижения этой ступени социалистического развития непосредственный переход к коммунизму невозможен. И в ЧССР наступил исторически необходимый и относительно длительный этап строительства развитого социалистического общества. На этом этапе речь идет о комплексном развитии социалистического общества, совершенствовании всех его сторон, о таком развитии, при котором все более всесторонне и выразительно проявляются преимущества социализма, в полной мере утверждаются объективные закономерности и принципы социализма.

На основании всех проведенных исследований можно утверждать, что хотя объективно Чехословакия вступила в этап строительства развитого социализма уже в 60-е годы, но фактически отвечающие этому этапу задачи она стала решать только после преодоления политического кризиса, т. е. с начала 70-х годов. Выражением этой реальности является долгосрочная линия XIV съезда КПЧ. Мы с полным правом можем охарактеризовать ее как генеральную линию строительства развитого социалистического общества, которую конкретизировал применительно к условиям второй половины семидесятых лет XV съезд КПЧ.

Мы также хотим обратить внимание еще на один аспект: КПЧ, освоившая марксизм-ленинизм не только как мировоззренческую систему, но и как метод мышления и анализа, и после февраля 1948 г. продолжала реализовывать свой творческий курс и определила оптимальные формы подхода к осуществлению социалистических перемен. Генеральная линия социалистического строительства в Чехословакии основывалась на общих закономерностях революционного перехода от капитализма к социализму и практическом опыте Советского Союза. При этом в ней учитывались конкретные исторические условия и традиции нашей страны и накопленный опыт народных масс. Поэтому генеральная линия партии определила такие задачи и формы перехода к социализму, которые учитывали эти факторы. Поэтому она сохраняла и некоторые традиционные формы общественной жизни, такие как пост президента, парламент, Национальный фронт и т. д., стремясь наполнить их социалистическим содержанием.

В этой связи нельзя не вспомнить, например, о том, как во время определения задач социалистической революции в сельском хозяйстве руководство коммунистической партии учитывало его интенсивный характер, давние традиции сельскохозяйственного кооперирования, социальную структуру сельского населения и т. д. Глубокий и ответственный анализ развития и состояния этой сложной и тонкой области более тридцати лет назад привел КПЧ к сегодня уже историческому решению о том, что конкретной формой постепенного перехода раздробленного частного сельскохозяйственного мелкого производства к коллективному социалистическому крупному производству в чехословацких условиях будут единые сельскохозяйственные кооперативы. Такая форма полностью выдержала испытания временем, лучшим свидетельством чему является состояние сельского хозяйства на сегодняшний день.

Можно утверждать, что творческое воплощение в жизнь марксизма-ленинизма в чехословацких условиях — основополагающая черта политики КПЧ, ясно преобладающая в послефевральский период. Именно благодаря этому удалось в относительно короткий срок решить в Чехословакии задачи переходного периода от капитализма к социализму и успешно осуществлять ленинский план социалистического строительства.

Одновременно подтвердилось, что творческое освоение, воплощение и развитие марксизма-ленинизма, неизменного и неизбежного условия реализации ведущей роли КПЧ, предусматривает непримиримую борьбу с буржуазной и ревизионистской идеологией, преодоление проявлений догматизма и необходимость постоянного обобщения опыта созидательного труда миллионов трудящихся.

Большое значение имеет доставшийся дорогой ценой опыт КПЧ, вытекающий из уроков нарастания, хода и преодоления последствий кризиса в КПЧ и чехословацком обществе в 60-е годы. Кризисный период — исключительное, инородное явление во всем более чем тридцатилетнем периоде социалистического строительства.

Правда, что Коммунистическая партия как ведущая политическая сила в Чехословакии и после Победоносного февраля неодно-

кратно подвергалась испытаниям. Большие успехи в социалистическом строительстве достигались в ходе преодоления многих препятствий и затруднений. В течение этого сложного революционного процесса, когда рабочий класс только учился управлять, имели место и определенные заблуждения. Происходили и трагические ошибки, вызванные нарушениями социалистической законности, ленинских норм партийной жизни и управления государством. Коммунистическая партия преодолела все существующие трудности, постепенно исправила допущенные ошибки и обеспечила успешное выполнение задач социалистического строительства по всем основным направлениям.

Однако в 60-е годы в жизни партии и общества постепенно сложился целый комплекс серьезных проблем, приведших к нарастанию тяжелого кризиса в Компартии Чехословакии и обществе. В возникновении этой ситуации немалую роль сыграли серьезные субъективные ошибки тогдашнего партийного и государственного руководства. Большая доля субъективизма в принятии решений, стремление переоценивать достигнутые успехи и опережать реальное развитие, отсутствие долгосрочной концепции, накопление нерешенных проблем и другие явления, характеризующиеся отходом от ленинизма, уклонение от ленинских принципов и норм в жизни партии и общества — все это играло на руку праворевизионистским силам в партии и антисоциалистическим силам в обществе. А уход руководства партии от решения жгучих общественных проблем и отказ от эффективной идеологической борьбы с вредными взглядами привели к тому, что под предлогом борьбы с догматизмом начали возникать и распространяться различные буржуазно-либеральные и ревизионистские концепции, которые давали на нерешенные проблемы немарксистский, антисоциалистический ответ.

Таким образом, во второй половине 60-х годов в Чехословакии сложилась очень серьезная ситуация. На Пленуме ЦК КПЧ в январе 1968 г. была сделана попытка исправления накопившихся ошибок и недостатков путем осуществления изменений в руководстве партии. Также были сделаны выводы о необходимости обеспечить такую активность партии, которая соответствовала бы сложившемуся положению дел. В этом плане решения январского 1968 г. Пленума ЦК КПЧ были «выражением необходимости решить назревший кризис в нашей партии и обществе» [10], а также в устранении из деятельности партии, особенно из ее руководства, всего, что препятствовало дальнейшему продвижению вперед в строительстве социализма.

Известно, что эти надежды не оправдались. После января 1968 г. руководство партии оказалось неспособным решать назревшие и новые проблемы. Правооппортунистические деятели, постепенно приобретшие в нем решающее влияние, подготовили базу для организованного наступления правых и антисоциалистических сил, которое вылилось в контрреволюцию и поставило под угрозу социалистические завоевания. Только благодаря интернациональной помощи Советского Союза и других социалистических стран марксистско-

ленинские силы в партии и обществе смогли сплотиться для отражения контрреволюции, для преодоления внутрипартийного и общественного кризиса, для консолидации и обеспечения дальнейшего развития социалистического общества.

За прошедший период после апрельского Пленума ЦК КПЧ 1969 г., на котором на пост Генерального секретаря КПЧ был избран товарищ Густав Гусак и начат процесс формирования нового руководства партии, Коммунистическая партия, рабочий класс и трудящиеся Чехословакии добились больших успехов в политической, экономической и социальных сферах, в укреплении отношений между нациями и народностями в ЧССР, в культуре, образовании, во всех областях жизни общества. Принципиальная и творческая позиция коммунистической партии и ее руководства позволила КПЧ решить многие задачи, поставленные январским 1968 г. Пленумом ЦК КПЧ. Период после XIV съезда относится к наиболее успешным во всей истории социалистического строительства. Успешное развитие чехословацкого социалистического общества продолжается.

О внутренних источниках этих достижений Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР тов. Густав Гусак сказал на XV съезде КПЧ: «Итоги минувших пяти лет после XIV съезда подтвердили, что партия может выполнять свою историческую роль лишь в том случае, если в своей деятельности она руководствуется принципами марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, поддерживает тесные связи с народом и если руководство партии является прочным, сплоченным, деятельным. Наше продвижение вперед стало возможным благодаря росту внутренней силы, единства и дееспособности партии, благодаря усилению ее руководящей роли в обществе и укреплению ее марксистско-ленинского характера» [11]. Все это — важный опыт, приобретенный КПЧ в ходе воплощения в жизнь заветов Победоносного февраля.

Победа трудового народа в феврале 1948 г. и успехи социализма в Чехословакии являются одним из доказательств международного значения марксизма-ленинизма. Одновременно они подтверждают правильность политики КПЧ, последовательно и творчески осуществляющей строительство развитого социалистического общества. Эти гигантские творческие усилия, являющиеся составной частью исторического наступления социализма в мировом масштабе — логическое продолжение ленинского революционного пути, который полностью оправдал себя и в чехословацких условиях. Это также достойное развитие грандиозного дела, основы которого были заложены Победоносным февралем 1948 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава первая

1. VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975, с. 122.
2. Там же, с. 388.
3. Там же, с. 180—181.
4. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 39.
5. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 79.
6. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 253.
7. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 6.
8. *Димитров Г'еоргий.* Изб. речи, М. 1983, т. 2, с. 89.
9. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 7.
10. Там же, с. 78.
11. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 205.
12. VII конгресс Коммунистического Интернационала. . ., с. 176.
13. Там же, с. 176—177.
14. Там же, с. 193.
15. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 123.

Глава вторая

1. *Lagovskij A.* Strategie a ekonomika. Praha, 1959, s. 130 ad.
2. Поражение германского империализма во второй мировой войне: Статьи и документы. М., 1960, с. 84—85.
3. *Eisenhower D.* Crusade in Europe. N. Y., 1948, s. 297—298.
4. *Thorez M.* Syn lidu. Bratislava, 1951, s. 148 ad.
5. *Eisenhower D.* Crusade in Europe, s. 295.
6. *Battaglia R.* Dějiny italského odboje. Praha, 1957.
7. *Тягуненко В. Л.* Война и колонии: Влияние распада колониальной системы на военно-экономическую базу империализма. М., 1957.

Глава третья

1. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1947, т. III, с. 337.
2. *Campbell J.* The United States in Word Affairs 1945—1947. Washington, 1949, s. 66 ad.
3. Тексты данных мирных договоров см.: Внешняя политика Советского Союза. 1947 г., М., 1952.
4. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. III, с. 101—103.
5. Dokumenty sovětské zahraniční politiki 1945—1961. Praha, 1962, s. 177—178.
6. Ibid., s. 179.
7. Ibid., s. 178.
8. *Dulles J. F.* Alternative for Germani. N. Y., 1947, s. 3.
9. Dokuments on American Foreign Relations, v. IX, Januari—December 31, 1947. Boston—Prinston. 1949, s. 45—46.
10. Советский Союз и вопрос о единстве Германии и мирном договоре с Германией. М., 1952, с. 39—40.
11. A Decade of Amerikan Foreign Polici. Basis Documents 1941—1949. Washington. 1950, s. 577 ad.
12. Каирская декларация, Крымское соглашение, Потсдамская декларация, Решение Московского совещания и другие документы, связанные с капитуляцией Японии. Сборник документов 1941—1945. М., 1947; Внешняя политика Советского Союза. 1945 год, с. 158.
13. Там же.

Глава четвертая

1. The Conference of Berlin. 1945. Washington, 1960, v. III, s. 647—648, 718.
2. *Kennan G. F.* American Diplomacy 1900—1950. Washington, 1952, s. 122—127 ad.
3. *Forster W. Z.* The New Europe. N. Y., 1947, s. 34—35.
4. *Тягуненко В. Л.* Войны и колонии: Влияние распада колониальной системы на военно-экономическую базу империализма. М., 1957, с. 113; и др.

[5] Правда о Вьетнаме. М., 1949, с. 134; и др.
[6] *Gunther J.* The Riddle of MakArthur, Japan, Korea and the Far East. N. Y., 1950, s. 178.
[7] Внешняя политика Советского Союза. 1945 год. М., 1952, с. 160—161.
[8] Documents on American Foreign Relations, v. IX, January—December 31, 1947. Boston—Prinston, 1949, s. 122—123.

Глава пятая

[1] Экономика и политика Англии после второй мировой войны. М., 1958, с. 122—123.
[2] Там же, с. 183.
[3] *White A.* The Cold War. L., 1950, s. 5—8.
[4] Экономика и политика Англии..., с. 28; и др.
[5] *Hudhes E.* Winston Churchill. N. Y., 1957, s. 363—365.
[6] *Верт А.* Франция 1940—1955 гг. М., 1959, с. 275.
[7] *Grindrod M.* The Rebuilding of Italy: Politics and Economics 1945—1957. L.—N. Y., 1955, s. 4—6.
[8] *Palme Dutt R.* Indie dnes. Praha, 1949, с. 508.
[9] *Иванов М. С.* Очерк истории Ирана. М., 1952, с. 336; и др.
[10] *Jones S.* Africa and American Security. N. Y., 1945.

Глава шестая

[1] *Dawis F.* The Atlantic Sistem. N. Y., 1941.
[2] *Knorr.* The War Potentional of Nations. Princeton, 1956, s. 238—240.
[3] *Роуз М.* Экономическая концентрация и вторая мировая война. М., 1948, с. 195; и др.
[4] The International Bank for Reconstruktion and Development. Baltimore, 1954.
[5] Documents on American Foreign Relations, v. III, July 1940—June 1941. Boston, 1941, s. 711—713.
[6] *Варга Е.* Основные вопросы экономики и политики империализма. М., 1957, с. 42.
[7] *Шапиро А. И.* Экономическая экспансия монополистического капитала США в Западной Европе после второй мировой войны. М., 1956.
[8] Экономика капиталистических стран, с. 62—63.

Глава седьмая

[1] Монополистический капитал США после второй мировой войны. М., 1959, с. 138; и др.
[2] *Burnham J.* Containment or Liberation? N. Y., 1953, с. 228.
[3] *Chamberlin W. H.* America: Partner in World Rule. N. Y., 1945, s. 138.
[4] *Luce H. R.* The American Centuri. N. Y.—Toronto, 1941, s. 27.
[5] *Baldwin H. W.* The Price of Power. N. Y., 1945, s. 26.
[6] *Strausz-Hupe R. and Possony S. F.* International Relations. N. Y.—L.—Toronto, 1950, s. 6.
[7] *Hoover R.* Address upon the American Road. 1945—1948. Toronto—N. Y., 1949, s. 4.
[8] *Lippman W.* The Cold War. N. Y., 1946.
[9] *Kennan G. F.* American and the Russian Future Foreign Affairs, July 1947.
[10] *Kennan G. F.* Realities of American Foreign Policy. Princeton, 1954.
[11] *Burnham J.* Containment or Liberation? s. 128—129.
[12] The United States in World Affairs 1947—1948. N. Y.—L., 1948, s. 27—28.
[13] *Клод А.* План Маршалла. М., 1950, с. 51.
[14] *Harris S. E.* The European Recovery Program. Massachusetts, 1948, s. 3 ad.
[15] Внешняя политика Советского Союза. 1948 г. М., 1954, с. 145.
[16] *Ismay Z.* NATO: The First Five Years 1949—1954. P., 1954, s. 8 ad.

Глава восьмая

[1] Внешняя политика Советского Союза. М., 1946, т. 1, с. 164—194.
[2] *Goodwin G.* Britain and the United Nations. L., 1957.
[3] Внешняя политика Советского Союза, с. 415—416.
[4] *Дурденевский Н. В., Крылов С. В.* Организация Объединенных Наций: Сборник документов. М., 1956.
[5] *Ушаков Н. А.* Принцип единогласия великих держав в Организации Объединенных Наций. М., 1956.
[6] Внешняя политика Советского Союза, с. 415.
[7] Там же, с. 635—636.
[8] Объединенные Нации. Комиссия по атомной энергии. Официальный отчет. Третий год. Специальное дополнение. Нью-Йорк, 1948, с. 14—16.
[9] Внешняя политика Советского Союза, с. 629.

Глава девятая

[1] *Beneš E.* Sest let exilu a druhé světové války: Řeči, projevy a dokumenty s r. 1938—1945. Praha, 1946, s. 121, 326.
[2] Ibid., s. 120.

[3] Ibid., s. 359.
[4] Rudé právo, 1946, 5.1.
[5] *Ripka H.* Československo v nové Evropě. L., 1945, s. 35.
[6] Ibid., s. 85.
[7] *Gottwald K.* Spisy, sv. XII. Praha, 1955, s. 189—190.
[8] Ibid., s. 431.
[9] Československo-sovětské vztahy. Praha, 1971, s. 70.
[10] *Gottwald K.* 1946—1948. Praha, 1949, s. 113.
[11] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIV, s. 143.
[12] Dokumenty čs. zahraniční politiky. Praha, 1960, s. 20.
[13] Tvorba, 1947, s. 901—902.
[14] Rudé právo, 1947, 8.11.
[15] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIII, s. 279.
[16] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIV, s. 210.
[17] *Beneš E.* Šest let exilu..., s. 373.
[18] *Byrns J. F.* Spiaking Frankly. N. Y., 1950, s. 143.
[19] *Ripka H.* Le Coup de Prague. P., 1949, s. 41.
[20] *Klimeš M., Zachoval M.* Vývoj Národní fronty do února 1948. — Nová mysl, 1958, N 2, s. 121.
[21] *Ripka H.* Le Coup de Prague, s. 5.
[22] *Veselý J.* Kronika únorových dnů Praha, 1958, s. 27.
[23] *Bouček M., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. Praha, 1969, s. 120.
[24] *Masarik J.* Ani opona, ani most. Praha, 1947, s. 24.
[25] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIV, s. 135.

Глава десятая

[1] *Bouček M., Klimeš M., Vartíková M.* Program revoluce. Praha, 1972, s. 65.
[2] Ibid., s. 61.
[3] *Beneš E.* Šes let exilu a druhé světové války: Řeči, projevy a dokumenty s r. 1938—1945. Praha, 1946, s. 217.
[4] Ibid., s. 236.
[5] *Gottwald K.* Spisy, sv. XI. Praha, 1955, s. 357.
[6] Cesta ke Květnu, Praha, 1960, díl. 1, sv. 1, s. 390.
[7] Přehled dějin KSČ. Praha, 1978, s. 219.
[8] *Gottwald K.* Spisy, xv. XII, s. 100.
[9] Ibid., s. 15—16.

Глава одиннадцатая

[1] *Gottwald K.* Spisy, sv. XI, s. 372.
[2] *Husák G.* Z bojů o dnešek. Praha, 1973, s. 60.
[3] Únor 1948: Sborník dokumentů. Praha, 1958, s. 24—25.
[4] *Gottwald K.* Spisy, sv. XII, s. 230—231.
[5] Ibid., s. 321.
[6] Ibid., s. 145.
[7] Ibidem.

Глава двенадцатая

[1] *Bouček M., Klimeš M., Vartíková M.* Program revoluce. Praha, 1972, s. 98.
[2] Ibid., s. 235.
[3] *Gottwald K.* Spisy, sv. XII, s. 21.
[4] *Plevza V., Řehuřek M.* Vítězný únor. Praha, 1978, s. 29.
[5] *Gottwald K.* Spisy, sv. XII, s. 154.
[6] Sborník statí a projevů o úloze bývalé národně socialistické strany. Praha, 1959, s. 75.
[7] Únor 1948, s. 16.
[8] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIII, s. 286.
[9] *Bouček M., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. Praha, 1969, s. 102.
[10] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIV, s. 230.

Глава тринадцатая

[1] *Gottwald K.* Spisy, sv. XII, s. 38.
[2] *Gottwald K.* Spisy, sv. XI, s. 327.
[3] *Plevza V., Řehuřek M.* Vítězný únor. Praha, 1978, s. 24.
[4] *Gottwald K.* Spisy, sv. XII, s. 39.
[5] Ibid., s. 149.
[6] Ibid., s. 138.
[7] *Bouček M., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. Praha, 1969, s. 102.
[8] *Ripka H.* Československo v nové Evropě. L., 1945, s. 86.
[9] *Bouček M., Klimeš M., Vartíková M.* Program revoluce, s. 103.

Глава четырнадцатая

[1] *Beneš E.* Šest let exilu a druhé světové války: Řeči, projevy a dokumenty s r. 1938—1945. Praha, 1946, s. 392.
[2] *Bouček M., Klimeš M., Vartíkova M.* Program revoluce. Praha, 1972, s. 149—150.
[3] Ibid., s. 241.
[4] *Beneš E.* Šest let exilu..., s. 134.
[5] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIV, s. 43.
[6] *Plevza V., Řehuřek M.* Vítězný únor. Praha, 1978, s. 67.
[7] Ibid., s. 80.

Глава пятнадцатая

[1] Únor 1948, s. 82.
[2] Ibid., s. 30—31.
[3] Ibid., s. 33.
[4] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIV, s. 63.
[5] *Gottwald K.* Spisy, sv. XI, s. 374.
[6] Únor 1948, s. 56.
[7] Sborník statí a projevů o úloze bývalé národně socialistické strany. Praha, 1959, s. 72.
[8] Únor 1948, s. 61.

[9] *Bouček M., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. Praha, 1969, s. 55.
[10] Únor 1948, s. 65.
[11] Ibid., s. 29.

Глава шестнадцатая

[1] *Bouček M., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. Praha, 1969, s. 68.
[2] *Snítil Z.* 25 vyroci Unora, s. 7.
[3] Sborník statí a projevů o úloze bývalé národně socialistické strany. Praha, 1959, s. 86.
[4] Ibidem.
[5] Ibid., s. 88.
[6] Program ČSL. Praha, 1946, s. 5.
[7] Programové zásady Demokratickej strany, s. 12.
[8] *Bouček M., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch, s. 12.
[9] *Beneš E.* Úvahy o slovanství, s. 10—11.
[10] *Gottwald K.* Spisy, sv. XII, s. 54.

Глава семнадцатая

[1] *Gottwald K.* Spisy, sv. XII, s. 253.
[2] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIII, s. 66.
[3] Ibid., s. 62.
[4] *Gottwald K.* Spisy, sv. XII, s. 341.
[5] *Bouček M., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. Praha, 1969, s. 76.
[6] Ibid., s. 95.
[7] Ibid., s. 209.
[8] *Gottwald K.* Kupředu, zpátky ni krok. Praha, 1952, s. 195.
[9] Nová mysl. 1947, N 1, s. 29—30.
[10] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIII, s. 230—231.
[11] Ibid., s. 230.
[12] Ibid., s. 216.
[13] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIV, s. 66.

Глава восемнадцатая

[1] Únor 1948, s. 72.
[2] *Gottwald K.* Spisy, sv. XII, s. 63.
[3] Ibid., s. 142.
[4] Ibid., s. 152.
[5] *Beneš E.* Šest let exilu a druhé světové války: Reči, projevy a dokumenty s r. 1938—1945. Praha, 1946, s. 394.
[6] *Gottwald K.* Spisy, sv. XII, s. 18—19.
[7] Ibid., s. 50.
[8] Ibid., s. 159.
[9] Sborník statí a projevů o úloze bývalé národně socialistické strany. Praha, 1959, s. 67—68.
[10] Ibid., s. 69.
[11] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIII, s. 106.
[12] Ibid., s. 107.
[13] Únor 1948, s. 73.
[14] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIII, s. 204.
[15] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIV, s. 67.
[16] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIII, s. 51.
[17] Ibid., s. 292.
[18] Sborník statí a projevů o úloze bývalé národně socialistické strany, s. 72.
[19] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIII, s. 248.
[20] Ibid., s. 302.
[21] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIV, s. 16.

Глава девятнадцатая

[1] *Gottwald K.* Spisy, sv. XII, s. 353.
[2] Ibid., s. 89.
[3] *Beneš E.* Šest let exilu a druhé světové války: Reči, projevy a dokumenty s r. 1938—1945. Praha, 1946, s. 329.
[4] *Gottwald K.* Spisy, sv. XII, s. 65.
[5] *Peroutka F.* Tak nebo tak. Praha, 1947, s. 7.
[6] *Gottwald K.* Spisy, sv. XII, s. 190.
[7] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIV, s. 304—305.
[8] Ibid., s. 204.
[9] Ibidem.
[10] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIII, s. 300.
[11] *Plevza V., Řehuřek M.* Vítězný únor. Praha, 1978, s. 105.
[12] Ibid., s. 107.
[13] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIV, s. 65.
[14] Spiknutí proti republice, s. 8.
[15] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIV, s. 172.
[16] *Bouček M., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. Praha, 1969, s. 175.
[17] Ibid., s. 61.
[18] Sborník statí a projevů o úloze bývalé národně socialistické strany. Praha, 1959, s. 72.
[19] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIII, s. 248.
[20] Ibid., s. 302.
[21] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIV, s. 16.

Глава двадцатая

[1] *Gottwald K.* Kupředu, zpátky ni krok. Praha, 1952, s. 124.
[2] Ibid., s. 10.
[3] *Bouček M., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. Praha, 1969, s. 203.
[4] *Veselý J.* Kronika unorovych dnu 1948. Praha, 1958, s. 203.
[5] Únor 1948, s. 34.
[6] Rozhodujici střetnuti: Dokumenty o činnosti KSČ od slovenské politické krize do února 1948. Praha, 1973, s. 156.
[7] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIV, s. 251.
[8] *Gottwald K.* Kupředu, zpátky ni krok, s. 148.
[9] Rudé právo, 1948, 24.2.
[10] Únor 1948, s. 124.
[11] *Gottwald K.* Kupředu, zpátky ni krok, s. 126—127.
[12] Únor 1948, s. 94.
[13] Ibid., s. 106.

[14] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIV, s. 264.
[15] *Gottwald K.* Kupředu, zpátky ni krok, s. 46.
[16] Únor 1948, s. 42.
[17] Ibid., s. 44.
[18] Ibid., s. 111.
[19] *Veselý J.* Kronika únorových dnů 1948, s. 152.
[20] *Gottwald K.* Kupředu, zpátky ni krok, s. 209.

Глава двадцать первая

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 4.
[2] XV съезд Коммунистической партии Чехословакии. М., 1977, с. 22.
[3] Usnesení PÚV KSČ, říjen 1977; vydalo oddělení propagandy a agitace ÚV KSČ. Praha, 1977, s. 16.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 89.
[5] Rudé právo, 1977, 13.10.
[6] Ibidem.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 306.
[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 47–48.
[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 104.
[10] XV съезд Коммунистической партии Чехословакии, с. 13.
[11] Там же, с. 21.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава первая
Революционное движение в борьбе против фашизма и реакции 5

Глава вторая
Антифашистская борьба и национально-освободительное движение в период второй мировой войны 20

Глава третья
Проблемы послевоенного устройства мира . 30

Глава четвертая
Становление мировой социалистической системы, революционное и национально-освободительное движение в послевоенный период 42

Глава пятая
Борьба империализма за сохранение своего мирового господства . 60

Глава шестая
Изменения в мировой капиталистической системе во время войны и в послевоенный период 72

Глава седьмая
Американский империализм и холодная война 80

Глава восьмая
Организация послевоенного международного сотрудничества и борьба за сохранение мира во всем мире 91

Глава девятая
Внешняя политика Чехословакии 101

Глава десятая
Наша национально-демократическая революция . . . 119

Глава одиннадцатая
Коммунистическая партия — партия рабочего класса и трудового народа 134

Глава двенадцатая
Коммунисты и Национальный фронт 146

Глава тринадцатая
Создание органов народной власти . 154

Глава четырнадцатая
Положение словацкого народа в народно-демократическом государстве 166

Глава пятнадцатая
Коммунисты, рабочий класс и его союзники . . 177

Глава шестнадцатая
Политические партии и массовые организации . . 188

Глава семнадцатая
Выборы 1946 г. и Созидательная программа правительства Готвальда 202

Глава восемнадцатая
Экономические основы народной демократии 217

Глава девятнадцатая
Классовая борьба с реакцией . . 234

Глава двадцатая
Февральская победа . 257

Глава двадцать первая
Победоносный февраль 1948 г. и ленинский путь революции в Чехословакии 277

Примечания 295

З. СНИТИЛ · Я. ЦЕЗАР

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1944–1948 гг.

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
АН СССР

Редактор *Н. П. Бобрик*
Художник *О. В. Камаев*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *И. В. Бочарова*
Корректоры *Н. Г. Васильева, Т. М. Ефимова*

ИБ № 32161

Сдано в набор 3.01.86.
Подписано к печати 15.05.86.
Формат 60×90¹/₁₆
Бумага офсетная № 2
Гарнитура обыкновенная новая
Фотонабор. Печать высокая. Усл. печ. л. 19,0
Усл. кр.-отт. 19. Уч.-изд. л. 24,7.
Тираж 1400 экз. Тип. зак. 14
Цена 2 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7. Москва. В-485.
Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград. В-34, 9 линия, 12

В 1986 г.
в издательстве «НАУКА»
выйдут в свет:

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

18 л., 2 р. 30 к.

Книга освещает историю, культуру и язык Болгарии, Греции, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии; она содержит историографические и источниковедческие исследования, а также небольшие по объему, но интересные публикации первоисточников, раскрывается содержание некоторых зарубежных архивохранилищ и библиотек.

Для историков, филологов, историков культуры, преподавателей.

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД)

19 л., 2 р. 30 к.

Совместный труд ученых НРБ, ВНР, ПНР и ЧССР, осуществленный в рамках многостороннего сотрудничества, освещает важные и малоизученные проблемы социального и политического развития государств Центральной и Юго-Восточной Европы в 20—30-е годы XX в. В книге представлены исследования как страноведческого, так и сравнительно-исторического характера, основанные на документах и материалах, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Для историков, социологов, экономистов.